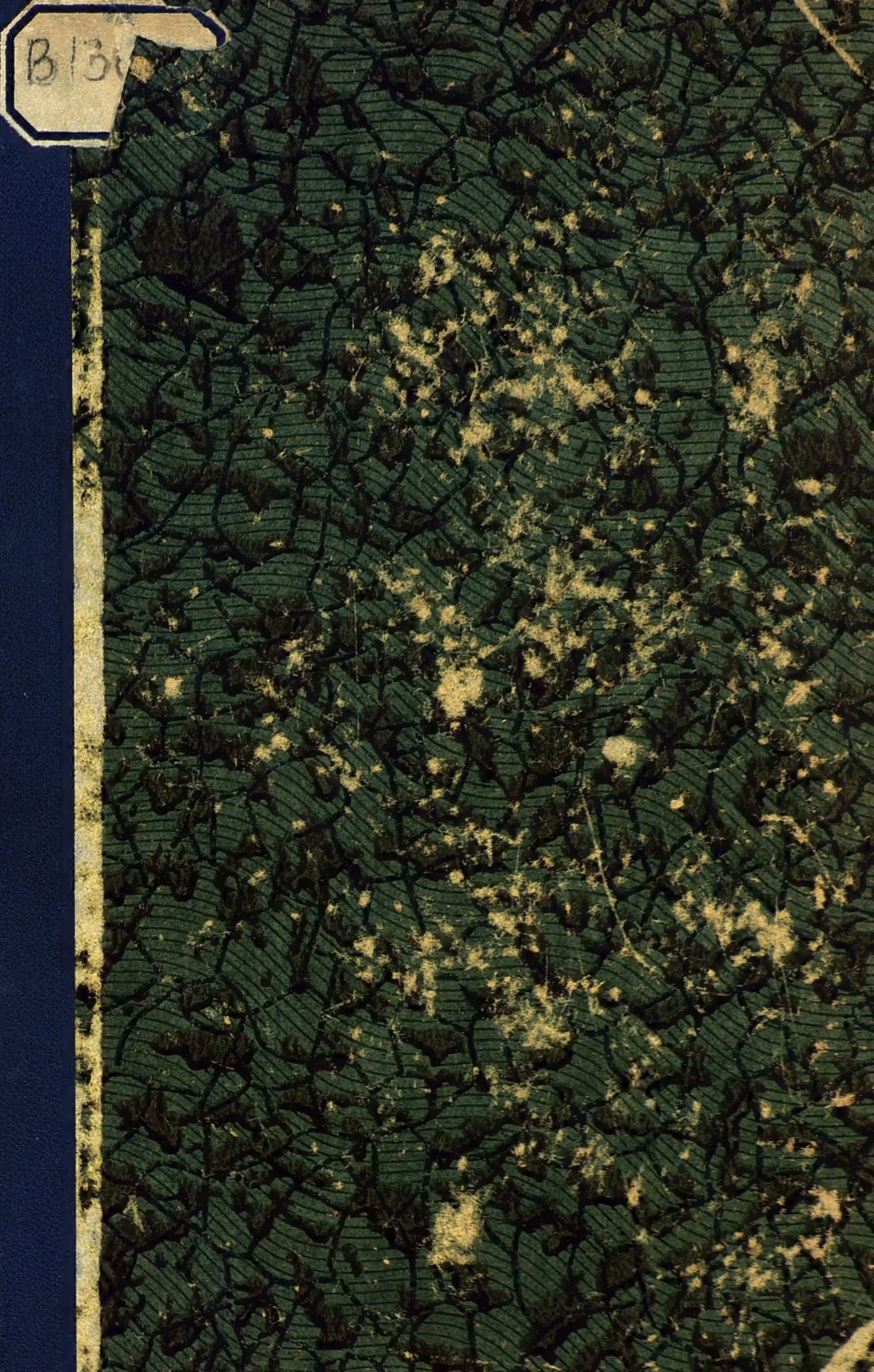

Е. З. ВОЛКОВ

АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Политическая экономия.

E. З. ВОЛКОВ

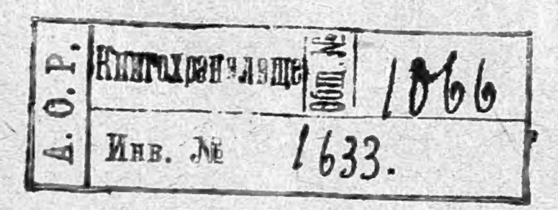
АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА РОССИИ

В ИТОГАХ ЕЕ НАУЧНЫХ и МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ, ЗЕМСКОГО ОПЫТА и ПРАКТИКИ ПОСЛЕДНИХ ПЯТИ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА

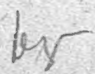
(1865—1922 г.г.)

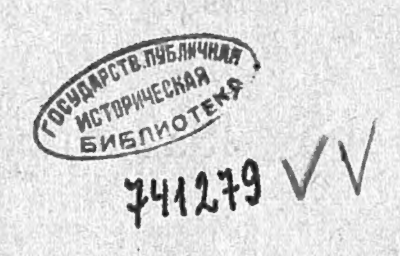
2-ое ИЗДАНИЕ

совершенно переработанное и дополненнсе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Гиз. № 5321. Главлит № 13162. Москва. Напеч. 8.000 экз.

„Мосполиграф“. 1-я Образцовая тип., Пятницкая, 71.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

верному спутнику и беззаветному товарищу всей моей полной труда и лишений революционной жизни,

МОЕЙ ЖЕНЕ

ОЛЬГЕ АДОЛЬФОВНЕ

ВОЛКОВОЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ IV.

Русская аграрно-экономическая статистика времен социальной революции и первого пятилетия Советской власти.

ПРЕДИСЛОВИЕ ко 2-му ИЗДАНИЮ.

Второе издание нашей книги, выпускаемой Госиздатом через срок, едва превышающий год со времени выпуска первого издания, является не только расширением ее первоначального текста за счет вновь привлеченного материала, но и углублением его рассмотрения с точки зрения строго марксистского подхода к наиболее существенным вопросам методологии аграрно-экономической статистики.

С этой стороны второе издание нашей книги не повторяет первого. Первое издание не отличалось достаточной полнотой материала и страдало некоторой неопределенностью принципиальных позиций, что было естественным следствием тех условий, в которых автору пришлось писать свой труд,—условий, достаточно полно очерченных в предисловии к первому изданию. Высказанные по этому поводу упреки в различных личных и письменных отзывах о нашей книге вполне справедливы и полностью нами принимаются.

Два года спокойной работы в условиях гражданского мира и начавшегося процесса восстановления производственных сил страны, в самом центре ее, в среде охваченных энтузиазмом и уверенностью в своей силе творцов новой жизни, позволили автору заострить свои принципиальные позиции, подвергнуть указания критиков и собранный материал критической оценке и то, что в первом издании лишь робко намечалось, во втором — выразить уже, как твердые положения.

Жизнь бьет ключем. Творческая мысль и пытливый ум, не останавливаясь, несутся вперед. Все здание возрождающейся жизни еще в лесах. Леса с фасада, леса внутри. Слышен цапкий стук молотков, визг пилы, лязг железных канатов, стоит нестройный, но мощный гул приведенной в движенье трудовой энергии бесчисленных человеческих масс. То там, то сям, из-за лесов, из-за

завесы строительной пыли, уже просвечивают неясные контуры овеществленной идеи.

Мощным величественным массивом вздымается ввысь гордое здание новой, независимой, свободной жизни, здание царства победившего труда.

Оно еще в лесах, оно, как мглой, покрыто еще строительной пылью, вокруг него валяются еще останки убогого прошлого, но оно уже существует, оно уже царит и красота его волнует...

Великий зодчий—освобожденная мысль—парит над этим возрождающимся из хаоса новым миром, его одухотворяет. Она изучает, пристально вглядывается в раскрытую и понятую «книгу судеб», она сопоставляет, использует опыт прошлого, учится на своих ошибках, лишенная ложного самолюбия, ищущая только истины, только правды. Она ищет новых путей, кратчайших расстояний.

Мысль производственника и ум мыслителя, коллективная воля масс и индивидуальные усилия одаренных служат одному делу и сочетают плоды своих напряжений в стройную систему умозрений; они выковывают твердые основы нового миропонимания, преобразуя строгие теории научного марксизма в живой процесс активного творчества жизни.

Пытливо вглядывается в окружающую действительность и мысль статистика. Он уже не только статистик, он также и экономист. Ему важны не сочетания цифр, а жизненный смысл явлений, в этих цифрах раскрываемых. Он изучает массовые явления действительности. Он разбивает сложность явлений на легко обозримые сознанием нашим совокупности. Он ищет связей и закономерности среди наблюденных им неповторяющихся массовых фактов. Он хочет понять и оценить их «вес» в общем строе естественных и социальных соотношений.

Наибольшее внимание его привлекает бесчисленный и относительно безграничный муравьиный мир—мир мелких, сидящих на земле, производителей,—мир мелких трудовых усилий черных мозолистых рук, копающихся в земле и создающих основы благосостояния человечества. Этот мир—безбрежный мир явлений сельско-хозяйственного бытия многомиллионной крестьянской массы, прародительницы нашего революционного пролетариата и нашей Красной армии.

Бытие определяет сознание. Понять этот мир — это значит овладеть законами жизни.

Но для того, чтобы «понять», необходимо организовать сознание. Необходимо овладеть механизмом своего собственного, мыслительного процесса. Необходимо подчинить его строгому режиму методологии. Необходимо эту методологию усвоить и восприять.

Содержание нашей книги охватывает цикл многолетних попыток обширного коллектива работников на поприще статистико-экономического изучения сельско-хозяйственной среды организовать свое сознание в вопросах этого изучения.

Размеры издания не дали возможности исчерпать даже в этом втором, распространенном выпуске нашей книги с необходимой полнотой подлежавших обозрению и сводке материалов. По отношению многих из них пришлось ограничиться короткими ссылками и несколькими цитатами, и все-таки, по сравнению с текстом первого издания, размеры второго увеличились почти вдвое.

Пришлось перестроить самый план изложения. Пришлось целый ряд абзацов развить в отдельные главы, другие главы об'единить и дополнить новым материалом. Выделить особую часть о «специальных отраслях аграрно-экономической статистики», раздвинуть четвертую часть, соответственно изменив ее подзаголовок, и прибавить к ней «Приложение»—очерк «Статистики грузооборота, хлебных цен и рыночных отношений в сельском хозяйстве».

Переработка текста коснулась всех глав, и лишь немногие страницы остались без изменений.

И все-таки работа не закончена, ибо не закончено и никогда не закончится движение мысли. Пройдет еще несколько лет, и издание придется снова повторять и вновь перерабатывать, дополняя его новыми материалами и новыми освещениями вопросов. Но пока основное изложено. Изложено все то, что должно будить и подталкивать мысль к дальнейшему продвижению вопросов. Цель автора будет достигнута, если книга его послужит этому продвижению.

Евг. Волков.

Москва, июль, 1923 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ к 1-му ИЗДАНИЮ.

Предметом нашего изложения является та область статистического знания, которая, стоя на рубеже естествознания с одной стороны, а с другой — общественных наук, изучает взаимозависимости и связи в среде естественных и социальных совокупностей, образующих и определяющих сельско-хозяйственную деятельность человека.

Мы придаем этой области наименование, впервые вводимое в научную литературу, — «аграрно-экономической статистики» — и пытаемся в своем изложении обосновать ее право на признание за ней значения самостоятельной дисциплины в цикле наук, определяемом А. Ф. Фортунатовым под групповым наименованием «агрономического обществоведения».

По необходимости работа наша, поскольку ей приходилось базироваться на материале, разбросанном иной раз без всякой связи, рассматриваемом с совершенно разных точек зрения, является работой в значительной мере компилятивной, на что и указывают многочисленные ссылки в тексте ее на разные труды и частые не только выдержки из многих из них, но и переложения.

Самостоятельными в работе являются — точка зрения автора на излагаемый предмет и тот угол зрения, под которым он расматривает собранный материал и строит свои выводы и заключения.

В частности, обращаясь к самому содержанию работы, приходится отметить нижеследующее.

Рассматривая круг и характер деятельности той части бывшей земской статистики, которая работала в области собирания и разработки первичного материала массовых наблюдений над статикой, динамикой, естественными условиями и экономикой сельского, по преимуществу крестьянского земледельческого хозяйства, пыталась не только обобщить в научных статистическо-эко-

номических выводах получавшееся ею в процессе и в результатах этой работы практическое знание о предмете ее изучения, но и зафиксировать в специальных трудах все достижения ее в области методологии ее самого изучения, мы основной своей задачей, после разрешения ряда общих вопросов, нашедших свое изложение в первой главе нашей работы, поставили выделить элементы именно этой части земской статистики из всего остального статистического материала бывших земств и очистить их от всех тех чужеродных, искажающих самую сущность их примесей, которые являлись продуктом политической обстановки, сопровождавшей работу земских статистиков в области исследования сельского хозяйства России.

Подходя к материалу и результатам их работы, разрозненной, часто почти подпольной, не согласованной очень часто ни в методах, ни в технике исполнения, — работы, в значительной части своей эскизной, не доведенной до конца по «непредвиденным обстоятельствам», мы не могли не учесть того исторического факта, что статистические бюро бывших сословных земств самодержавной России создавались отнюдь не с целями об'ективного изучения сельского хозяйства России, а в целях фискально-государственных, в целях учета податного населения вообще и земледельческого крестьянства в частности.

Статистика этих земств отнюдь не получала права даже по названию быть «экономической», она была формально лишь «оценочной», и всем властям предержащим, начиная с членов земских управ и кончая становыми, исправниками, урядниками и волостными старшинами, было строго заказано неукоснительно следить, чтобы указанного ей предела статистика отнюдь не переходила.

В силу этого всякие попытки земской статистики раздвинуть рамки своего наблюдения над сельско-хозяйственным бытом многомиллионной массы русского крестьянства, обобщить выводы своих, хотя бы даже и узких, наблюдений и выйти тем самым за пределы возложенного на нее об'являлись «крамолой» и пресекались со всей свойственной тому бесправному времени свирепостью.

И часто, в этом гнусном деле задушения живой мысли, рука об руку с реакционной и невежественной властью шли и самые

земские управы, за немногими исключениями смотревшие на земских статистиков лишь как на вредных вольнодумцев, носителей социальной заразы, бунта и разрушения.

«Нередко, — как свидетельствует покойный проф. Н. А. Каблуков в своем «Пособии к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при земско-статистических исследованиях», — земские статистики чувствовали, знали, что, как только достигнется непосредственная, прямая практическая задача, ради которой земство предпринимало то или иное исследование, то и все статистические работы в данном земстве будут закончены. Бывало и так, что их обрывали на полдороге, не давши довести до конца даже первоначальную сводку материала, уже собранного, и прекращая местные исследования в самом разгаре работы».

Бывало и хуже, как то случилось в сатрапии курских зубров, где, по постановлению самой управы, уже отпечатанные труды местной статистики (А. Вернера) были сожжены; случалось нередко, когда статистические организации разгонялись жандармами, а их руководители и сотрудники отправлялись в те благословенные места, куда Макар телят не гонял. Высылка статистиков и многолетнее запрещение им поступать на земскую службу и работать по своей профессии было обычным явлением в «старое доброе», самодержавное время.

При этих условиях, конечно, не приходилось и думать о том, чтобы придавать самостоятельное значение собиравшемуся полулегально земскими статистиками, попутно с оценочными исследованиями, об'ективному материалу о быте сельского населения и о состоянии его хозяйства, и именно потому бо́льшую часть этого материала приходится и до сего времени отыскивать в материалах оценочной и других, внешне прикладных, отраслей бывшей земской статистики, в которых он откладывался в виде как бы вторичного побочного материала.

Впервые на путь открытого выделения этого материала из общей массы всего материала оценочной статистики, как мы увидим ниже, вступило совещание статистиков 1900 года, приняв в своих постановлениях решение не только сделать единицей дальнейших исследований русского сельского хозяйства экономическую единицу его, хозяйство-двор, но и поставить в угол этих

исследований, на основании собранного до того времени земской статистикой по поводу оценочных целей материала о сельском хозяйстве, широчайшую задачу общеэкономического характера— *раскрытие законов существования и развития в условиях русской действительности как сельско-хозяйственных отношений вообще, так и мелкого крестьянского хозяйства в частности.*

Однако с этого времени уже минуло двадцать лет, и до сих пор аграрно-экономическая статистика, как самостоятельная отрасль статистического знания о вопросах, указанных выше, в бывших земских, а теперь государственных губернских организациях, не выделена, не очерчены ни основы ее, ни круг ее задач, ни приемы ее исследования теоретической мыслью русской научной статистики. Не достигнуто в этом отношении никакого синтеза, никакого согласования между практикой и теорией статистики. Так же слабо обстоит дело и с установлением методологических основ аграрно-экономической статистики. Не выделен из материалов общей и оценочной статистики русских земств весь тот фактический и методологический материал, который был собран ими в качестве побочного материала, и не положен он в основу этой самой аграрно-экономической статистики, как ее первичный и ей только принадлежащий материал.

Наша работа является в значительной мере первой попыткой, хотя бы в самых общих, принципиальных чертах, посильно восполнить этот пробел, дабы сдвинуть с мертвой точки вопрос, поставленный двадцать два года тому назад на совещании статистиков 1900 года и до сих пор не разрешенный, несмотря на многочисленные труды в этом направлении.

В тяжелой, почти невозможной обстановке для научного труда обдумывалась и писалась наша работа.

Начатая в гетманский период украинского самоопределения, она прерывалась столько раз, сколько было с начала 1918 года смен различных режимов в Киеве, и неоднократно ей, как и ее автору, грозили гибель и уничтожение.

Наконец, весной 1920 года она была закончена настолько, что можно было уже думать о сдаче ее в печать.

Постановлением редакционной коллегии киевского губстатбюро она была приобретена последним для опубликования в серии предполагавшихся к изданию трудов этого бюро.

Новая война, вызов автора в Харьков, захват Киева поляками не допустили своевременного выхода ее в свет.

В Харькове работа подверглась почти полной переработке в своих главнейших местах и многим дополнениям, но, получив, уже в новой редакции, полное одобрение со стороны подотдела научной литературы Укр. Госиздата в рецензии И. М. Трахтенберга, за отсутствием бумаги и дальнейшим вызовом автора в Москву, опубликована все-таки не была.

В Москве, после личного пересмотра работы управляющим Ц.С.У. П. И. Поповым, вошедшим в рассмотрение многих деталей и давшим ценные указания, она была вновь переработана и расширена путем прибавления к тексту первой части четвертой главы под заглавием: *«Организационно-производственное направление в аграрно-экономической статистике бывших земств, его связь с бюджетными исследованиями и проблема сельско-хозяйственного районирования России»*, и еще одной — третьей части под заглавием: *«Аграрно-экономическая статистика России времен революционного перелома (1917 — 1920 г.г.)»*.

В заключение считаю своим нравственным долгом принести глубокую благодарность всем тем лицам, где бы они ни были, и какая бы судьба их ни постигла, которые своими указаниями, своим материалом, книгами и личным иитересом к работе содействовали автору ее и поддерживали в нем, при всех житейских передрягах, связанных с перипетиями гражданской войны, нравственную силу, к тому, чтобы довести свой труд до последней страницы.

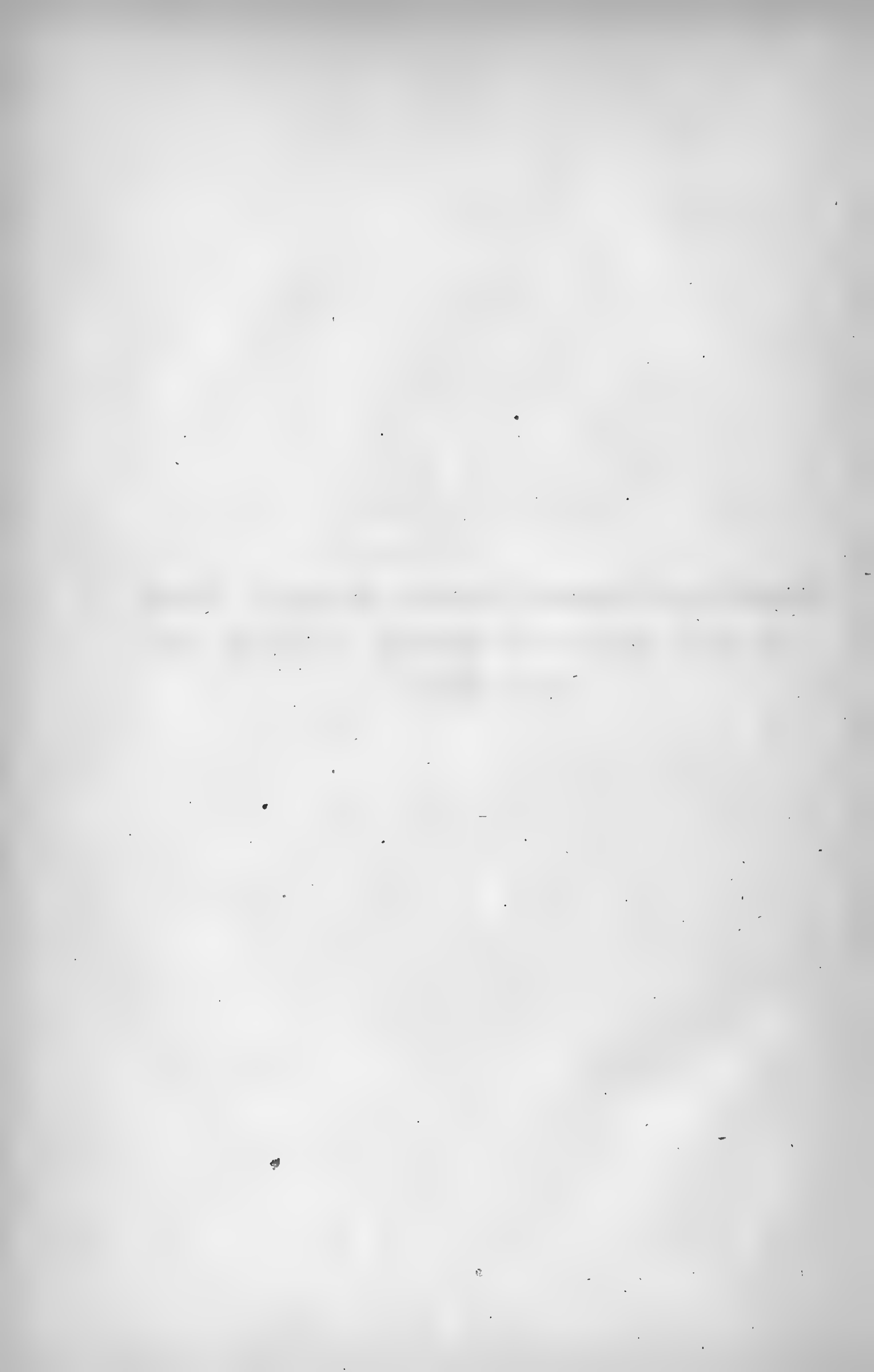
Примите мою благодарность — *Воблый К. Т., Волков А. М., Жилкин Ст. Ст., Книпович Б. Н., Мещеряков В. Н., Попов П. И., Птуха М. В.,Слуцкий Е. Е., Середа С. П., Трахтенберг И. М., Турчанинов Н. И., Хрящева А. И., Черненков Н. Н., Яснопольский Л. Н.,* все мои сослуживцы в 1919—1920 г.г. по отделу сельско-хозяйственной статистики Наркомзема в Киеве и по киевскому губстатбюро, а также все, содействовавшие изданию моего труда.

Евг. Волков.

Москва, 30/XII, 1921 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Аграрно-экономическая статистика, ее объем и задачи и основные объекты ее изучения в практике бывших земств

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА В ЦИКЛЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ НАУК.

Говоря о месте аграрно-экономической статистики в цикле статистических наук, мы тем самым считаем как бы предрешенным для себя признание за статистикой вообще научного значения, как самостоятельной научной дисциплины.

Между тем до сего времени вопрос об этом признании встречает не мало противников, среди которых мы находим крупнейшие имена известных ученых. Это заставляет нас уделить специальное место рассмотрению их возражений и ответить на последние прежде, чем подойти к основной теме настоящей главы — определению аграрно-экономической статистики, как самостоятельной дисциплины в цикле статистических наук.

Вопрос о статистике, как науке, собственно говоря, сводится к вопросу, является ли статистика наукой материальной, т.-е. имеющей только ей подлежащий об'ект изучения, или она есть не что иное, как логическое учение о методе — методическая или логическая наука. Другими словами, является ли она наукой самостоятельной или сохраняет за собой значение только науки «вспомогательной», обслуживающей своим методом иные науки и в отличие от них не имеющей своего «об'екта изучения».

Вряд ли, однако, можно было бы согласиться с мнением, высказанным проф. Анциферовым, в его «Курсе статистики», что в данном случае спор идет главным образом о словах и об'ясняется в значительной степени лишь неясностями употребляемой различными учеными терминологии. Дело в том, что современная статистика лишь в самые недавние

годы переступила в своем развитии порог того периода, когда она скорее оставалась искусством, чем наукой, и в своих достижениях опиралась либо на запутанные философские построения, либо на чисто эмпирические пути исследования, главенство которых в этом периоде исторического развития статистики связано с именами Кетле, Конринга и Ахенвалля. Это был период преднаучного развития статистики, когда устойчивости некоторых средних в области социальной статистики приписывалось мистическое значение, вокруг которого разгорался метафизический спор о детерминизме, и когда на статистические выводы смотрели как на какой-то гороскоп, с помощью которого можно предопределить наступление тех или иных событий и чуть ли не судьбу человечества. Это был период, когда в основу статистического воззрения целиком клался принцип неразрывной причинности, и только смутно нарождалось в сознании отдельных мыслителей представление о свободной игре и множественности причин и следствий, порождающих то или иное массовое явление, являющееся об'ектом статистического учета и наблюдения.

В этом периоде было два этапа; первый этап символизируется статистиком-философом, стоящим над урной с черными и белыми шарами и ищущим в числовых комбинациях этих шаров «тайный смысл» таинственных «статистических законов». Этот этап был представлен увлекательной по своей широте и картинной яркости теоретической системой бельгийца Кетле, в основе которой лежало больше философско-поэтических образов, чем логических и научно продуманных положений. Эта система в конце 70-х годов прошлого столетия пала под беспощадными ударами ее немецких критиков— Кнаппа, Рюмелина и Рениша, и с этого момента на смену первого этапа пришел второй этап крайнего эмпиризма в статистике. Как образно выражается в своей недавно опубликованной работе «Основы статистической методологии», вып. I, Москва, 1923 г., М. Смит: «Из-за высокоторжественной фигуры ученого мужа, стоящего над урной с черными и белыми шарами... медленно и постепенно выдвигается скромная фигура статистика, измеряющего в общественном бытии и в общественном производстве все то, что поддается его измерению,

и все то, на измерение чего жизнь пред'являет ему требование». В этом этапе преднаучного развития статистики внимание статистиков всецело поглощается техническими задачами систематического учета массовых явлений исключительно общественной жизни. Весь остальной «реальный мир», хотя бы некоторые его явления были исследованы статистическим путем, стоит вне границ принятого статистикой в этом этапе своего развития об'екта изучения. Только общество, его строение, склад и все жизненные отправления его подлежат исследованию статистики. Статистика признается наукой, изучающей только общество и притом изучающей его настолько широко, насколько это позволяло современное состояние свойственного ей особого статистического метода (Янсон). Все силы уходят на организацию массового наблюдения общественных явлений, но... «быстрые успехи в накоплении материала покупаются дорогой ценой—ценой потери интереса к теоретическому осмысливанию хода работы и ее результатов. Исследования отвлеченного характера перестают находить отклик в среде статистиков, и тереотическая мысль замирает на несколько десятилетий» (А. А. Чупров).

В этом периоде статистик-практик идет, почти не оглядываясь на статистика-теоретика; между ними нет общего языка и общего интереса, и только неизбежно растущее, в порядке идущего на ощупь учетно-статистического творчества, разнообразие приемов работы, потребность их упрощения и сочетания, трудность сводки и осознания результатов упорного труда многих тысяч лиц, отдавшихся делу механического массового учета и статистического наблюдения общественных явлений, заставляют, в конце концов, статистиков-практиков снова обращаться к теории, искать выхода из положения в теоретических обобщениях, задуматься над смыслом и значением своей работы.

Однако неподготовленность статистиков к решению такого рода вопросов сплошь и рядом приводит к курьезам, ставшим уже историческими фактами. Отсутствие ясных теоретических основ и общепризнанных, научно установленных положений приводит порой не только статистиков-практиков, но и кабинетных ученых, оперирующих их материалом, к ис-

пользованию и толкованию одних и тех же цифровых отношений в совершенно противоположных смыслах; старая острота, о которой в своих «Очерках по теории статистики» упоминает А. А. Чупров, что статистика, подобно извозчику, везет, куда ей прикажут, находит себе в этом периоде повседневной статистической практики печальное и недостойное науки подтверждение. Споры и разногласия становятся тем более ожесточенными, чем сильнее беспочвенность спорящих, произвольность их отправных суждений. Мало-по-малу весь спор их сводится к попытке установить, что же, в конце концов, такое представляет из себя или должна представлять статистика, наука ли она, или только система каких-то технических приемов массового изучения, где ее предел, в чем задачи ее изучения, и каково содержание той системы приемов, которыми это изучение она должна осуществлять, чтобы гарантировать научную доказательность получаемых ею выводов.

Бессильные метания статистиков отпугивают не только от них, но и от самой статистики академические умы. Высокая профессура, в лице проф. Кауфмана, Орженцкого, Борткевича и др., приходит к отрицанию самого права для статистики именоваться научной дисциплиной. Формальным основанием этого отрицания выставляется положение, что статистика не имеет присущего ей об'екта изучения, что она лишена тем самым материальной базы для того, чтобы играть роль самостоятельной научной дисциплины, что она, поэтому, лишь наука вспомогательная, наука методологическая, лишь логическое учение о применении методов индукции к изучению массовых явлений и установлению их «сводных признаков».

«Материальные результаты статистического исследования не составляют никакой особой статистической науки,—говорит проф. Орженцкий в своих «Сводных признаках».—...Смотря по об'екту или цели своего исследования, они служат той или другой науке, или нуждам практики. Для того же, чтобы изучать результаты исследований сводных признаков, надо быть экономистом, биологом, ботаником, зоологом, общественным деятелем, техником, врачем и т. д. Вне какой-нибудь

специальности или практической задачи статистик остается простым коллекционером средних и относительных величин, без малейшей к тому же надежды достигнуть когда-либо полноты своей коллекции».

И в другом месте, в первых строках своей второй работы— «Учебника математической статистики» — тот же профессор повторяет эту свою основную мысль, развивая ее несколько подробнее:

«Под статистикой,—говорит он,—многие понимают как систематическое изложение фактов и явлений статистического характера и результатов их изучения, так и особый способ их наблюдения и исследования; иначе говоря, статистику считают. с одной стороны, материальной наукой, описывающей известного рода явления и излагающей их законы, и, с другой,—методологической дисциплиной, имеющей своим предметом метод исследования. В качестве науки материальной статистика должна была бы иметь свой особый предмет исследования. Однако данные, получаемые статистическим путем, относятся к явлениям, которые входят в область других наук—зоологии, ботаники, антропологии, биологии, политической экономии, социологии. Естественно, что и разработка этих данных требует соответствующих специальных познаний. В тех же случаях, когда статистические материалы собираются для практических надобностей, использование их предполагает специальную осведомленность в прикладных вопросах. Отсюда ясно, что статистики, как особой материальной науки, не существует. Совершенно правы поэтому те, кто, отрицая существование и возможность статистики, как самостоятельной области знания, в смысле материальной науки, признают существование лишь статистического метода».

Профессор же А. А. Кауфман в своем труде «Теория и метод статистики» иллюстрирует то же положение, доказывая его правильность сравнением статистики с учением об измерительных приборах, которое, яко бы, нельзя выделить в «особую науку», и отрицает самостоятельность статистики даже как методологического учения, видя в ней не систему суждений о методе, а лишь систему технических приемов,

призванную служить всем отраслям знания и не имеющую никакого самостоятельного научного значения. Он сомневается даже в возможности применения к статистическому материалу математических приемов его обработки, ибо «по самому свойству этого материала статистический анализ, как правило, не допускает, а по грубости... и не требует применения формул исчислений вероятностей» (стр. 148 3-го издания).

Решительно сомневаясь в целесообразности широкого применения в статистическом анализе формул исчисления вероятностей, признавая самые приемы исчисления их в статистике «практически бесплодными», покойный профессор на этом не останавливается и продолжает свое отрицание и в отношении всех остальных видов применения к этому анализу математических методов исследования,—он подвергает сомнению не только применимость измерений дисперсии (учения о нормальном и сверхнормальном рассеянии) к разрешению тех или иных конкретных вопросов по так называемому дифференциальному методу, но и самое существо всего учения о дисперсии статистических чисел. С той же решительностью проф. Кауфман опорочивает и необходимость, как орудия статистического анализа, метода исчисления коэффициентов корреляции—мер зависимости одних статистических явлений от других и установления значения на них отдельных причин и следствий особым методом математического исчисления, именуемого теорией корреляции, — утверждая, что «то обогащение нашего знания, какое достигается путем корреляционных формул, едва ли окупает связанные с ним затраты вычислительного труда, и что, во всяком случае, вычисление корреляционных формул представляет собой слишком суммарный и шаблонный способ характеристики корреляционной зависимости, а потому ни в коем случае не может устранить необходимости в применении приспособленных к условиям и требованиям каждого данного случая элементарных приемов статистического анализа».

Так, выходя вместе с обоснователями русской школы математической статистики— проф. Орженцким и проф. Борткевичем—из одного и того же отрицания права за статистикой на признание за ней значения самостоятельной, материальной

научной дисциплины, проф. Кауфман, логически развивая последствия своего отрицания, приходит к отрицанию самой той школы, которая дала ему основные доводы к его отрицанию за статистикой такового значения.

Но и в отношении так называемых «элементарных приемов» статистического анализа, самой природы и содержания их, среди статистиков далеко не существует солидарного мнения на то, что из себя представляют эти приемы,—только ли механическое перенесение в сферу изучения массовых явлений обычных методов индукции, или какой-то особый случай их, имеющий самостоятельное значение статистического метода, — это все вопросы непримиримых разногласий между статистиками. Так же спорным является и вопрос о применении к статистике методов дедукции и их возможном сочетании с методами индукции.

Проф. Кауфман осторожно обходит этот вопрос, высказываясь в своих трудах лишь за признание «аналогичности» статистических приемов исследования методам индукции и предпочитая говорить о них лишь как о голой технике, не имеющей никакой надобности, в качестве прикладного орудия, в каких-то особых логических обоснованиях.

Попытки создать при наличии таких разногласий продуманную методологию статистического мышления не удается ни одному из адептов статистики, ибо все они, в основу своих подходов к этой методологии, кладут разное понимание ее содержания и задач. Становится, таким образом, спорным даже вопрос о пределах применения в статистике отдельных элементов индуктивного метода, и раздаются еще более пессимистические мнения об их «относительной приложимости» вообще к изучению статистических явлений.

Этого мнения придерживается в своем труде по теории статистики проф. Ходский, ставя ребром вопрос о том, чтобы проблеме конструирования статистической методологии было, в конце концов, уделено необходимое внимание.

Круг замыкается: сомнения проф. Кауфмана в применимости к изучению статистических явлений тонких приемов математической дедукции и математического анализа и его призыв к верности заветам эмпирической методологии стати-

стики упираются в отсутствие самих основ этой методологии, представляющей из себя несоединенные никаким «цементом идей»(термин проф. А. Ф. Фортунатова) попытки отдельных статистиков применить более или менее успешно к изучению статистических явлений те или иные элементы индуктивного анализа.

Одни из них, следуя за проф. Янсоном, из всех форм этого анализа признают основными элементами статистического метода лишь метод совпадений и метод сопутствующих изменений; другие, как проф. А. Ф. Фортунатов, останавливаются исключительно на методе сопутствующих изменений. Проф. А. А. Чупров и его школа считают вообще неправильным рассматривать методы разницы и сопутствующих изменений, как методы индуктивного анализа, и кладут в основу статистической методологии именно эти два метода, требуя дополнения их приемами математического анализа и дедукции. Проф. Воблый, следуя за проф. Каблуковым, полагает пригодными для статистического анализа все четыре метода индукции; на той же позиции стоит и проф. Анциферов. Проф. Ходский, как мы отметили выше, указывает на относительность их приложения к статистике и в то же время распространяет это своё мнение и на случаи применимости к статистике методов дедукции. На крайнем фланге понимания статистической методологии, как системы чисто дедуктивно-математической приемов исследования, стоящей всецело на основе теории вероятностей и упомянутого нами выше дифференциального метода, призванной изучать между массовыми явлениями и их совокупностями не столько обыкновенные функциональные связи и зависимости, сколько связи и зависимости взаимно-относительные, корреляционные, — стоит школа русских последователей Пирсона и Баули, во главе с профессорами Андерсеном, Марковым, Борткевичем, Леонтовичем, Орженцким, Слуцким и др.

Так первая основная ошибка — отказ от понимания статистики, как самостоятельной научной дисциплины, отказ от стремления связать ее материальное содержание тем необходимым «цементом идей», без которого, по справедливому замечанию проф. А. Ф. Фортунатова, никакие материалы и никакая

их «научная обработка» никогда и никакой из себя «науки» составить не могут,—приводит к тому, что оказывается невозможным обосновать статистику и как науку методологическую. И это вполне естественно, ибо статистика, как метод, разумеется,—не наука, а только техника, т.-е. не система суждений и идей, а *система приемов, правил и схем в области практической, познавательной работы,*—и это все равно, применяются ли они систематически или несистематически, сознательно или бессознательно, для научных или практических целей—совершенно так же, как сложение и вычитание остаются арифметическими операциями, независимо от того, кем, как и для чего они применяются.

Таким образом, даже для того, чтобы обосновать статистику, хотя бы как учение чисто практическое, учение методологическое, «цемент идей» необходим, необходимо, как то выяснил с неподражаемым мастерством Гуссерль в своих «Логических исследованиях», некоторое теоретическое учение, на которое оно опиралось бы и из которого черпало бы обоснования своих положений. Как справедливо отмечает проф. Е. Е. Слуцкий в одном из своих печатных ответов проф. Кауфману, — «для того, чтобы доказать осуществимость известной цели при помощи определенного средства, нужно знать, какова связь средства с целью в порядке причин и следствий. Изучение же этих последних связей приводит к совокупности суждений, образующих систему, конструктивным моментом которой являются характер и свойства предмета, а не характер и свойства целей».

И здесь тем самым круг замкнулся вторично: мы вплотную подошли к вопросу о необходимости определить прежде всего предмет статистики, об'ект ее изучения, ее материальное основание. Если мы его не найдем, то станет невозможным и самый вопрос о статистике, не только как о науке материальной, но и как о науке методологической.

К счастью, дело не обстоит так безнадежно. Выпущенные А. А. Чупровым в начале первого десятилетия девятисотых годов «Очерки по теории статистики», являющиеся результатом его пятнадцатилетнего труда над вопросами статисти-

ческой методологии, положили начало целой серии работ в этом направлении.

Работы эти, однако, далеки еще от завершения. Многое в них находится еще в состоянии брожения. Положение осложняется еще тем, что в то время, как потребность в синтезе отдельных монографических исследований чувствуется все сильнее и сильнее, стоящие на очереди проблемы требуют для своего разрешения дружной работы рука об руку представителей весьма разнообразных научных дисциплин в перестройке того, что может быть названо статистической теорией. Чистая математика, логика и то, что в тесном смысле принято именовать статистикой, в равной мере и прежде всего привлечены к этому содружеству в работе. Их совместная работа, повторяем, еще далека до завершения, но основные вехи, основные положения требуемого синтеза уже намечены, и о них можно уже говорить, как о достигнутых статистической теорией достижениях.

Первым из этих достижений является определение самого предмета изучения в статистике. Из всех попыток дать ему формулировку и определить его содержание наиболее удачной, пожалуй, следует признать по своей логической законченности формулировку проф. Е. Е. Слуцкого, развитую им в небольшой, но чрезвычайно ценной по содержанию статье под заглавием «Статистика и математика» в издававшемся в годы мировой войны в Москве «Обществом имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук» журнале «Статистический Вестник» (см. кн. 3—4 за 1915—1916 г.г.).

Статья эта написана в форме рецензии на третье издание труда проф. А. А. Кауфмана «Теория и методы статистики», но по существу является изложением строгой логической системы построения основ статистической теории.

Подвергая критике позицию «принципиального дуализма», на которой в своем труде стоит проф. Кауфман в вопросе соотношения между статистической теорией и статистической практикой, не находящем себе, по мнению Е. Е. Слуцкого, «об'ективного разрешения» в тексте этого труда, автор статьи приходит к заключению, что излагаемый в труде проф. Кауфмана господствующий в настоящее время взгляд

на статистику только как на метод или методологическое учение, не являющееся наукой со своим особым предметом исследования, покоится на недостаточно ясном отграничивании различных вариантов значения слова «статистика» и на том, что сторонниками этого взгляда «не доводятся до конца рассуждения о логическом месте учения, о статистическом методе в системе знаний». Заслуга проф. Слуцкого и состоит в том, что в этом месте он доводит рассуждения до конца и ставит, таким образом, все точки над «i».

«Принципиальный дуализм», с которым проф. Кауфман подходит к противоставлению статистического метода статистическому «искусству», исходя из признаков внешних по отношению самих статистических операций, из цели подлежащих действий, оказывается, по мнению проф. Слуцкого, результатом недоучета проф. Кауфманом того, что в основе самих этих операций в равной мере лежит методология счета, обусловливаемая не только свойствами материала, подлежащего этому счету, в данном случае общими свойствами совокупностей, но и свойствами известных «логических операций». «Будет ли служить подсчет,—иллюстрирует свою мысль проф. Слуцкий, — практическим целям («статистическое искусство» по Кауфману) или целям познания («статистический метод»), все равно, не технически, как полагает проф. Кауфман, но по существенной своей природе характер операций будет тот же самый, условия правильности те же самые, а, следовательно, и относящиеся к ним суждения статистики, как методологического учения,—те же».

Таким образом, тот дуализм в статистической методологии, на котором останавливается проф. Кауфман, не является дуализмом принципиальным. Это — обычный практический дуализм, свойственный не только статистике, но и другим наукам, где он, как и в статистике, отражает различия в индивидуальности исследователей и в темах их работ, не затрагивая существа самой методологии (теоретическая и наблюдательная астрономия, теоретическая и экспериментальная физика и проч.). Но, с другой стороны, в основе всякой методологии, каковой бы ни была сфера ее применения, и каким бы целям она ни служила, должна лежать та или иная система

суждений, какая-то определенная цепь «логических операций», построение которой должно явиться задачей особой теоретической науки. Так, в цикле математических наук мы видим не только разделы специальных теоретических дисциплин, приспособляющих общие методологические приемы математики к свойствам определенных об'ектов изучения— в астрономии, физике, геодезии, инженерном искусстве и проч., но и так называемую «чистую математику», которая оформливает методологию и основы математического мышления в целом, независимо от об'ектов приложения ее выводов и положений. То, что «чистая математика» или «чистая логика» стоит в стороне от об'ектов реального приложения их выводов в методологии практических наук, ни разу и ни в ком не вызывало сомнения в их праве считаться самостоятельными научными дисциплинами и не давало оснований к отрицанию наличия у них, как таковых, им только свойственного предмета изучения. Правда, этот предмет изучения сам по себе не материальный, он представляет из себя несомненное отвлечение, понятие, взятое вне реальной обстановки, тем не менее он существует, так как поддается изучению, анализу, а выводы из его изучения оказывают кардинальное определяющее влияние на постановку изучения целого ряда материальных об'ектов в практических или, другими словами, материальных науках.

Таким образом, указание на то, что эти науки не являются науками материальными, не могло бы послужить и никогда не служило основанием рассматривать их, как науки только «вспомогательные», несамостоятельные, не имеющие права считаться самостоятельными научными дисциплинами. В отношении статистики, находящейся в том же положении к материальным наукам, однако, такой взгляд почему-то считается вполне возможным применять. Твердых оснований, однако, к этому нет, ибо вопрос об особом предмете статистического изучения легко доказуем. Место статистики, как науки предметной, об'ектной, вполне точно определяется между логикой и математикой.

«Выделяя из теоретических положений, на которых строится статистическая методология, то, что относится

к свойствам суждений и понятий, т.-е. к логике, — говорит в своей статье проф. Слуцкий,—а затем то, что относится к свойствам количественных образов,—к математике, мы все же получаем некоторый остаток, для которого нет признаннаго убежища, который остается разрозненным и бесприютным, пока мы не схватим его теоретической особой природы и не дадим ему требуемого им единства в системе суждений, вполне заслуживающей имя *теоретической статистики*. Сюда войдут все, уже существующие и только временно прислоненные пока к системе изложения методологических проблем, различные положения учения о совокупностях и их общих свойствах. Мы будем иметь здесь прежде всего учение об основных формальных свойствах совокупностей, затем учение об их количественных и структурных формах, это то, что составляет теперь часть, так называемого Kollektivmasslehre»,—учения о кривых и поверхностях распределения, учения о средних и проч.; затем сюда войдет учение о совокупностях с переменным составом, элементы которых рассматриваются в статистике возникающими, изменяющимися и исчезающими, все равно—люди это, деревья в лесу или атомы; наконец, сюда же надо отнести и учение о причинном механизме, определяющем частность явлений, в отличие от учения о причинном механизме появления или непоявления индивидуального явления. Все это—не логические учения о мире суждений и понятий, а *статистические учения о мире явлений в их формах и в их взаимной обусловленности*. Выделить их в особый предмет изложения и преподавания зависит, разумеется, от нашего произвола. *Науку же конструирует не произвол, а познаваемая, как нечто об'ективно-принудительное, собственная их внутренняя связь, устанавливающая систематическое сродство и единство подлежащих отношений, с одной стороны, и тех суждений, в которых мы выражаем познание их свойств и связей, с другой*».

В частности, переходя к выяснению взаимоотношений между статистикой и математикой, проф. Слуцкий продолжает:

«Стоит только сравнить содержание какого-либо чисто математического трактата по исчислению вероятностей со статистическими рассуждениями по поводу вероятностей, напри-

мер, труда акад. А. А. Маркова с работой Крисса или А. А. Чупрова, чтобы бросилась в глаза глубокая внутренняя разнородность проблем, методов и всего духа этих произведений. И дальнейшее размышление покажет, что в основе этих различий лежит различие предмета.

«Исчисление вероятностей есть наука чисто математическая. Как что-либо «совершается», для нее безразлично. Она имеет дело не с *фактическими* частностями и их причинами, а с *возможными* и их вероятностями. При этом самое понятие вероятности в теории вероятностей совсем другое (чем в статистике),—обобщенно-абстрактное. Стоит только каждому из возможных событий приписать по произволу какое-либо число в качестве веса возможности событий, как в связи с рядом определений создается почва для чисто абстрактных построений бесконечных воздушных замков комбинаций. Перебросить же мост из этой эфирной атмосферы математических умозрений в область реальных явлений возможно, лишь сойдя с почвы *исчисления* вероятностей и вступив на путь *изучения реального мира* с его механизмом причин и следствий. Только на этом пути мы получаем знание о связи между частотой (частостью) и вероятностью, обосновываем закон больших чисел, находим основания для приложения теории вероятностей к исследованию действительности. Когда А. А. Чупров ведет свой анализ свободных причинных связей, когда Крисс раскрывает причинный механизм игр, основанных на случайности, и реальные основания тенденции к совпадению частостей с вероятностями, когда Венн или Эджворт пытаются конструировать самое понятие вероятности на понятии частости,—то все это к математической науке исчисления вероятностей не имеет никакого отношения, так как здесь мысль оперирует не с идеальными формами и количествами, а с реальными предметами и явлениями, хотя и рассматриваемыми с некоторой чрезвычайно общей точки зрения».

В упомянутой нами уже однажды работе М. Смит эта мысль получает такое выражение, из которого, к сожалению, автор делает совершенно ошибочные выводы, приводящие его к точке зрения на статистику как на учение лишь о роли статистического метода в научном исследовании:

«Математику, решающему уравнения, нет дела до того конкретного материала, к которому относятся постоянные и переменные величины в его уравнении. Способы решения уравнения всегда одни и те же. Статистик же в значительной мере меняет приемы своей работы (лишь «условно», по мнению М. Смит, называемые методами) в зависимости от материала, которым он оперирует».

Приведенное выше размышление профессора Слуцкого приводит его к двум принципиальным утверждениям: а) к утверждению существования статистики, как самостоятельной научной теоретической дисциплины, предметом которой являются совокупности, рассматриваемые, как таковые, к какой бы области бытия они ни принадлежали, и б) к отнесению теоретической статистики к циклу наук математических, поскольку предметом ее изучения являются «количественные свойства» этих совокупностей, для выявления которых необходимо применение математических методов исследования.

С последним выводом проф. Слуцкого приходится не согласиться, ибо математические методы в статистике лишь орудие исследования, а не его суть. Суть же его определена самим проф. Слуцким, как *познание свойств и связей* этих совокупностей, не только в их количественных отношениях, но и в логических, т.-е. *качественных*.

Это и есть тот «неустроенный» остаток, для определения места которого в научном исследовании и является необходимым выделение особой научной дисциплины *теоретической* или *чистой статистики*, со всем относящимся к ней циклом прикладных, материальных статистических наук.

В этом отношении скорее прав проф. А. А. Чупров, определяющий место всей системы статистического знания, всего цикла статистических наук, как такой отрасли знания, которая не только стоит на рубеже логики и математики, но и является «звеном» между социальными и естественными науками, обнимая кругом своего интереса как социальные, так и естественные совокупности.

Статистика в этом смысле является наукой об измерении не одних только «социальных явлений», как ее мыслит школа Боули, и не только наукой об измерении, как ее пытаются себе

представить представители математического направления в статистике, а наукой об измерении соотносительности и взаимной зависимости социальных и естественных массовых явлений во времени и пространстве и установлении законов этих соотносительностей и взаимозависимостей. Метод, которым работает эта отрасль научного познания реального мира в его целом и во всех его направлениях, есть сложная совокупность всех методов индуктивного и дедуктивного мышлений, в основе которой лежит потребность человеческого ума *интегрировать* свои представления о мире и его явлениях в сжатых формулах, об'единять разрозненные повторяющиеся факты окружающей его действительности в статистические совокупности и находить в них элементы закономерностей. Эта особая форма человеческого мышления не покрывается двумя формами его: индукцией и дедукцией, расматриваемыми в логике. В русской науке, в трудах профессора Леонтовича, эта форма получила наименование «интегрального мышления», первую попытку определить которое стремился в своих трудах еще А. А. Чупров, резко противопоставляя в них сферу статистического познания сфере познания логического.

Но это—только частный случай диалектического мышления, применяемого к изучению совокупностей в их движении, взаимной связи и обусловленности.

Неоднократно возвращается А. А. Чупров в своих работах к попыткам обосновать ту особую «статистическую точку зрения», которая, по его мнению, лежит «в основе человеческого миросознания и определяет собой особые статистические формы знания, постигаемого нами в условиях массовых средних итогов закономерностей, вне необходимости знать в точности все приводящие к ним единичные факты и процессы».

«Повсюду, — утверждает А. А. Чупров, — где наша мысль наталкивается на неорганизованное планомерное равновесие системы индивидуальностей, находящихся в некотором взаимодействии и в то же время осуществляющих свои особые жизненные цели, научное размышление об условиях, устанавливающих подобное равновесие, приводит к статистике и к закону больших чисел, являющемуся логической основой статистической точки зрения и внутренним оправда-

нием тому отказу нашей мысли от слежения за отдельными явлениями и тому стремлению ее об'единить их в совокупностях, которые характеризуют самый ход статистического исследования и определяют его методы».

Основной целью этого исследования является, как выражается А. А. Чупров,—«схватить связи» между интересующими нас массовыми явлениями и их совокупностями и «законы» этих связей, особенно в тех случаях, непостижимых при посредстве применения удобных и несложных путей, описываемых в логике под именем методов индукции, когда действительная сложность явлений не позволяет исследователю проследить все взаимодействия между этими явлениями, связывающие их одно с другим в запутаннейший узел причин и следствий».

Отсюда, из самой цели исследования и сложности изучаемого в статистике мира совокупностей, и вытекают пути его, определяемые в статистической методологии и синтезирующие в себе все творческие элементы как индуктивного анализа, так и абстрактной дедукции.

В «Курсе политической экономии» А. Богданова и И. Степанова, т. I, стр. 7, область познания «законов», устанавливающих те или другие связи и устойчивости взаимоотношений между изучаемыми совокупностями массовых явлений, признается предметом ведения особого абстрактно-аналитического метода.

«Каждая статистически находимая тенденция, — говорит А. Богданов в методологическом введении к этому курсу,—на деле, обыкновенно, есть лишь равнодействующая или результат взаимного соотношения нескольких различных тенденций, которые развиваются в разные стороны... Статистические цифры выражают только сложный результат всех этих условий и не дают им их действительного взаимоотношения. Тут выступает на сцену иной, более совершенный метод—абстрактно-аналитический. Метод абстрактного анализа—высшая форма индукции—раскрывает простейшие тенденции развивающихся явлений, отвлекая, абстрагируя эти тенденции от бесконечной сложности конкретных фактов. Таким путем получаются упрощенные схемы явлений и их абстрактные законы».

По какому-то недоразумению М. Смит в этой постановке вопроса увидела противопоставление со стороны А. Богданова друг другу двух методов—статистического и абстрактно-аналитического—и на основании этого недоразумения вынесла последний за скобки статистической методологии, поспешив присоединиться к мнению проф. Орженцкого о том, что статистический метод, как собый методологический прием, относится лишь к получению сводных признаков, следовательно, только к первой стадии опытного изучения—наблюдению и установлению признаков. Представление, будто статистический метод составляет особый логический метод вывода законов, параллельный и заменяющий собой общую индукцию, вытекает из ложного взгляда на отношения сводных признаков к их совокупностям, а именно, сводный признак сам по себе рассматривается, как закон для соответствующей совокупности. Так называют законом коэффициент смертности, относительное число преступлений и т. д.

Тут двойное недоразумение. Первое, по вопросу о месте в статистической методологии высшей формы абстрактного анализа, или, другими словами, о границах и содержании статистического метода, и второе—о содержании и значении статистического закона.

Рассмотрение этих недоразумений начнем со второго, как более общего. Вопрос поставим так: есть-ли вообще какие-то особые «статистические законы», и что такое в научном смысле «закон»?

В «Грамматике науки» К. Пирсон к последнему вопросу подходит так: «Понятие закона не может существовать без предваряющих его образование логических понятий, являющихся чистым продуктом человеческого разума, и в этом смысле научный закон есть только выраженная в краткой формуле «логическая стенография», резюмирующая обширную массу наблюдаемых человеком в самом себе чувственных восприятий от внешнего мира». В этом смысле Пирсон разницу между законом научным и законом гражданским видит только в том, что в то время, как последний, по существу, является предписанием, первый представляет из себя лишь *описание*,

и притом краткое, до пределов самой упрощенной схемы — сухой формулы.

Из этого прежде всего приходится вывести, что между понятиями закона гражданского и научного нет ничего общего, кроме того, что оба они в равной мере являются продуктом человеческого интегрального восприятия мира. Далее, между ними нет ничего, кроме неправильной аналогии, совершенно не оправдываемого никакими научными подходами перенесения из области волевых отношений в человеческом обществе понятия «закон», как к чему-то обязывающего взаимно членов этого общества «предписания», в область деятельности природы, где так называемые «естественные законы» никого и ни к чему не обязывают, а являются *лишь формулами тех или иных наблюденных человеком взаимозависимостей и соотношений.*

В научном понимании разница между гражданскими или, как мы их назовем, волевыми, устанавливаемыми самим человеком для себя, законами и всеми остальными категориями «законов» состоит в том, что в то время, как первые, существуя как нормы, выражают собой лишь то, что *должно быть*, согласно нравственному сознанию человека, [1]) но не всегда бывает,—все остальные категории законов, отнюдь не выражая в себе каких-то сверх'естественных начал, а тем более человеком установленных норм, представляют собой лишь проявление того, что *есть* и что *бывает*, а также то, что если *должно быть*, то уже *будет обязательно и всегда, независимо от воли человека или созданного его воображением сверх'естественного существа.*

В этом понимании всякая закономерность, наблюдаемая как в социальной, так и в естественной среде, в явлениях и индивидуальных и массовых, рассматривается в науке не как следствие закона, который определял бы ее на будущее время, но как *непредвиденный результат* либо *единоличности фактов,* принадлежащих прошедшему (для закономерности естественно-исторической), либо *сложности* такого же характера фактов (для закономерности социально-экономической), либо их *совокупности* (для закономерности статистической).

---

[1]) Являющемуся, в свою очередь, надстройкой целого ряда социально-экономических условий для каждого данного исторического момента. *Е. В.*

Согласно этой точки зрения, ни о каком «законе», поскольку «закон» рассматривается как единственная причина того или иного обязательного следствия, по существу, не может быть и речи даже в естествознании, ибо, как обосновывает это утверждение в своей «Статистике» проф. Н. А. Каблуков:

1) строго научное изложение не знает «причин», а только закономерные зависимости, 2) процесс или состояние никогда не определяются «одной единственной причиной», а всегда *совокупностью* условий, которые все имеют одинаковую ценность, ибо все они *необходимы* для того, чтобы данный процесс определился или установилось ожидаемое состояние, и 3) раз даны все условия какого-либо явления, оно не может, а *должно* произойти, ибо *всякое явление есть не что иное, как выражение суммы сходящихся в нем условий.*» (Каблуков Н. А.— «Статистика», Москва 1918 г. Изд. 4-ое, стр. 12—13.)

Таким образом, заменяющая в научном понимании «каузальный закон» условная закономерность, по существу своему, *статистична*, ибо в основе ее восприятия сознанием человека лежит отчетливое осознание всей *совокупности условий*, ее вызывающих и ее определяющих. Этим и об'ясняется широкое применение статистических приемов исследования в самых разнообразных отраслях знания и отдельных научных дисциплинах во всех тех случаях, когда работающим в них исследователям приходится задумываться над сведением к каким-то обобщениям добытой ими обширной массы наблюденных фактов и над построением тех самых логических понятий, вытекающих из этих обобщений, на основе которых становится для них осознанным фактом и самая закономерность.

Наше положение, что *все закономерности статистичны*, подводит нас к вопросу о месте в статистической методологии тех высших форм абстрактного анализа, которые призваны эти закономерности не только обнаруживать, но и формулировать. Ответ ясен. Эти формы абстрактного анализа и должны составлять самую суть статистической методологии, ибо, поскольку всякая закономерность покоится на множественности причин и следствий, поскольку для уловления взаимной связи этих множественных причин и следствий становится необходимым предварительное об'единение их в некоторые совокупности их

количественных показателей, установление вероятностей, частостей их взаимоотношений и проч., постольку методы индукции становятся для всех этих операций недостаточными.

С того места, где наше сознание уже не удовлетворяется констатированием однозначности связей между явлениями и чувствуется необходимость понять характер множественной условности их взаимозависимостей, с того места начинается главенство над чистой индукцией статистического метода, как формы их не только количественного, но и логического отображения в соответствующих математических и словесных формулировках.

В своих «Очерках по теории статистики», в главе о «Номологических функциях категорического счисления», А. А. Чупров это положение резюмирует в таких словах:

«...Задача уловления взаимной зависимости между явлениями сложнее, нежели ее изображает традиционная теория индукции. Ясно, что обычными методами индукции, мало пригодными даже для решения сравнительно простых проблем в этой области, обойтись нет возможности, в дополнение к ним потребны иные приемы исследования. И такие приемы, приспособленные к уловлению разнообразных форм той «более или менее тесной» связи, о которой шла речь выше, созданы в большом изобилии практикой научной работы. Их характерная особенность—отказ от сопоставления единичных наблюдений и об'единение отдельных случаев в группы, в «совокупности»—«категорическое исчисление» статистиков (так, следуя за Журавским, А. А. Чупров в своем труде называет статистику.—*Е. В.)*. Статистический метод оказывается, таким образом, призванным служить тем же целям номографического изучения вселенной, как и методы индукции. Подобно им, он ставит конечной задачей раскрытие «законов природы»,—тех вечных и неразрывных соотношений между простейшими причинами и следствиями, на которые расчленяется в нашем сознании представление о закономерном ходе мироздания. Поскольку на пути к этому идеалу номографического (дословно—законоописательного.—*Е. В.)* знания исследователь в состоянии уберечься от «многозначных» связей между изучаемыми явлениями, постольку он разрешает задачу при помощи обычных

методов индукции. Если же он не в силах гарантировать, что зависимость носит характер неразрывной и вполне определенной (причиной связи.—*Е. В.),* то прибегает к приемам работы статистическим... Обе группы приемов уловления причинных связей между явлениями взаимно дополняют друг друга. Этим определяется место в логике теории статистического метода, как способа номографического исследования, на-ряду с «категорическим исчислением» (т.-е. статистики в узком смысле.—*Е. В.),* как формой идеографического (в пространстве и во времени.—*Е. В.)* изображения действительности».

Основой статистического метода является математическая теория вероятностей, а не методы индукции. Эта теория, примененная к процессу уловления соотношений причин со следствиями, не только не допускает действенного анализа множественности тех и других, но и разбивает представление о непрерывности их связи между собой, на признании которой покоятся самые основы индукции, как метода. В понятии математической вероятности мы находим определенную характеристику связи причины и следствия для случая множественности причин и следствий.

«Что мы выигрываем, — спрашивает А. А. Чупров, — вводя в круг наших приемов работы этот способ?.. На первый взгляд, вычисление вероятностей мало подвигает нас на пути номографического исследования. Вероятность не раскрывает нам никаких новых, дотоле неведомых, причинных соотношений между явлениями, а лишь вкратце резюмирует то, что нам и без нее известно».

Но это только на первый взгляд. Помимо того, что даваемые в понятии математической вероятности краткие выражения для сложной совокупности данных представляют сами по себе несомненное удобство в смысле концентрации материала, она свое методологическое оправдание находит в той тесной связи между математическими вероятностями явлений и их эмпирическими «частостями», которая устанавливается в статистике знаменитым «законом больших чисел». Этот «закон» или, вернее, формула, характеризующая определенные свойства больших чисел, говорит о том, что вероятности событий или явлений и их частости при большом количестве испытаний

взаимно уровновешивают друг друга. С помощью этого правила открывается возможность приступить к эмпирическому изучению всех тех сложных сплетений между конкретными фактами действительности, которые вливаются в форму свободной причинной множественной связи между ними. То же правило, при условии осмотрительного пользования им, связывая вероятности событий и явлений с их частостями и намечая пределы мыслимого расхождения между ними, открывает возможность судить по одним о других: зная вероятность события, мы с достаточной степенью уверенности можем предугадать, как часто это событие сможет повторяться, и, наоборот,—установив частость события, мы можем определить степень его вероятности с ошибкой, предельные размеры которой исчисляются по особым формулам.

Таким образом в области номографической работы на долю теории вероятности, в сочетании ее с «законом больших чисел», выпадает весьма ответственная служебная роль, ибо только с помощью открываемых ими возможностей изучения конкретной действительности во всей сложности проявляющихся в ней причинозависимостей и взаимных связанностей открывается перед исследователем возможность с большей или меньшей достоверностью распутывать тот запутанный и сложный клубок всех этих причинозависимостей и взаимоотношений, причудливо переплетающихся в поле его наблюдения действительности, который методы индукции бессильны разрубить.

Те же множественность причин и сложность причино-зависимостей включили в состав статистической методологии необходимость применения к их изучению метода корреляции. Главнейшей задачей в статистике корреляционного счисления, базирующегося на сравнении между собой коэффициентов «необратимости» или меры расхождения двух функциональных зависимостей одних и тех же величин изучаемого статистического ряда, которым характеризуется та или иная «совокупность» (или нескольких статистических рядов, относящихся к одной или нескольким совокупностям.—*Е. В.)*, является недоступное элементарным приемам обычной индукции определение *силы связи,* а также определения *высоты*

разницы и степени зависимости между отдельными элементами этих рядов, взятыми попарно.

При посредстве корреляционного счисления оказывается возможным учесть ту двусторонность функциональной зависимости (степень ее «необратимости») как между элементами изучаемых явлений, так между самими явлениями в целом и их совокупностями, которая совершенно ускользает от исследователя, если он оперирует только методами индукции. Кроме того, в то время, как применение в статистике методов индукции оставляет совершенно неосвещенным вопросом о самой степени зависимости изучаемых явлений друг от друга и о направлении ее развития, применение метода корреляционного счисления к анализу этой зависимости дает исчерпывающее освещение всего вопроса, при чем представление о направлении развития зависимости между ними получается в этом случае посредством сравнения с эмпирическими средними так называемых «уравнений дисперсии», которые проф. Орженцкий предлагает называть «корреляционными уравнениями».

Так, мы видим сочетание в статистической методологии трех методов: на первичных стадиях статистического анализа— индукции, на высших—абстрактно-математического и, наконец, метода диалектического. В порядке комбинирования и приспособления различных форм этих методов к особым свойствам изучаемых в статистике «совокупностей» создаются особые, присущие только статистической методологии, методологические приемы, создается особая, ей только свойственная система исследования. В эту систему, помимо обычных форм индукции, диалектического метода и математического анализа, входят: упоминавшийся уже нами «дифференциальный метод», учение об устойчивости и мерах отклонения статистических частостей, исчисления взвешенных и иных средних этих устойчивостей и отклонений, измерения их уровней и определения силы связей и взаимных воздействий друг на друга отдельных элементов, образующих статистическую совокупность и определяющих направление ее действия в природе или в социально-экономических отношениях и проч. Таким образом, на-ряду с основной статистической дисциплиной—*теоретической* или *чистой статисти-*

кой, изучающей самые *свойства* и *формы* совокупностей вне среды, эти совокупности образующей, стоит *теория статистического метода* или *общая статистическая методология,* трактующая о самой системе, ее основах и содержании исследования совокупностей в их формах и взаимной обусловленности. Приложение выводов первой из этих дисциплин и приемов второй к миру конкретных, наблюдаемых как в социальной, так и в естественной среде массовых явлений создает цикл об'ектно-материальных статистических наук—с одной стороны, и с другой—вводит применение статистической точки зрения и статистического метода в системы исследования целого ряда таких наук, в которых сумма накопленных результатов исследования вне этой точки зрения и применения статистических приемов анализа не поддается сводке и осознанию, как некая совокупность.

При этом, в порядке исторического развития такого рода прикладных статистических наук, их образованию предшествует внедрение статистической точки зрения и статистического метода в те или иные, еще не затронутые статистикой, сферы знания и отдельные научные дисциплины. Таким образом, «границы статистического умозрения», по поводу которых еще не закончен спор между сторонниками и противниками признания за статистикой значения самостоятельной научной дисциплины, не представляют из себя чего - то неподвижного и неизменяемого. Наоборот, эти границы, по мере завоевания статистической точкой зрения, статистическим интегральным методом мышления все более широких сфер влияния, продолжают все далее и далее расширяться, мало-по-малу включая в себя все отрасли исследовательской и познавательной работы человека. Однако полное овладевание статистическим мышлением тех или иных отраслей познания или, другими словами, конструирование в циклах соответствующих наук самостоятельных специальных статистических наук—возможно не везде. Образование таких наук не может быть делом произвола и ограничено свойствами той среды изучаемых явлений, хотя бы и массовых, которые сами по себе предопределяют соответственные подходы к ним исследователя и тип самого исследования. На одно из этих свойств указал А. А. Чупров,

обозначив его понятием «неразрывности причинной связи» между явлениями. Другим является, если следовать Н. А. Каблукову, «постоянство отношений» между отдельными элементами, обусловливающими появление определенного явления, а также его характер и содержание. Отсутствие в той или иной группе массовых явлений полной их повторности, их тождественности при этом повторении и тождества их внутреннего состава (пропорции частей), вызываемое отсутствием между ними и причинами, их вызывающими, «неразрывности причинной связи», а также отсутствием в составе самих явлений тождества пропорции в их элементах, при повторении этих явлений, определяют эти явления, как возможную сферу применения статистического метода их исследования.

В тех же случаях, когда повторяющиеся явления и по внутреннему своему составу и по условиям, вызывающим их наступление, тождественны, статистические методы исследования излишни. Тем самым, в тех отраслях познания действительности, об'ектами изучения которых являются явления, в массе своей обладающие указанными выше свойствами тождественности, статистический метод не может рассчитывать на преобладающее значение, и случаи явлений, требующих для своего познания применения именно этого метода, не могут по своему значению дать оснований для выделения их изучения в самостоятельную научную дисциплину. И обратно, в тех отраслях познания, об'ектами изучения которых являются явления, в массе своей не обладающие свойствами полной тождественности, статистический метод будет играть настолько значительную роль, что может обусловить необходимость самое изучение их выделить в самостоятельную отрасль научного знания в цикле соответствующих научных дисциплин. Именно это определяет нам причину того, что распространение статистических методов в естествознании и физико-математических науках не приводит к выделению в среде этих наук особых статистических наук, в то время, как в науках, исследующих переменные, по преимуществу, явления, науках социальных и экономических, а также в науках, стоящих на рубеже наук естественных и социальных, к этому выделению проявляются определенные тенденции.

Так, на признание самостоятельного значения, как особых научных дисциплин, претендуют моральная статистика, демографическая статистика и целый ряд отраслей экономической статистики, в том числе и аграрно-экономическая, об основаниях которой на это признание мы будем говорить ниже.

Остается один вопрос в связи с вопросом о границах статистического умозрения, вопрос, поднятый в своем «Курсе политической экономии» А. Богдановым, о том, способны ли статистические цифры выразить сами по себе нечто большее общих «статистических тенденций» и определить их взаимоотношения, или их значение для нашего познания ограничивается лишь констатированием некоторых «равнодействующих», как результата взаимного соотношения перекрещивающихся причин и следствий.

Этот вопрос, в формулировке М. Смит, получает такой вид:

«Может ли статистический метод, дающий нам способы количественного описания и количественного обобщения, заменить собою, как это нередко предполагалось, индукцию, как таковую?»

Смысл этого вопроса, представляющего в корне неправильно средактированную мысль А. А. Богданова, раскрывается в ответе, даваемом на него самой М. Смит, который гласит:

«Сам по себе статистический метод может констатировать только наличность известных тенденций, но не их причины, только присутствие определенных признаков, иногда и параллельное движение их количественных изменений и наличность функциональной зависимости между последними, но не внутреннюю связь их между собой».

Выше мы показали, на анализе содержания статистического метода и задач статистической методологии, насколько является неправильным представление, довольно распространенное, о тождестве статистического метода с индукцией. Тот же анализ позволяет нам утверждать о такой же неправильности категорического противопоставления этому методу как самой индукции, так и указываемого М. Смит «метода абстрактного анализа». Статистический метод приспособляет к специфическим особенностям изучаемого им об'екта—«совокупности» *все методы исследования*, как индуктивные, так и дедуктивные.

Создаваемая им методология представляет третий случай мышления человека—*интегрального мышления или мышления диалектического.* В свете этого мышления, освещаемого в теоретических положениях *чистой статистики, все применяемые* к изучению «статистических совокупностей» методы исследования слагаются в особую *систему,* связанную одним цементом идей и прежде всего идеей множественности причин и следствий и отсутствия тождественности в их сочетании при повторении явлений. Наконец, статистическая методология оформливает и методы, присущие только ей одной и не встречающиеся в тех главах логики, в которых трактуется об обычных методах индукции и дедукции.

Способен ли, однако, при всем том статистический метод проникнуть в суть изучаемых при помощи его явлений, или он может только их «констатировать», «описывать» и «обобщать», оставаясь бессильным выявить их действительные взаимоотношения и, добавим, выявить их не только в форме количественных отношений, но и в прагматическом изложении соответствующих социально или естественно-экономических выводов,—на эти вопросы, не соглашаясь с А. Богдановым и М. Смит, мы даем утвердительный ответ, но при одном условии, которое выставляет Р. М. Орженцкий,—при условии специальных знаний у статистика в той области статистических явлений, которые он исследует, ибо, как справедливо замечает по этому поводу Орженцкий, вне этих знаний или вне практической задачи «статистик остается простым коллекционером средних и относительных величин, без малейшей к тому же надежды достигнуть когда-либо полноты своей коллекции».

Только эти знания открывают статистику возможность, как говорит немецкий статистик Маерварт, цитируемый М. Смит,—«овладеть эмпирически данной нам действительностью». Для статистика оказывается тем самым необходимым, приступая к статистическим операциям, предварять им некоторую теоретическую работу, которая выявила бы ему цель его исследования и самые операции расположила бы в некое «осмысленное целое».

Содержание этой предварительной теоретической работы Маерварт очерчивает так: «Из наблюдений над действитель-

ностью, из отмеченных нами наиболее значимых моментов ее, мы выбираем определенное количество случаев, рассматриваем их во взаимном влиянии друг на друга и образуем как бы замкнутый круг, охватывающий совокупность изучаемых нами явлений... Таким образом мы получаем нечто в роде мыслительного образа или идеального типа... Ориентируясь на идеальный случай, изыскатель строит отображение мира действительности... Из бесконечного разнообразия эмпирической действительности он выбирает определенные моменты, чтобы поставить свой идеальный тип в определенную связь... Дальше идет проверка теории, точнее, ее доказательство. При установлении этой исторической связи и при проверке теории, данные статистики, полученные на основании массовых наблюдений, играют огромную роль». Установление статистических рядов, выявление статистических тенденций в порядке тщательного ститистического анализа наблюденных явлений, основанного на правильно примененных к исследованию научных методах, являются, по Маерварту, как раз той стадией предварительной теоретической работы над наблюденными фактами действительности, которая помогает не только выверке, но и самому установлению искомого «идеального типа» и дает возможность оценки с точки зрения приближения к этому «идеальному типу» расположенных, как некое «осмысленное целое», в статистических рядах наблюденных фактов действительности.

В этом «осмысливании» массовых явлений действительности, как чего-то целого, в этой качественной оценке с точки зрения некоего «идеального случая» наблюденных фактов — смысл и значение статистики. Там, где статистические операции этим смыслом и значением не освещаются, они бесцельны и беспредметны. Таким образом исключать из сферы статистического умозаключения качественный анализ и затем качественное обобщение наблюденных массовых явлений и фактов — представляется совершено невозможным. И если до сего времени статистика, в целом, не овладела своим методом настолько, чтобы использовать его в равной мере исчерпывающе и в количественном и в качественном анализе и обобщениях, то это еще не дает права говорить о бессилии ее методологического

орудия. Это может говорить либо об интеллектуальной узости статистиков-профессионалов, либо о недостаточности их специального образования, но ни в коем случае не может компрометировать статистику, как науку.

В этом отношении вполне правы те мыслители, которые, вслед за Г. Риккером и Виндельбандом, повторяют, что «возражения (против признания за статистикой самостоятельного научного значения), исходящие из соображений о невозможности практического осуществления ею (при данном состоянии ее техники) тех или иных заданий науки, не имеют никакого значения при решении принципиального вопроса об определении вообще круга последних. Ни одна наука, как бы она ни была совершенна, не в состоянии разрешить всех вопросов, входящих в ее пределы. Пожалуй, можно с полным правом утверждать как раз обратное,—а именно можно утверждать, что число проблем, разрешенных каждой наукой, представляет бесконечно-малую величину по сравнению с теми, которые еще нужно разрешить. Это вытекает из понятия бесконечного разнообразия вселенной, захватить которое своим познанием мы принципиально не можем».

Именно на статистику выпадает задача уложить это бесконечное разнообразие вселенной в такие отображения его, которые позволили бы нашему интеллекту сразу охватить все его значение. Не беда, если абрис сложного множества, даваемый при этом статистиком, окажется несколько неточным и расплывчатым, в общем он останется настолько характерным, насколько у нашего интеллекта хватит возможности охватить и осмыслить его. (*Боули*— «Элементы статистики», стр. 7). В частности, статистику, изучающему социальные явления, предстоит понять, какие измерительные задания дает ему научная экономическая мысль, и с помощью своих методов найти такие же точные единицы меры для измерения социально-экономических процессов, каких искали и какие нашли в свое время представители точных наук, чтобы быть в состоянии описывать и изучать вновь открываемые ими силы.

Таковы перспективы «статистического умозрения», и таково поле его применения. Таковы задачи всего цикла статистических наук, в числе которых мы видим и стоящую на

рубеже естествознания и социально-экономических дисциплин аграрно-экономическую статистику.

С точки зрения методологической, аграрно-экономическая статистика, как и весь остальной цикл прикладных об'ектных статистических наук, есть не что иное, как «частный случай применения общих методологических принципов наблюдения и анализа к определенному об'екту исследования, в данном случае к об'екту, об'единяемому широким понятием сельского хозяйства [1])».

С точки же зрения теоретической аграрно-экономическая статистика представляет собой самостоятельную отрасль знания в цикле наук, определяемом проф. А. Ф. Фортунатовым, как цикл наук «агрономического обществоведения».

«Цементом идей», лежащим в основе этой отрасли научного знания, является, как определяет проф. Фортунатов в другой своей работе,—«ее стремление изучить и понять сельско-хозяйственную деятельность человека, как совокупность требующих для себя массового наблюдения нетипичных явлений окружающей его сельско-хозяйственной действительности, в конкретном проявлении которых, на-ряду с заложенным в его душу инстинктом хозяйственности, действуют и многие иные его стремления—и не только одни его стремления, но и все естественные условия производства, отождествляемые в термине «природа, и совокупность всех общественных условий сельского хозяйства, тесно связанных с определенной территорией, с определенным участком, используемым человеком в сел.-хоз. производительных и потребительных целях, земли [2])».

Исходя из этого, основную задачу аграрно-экономической статистики надо видеть в исследовании характера всех сельско-хозяйственных отношений на определенных территориях (район, страна, страна света), как совокупности социальных и естественных условий их сельско-хозяйственной действитель-

---

[1]) См. проф. *Анциферов:*—„Сельско-хозяйственная статистика и сельскохозяйственные переписи“, статья в сборнике: „Харьковские курсы по подготовке инструкторов Всеросийской сельско-хозяйственной и гор. переписи 1917 г.“.

[2]) Проф. *А. Ф. Фортунатов.*—„Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства“, вып. 1-й, стр. 9-я, Москва 1908 г.

ности и всей производственной деятельности существующих в этих территориях основных ячеек хозяйственной деятельности человека.

Подходя к изучению с этой стороны сельско-хозяйственной действительности, аграрно-экономическая статистика имеет своей практической целью уловить те правильности, взаимоотношения и причинозависимости, которые характеризуют динамическое развитие сельского хозяйства, в его основных ячейках—сельско-хозяйственных предприятиях человека, во времени и пространстве; понять те закономерности, которые определяют различные направления и основные тенденции сельскохозяйственной эволюции при разных условиях; установить взаимозависимость между общим состоянием сельского хозяйства в определенные исторические периоды и состоянием самих сельско-хозяйственных мероприятий и, наконец, определить место и значение их массовой производственной деятельности в общем хозяйственном балансе соответствующей страны, или района, или всего мирового хозяйства.

При этом сельско-хозяйственные предприятия, на изучении внутреннего строя и производительной деятельности которых фиксирует прежде всего свое внимание аграрно-экономическая статистика, изучаются ею не изолированно, а *как сложный комплекс социальных явлений, которые находятся между собой в постоянной связи и тесном взаимодействии,* так как только такой подход к их изучению может осветить весь внутренний строй и законы эволюции той общей совокупности, которая носит название сельского хозяйства данного района или страны.

Таковы общие положения, определяющие место аграрно-экономической статистики, как в цикле специальных статистических наук, так и в цикле наук агрономического обществоведения, и в то же время сближающие ее с системой наук о хозяйственной деятельности человека, ее условиях и результатах, в целом.

Мы избегаем эту последнюю систему наук называть системой наук о «народном хозяйстве», дабы не вносить в определение задач аграрно-экономической статистики, как науки, недопустимую с научной точки зрения абстракцию, которая

вносится в понятие «народного хозяйства» сторонниками «органической школы» в социологии, ведущей свое начало от Спенсера. Не «народ», как таковой, является реальным суб'ектом хозяйственной деятельности, создающим сумму определенных экономических благ в мировом хозяйстве или в хозяйстве той или иной страны; феномены так называемого «народного хозяйства» не являются какими-то особыми проявлениями потребностей этого ирреального суб'екта. Наоборот, хозяйство страны является лишь результирующим итогом всех тех бесчисленных хозяйственных устремлений живых носителей труда, которые в своих конкретных достижениях создают ценности мирового значения, лишенные какого-либо особого «народного духа».

В этом отношении необходимо помнить то, в забвении чего Карл Маркс упрекал предшествовавший ему материализм, а именно то, что «если, с одной стороны, люди представляют собой продукт обстоятельств, то с другой — обстоятельства изменяются именно людьми».

И статистикам прежде всего нужно твердо усвоить то положение, что изучая конкретный мир массовых явлений, которым является хозяйство страны, в нашем случае — сельское хозяйство и земледельческая деятельность населения, понять этот мир и связывающие его причино-зависимости и закономерности возможно только одним путем — путем изучения производственных отношений людей в общественном производстве, т.-е., другими словами, экономической структуры общества, не имеющей в себе никакой абстракции.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБ'ЕКТ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ В АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ И ЕГО ПРИЗНАКИ.

Согласно положениям, развитым в предыдущей главе, единицей счета, наблюдения и изучения в аграрно-экономической ститистике является общее всем странам и народам массовое социально-естественное явление их жизни, которое носит название сельско-хозяйственного предприятия, и совокупность которого отображает в себе все сельское хозяйство данной страны.

Являясь единицей счета, наблюдения и изучения, сельско-хозяйственное предприятие охватывает на определенном участке земли совокупность всей деятельности не только самого человека и связанных с ним единством хозяйственной цели и бюджета лиц, но и природы и, как таковое, в свою очередь, является сложной совокупностью владений, предприятий и даже занятий в чужих предприятиях, связанных в одно целое единым хозяйственным планом или волей того суб'екта, которого называют «хозяином».

Основными признаками этого об'екта статистического исследования в аграрно-экономической статистике являются:

1) полная самостоятельность его внутреннего строя, как хозяйственной единицы, от других такого же типа хозяйств-предприятий;

2) соответствующее его хозяйственным целям и общему плану хозяйственно-производительной деятельности снабжение необходимым количеством поддающейся обработке земли, живым трудом, живым и мертвым инвентарем и капиталом, и

3) производство в нем сел.-хоз. благ и продуктов первичной переработки не только для удовлетворения потребностей

лиц, занятых в данном хозяйстве-предприятии, и самого предприятия, но и для получения излишков, необходимых хозяйству-предприятию для обмена на другие, столь же необходимые ему продукты и фабрикаты и для сбережения материальных средств на покрытие периодических и непредвиденных расходов, связанных с личным существованием хозяйственных суб'ектов и их семей, с ремонтом инвентаря и помещений хозяйства, с приобретением живого инвентаря, орудий и средств производства, с удовлетворением культурных потребностей участвующих в хозяйстве-предприятии и живущих при нем и от него лиц и т. п.

Развитие внеземледельческих промыслов, связанных с хозяйством-предприятием лишь единством бюджета, а также занятий его участников в других сельских и даже городских предприятиях для поддержания определенного уровня последнего, являются не обязательными признаками сельского хозяйства-предприятия, но весьма важными для выяснения самой структуры его, в его целом, и установления взаимоотношений и силы связи между отдельными его элементами в хозяйственном отношении.

Изучение всех этих признаков аграрно-экономическая статистика ведет по двум направлениям, обращая, с одной стороны, свое внимание на уяснение значения для каждого отдельного хозяйства-предприятия так называемых основных или первичных производственно - технических факторов его, сочетанием которых обусловливается самая организация сельскохозяйственного предприятия, а с другой — факторов вторичного характера, факторов производных, социально-экономических, не только определяющих формы и социально-экономическое содержание сел.-хоз. предприятий, но и влияющих на самый характер всей деятельности человека в них.

Факторами основными, первичными, являются:

а) природа-земля, как совокупность всех естественных влияний и свойств, проявляющихся на данной территории, занятой под сел.-хоз. использование;

б) труд человека, как совокупность, с одной стороны, лиц, действительно прилагающих свои силы к сельско-хозяйственному производству и участвующих в нем, как совокупность

«рабочей силы» хозяйства-предприятия; с другой стороны, как совокупность технических операций этой «рабочей силы», направленных на подготовку почвы под производство, на уход за растениями и животными, на уборку урожая и его переработку, на иные, связанные с ведением хозяйства работы и проч.,

в) капитал, как совокупность сбереженного труда от валового оборота предприятия в виде материальных средств, технических орудий производства, хозяйственных и жилых построек, запасов семян и продуктов, живого и мертвого инвентаря продуктового скота, транспортных средств и т. п.

Факторами производными, вторичными, являются те же самые *природа-земля, труд* и *капитал,* только понимаемые уже не как производственно-технические элементы хозяйства-предприятия, а как *его социально-экономические категории,* проявляющие свое влияние на него в различных сочетаниях аграрно-правовых отношений и юридических форм землепользования и землевладения; в финансово-бюджетных отношениях кредита, наемного труда, аренды и сдачи земли и инвентаря, продаж и покупок скота, инвентаря, продуктов потребления и производства и проч.; в ценах на все эти и иные статьи хозяйственного дохода и расхода; в отношении хозяйства-предприятия к рынкам — внутреннему и внешним, к условиям сбыта, к общим культурно-техническим, правовым, социально-экономическим и политическим условиям быта данной страны или местности; в плотности сел.-хоз. населения и в его отношении к пахотно-способной земле; в соотношении в нем производственных и потребительных групп; в тенденциях его естественного движения и проч.

Отдельным самостоятельным заданием аграрно-экономической статистики в области изучения ею сельского хозяйства-предприятия является *учет результатов сел.-хоз. труда и производства* по отдельным хозяйствам-предприятиям, распределяемым по различным группам и изучаемым в рамках определенных территориальных районов на основании внутренних взимоотношений между указанными факторами их, а также установление *мер зависимости* хозяйства-преприятия, как целого, от каждого из этих факторов в отдельности, при про-

чих равных условиях, и *силы связи* между самими факторами, а также *определение социально-хозяйственных и технически-производственных организационных типов* сельского хозяйства, их географического протяжения, их жизненности, их способности к развитию в данных условиях и тенденций этого развития или законов так называемой аграрно-экономической эволюции.

Резюмируя все вышесказанное, приходится установить, что изучение в аграрно-экономической статистике сел.-хоз. действительности, как сложной совокупности индивидуально нетипичных массовых явлений ее сел.-хоз. предприятий, осуществляет по существу два следующих основных задания:

а) изучение *статики* этой действительности в данных условиях жизни ее социально-естественных единиц — сел.-хоз. предприятий и

б) изучение ее *динамики* в пространстве и во времени.

При чем оба эти задания, в конечном итоге статистического анализа всех данных массового наблюдения и обратной дедукции к ним, преследуют одну общую им обоим, связывающую их воедино, как цементом, идею—*установление и формулировку законов аграрно-правовой и аграрно-экономической эволюции.*

В виду же того, что самый характер статистического изучения требует от исследователя предварительной сериации изучаемых им массовых явлений по определенным, «сводным», как их называет проф. Р. А. Орженцкий, признакам, условно принимаемым за признаки факториальные для каждого отдельного ряда изучаемых явлений, в аграрно-экономической статистике принято разделение изучаемых ею сел.-хоз. предприятий и сельских хозяйств на следующие группы и подгруппы:

А) *с точки зрения относительного участия в них и сочетания природы-земли, труда и капитала, как факторов технически-производственных,*—на группы экстенсивных и интенсивных хозяйств или предприятий, с подразделением каждой из этих групп: а) по наиболее важному продукту их производства — на земледельческие, скотоводные, промысловые, смешанные и проч., б) по системам полеводства—на залежно-паровые, трехпольные, пестропольные и плодосменные, в) по си-

стемам животноводства—на овцеводные, коневодные и др. и г) по характеру промысловой деятельности — на хозяйства с отхожими, кустарными, торговыми и иными промыслами, ремесленными и прочими, и производительными занятиями населения в них;

Б) *с точки зрения тех же факторов, понимаемых в смысле социально-экономических категорий,* — на группы мелких, средних и крупных хозяйств; хозяйств мало- и многоземельных, мало- и многосемейных, мало- и многоинвентарных; безземельных и без инвентарных, с различными наличностями рабочего скота и собственной рабочей силы; с наемным трудом — годовым, сроковым, сезонным и поденным; на группы хозяйств трудовых, полутрудовых и так называемых капиталистических; на хозяйства арендующие и на хозяйства, сдающие землю, скот и инвентарь; на хозяйства чисто потребительные, натуральные, и хозяйства, продающие свои продукты и даже свою рабочую силу на рынок; на хозяйства крестьянские и частновладельческие, единоличные и коллективные, общественные, общинные, казенные и проч.; на хозяйства рациональные и нерациональные.

При этом, принимая в соображение то обстоятельство, что основной задачей всякого сел.-хоз. предприятия и всякого сельского хозяйства, к какому бы типу оно ни принадлежало, является выращивание растительных и животных организмов, в тесно связанной и находящейся в прямой зависимости от общих климатических и почвенных условий территории, занятой под данное хозяйство-предприятие, аграрно-экономическая статистика особое внимание уделяет изучению всей совокупности этих условий, предшествующему изучению самого строя хозяйства-предприятия.

Исследуя свойства почвы, аграрно-экономическая статистика обычно рассматривает их в трех отношениях:

1) со стороны *естественного богатства* почвы, состоящего в совокупности всех имеющихся в ней в естественном состоянии питательных органических и неорганических веществ, необходимых для произрастающих на ней растений, без отношения к тому, находятся ли эти вещества в почве в доступном или недоступном растению состоянии;

2) со стороны *фактического плодородия* почвы, состоящего в совокупности питательных органических и неорганических веществ, доступных усвоению растениями в своем естественном состоянии, и

3) со стороны ее *потенциального плодородия*, состоящего в совокупности питательных органических и неорганических веществ, заключающихся в ней и становящихся доступными к усвоению их растениями под влиянием приложения к обработке ее человеческого труда и вносимого им в почву искусственного удобрения.

Идя таким путем в исследовании естественной обстановки, являющейся для каждой местности основным базисом ее хозяйства в целом, аграрно-экономическая статистика не ограничивается в этом показании лишь общими для целой местности показаниями об'ективных естественно-исторических почвенных, гидрологических, геологических, климатических и ботанических исследований, дающих основания к разделению всей территории страны на соответствующие естественно-исторические районы, а стремится путем выборочного опроса самих сельских хозяев и местных жителей, по их *индивидуальным* хозяйствам, путем массового учета их индивидуальных показаний, проникнуть вглубь *индивидуальных* влияний этих общих для каждого района естественных условий на каждую категорию его хозяйств по данной местности.

В практике аграрно-экономической статистики бывших русских земств такой смешанный тип научно-естественного исследования почвы и климата, связанного со статистическим, был впервые применен в Нижегородской губернии в восьмидесятых годах прошлого столетия проф. Докучаевым, И. М. Сибирцевым и их учениками, почему и носит в русской статистической литературе наименование «нижегородского типа исследований». Несколько позднее, в конце восьмидесятых годов, уже по смерти проф. Докучаева, способом, указанным им, с использованием в значительной мере статистических материалов бывшей земской статистики, была составлена и выпущена в двух изданиях остающаяся до сего времени лучшим пособием к ознакомлению с почвами России почвенная карта ее в 60-верстном масштабе.

Обращаясь к формулярам аграрно-экономической статистики бывших земств, мы находим в них следующие девять пунктов, посвященных вопросам, связанным с индивидуально-выборочным, производимым через добровольных корреспондентов, в порядке текущей сел.-хоз. статистики, почвенным исследованием сельского хозяйства по определенным местностям (в рамках административных единиц — волостей и уездов; взято по известной книге С. Велецкого: «Земская статистика»):

1) Описание местности, в которой находится данное сел.-хоз. предприятие, и, отдельно, принадлежащих ему или находящихся в его пользовании земельных участков, элементами которого входят — определение характера рельефа местности, направление ее уклонов, их крутизны, местонахождения водоразделов и оврагов.

2) Указание направления, быстроты, глубины и качеств текущих по территории данного сел.-хоз. предприятия и его участков, а также стоячих надземных и подземных вод и пространств, ими покрытых; местонахождение и силу ключей, пространственного протяжения водопоев, болот, сыпучих песков, ползучей глины, действующих и бездействующих оврагов, каменистых и иных неудобных земель, зарослей кустарника, камыша, осоки и лесных пространств.

3) Определение характера указанных выше угодий и леса и их площадей, а также преобладающих в них сортов дерева, кустарника, дикорастущих полезных и вредных растений и встречающихся в них диких зверей и птиц; указание среднего возраста леса, его густоты, характера его хозяйственного использования.

4) Общая характеристика почвы для удобной и неудобной земли, при возможности, для каждого угодья (пашни, сенокоса, выгона, леса, усадьбы) отдельно, с определением цвета почвы, толщины верхнего наиболее густо окрашенного рыхлого зернистого почвенного слоя, структуры почвы в отношении ее плотности, рыхлости, зернистости, пылевидности, комковатости, рассыпчатости, содержания в ней влаги, глины, камешков и перегноя; при возможности — с производством микроскопических, химико-бактериологических и иных спе-

циальных исследований образцов почвы, взятых в разных местах земельных участков, обслуживающих данное сел.-хоз. предприятие-хозяйство, для определения ее инфузорности, насыщенности различными необходимыми для питания растений неорганическими веществами, а также элементами органического животного и растительного перегноя; характеристика и установление процентов различных примесей в почве с определением ее внешнего характера, как почвы по преимуществу суглинной, супесочной, черноземной, торфянистой, солончаковой, подзолистой и проч.

5) Установление в круглых цифрах количества десятин под каждым сортом почвы и их графическое распределение.

6) Выяснение состава и характера подпочвы под всей территорией данного и граничащих с ним предприятий, ее цвета, плотности, минерального состава и примесей.

7) Перечисление местных названий почв и подпочв, их сопоставление с научными названиями, указание преобладающих в территории данного предприятия сортов почвы.

8) Подробное описание почв по отдельным угодьям удобной земли с указанием соответствия ее, согласно практике местных хозяев, тому или иному виду растений (особенно земли пахотной, садовой и огородной) и

9) Характеристика климатических условий, благоприятствующих в данной местности или неблагоприятствующих сельскому хозяйству: средних сезонных температур, количеств выпадающих в разные года осадков, резких уклонений от этих средних величин последние три или пять лет.

В этой программе вопросов, на которой, при изучении естественной обстановки, сопутствующей в каждой местности сел.-хоз. производству, останавливается аграрно-экономическая статистика русских земств, можно видеть довольно близкое соответствие с тем об'емом предварительных знаний об этой обстановке, установление которых в статистике считал необходимым еще в 1868 году Венский Международный Статистический Конгресс.

Этим же Статистическим Конгрессом, в число дальнейших задач изучения той же обстановки, был выдвинут всесторонний учет сел.-хоз. населения, с его подразделением на произ-

водительные и потребительные группы, и определение доли его участия в сел.-хоз. производстве всей страны.

И аграрно-экономическая статистика русских земств в своих глубоких и всесторонних исследованиях сел.-хоз. действительности России не прошла мимо этих важных указаний Венского Конгресса, ясно осознав в своей дальнейшей практике, что «*плотность* населения является основным фактором, определяющим состояние хозяйства, а *сгущение* населения — основным моментом, определяющим его эволюцию, в частности — способствующим переходу крестьянского хозяйства от первобытной экстенсивной формы его, истощающей землю, к формам интенсивным, развивающим ее производительные силы». (См. проф. А. А. Кауфман: «Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства», вып. 1, Москва, 1917 г., стр. 1.)

При этом в то время, как «состояние» населения влияет на характер и результаты сел.-хоз. предприятий и как потребительная и как рабочая сила, сел.-хоз. условия оказывают, в свою очередь, заметное влияние как на это самое его состояние, так и на его движение.

При этой двусторонней зависимости сел.-хоз. условий от состояния и движения населения, а состояния и движения населения от сел.-хоз. условий, аграрно-экономической статистикой бывших земств было определенно установлено три крайне важных для всей теории этой науки факта:

1. Факт *прямой* зависимости прироста населения и *обратной* (его смертности) от земельного обеспечения.

2. Факт такой же зависимости прироста и смертности от урожаев и обеспеченности продовольственными запасами.

3. Факт *двухстороннего значения*, как организации потребительно-производственной, сел.-хоз. крестьянского предприятия-двора, базирующегося, в отличие от городского типа производительных предприятий, на семейном начале и являющегося средним экономическим типом между совершенно потребительной городской семьей-хозяйством и теми, чисто производительными предприятиями, с которыми имеет дело промышленная статистика (А. А. Кауфман).

Установление этих трех фактов для теории аграрно-экономической статистики явилось тем более значительным научным приобретением в области усвоения ею характера основ крестьянского трудового хозяйства, что, выходя из них, оказывалось уже нетрудным определить и все то колоссальное значение для последнего его социально-экономического и в то же время естественного фактора «населения», — *как совокупности активных и пассивных человеческих сил, действующих двухсторонне на сел.-хоз. производство и распределение в направлении удовлетворения через них своих потребительных и производственных целей.*

Оказывалось нетрудным, в связи с этим, определить и то отличие этого, в свою очередь, первичного основного фактора сел. хозяйства от других его таких же факторов — земли и природы, которое выражается в его постоянной зависимости не только от требований и условий существования человека. но и от сельско-хозяйственных «природных» условий, приуроченных к обрабатываемым человеком участкам земли, в то время, как и природа и земля в своем первоначальном творчестве от этих требований и условий независимы.

Итак выходило, что в сел.-хоз. действительности, в сущности говоря, переплетаются действия не трех («земли-природы», труда и капитала) основных первично-исторических факторов, а двух — «природы-земли» и «населения», *об'единяющих в себе и труд и потребление человека.*

После этого оставалось лишь установить в окончательной форме взаимоотношения этих двух факторов, разрешить основной вопрос о сферах их деятельности и о том, в какой мере население, как совокупность усилий человеческого труда, прилагаемого к земле, и действующие на нее силы природы могут фактически влиять на их деятельность и направлять ее в сторону удовлетворения своих хозяйственных интересов.

В этом направлении, в результате учета всей совокупности многочисленных наблюдений над различными, происходящими в почве, процессами образования питательных веществ и произрастания растений, аграрно-экономической статистикой, широко использовавшей данные почвенных и иных агрономических исследований, было твердо установлено. что человек,

определяя лично способности различных растений использовать то или иное имеющееся уже в почве или вносимое в нее при посредстве искусственного удобрения питательного вещество, получает тем самым возможность не только регулировать производительную силу земли, но и увеличивать эффект их производительности до необходимого размера.

В связи с этим, долго пользовавшееся в агрономии репутацией неопровержимого авторитета учение о неизменяемости «естественной статики почвы», в силу которого весь вкладываемый человеком в почву в виде удобрения капитал понимался лишь как возмещение им земле тех питательных веществ, которые забирали у нее урожаи растений, должно быть пересмотрено и заменено учением, выдвинутым аграрно-экономической статистикой о рациональных и целесообразных способах ведения сел.-хоз. предприятия, основанных на усвоении человеком смысла и тенденции законов питания растений из почвы и воздуха и на координации им своих действий в отношении сел.-хоз. использования обрабатываемого им участка земли с этим последним.

Согласно этому учению устанавливалось, что природа, как совокупность всех действующих на данный участок земли, хозяйственно-используемый человеком, создающих *первоначальное* естественное богатство почвы, внешних и внутренних сил ее, *от человека независима.*

В этом отношении было твердо установлено, что, используя «дары природы», человек их *не создает, а лишь приспособляет к своим хозяйственным целям,* заставляя почву путем вложения в нее своего труда и капитала по ее обработке и удобрению отдавать взращиваемым им сел.-хоз. растениям из ее естественного богатства все те количества питательных веществ, которые им необходимы для их *максимального* развития—безразлично от того, имелись ли в почве эти вещества в первобытном состоянии или внесены в нее рукой самого человека.

Уметь приспособить к своим хозяйственным целям «дары природы» это значило уметь понять свойство законов усвоения растениями питательных веществ из почвы и воздуха и соответственно с их требованиями поставить обработку и удобрение почвы, с одной стороны, и сел.-хоз. использование земли

вообще—с другой, таким образом, чтобы каждая новая производимая человеком затрата труда и капитала на это дело соответственно увеличивала плодородие почвы, т.-е. процент усвояемости растениями имеющихся в ней питательных веществ, и чтобы, тем самым, в хозяйстве не было непроизводительных затрат, неизбежных при неправильном понимании законов питания растения и сел.-хоз. задач человека.

И вот, чтобы избежать последних, чтобы установить принципы рационального ведения сел. хозяйства, оказывалось необходимым серьезно посчитаться с присущей всем растениям способностью самоограничивать свое потребление питательных веществ, получаемых ими как из почвы, так и из воздуха (в том числе даже света, тепла и влаги), указывающей определенные пределы необходимых им размеров инсоляции, влажности, насыщенности почвы годными к их усвоению питательными веществами, за которыми все остальные количества падающих на растение лучей, света и тепла, росы и почвенной влаги, как и излишки питательных веществ, имеющихся в почве в первобытном состоянии или вносимых в нее рукой человека, оказываются растениям не только безразличны, но часто даже вредны.

За пределами этой насыщенности, сколько бы после этого в почву ни вносилось удобрения, ожидать дальнейшего повышения урожайности растений совершенно напрасно. Мало того, присущая растениям способность постепенно суживать поглощение предлагаемых ей питательных веществ по мере приближения к пределу насыщенности ими почвы, влекущая за собой соответствующее понижение процента урожайности растения, ведет к формулировке особого, чрезвычайно важного в теории сел.-хоз. производства и в его практике закона об уменьшаемости доходности новых затрат труда и капитала человека, вкладываемых им на обработку и удобрение почвы в интересах предоставления растениям максимальных количеств необходимых им в почве питательных веществ.

Выявляемый этим законом факт указывает на то, что, если не обратить внимания на отмеченные выше свойства законов питания растений и безрассудно продолжать удобрять почву одними и теми же количествами одних и тех же удобритель-

ных веществ из года в год, исходя из одной только предпосылки восстановлять во что бы то ни стало «статику» почвы, истощенную предыдущими урожаями растений, невзирая на степень уже достигнутой предыдущими удобрениями насыщенности ими почвы,—удобрение, оказавшееся излишним, неизбежно пропадает, а расход труда и средств, произведенный при этом, окажется расходом бесполезным, непроизводительным и нецелесообразным.

Такова сущность вывода учения о рациональных способах ведения сельского хозяйства, базирующегося с одной стороны на законах питания растений и с другой—на законе убывающей доходности затрат труда и капитала на питание растений, ошибочно понимавшемся до недавнего времени в агрономии, как закон «убывающего плодородия почвы», по существу своему ни к ее плодородию, ни к ее естественному богатству прямого отношения не имеющий, ибо, вопреки установившимся мнениям, этот закон обнаруживается *не при уменьшении плодородности почвы, а при ее росте* (см. проф. В. А. Косинский).

И вот, в связи со всем вышесказанным, *зависимость человека от природы* в сфере его сел.-хоз. деятельности получает такое очертание:

Отвечая принципу хозяйственного расчета, заложенного в психику человека самой природой и побуждающего его искать такого применения своего труда и сбереженных им результатов этого труда в виде материальных средств—капитала, при котором наименьшие затраты того и другого доставляли бы ему возможный максимум удовлетворения его потребностей, зависимость человека от природы выражается в том, что труд и капитал человека, направляемые на производство растительных продуктов, необходимых ему как в его личном хозяйстве, так и вне его (а также продуктов животных и самых животных.—*Е. В.),* подчиняются закону уменьшающейся доходности новых затрат его труда и капитала. При этом, в виду того, что этот закон является результатом лишь естественных законов питания выращиваемых в сельском хозяйстве растительных и животных организмов, в данном случае *затрачивается не вся сумма труда и капитала, вкладываемая человеком в сел.-хоз.*

предприятие, а лишь те части его, которые идут на создание растительных и животных организмов и их продуктов, т.-е. на удобрение и обработку земли, на уход за растениями и животными и на питание самих животных, поскольку оно идет за счет выращиваемых в самом хозяйстве кормовых растений и возвращается последнему в виде навозного удобрения.

Остальные же части хозяйственного труда и капитала, направляемые на уборку урожая, их перевозку и переработку, на ремонт и поддержание жилых и хозяйственных построек, сел.-хоз. машин и орудий, на промыслы, связанные с сел.-хоз. производством, и проч., т.-е. *как направленные на процессы, никакого отношения к процессу выращивания растительных и животных организмов не имеющие, указанному закону не подчиняются и от него независимы.*

Из этого вытекает крайне важное для аграрно-экономической статистики указание, каким образом следует измерять самую *интенсивность* сел.-хоз. производства по отдельным хозяйствам-предприятиям и по районам их территориальной рассеянности, какие части затрачиваемого в этих хозяйствах труда и капитала брать в расчет при определении признака-причины его большей или меньшей интенсивности.

Ясно, что этим признаком-причиной всегда будет только тот труд и тот капитал, который идет непосредственно на создание растительных и животных организмов.

К этому приходится добавить еще и то, что *интенсивность* сел.-хоз. производства, являясь результатом лишь рационально (целесообразно) примененного к сельскому хозяйству и *продуктивно* использованного в нем труда и капитала, служит в то же время и показателем самой рациональности (целесообразности) ведения человеком своего сел.-хоз. предприятия, указывая на степень подавления искусством последнего значения слепых и безличных законов природы и их подчинения его собственным человеческим целям.

И вот, в зависимости от того, как понимаются эти цели в сел.-хоз. производстве *самим человеком,* во имя чего он обращает свой труд и свой капитал в земледелие, аграрно-экономическая статистика бывших земств вела свои исследования русского сельского хозяйства по двум основным типам его:

1) по типу потребительно-трудового, главным образом, крестьянского хозяйства, в котором используемая в нем земля является лишь необходимым для самого трудового хозяина и его семьи или для группы об'единенных одной хозяйственной целью производителей, необходимым для их существования хозяйственным благом и только, и

2) по типу хозяйства капиталистического, в котором земля служит не столько источником средств существования для ее владельцев или арендаторов, сколько источником для них непроизводительного дохода, так называемой «земельной ренты».

То значение, которое играет в экономике нашей страны охватывающий многомиллионный мир индивидуальных земледельческих хозяйств первый тип сельского хозяйства привел агр.-эконом. статистику бывших земств к необходимости в дальнейшем стать на путь детального исследования именно этой формы сельского хозяйства и в порядке исследования ее стремиться найти законы эволюции, как экономической, так и социальной, дать основы особой науки о ней—«теорию крестьянского хозяйства».

Октябрьская революция 1917 г., уничтожив вместе с частной собственностью на землю форму крупно-капиталистического частно-владельческого хозяйства, поставила сельское население в положение землепользователей государственной земли. Она уничтожила крестьянство, как сословие, но, вместе с тем, не уничтожила бесчисленного мира индивидуальных сельских хозяйств мелких производителей.

Уничтожив смысл самой идеи какой-то особой «теории крестьянского хозяйства», Октябрьская революция расширила кругозор аграрно-экономической статистики России, поставив перед ней проблему изучения всего сельского хозяйства об'единенных пролетарской волей народов и стран во всех его формах и в целом.

О том, как отразился этот грандиозный сдвиг в самой постановке вопроса на методологии аграрно-экономической статистики нашего времени, будет сказано ниже.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МЕЛКОЕ, ИЛИ ТРУДОВОЕ, СЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ-ХОЗЯЙСТВО, КАК ОБ'ЕКТ СПЕЦИАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ В АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ.

Чрезвычайные трудности, сопутствующие изучению всего многообразия мелкого трудового сел.-хоз. препriятия-хозяйства и полутрудовых-полукапиталистических—«средних»—его образований, не раз останавливали перед собой в недоумении исследователей, терявшихся перед теми почти непреодолимыми противоречиями, которые открывались им в многомиллионной массе этих хозяйств.

Казалось, что при той индивидуальности каждого из этих хозяйств, которая естественно вытекает из самых личных физических и нравственных качеств трудового хозяина, из его личного отношения и его способностей к труду, из степени его культурного развития и технической подготовленности, из его национальных и племенных черт, из особенностей его семейного и правового быта и проч.,—совершенно невозможно, даже при наличии более или менее однородных естествнных и исторических условий его хозяйственного бытия, установить какую-нибудь, хотя бы только относительную типичность этих хозяйств, проследить, хотя бы в самых общих чертах, известную последовательность в образовании, развитии и смене их типов, установить законы последней.

И, действительно, вопрос этот, при попытках его методологического разрешения, оказался настолько трудно разрешимым, что и до сих пор в среде экономистов и аграрников по поводу его не достигнуто никакого соглашения.

Их многолетний спор о содержании и признаках «факториальных», отдельных «типов» сельского хозяйства, о понимании самого термина «типичности» в приложении к их класси-

фикации, о существе и значении этой самой классификации и проч. далеко не закончен и до сего времени.

Он продолжается, и до сих пор еще не установлены даже принципы, на основе которых оказывалось бы возможным предложить такую классификацию сел.-хоз. предприятий-хозяйств, которая не вызвала бы против себя ни с формальной, ни с принципиальной стороны серьезных возражений.

В этом отношении необходимо признать, что ни один из методов, ни один из принципов классификации сел.-хоз. предприятий-хозяйств и их сериации на типы, предлагавшихся различными школами западно-европейских исследователей, совершенно не удовлетворил и русскую земскую статистику, которая, откинув в сторону все дедуктивные размышления, подошла к вопросу чисто практически и, применительно к условиям отечественной сел.-хоз. действительности, предложила принять деление трудовых сел.-хоз. предприятий на три следующие группы:

1) на предприятия-хозяйства, которые по величине используемой ими земельной площади не в состоянии занять в своем производстве всей наличной рабочей силы самого производителя и его семьи, обеспечить их существование и которые в то же же время побуждают своего производителя и членов его семьи отдавать часть своего труда на рынок или в побочные занятия в собственном хозяйстве (кустарные промыслы, торговля и промыслы) или в сторону от него (отхожие промыслы, городские и фабрично-заводские заработки, служба);

2) на предприятия-хозяйства, которые, обеспечивая средний уровень потребностей производителя и его семьи путем, с одной стороны, личного потребления ими продуктов собственного производства, а с другой — частичной продажи их на рынок для обмена на недостающие им предметы первой необходимости, обслуживаются без остатка рабочей силой самого производителя и его семьи и лишь в исключительных случаях прибегают к найму сроковых или поденных рабочих;

3) на предприятия-хозяйства, не удовлетворяющиеся наличной рабочей силой самого производителя, его семьи и нуждающиеся более или менее постоянно в наемных рабочих руках для сезонных и годовых работ.

В условиях сельско-хоз. действительности средней полосы Европ. России, при среднем размере приходящейся на одно трудовое хозяйство удобной земли в 15 дес., агр.-экон. статистика русских земств определяет следующие фактические пределы земельного обеспечения каждой из указанных групп:

для первой группы—от размера ниже 1 дес. до 5 дес. на двор,
» второй » — » » » 5 » » 15 » » »
» третьей » — » » » 15 » » 30 » » »

при чем определенно отмечает существующие во временном их распределении следующие процессы:

для первой группы — тенденция или к полному исчезновению образующих ее хозяйств или роста их до размеров второй группы;

для второй группы — при полном сохранении ею среднего размера земельного обеспечения входящих в нее хозяйств, увеличение количеств последних за счет хозяйств как первой, так и третьей групп;

для третьей группы—тенденцию распада составляющих ее хозяйств и их нивелировки к среднему размеру земельного обеспечения второй группы.

(См. *Н. П. Огановский:* «Закономерность агр. эволюции»).

При этом устанавливается тот крайне знаменательный факт, что наиболее устойчивому типу по среднему земельному обеспечению хозяйств второй группы, в условиях русской действительности, вполне отвечает устойчивость обычной, средней по размеру крестьянской семьи, образующей самостоятельный двор-хозяйство из 5—6 душ обоего пола, все мнения о мельчании которой в связи с увеличением плотности населения и дробления дворов-хозяйств по территориям категорически опровергаются Н. Н. Черненковым, твердо установившим, что «дробление» это касается лишь более многочисленных по своему составу, так называемых «сложных» семей и почти никогда не падает ниже указанной выше «минимальной» физической нормы средней семьи русского трудового хозяина в 5—6 душ обоего пола.

(См. *Н. Н. Черненков:* «К характеристике крестьян. хоз.», вып. 1-й, гл. IV, 2-е изд. Москва, 1917 г.).

К тому же утверждению, на основании анализа данных агр. статистики русских земств, приходит и Н. П. Огановский, устанавливая, в свою очередь, что «неоднородность крестьянской семьи по своим размерам приближается к экономической неоднородности самих хозяйств, и что между ними существует определенная причинозависимость и связь, выражающаяся в формулированном им законе двухстороннего процесса дифференциации и нивелировки трудовых хозяйств и образующих их дворов к среднему типу второй группы, обязательном для всех стран и для всех народов с одной лишь поправкой постепенного сокращения среднего земельного обеспечения этой группы в направлении с востока на запад, соответственно происходящим в том же направлении увеличению плотности с.-х. населения и сопутствующей ей интенсификации трудового хозяйства.

Эти положения, установленные в данных статистического анализа русских земств и сверенные с данными западно-европейской статистики, позволили русской теоретической мысли подойти если не к разрешению, то во всяком случае к постановке вопроса об установлении того об'ективного критерия классификации сельских трудовых хозяйств, соответствующего требованиям экономической и этической необходимости, того «идеального типа» сел. хозяйства, вне установления которого вся работа агр. эконом. статистики являлась бы зданием, построенным на зыбком песке суб'ективных представлений и априорных, дедуктивных умозаключений.

В своем труде—«Очерки агр. статистики», т. I—М. А. Сиринов, исходя из всех указанных выше положений, рекомендует за такой «идеал» принять как раз такое трудовое хозяйство, «в котором целиком смогут быть использованы все творческие и рабочие силы семьи производителя, *и только его семьи,* и сел.-хоз. организация которого дала бы ей возможность, при наименьших затратах энергии и средств, использовать, в возможно полной хозяйственной мере, все потенциальные свойства почвы».

«Только та классификация хозяйств, которая будет исходить из этого представления об идеальном типе хозяй-

ства,—говорит М. А. Сиринов.—будет самой правильной классификацией. Именно такая классификация подсказывается агр. статистике ее основными заданиями, состоящими не только в ее стремлении уяснить, как ведутся на самом деле хозяйства, но и каковыми они должны быть».

«Вполне понятно,—иллюстрирует свою мысль М. А. Сиринов,—что выяснение степени распространения нормального хозяйства (приближающегося к «идеальному» типу.—*Е. В.)* в данном районе решает и ту и другую задачу сразу: если мы покажем, сколько хозяйств от него отступают в том или ином отношении, мы будем знать и то, как ведутся различные хозяйства на самом деле, и что нужно сделать, чтобы осуществить экономический идеал». (См. М. А. Сиринов: «Очерки по агр. статистике» Вып. I, стр. 155.)

И, действительно, при классификации с.-х. предприятий-хозяйств, исходящей из указанного принципа, приближающегося для каждого района к «идеальному типу» нормального хозяйства, становится возможным установление совершенно идентичных понятий и широкого сравнения по местностям и во времени фактически существующих хозяйственных групп, чего не дают все те основания их классификации и группировок, которые до сего времени обычно предлагались в аграрно-экономической статистике.

При этом к несомненным достоинствам предлагаемого М. А. Сириновым принципа этой их классификации или, вернее, квалификации относится то, что она идет при характеристике хозяйств не по внешним признакам их, а по внутренним, по духу их, что является осуществлением основного требования всей русской земской агр.-экономич. статистики последнего времени, с особой силой высказанного в докладе покойного проф. В. Г. Бажаева «О статистическом изучении систем земледелия» XII с'езду русских естествоиспытателей и врачей.

Как бы дополняя в этом отношении М. А. Сиринова, главнейшее внимание в своем представлении о нормальном типе с.-х. предприятия-хозяйства обратившего на момент *земельного обеспечения*, проф. В. Г. Бажаев выдвигает момент *организации* этих предприятий-хозяйств, говоря, что «все наши суждения о состоянии сельского хозяйства в какой-либо

стране, на каком бы количестве фактических сведений они ни основывались, неизбежно оказываются более или менее поверхностными и неправильными, если мы не имеем достаточно ясного представления о типах организации с.-х. производства», познакомиться с которыми, по мнению профессора, возможно «лишь при наличности массовых наблюдений над *внутренним строем* отдельных с.-х. предприятий».

«Только путем последовательного обобщения таких сведений (т.-е. путем обратной дедукции.—*Е. В.*) мы можем приблизиться к действительному уразумению особенностей организаций, характерных для целой страны и отдельных ее районов».

На иной путь классификации трудовых хозяйств пыталась стать группа земских статистиков, следовавшая в своих идеологических посторoениях марксизму австро-германской социал-демократической школы экономистов и предложившая, в докладе В. Г. Громана, статистической подсекции XI с'езда русских врачей и естествоиспытателей выдвинуть в угол классификации типов трудового хозяйства-предприятия момент его классового строения, определяемого процентным отношением труда самого производителя и членов его семьи в их собственном предприятии к труду, отчуждаемому ими в чужие предприятия, в сторонние заработки, к труду наемному, и каждой категории этого труда к общей сумме ее.

Приходится, однако, сказать, что эта попытка применить на практике этот принцип разгруппировки трудовых хозяйств, произведенная под руководством самого автора его в Мокшанском у. Пензенской губ., не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий.

Тем не менее этой попыткой идее установления типов хозяйств по комбинированию *качественных* признаков его был дан большой сдвиг вперед, и в этом—ее историческое значение.

---

[1]) До В. Г. Громана попытки применить к исследованию крестьянских хозяйств классовый принцип их группировки применялся в 1901 году П. П. Румянцевым по Вяземскому у. Смоленской губ. О позднейших работах марксистов в этом направлении говорится ниже. *Е. В.*

Вслед или, вернее, одновременно с В. Г. Громаном-марксистом на тот же путь классификации хозяйств вступает и народник Г. И. Баскин.

До них качественный прием классификации применялся сравнительно редко, наиболее последовательно он проводился в работах Ф. Щербины, который уже в первых своих исследованиях делил все хозяйства на «батрацкие», «нейтральные» и «пользующиеся наемным трудом». Это был, как говорит Н. Макаров, «первый смелый ход народника в сторону требований марксизма».

В своей работе по Ставропольскому у. Самарск. губ. (см. «Подворная перепись крестьянского хозяйства Самарск. губ.». Вып. I. Ставропольский у. 1914 г.) Г. И. Баскин в основу своей классификации типов хозяйств кладет «качественные признаки», которыми определяется как род экономической деятельности, так и социально-экономическое положение хозяйства в его отношении к массе других хозяйств; к таким признакам Г. И. Баскин относил: 1) посев, 2) наем сроковых и годовых сел.-хоз. рабочих, 3) наем поденных и сдельных рабочих, 4) промысловые заработки вне своего сел.-хоз. предприятия и 5) ведение торгово-промышленного предприятия.

Далее за Г. И. Баскиным следует Н. Макаров, выдвигающий свою классификацию, достоинством которой он считает то, что «она не разрывает связи с немецким делением на хозяйство «рабочего участка» и «продовольственного участка». (См. «Труды отдела сел.-хоз. экономики и политики М. З.», вып. I. Материалы по вопросам земельной реформы. М. 1917 г. *Н. Макаров:* «О нормах расширения крестьянского землепользования», стр. 42.)

Таким образом, в противовес проф. В. Г. Бажаеву, аграрно-экономическая статистика русских земств еще долго остается, в обоих своих направлениях — марксистском и народническом, на базе изучения крестьянского хозяйства с точки зрения его социально-экономического содержания, но все же уже был выдвинут другой принцип, согласно которому признавалось, что «для сколько-нибудь углубленного изучения внутренней организации сел.-хоз. предприятия оказывается совершенно необходимым учет тех признаков его, которые характе-

ризуют взаимную связь и способы эксплоатации хозяйственных угодий» и тем самым «облегчают ближайшее выяснение взаимной связи всех вообще наличных отраслей хозяйства» (проф. В. Г. Бажаев, там же).

При этом, конечно, в первую очередь, возникал вопрос о выяснении взаимной связи в трудовых хозяйствах главнейших отраслей его полеводства или земледелия в тесном смысле этого слова, и животноводства, не только влияющего на самый характер внутренней организации сел.-хоз. предприятия и установление в нем соответствующих систем полеводства, но и доставляющего этому хозяйству наиболее ценные и концентрированные продукты потребления и питания, навозное удобрение, необходимое ему, и тот необходимый для одностороннего зернового полеводства хозяйственный коррректив, который выражается в распространении искусственного травосеяния с пропашными культурами.

Говоря об этом, нельзя не остановиться на том, что семейно-трудовой характер мелкого трудового хозяйства, преследующего в первую очередь задачи по удовлетворению продовольственных потребностей семьи, составляет как бы стимулирующий фактор, который естественно направляет это хозяйство в сторону развития в нем животноводства, дающего ему, как мы сказали выше, наиболее ценные продукты питания и потребления в своем собственном производстве.

Определенно установлено, что, с увеличением приходящегося на единицу культурной площади пользовательного скота, в мелком трудовом хозяйстве определенно повышается и урожайность на той же единице площади как зерновых, так и пропашных культур.

Тот же параллелизм наблюдается и в денежных результатах соответствующих хозяйств.

В связи с этим в Зап. Европе животноводство уже давно признается как бы естественным базисом мелкого хозяйства, сопутствующим росту его интенсификации и определяющим его устойчивость, и за экономический идеал его принимается такое хозяйство, в котором оба эти начала — семейно-трудовое и животноводство — сочетаются взаимно, *как его основные факторы*.

К сожалению, в России животноводству еще не уделяется такого внимания, и исследование природы и основ ее мелкого, главным образом, крестьянского хозяйства шло до последнего времени несколько иным путем.

Остановимся же на тех исторических этапах этого пути, которые прошла в указанном направлении аграрно-экономическая статистика русских земств.

Еще в 1865 году, при самом своем возникновении, земские учреждения столкнулись с необходимостью самостоятельных статистических исследований, без которых оказывалось немыслимо никакое ведение земского хозяйства. В 1866 году вопрос о постановке таких исследований и организации специального статистического комитета был поднят и единогласно принят в московском губ. земстве.

В 1867 году на тот же путь самостоятельного собирания статистического материала «о земле и остальных податных единицах» стало тверское губ. земство, поручившее сбор этого материала сперва уездным управам, а два года спустя пригласившее для организации этого дела при самом губернском земстве В. И. Покровского. В 1869 году организует первое статистическое обследование крестьянского хозяйства херсонское земство.

Почти одновременно с этими земствами необходимость широких статистических исследований местной жизни была осознана и вятским земством, еще летом 1870 года поручившим В. Я. Заволожскому обследовать детально 15 беднейших волостей северной части Вятской губернии.

Результат этого исследования был издан в Вятке в 1871 году под заглавием: «Исследование экономического быта населения Вятской губ.» Книжка эта и есть первый по времени печатный труд земской статистики.

Год спустя вятское земство пригласило к себе, в качестве руководителя статистическими работами, Н. Н. Романова, в 1874 году издавшего в Вятке второй по времени печатный труд земской статистики — «Исследование земских раскладок Вятской губ.».

Примеру Москвы, Твери, Херсона и Вятки вскоре же последовали Чернигов, Пермь и другие губернские центры зем-

ских губерний, при чем, несмотря на то, что «описание земли и остальных податных единиц» было первоначальным мотивом, натолкнувшим земства на статистические работы, экономические исследования быта местного населения и преимущественно беднейших слоев крестьянства сразу же заняли в этих работах земств и организованных при них статистических комитетах почетное место.

В 1876 году, независимо друг от друга, московским и черниговским статистическим отделами губернских земств производятся, только-что введенным тогда в практику земской статистики экспедиционным способом, два сплошных статистически-экономических исследования о положении в этих губерниях сельского хозяйства, с применением в Московской губернии исчерпывающей подворной описи крестьянских дворов, а в Черниговской — типичной, при чем прибегнуть к последней, как свидетельствует ее организатор П. Червинский (см. *С. Велецкий:* «Земская статистика», т. 2-ой, стр. 722 — 725), черниговским статистикам пришлось только потому, что в условиях того времени доступный москвичам путь «подробной и тщательной подворной описи» для них не оказался возможным, вследствие чего, как говорит тот же Червинский, им и пришлось «поступиться теоретическими соображениями и ограничиться гораздо меньшими».

В этом отношении, как свидетельствует проф. Н. Каблуков [1]), статистическое отделение московской земской губернской управы стояло в исключительно благоприятных условиях, по сравнению со статистикой других земств. И если по отношению к нему можно было сказать, что «с самого начала его деятельности оно было родным детищем земства, а не его пасынком», то того же самого нельзя было сказать в то время о статистике черниговской. Статистическому отделению черниговского губернского земства в силу этого «оказалось не по силам» делать то, что было доступно московскому. «И думать было нечего,—говорит с прискорбием П. Червинский,—об ис-

---

[1]) См. *Н. Каблуков.* — „Пособие к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при зем.-стат. исследовании“ Стр. 10—11.

следованиях такого характера, которые оказывались доступными московским статистикам».

Однако, отказываясь с болью в сердце от производства сплошной подворной переписи и останавливаясь «в силу необходимости» на типическом описании отдельных хозяйств по двум сокращенным программам: общей—«для имений» и специальной—«для отдельного общества крестьян и казаков», черниговские статистики так же, как и московские, преследовали в в своем исследовании одни и те же цели—обрисовку состояния всего сельского хозяйства губернии в его целом, точного и подробного описания ее сел.-хоз. промышленности по двум их категориям — по «отдельным помещичьим хозяйствам, ведущимся с применением наемного труда», и по отдельным крестьянским и казачьим хозяйствам, ведущимся преимущественно рабочими силами «собственной семьи». (См. *С. Велецкий:* «Земская статистика», т. 2-ой, стр. 722—725. «Об'яснение характера и задач черниговского исследования» в изложении составителя его программы П. Червинского).

И потому, если и имело под собой некоторое основание, утвердившееся в русских учебниках по статистике, с легкой руки проф. Янсона, противоставление «типов» московского и черниговского исследований одно другому, то противоставление целей и задач этих исследований и утверждение того, что будто бы у черниговцев оно имело своей целью «лишь изучение положения земледелия, главным образом, в интересах получения о землях оценочных сведений», в то время, как у москвичей оно было направлено на выяснение «общего экономического быта крестьян»,—совершенно не отвечает фактическому положению дел. (См. *А. А. Русов:* «Оценочная статистика», Изв. Киев. коммерч. института. 1909 г., вып. I, 25—27).

С особой силой подчеркивает в упомянутом выше об'яснении задач и характера черниговского исследования П. Червинский, что целью его было именно *экономическое исследование* крестьянского быта и при этом *не только сельско-хозяйственной, узко земледельческой деятельности крестьянства*, но *всей его экономической деятельности*, а отнюдь не оценочное описание последней, когда он раз'ясняет причины того, почему в своем исследовании черниговские статистики предпочли «по-

селенному описанию», «наиболее удобному для чисто оценочных целей», описание «отдельных крестьянских и казачьих обществ, хотя и не представляющих настоящей экономической единицы, но подходящих к ней—к крестьянскому хозяйству, как к предприятию, — ближе всех других подразделений».

Как в работах московских статистиков, так и в работах статистиков черниговских с одинаковой силой сказывается идейно их связывающее влияние постановления состоявшегося в 1872 году в Петербурге Международного Статистического Конгресса, тезисы председателя которого—Г. Майра, совершенно справедливо названного на статистическом с'езде 1912 года «давнишним и почти бессменным законодателем русской статистической мысли»,—отразились в дальнейшем на всех программных работах земской статистики.

Предшествовавшие и сопутствовавшие этому Конгрессу многочисленные для того времени с'езды и совещания статистиков—в Одессе (в 1865 и 1868 г.г.), в Вильно—в 1869 г., в Петербурге—в 1870 г. и в Херсоне—в 1873 году,—сменились в последовавшие за Конгрессом годы интенсивнейшей работой земских статистиков, поразивших своим самоотверженным служением делу статистического исследования нашей народной жизни и результатами своих исследований даже представителей западно-европейской науки.

В эти годы изучение ими состояния мелкого крестьянского хозяйства, как предприятия — хозяйства-двора, — становится краеугольным пунктом всей их земской статистико-экономической работы. В этом периоде интерес сосредочивается на вопросе о социальном неравенстве в деревне. Проблема группового расслоения крестьянства захватывает умы земских статистиков того времени, и, в связи с этим, уже в самом начале 80-х годов нарождается «новый тип земских исследований», особенностью и отличительной чертой которого является изучение крестьянского хозяйства по его группам или «типам». Это—период увлечения так называемым комбинационно-групповым методом анализа крестьянского хозяйства, о формах и содержании которого мы будем говорить ниже, при характеристике табличной разработки стати-

стических материалов [1]). Работами марксистов, относящимися к концу 80-х и началу 90-х годов прошлого столетия, вопрос о растущей дифференциации социального состава деревни был поставлен в порядок основного исходного пункта для постановки соответствующих исследований. Наиболее яркой работой в этом направлении явилась сохранившая свое значение и для настоящего времени книга В. И. Ленина, опубликованная им от имени В. Ильина,—«Развитие капитализма в России». С методологической стороны эта работа требовала отказа от изучения крестьянского хозяйства в средних величинах и настаивала на том, чтобы жизнь его изучалась в перспективе возраставшей социальной дифференциации его слоев в связи с учетом влияния на организацию сельского крестьянского хозяйства, а также на эволюцию частновладельческих сельских хозяйств факта проникновения в сельское хозяйство вообще капиталистических отношений.

С точки зрения подведения итогов нашего знания о крестьянском хозяйстве, эта работа резюмировала следующие положения на основании анализа всех предшествовавших ей статистических исследований последнего:

1. Общественно-экономическая обстановка, в которую поставлено было современное данной работе дореволюционное

---

[1]) Еще в 1885 году известный экономист В. В. в своей библиографической заметке в ноябрьском номере „Северного Вестника“ писал о „новом типе земских статистических изданий“, имея в виду вошедшие уже тогда в употребление в печатных работах земств групповые статистические таблицы. Однако появление этих таблиц относится еще к более раннему периоду времени, повидимому, к самому началу земских статистических работ, так как уже в 1880 году мы встречаемся с первой попыткой П. П. Семенова углубить эти таблицы применением комбинационных таблиц, путем установления шести „разрядов“ (типов.—*Е. В.*) крестьянских хозяйств: 1) богатых, 2) зажиточных, 3) достаточных, 4) недостаточных, 5) бедных и 6) неимущих, с внутренним групповым подразделением их по сложной совокупности их основных признаков — размера дохода, найма сельских рабочих и батраков, потребления, наличности земли надельной и купчей, роли аренды, размера сбережений, количества скота в хозяйстве и меры его задолженности и исправности в платежах, а в 1882 году появились в черниговских земских работах знаменитые комбинационные таблицы А. П. Шликевича, о которых будет говориться в своем месте.

Е. В.

русское крестьянство, есть товарное хозяйство... Крестьянин вполне подчинен рынку, от которого он зависит и в личном потреблении и в своем хозяйстве...

2. Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли, сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплоатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков.

3. Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве составляет то, что мы называем «разложением крестьянства». Этот процесс означает коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание *новых типов* сельского населения.

4. Разложение крестьянства, развивая за счет среднего «крестьянства» его крайние группы, создает два новых типа сельского населения. Общий признак обоих типов—товарный, денежный характер хозяйства.

Первый тип — сельская буржуазия, или зажиточное крестьянство,—в настоящее время уже не представляет, в результате победы революции и политики Советской власти, значительного по своей экономической силе слоя в крестьянстве, но она все-таки продолжает в различных формах существовать и использовать для своего экономического укрепления условия НЭП'а, поэтому анализ ее состава, данный В. И. Лениным в середине 90-х годов, приходится повторить полностью.

К сельской буржуазии им относятся — самостоятельные хозяева, ведущие торговое земледелие во всех его разнообразных формах, владельцы торгово-промышленных заведений, хозяева торговых предприятий и проч. Соединение торгового земледелия с торгово - промышленными предприятиями есть специфически свойственная этому типу крестьянства форма «соединения земледелия с промыслами». Размеры хозяйства превышают здесь в большинстве случаев рабочие силы

семьи, и потому образование контингента сельских батраков, а еще больше поденщиков, есть необходимое условие существования зажиточного крестьянства. Однако употребление наемного труда не есть обязательный признак понятия сельской буржуазии. Под это понятие подходит всякое самостоятельное производство на рынок, при наличии в существующем строе указанных выше экономических противоречий.

5. Другой новый тип—сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом. Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичным представителем сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. К этой группе В. И. Ленин относит все безлошадные и большую часть однолошадных дворов.

6. Промежуточным звеном между этими двумя типами «крестьянства» является среднее крестьянство. Оно отличается *наименьшим* развитием товарного хозяйства. Самостоятельный труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под заработки, не искать «подсобных» побочных заработков, состоящих тоже отчасти из продажи своей рабочей силы, и проч. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет, и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливцев, и между низшей, в которую сталкивает весь ход общественной эволюции.

В то время, как работа тов. Ленина вызывает за собой целый ряд последующих работ в том же марксистском направлении, создавая определенное идеологическое течение в рядах статистиков-экономистов, работающих в области аграрно-экономической статистики и над ее материалами, вопросы методологии самого исследования сельского хозяйства, интерес к которому, в связи с этими работами, поднялся до не-

бывалой остроты, всецело поглотили собой внимание статистиков-практиков. Еще на одном из первых всероссийских совещаний статистиков, организованном по инициативе статистического отдела Московского Юридического Общества в 1887 году в Москве, вопрос о форме статистического исследования крестьянского хозяйства, которая дала бы исчерпывающие ответы на жгучие вопросы о происходящих внутри его экономических процессах и или подтвердила или отвергла бы предложенную работами марксистов схему их понимания, стал предметом особого обсуждения.

Этим совещанием было установлено впервые, что первичной ячейкой массового изучения крестьянского хозяйства отныне должен стать «хозяйство-двор», и было определено понимание этого «хозяйства-двора», как предприятия, ведомого одним или несколькими лицами, владеющими самостоятельными средствами существования и связанными между собой общим домашним хозяйством. В соответствии с этим был принципиально разрешен вопрос о *сплошном* подворном исследовании крестьянского хозяйства, как об основе на дальнейшее время *всех* земских статистико-экономических работ, а также была впервые отчетливо сформулирована желательная однотипная программа *минимальной подворной карточки* крестьянского хозяйства, при чем поселенному описанию, как описанию общих условий, в которых стоит хозяйственный быт сельского населения каждой данной местности, придавалось значение обязательного при подворном исследовании дополнения к нему.

Следующее совещание — 1889 года — еще раз подчеркнуло, что хотя для правильной постановки специального оценочного исследования необходимо систематическое изучение основных хозяйственных факторов, определяющих в поселенных бланках общие условия земельного хозяйства в данной местности, однако «при наличных условиях русской экономической жизни» без подворного опроса выяснение значения многих из них в этой жизни невозможно.

Разрабатывая детали подворного опроса, статистическая подсекция 1894 года. по докладу покойного А. А. Русова, приняла постановление о необходимости и важности изучения и

статистического учета инвентаря крестьянских хозяйств и о координации приемов научных почвенно-геологических и естественно-исторических исследований, как общих предпосылок сельского хозяйства в данной местности, с приемами статистического исследования их, основанными на суммировании индивидуальных наблюдений и показаний хозяев, собираемых, главным образом, путем их личного опроса или корреспондентским способом.

Четыре года спустя, в 1898 году, состоялось два новых совещания статистиков — в Москве и в Киеве.

На первом из них, по докладу А. В. Пешехонова о «Технике хозяйственного учета земель в Козельском у. Калужской губ.», было принято постановление продолжить исследования калужских статистиков в области сравнительной оценки значения в общем экономическом быте крестьянства отдельных бюджетных статей его хозяйства и признать необходимой дальнейшую разработку подворно-выборочного метода их учета, предложенного этими же статистиками.

На том же совещании с новой силой был выдвинут вопрос о подворных переписях и взаимоотношениях подворного описания с поселенным. Установив «предпочтительность первого над вторым», состоящую в том, что «подворная перепись дает возможность производить регистрацию хозяйственных явлений в их простейших и конкретных выражениях, тогда как при поселенном опросе могут быть собраны только обобщенные данные, носящие несомненные следы суб'ективной оценки опрашиваемых хозяев», совещание, тем не менее, не нашло еще для себя возможным окончательно отказаться от последнего. Оно вынесло все же постановление о необходимости при повторных основных исследованиях хозяйственного быта сельского населения применять оба приема—и подворное описание и поселенный опрос,—признав при этом возможным при повторных исследованиях подворное описание производить по сокращенным программам с повторением их через каждое пятилетие и с добавлением к ним выборочных описаний типических селений, типичность которых устанавливается данными сплошного основного поселенного исследования подробной программы, и выборочных же описаний в каждом из этих

селений типических хозяйств, производимых по детально разработанным костромского типа бюджетным программам.

Из постановлений киевского совещания статистиков того же года интересно постановление по докладу В. К. Руднева о необходимости изучения промысловой деятельности крестьянского хозяйства-двора и необходимости разработки самих приемов регистрации крестьянских промыслов.

С 1900 года открывается новая эра в жизни и деятельности аграрно-экономической статистики русских земств.

Резюмируя весь пройденный ею до этого года путь в деле изучения мелкого крестьянского хозяйства и намечая дальнейшие задачи его, в следующих словах определили в совещании статистиков 1900 года эти задачи два маститых земских работника — Н. Ф. Анненков и Н. Н. Черненков — в своих речах:

«Когда начались статистические работы русских земств,— указал Н. Ф. Анненков, — то служебную и частную работу определения ценности и доходности земель и других недвижимых имуществ, для исполнения которой были созданы при земствах статистические бюро, быстро заслонила и поглотила другая, более общая задача—изучение экономических и других общих условий народного быта...

«Тогда возникла грандиозная работа, созданная условиями момента, и был выработан известный тип статистических операций общеэкономического характера; тип очень оригинальный и достигший у нас большой степени совершенства.

«Это именно была *подворная перепись*».

«Что такое подворная перепись? Это — такое общее исследование, которое охватывает все стороны крестьянского хозяйства, но которое, в то же время, берет лишь известный момент исторической народной жизни.

«У нас широко развился и достиг довольно высокой степени совершенства этот тип статистики.

«Второй тип статистики, это — наблюдение за текущей экономической жизнью, *статистика процесса жизни*.

«Прежде чем перейти к текущей статистике, надо было крепко поставить на ноги статистику общих экономических

условий, и это было сделано с большим успехом в виде *подворных переписей*...

«Перед земскими статистиками теперь выдвигаются не менее громадные задачи...

«Мы теперь живем в такое время, когда идет ломка всех хозяйственных устоев жизни...

«Мы должны дать твердые и определенные вехи, по которым можно было бы судить об экономическом положении, о средних условиях народного быта. Нам теперь важно видеть общую физиономию русского хозяйства; те условия, в которых складывается земледельческое производство...

«Теперь, когда вся экономическая жизнь и сельское хозяйство находятся в переходном периоде, когда чистый тип хозяйства нарушен, выдвигаются новые формы его, мы присутствуем при борьбе этих новых форм со старыми, когда некоторые из старых форм хозяйства падают и заменяются новыми и т. п.,— и теперь, при таком положении вещей, имеет громадное значение *не только изучение средних условий данного момента, но и перепись сама по себе, наблюдение над совершающимся процессом. Этим условиям должна отвечать наша текущая статистика.* Из этого зерна нашими совокупными усилиями должна развиться такая общая работа, которая осветит *эволюцию сельского хозяйства*».

«*В настоящее время* — продолжал мысли Н. Ф. Анненкова Н. Н. Черненков —*главной задачей исследований земской статистики становится уже не статика, а динамика народной жизни, народного хозяйства*».

И вот, подходя к задачам момента именно с этой стороны, совещание статистиков 1900 года главнейшим предметом своих занятий ставит вопрос изучения *динамики народного хозяйства и законов его эволюции* двумя путями: во-первых, изучением уже собранных земской агр. статистикой данных о сел.-хоз. быте нашей страны, главным образом о сел.-хоз. жизни и деятельности нашего крестьянства и образуемых им различных форм сельско - хозяйственных предприятий и хозяйств-дворов, и, во-вторых, — широкой постановкой беспрерывных, текущих наблюдений над совершающимися в хозяйственной жизни русского крестьянства процессами путем планомерной

и методичной организации текущей статистики, постановка которой до того времени различными земствами производилась несогласованно и к тому же нарушалась разного рода привходящими причинами.

В соответствии с этим, совещанием 1900 года было принято постановление о производстве в каждой губернии в один и тот же период времени новых подворных переписей сельских хозяйств, хотя бы в рамках наиболее характерных районов их или небольших групп селений, с тем, чтобы эти переписи проходили по хозяйствам, уже описанным прежними переписями, и таким образом могли бы фиксировать все те изменения в них, которые за истекший между переписями период в них произошли.

Вместе с тем были признаны желательными ежегодное повторение этих переписей в порядке текущей статистики по возможно широкой, приближающейся к бюджетному типу, программе и сводка получаемых от всех исследований как основного, так и текущего характера, материалов не только по административным единицам, в границах губерний, уездов и волостей, но и по хозяйственным районам, границы которых предполагалось установить на основании даваемых этим материалом особенностей для каждого района характера и строя существующего в нем крестьянского хозяйства.

Тем же совещанием была подтверждена необходимость разработки данных подворных переписей, в интересах изучения существующего расчленения крестьянского хозяйства на группы и типы, в форме групповых и комбинационных подсчетов этих данных, о которых упоминалось выше.

Однако для группового подсчета подворных материалов совещание 1900 года оказалось бессильным указать какой-либо один «универсальный» признак, которым оказалось бы возможным исчерпать и характеризовать все формы экономической жизни сельского населения.

Вместо того, совещанием было предложено земским статистикам из всех оснований, применявшихся до сего времени в практике земской статистики, простой группировки дворов, по отношению к земледельческим хозяйствам, признать наиболее удачным и наиболее пригодным в *практических целях уста-*

новления сравнимости хозяйств по районам — посевную площадь.

Против этого предложения с возражениями выступило довольно значительное меньшинство совещания, в речах своих представителей—П. А. Вихляева и В. К. Кузнецова — указавшее, что посевная площадь уже потому не может считаться «наиболее удачным и наиболее пригодным для сравнимости хозяйств» признаком, что она *не есть* экономический фактор, а лишь технический прием, различно характеризующий хозяйства при разных системах ведения их и слишком неустойчивый вследствие того, что «посев посеву рознь», и что посевы подвержены влияниям различных внешних условий, отличных по разным местностям и разным годам.

Однако предложение «меньшинства»—на основании пред'явленного им «отвода» против «посевной площади», как признака, наиболее удачно характеризующего земледельческие хозяйства, вместо нее за такой признак принять размер надельной земли и падающее на единицу ее количество рабочего скота, как признак экономический, при котором, якобы, все остальные признаки располагаются в правильные ряды,—сочувствия большинства не встретило и было совещанием отклонено, вызвав лишь включение в принятое им постановление о посевной площади поправки о том, что «в местностях, где посевная площадь не имеет существенного значения в сел.-хоз. деятельности двора, группировка по посевной площади делаться не должна», и «что в дополнение к ней вообще следует ввести, в качестве параллельного признака, характеризующего сел.-хоз. сторону жизни деревни, признак, который характеризовал бы и промысловую сторону двора, схематически слагающегося из двух частей — из деятельности сел.-хозяйственной и промысловой».

Тем не менее. возражения против этого постановления в дальнейшем не прекратились.

В середине девятисотых годов против него с сильной критикой выступил проф. А. А. Чупров, в своем очерке «О приемах группировки статистических наблюдений» предложивший статистикам пересмотреть свое решение и вернуться к группировке крестьянских хозяйств по признаку наделен-

ности, являющемуся, по мнению проф. А. А. Чупрова, в условиях исторической жизни русского крестьянского хозяйства-двора единственным его исторически-факториальным признаком; в то время как «посевная площадь» в отношении этого двора не только не является таким признаком, но даже больше — как признак-следствие совершенно бессильна осветить многие вопросы его существования.

Вначале это предложение проф. А. А. Чупрова встретило поддержку лишь в ограниченном кругу московских статистиков старой школы, проф. А. Ф. Фортунатова и Н. Каблукова.

В частности, советом его воспользовался в своих специальных исследованиях по Смоленской губ. А. В. Чаянов, пошедший даже дальше своего учителя и в основание группировки изучавшихся им крестьянских хозяйств положивший не самую «наделенность» их землей, а *«отношение части полного надела — надельной пашни — к рабочей* силе хозяйства» [1]).

Но затем, лет десять спустя, предложение проф. А. А. Чупрова было поддержано также полтавскими статистиками, при разработке материалов третьей подворно-хозяйственной переписи 1910 года по Полтавской губ. в основание группировки этих материалов положивших не «посевную площадь», а расширенное понимание «наделенности хозяйства землей—степень их обеспеченности собственной удобной землей» на том основании, что «если до 1900 года, когда сельское население России жило преимущественно в условиях натурального хозяйства, «посевная площадь» являлась наиболее важным и определяющим признаком для его хозяйства, то для настоящего времени, по мнению полтавских статистиков, она уже не могла быть признана хоть сколько-нибудь отвечающей этому назначению, так как с того времени, как то отчасти констатируется и данными текущей статистики, весь хозяйственный строй нашего крестьянского хозяйства претерпевает коренные изменения, вслед-

---

[1]) Этот новый прием группировки, введенный А. В. Чаяновым в исследования довольно узкого и специального характера с различными вариациями, в аграрной статистике русских земств не привился, ибо он оказался совершенно неприменимым к исследованию результатов широких и обширных экономических исследований. *Е. В.*

ствие чего наиболее «влиятельным признаком его, повелительно определяющим весь комплекс современных хозяйственных условий его жизни и развития, становится уже не посевная площадь, а степень обеспеченности хозяйств *собственной* удобной землей». (См. «Третья подворно-хозяйственная перепись Полтавской губернии 1910 года». Изд. полтав. губ. земства. Полтава, 1914 г. Введение. Стр. XXII—XXIV).

Таким образом вопрос о преимущественном значении, как наиболее пригодного в качестве группировочного, признака «посевной площади» перед признаком «наделенности» или «обеспеченности хозяйств землей» и наоборот, приходится считать открытым и для настоящего времени.

Возвращаясь после этого отступления еще раз к совещанию 1900 года, необходимо отметить его чрезвычайно важное постановление о признании им за единицу статистического исследования, на-ряду с владением», как единицей специально оценочной, экономической единицы—«хозяйства»—и его предложение земским статистикам, ввиду затруднительности сплошного описания всех крестьянских хозяйств данной местности, итти путем отбора и регистрации среди наиболее типичных, при чем основанием этого отбора должна оставаться основная сплошная подворная перепись с регистрацией главнейших экономических и хозяйственных признаков крестьянского хозяйства данной местности.

Определенные задачи были поставлены совещанием и так называемым комбинационным группировкам крестьянских хозяйств сразу по нескольким признакам, цели которых им были формулированы в двух рубриках: а) выяснение значения отдельных условий или факторов в жизни крестьянского двора при большем или меньшем равенстве всех прочих условий и б) выяснение исторически сложившегося к данному моменту расчленения хозяйств на типы и группы в данной местности; при чем, для достижения первой цели, совещанием признаны необходимыми возможно более разнообразные способы группировок хозяйств по разным сочетаниям признаков, для достижения же второй — предварительного расчленения дворов на группы и типы сообразно результатам детального изучения и сравнения материалов подворных переписей.

Это постановление совещания статистиков 1900 года о задачах комбинационных группировок крестьянских хозяйств и их предварительного расчленения на группы и типы возвращает нас к вопросу самой методики этой операции и ее внутреннего смысла, затронутому нами в начале настоящей главы в связи с вопросом о классификации сел.-хоз. предприятий-хозяйств по их внешним и внутренним признакам и определении их нормального или «идеального» типа, как единственно возможного социально-экономического критерия самой правильности этой классификации.

При этом нам приходится остановиться на схеме этого расчленения, предлагаемой Н. П. Огановским, по трем группам признаков, из которых в первую группу—признаков основных—он относит наделы, посев и скот; во вторую группу—признаков дополнительных—купчие земли, аренду, сдачу, способы обработки, и в третью—группу прямых признаков, указывающих, по его мнению, на пролетаризацию-капитализацию крестьянского хозяйства,—наемный труд, продажу-покупку хлеба, забывая при этом о земледельческих неземледельческих промыслах, представляющихся, повидимому, Н. П. Огановскому нехарактерными для сельского крестьянского хозяйства-двора.

Эта «схема» не может быть названа современной, ибо, как мы видели в начале настоящей главы, и теоретическая мысль нашей отечественной аграрной статистики, и практика наших земств уже давно отказались от идеи, идя путем комбинирования чисто внешних признаков хозяйства-двора, каковыми по существу являются все сведенные в три группы признаки Н. П. Огановского, дойти до такой классификации его различных форм, до такого расчленения его на группы и типы, которое не вызывало бы против себя никаких принципиальных возражений.

Они перешли к выявлению внутреннего строя интересующего их массового естественно-социального явления — крестьянского хозяйства-двора—и к установлению взаимоотношений в нем тех внутренних признаков, которые только и определяют этот его внутренний строй и указывают на его отношение и на степень его отклонения от так называемого типа нормаль-

ного или идеального. Нормального — при данных условиях в данной местности; идеального — по степени осуществления в нем хозяйственного и этического идеала.

Изучение социальных типов хозяйств, изучение их организационных форм и изучение взаимозависимости, а также силы ее элементов и факторов, действующих в сельском хозяйстве,— вот те задачи, которые стояли перед аграрно-экономической статистикой русских земств в последний период ее существования, дававшей в конечном счете, в своих сводных комбинационных таблицах, детальный анализ как самых средств производства, распределения труда между различными отраслями его и результатов самого производства, так и тех колебаний по различным группам сельского хозяйства-двора его отдельных элементов, без учета и оценки которых невозможно понять ни формы ни содержания самого хозяйства.

В историческом развитии русской агр.-эконом. статистики это обозначало победу так называемого организационно-производственного направления в ней над главенствовавшим до 90-х годов направлением социально-экономическим.

Идеологом этого направления мы назвали покойного проф. В. Г. Бажаева, с особой четкостью изложившего теорию его в своем докладе статистической подсекции XII с'езда естествоиспытателей и врачей — «О статистическом изучении систем земледелия», выдержки из которого мы приводили.

Однако основную идею этого нового статистического воззрения,—идею внутренней автономности и целостности хозяйства, как хозяйственной организации, во всех своих частях. во всех входящих в нее элементах сел.-хоз. производства, взаимно соподчиненной единой общей цели—идее хозяйства, или, как выражается проф. Косинский, «*интересу хозяйствующего центра*», — мы находим еще раньше у А. В. Пешехонова, в его исследовании крестьянского хозяйства по Козелецкому уезду.

К тому же направлению временами приближается и П. А. Вихляев — в заключительной главе своей работы о «Влиянии травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства» (в Москов. губ.) и в исследованиях по Тверской губ.

Наиболее же ярко организационно-производственные воззрения представлены у А. В. Чаянова, Б. Д. Бруцкуса и в

особенности у А. Н. Челинцева и его школы харьковских статистиков 1917—1920 г.г.

У них находит себе наиболее последовательную и глубокую разработку идея организации хозяйства в основных ее гранях.

Развивая в одной из глав своей работы «Крестьянское хозяйство и его эволюция» («Ученые труды Кооперативного института», Москва, т. I, изд. Совета всероссийских с'ездов) идею необходимости синтеза этих двух основных течений в аграрно-экономической статистике русских земств — социально-экономического и организационно-производственного, — Н. Макаров в таких чертах передает сущность воззрений указанных выше исследователей:

«Идея суб'ективной целостности и единства хозяйства наиболее развертывается у А. В. Чаянова в его «Очерках по теории трудового хозяйства», но и во всех других его работах мы встречаемся все с той же идеей «единства организационного плана земледельческого хозяйства». — «Нет ни одной отрасли хозяйства, которая не была так или иначе связана со всеми другими отраслями (см. Сборн. лекций по льняному делу. Моск. 1915 г., стр. 63), а в другом месте он пишет: «Абсурдно представить себе душу человека на пустом месте, ибо эта душа есть не более как качественный и количественный способ сочетания производственных сил хозяйства, теснейшим образом зависящий и отвечающий на запросы всех внешних воздействий — короче, это есть организационный план хозяйства». (*А. Чаянов:* «Лен и другие культуры». М. 1912, стр. VII—VIII). «Не существует отдельных культур, отдельных сторон хозяйства, а есть только одно хозяйство, одна хозяйственная система, и малейшее изменение в одном из ее звеньев неизбежно отражается и на других». (*А. Чаянов.* Ibidem.)

Но весь план подчиняется у Чаянова, в конечном итоге, давлению основной главной идеи для него: соотношению между едоками—потребительными запросами семьи—и рабочими производственными силами хозяйства. В этом своеобразии и выражается суб'ективное единство хозяйства и его давление на всю хозяйственную жизнь. И к вопросу о роли отдельных культур, и к вопросу о применении орудий и т. д. автор подходит через

призму этого отправного пункта—*внутрихозяйственной связи* едоков и работников.

Б. Д. Бруцкус заостряет эту идею о суб'ективном единстве, когда в предисловии к русскому переводу Аэробоэ— «Основы сел.-хоз. экономии»—подчеркивает связь новых течений в сел.-хоз. экономии со столь дорогим для буржуазной экономии «принципом предельной полезности», как с суб'ективным оценочным принципом, и говорит, что вместо прежнего, малосвязанного рассмотрения организации отдельных частей производства, проф. Аэробоэ конструирует всю организацию хозяйства, исходя из одоного экономического принципа, который состоит в подразделении каждого элемента производства, входящего в состав взаимодействующей системы, на последовательные доли. (*Аэробоэ:* «Основы сел.-хоз. экономии», предисловие.)

Это не мешает, однако, Б. Д. Бруцкусу в своих статьях «Об основном законе сельского хозяйства» и «Очерки крестьянского хозяйства в Западной Европе» и, в особенности, в статьях о «системах сельского хозяйства» говорить об об'ективной организационной целостности хозяйства и утверждать, что подавляющее большинство сел.-хоз. предприятий представляет из себя своего рода организмы, состоящие из множества координированных между собою частей. Отсюда и слово «система» в применении к хозяйству часто значит у него нечто, составленное из нескольких частей, соединенных в одно целое. (*Бруцкус:* «К критике учений о системах хозяйства»,—«Журнал сел. хозяйства и лесоводства», 1909, сентябрь, стр. 3—4.)

А. Н. Челинцев в своих статистических исследованиях русского сельского хозяйства по районам, вслед за Б. Д. Бруцкусом, устанавливает «генетические признаки» сельского хозяйства, которые сводятся к трем следующим группам:

а) к способам поддержания плодородия, изменения коих соединены с

б) переменами в доле пахоты относительно естественных кормовых угодий, в пользовании пахоты и

в) с положением, ролью и экономической формой нерабочего скотоводства.

Эти грубо технические признаки устанавливают определенную *об'ективную* точку зрения, при помощи которой А. Н. Че-

линцев без конца подходит к анализу жизни хозяйств самых различных районов и частей света. (*А. Челинцев:* «Очерки по сел.-хоз. экон.»; «Культ. уровень сельск. хоз. по эконом. район. Европ. Росс.», стр. 265).

«Генетические признаки — говорит А. Н. Челинцев — наиболее важны и всего лучше характеризируют сущность сел.-хоз. производства, т.-е. его условия организации, уровень техники и производительность сел.-хоз. площади... Нужные нам признаки должны стоять в тесной связи с общей организацией хозяйства, и даже севооборот не должен быть взят без других признаков, указывающих на всю обстановку и строй хозяйства». (*А. Н. Челинцев:* «Очерки по сел.-хоз. экономии», «Журнал сел. хоз. и лесоводства», 1910, кн. X.)

Однако А. Н. Челинцев не обходит ни влияния экономических особенностей крестьянского хозяйства на его организационный строй, ни влияния на тот же строй экономических условий, стоящих вне хозяйства.

К первым он относит те экономические признаки, которые определяют крестьянское хозяйство, как трудовое: постоянство среднего уровня крестьянской семьи, ограниченность в крестьянском хозяйстве количества живого человеческого труда, с одной стороны, числом работников в семье, с другой—степенью «самоэксплоатации», ограниченность предела рабочих дней собственных работников на 1 дес. хозяйственной площади, зависимость от размера хозяйственной площади состава и состояния сел.-хоз. отраслей — земледелия и животноводства, зависимость от меры самоэксплоатации собственной рабочей силы, высоты потребительного бюджета на одного едока и т. д. или, коротко — «строй потребления хозяйствующей семьи» и «запас реализуемого в хозяйстве труда». Эти признаки А. Н. Челинцев называет внутрихозяйственными факторами организации сельского хозяйства. (См. проф. *А. Н. Челинцев:* «Теоретические основания организации крестьянского хозяйства». Харьков, 1919, стр. 6—10.)

Ко вторым он относит рынок на сел.-хоз. продукты, определенно подчеркивая влияние на тип сельского хозяйства не только степени удаленности и силы развития этого рынка, но и рода и количества сбываемого продукта.

Этому влиянию он придает такое исключительно важное значение, что не затрудняется признать, что сложившийся строй сел.-хоз. рыночных отношений является показателем стадий развития сел.-хоз. производства (ibid., 53 стр.), но тут же подчеркивает, что влияние рыночных отношений на тип организации местного хозяйства со своей стороны является как бы производным фактором, так как оно «осложняется влиянием природной обстановки» (напр., состоянием грунта проселочных дорог, присутствием водной артерии и пр.) (ibid., стр. 57.)

Что касается рыночных цен на сел.-хоз. продукты, то им А. Н. Челинцев отводит крайне ограниченную роль в смысле их влияния на организационные формы крестьянского хозяйства, устанавливая, что цены на сел.-хоз. продукты получают организационное значение только в пределах тех местных рыночных отраслей сел. хозяйства, кои по всему укладу хозяйства являются *единственным средством* (курсив наш.—*Е. В.).* дальнейшего расширения производительности площади хозяйства, которая иначе была бы недостаточна (ibid., стр. 63).

Комплицировано и влияние на строй сельского крестьянского хозяйства его удаленности от рынка. Оно связано с внутрихозяйственными факторами его организации—с плотностью сел.-хоз населения, или со степенью земельного утеснения—это с одной стороны, а с другой—с неодинаковой затратой трудовых усилий на доставку сел.-хоз. продуктов на рынок (ibid., стр. 64).

В общем, А. Н. Челинцев в закон Тюнена о влиянии на состояние и строй сел.-хозяйства расстояния его от рынка вносит поправку, ограничивая правильность этого закона рамками «одной и той же плотности с.-х. населения при прочих одинаковых условиях» (ibid., стр. 67).

Кроме указанных внутрихозяйственных и внешнехозяйственных признаков, влияющих на организационный строй сельского крестьянского хозяйства порознь и в различных состояниях, в разной мере и степени этих влияний для разных «типов» хозяйств, А. Н. Челинцев посвящает в том же труде «Теоретические основания организации крестьянского хозяйства» особую главу «промыслам», как условию организации его сельского хозяйства, рассматривая их, как своего рода проме-

жуточный—и внутрихозяйственный и внешнехозяйственный,—но все же в конечном счете экономический фактор.

Влияние внутрихозяйственных факторов организации сел. хозяйства в крестьянском хозяйстве А. Н. Челинцев подробно анализирует в отношении различных отраслей последнего: на земледелие, на связь земледелия с животноводством, на животноводство, вообще на разные отрасли продуктивного животноводства, на рабочее скотоводство, на птицеводство, но синтеза своим выводам не дает, в разультате чего от его чрезвычайно ценной работы, по существу, остается досадное впечатление недоконченности, недоговоренности.

Надо полагать, что синтез этот нашел себе законченное выражение в его другом солидном труде, изданном в Харькове в 1920 году под заглавием «Основные вопросы экономии и организации крестьянского хозяйства», к сожалению, не имеющемся у нас под руками, в котором, судя по заглавию, он пытается осуществить высказанную почти одновременно с ним Н. Макаровым в его, нами уже неоднократно цитированном, труде «Крестьянское хозяйство и его эволюция», идею синтеза обоих направлений в русской аграрно-экономической статистике.

Прямым продолжателем идей А. В. Чаянова является его последователь, московский сел.-хоз. статистик-экономист А. А. Рыбников, в своих работах по льноводству в крестьянском хозяйстве не раз с большой рельефностью выражавший идею целестности хозяйства.

«Если мы изобразим затрату труда крестьянского хозяйства в виде круга и впишем в этот круг льноводство в виде сектора, то при расширении сектора мы увидим, что остальные области хозяйства начинают отступать, сокращаться...» (*А. Рыбников:* «Крестьянское промышленное льноводство», Москва 1915, стр. 6.)

На точке понимания «производственной замкнутости» и «ограниченности» как исходных пунктов организации сельского крестьянского хозяйства стоял и Н. Макаров, в итогах своей работы о крестьянском хозяйстве в Моск. у. в 1914 году формулировавший свое отношение к крестьянскому хозяйству, как к «целесообразной, внутренне закономерной системе дей-

ствий и отношений», как к какой-то «замкнутой производственной величине...»

Как мы видели выше, А. Н. Челинцев раздвигает сильно границы этой «замкнутости» в своих исследованиях, указывая на зависимость организационного строя крестьянского хозяйства не только от его генетических, организационно-производственных, узко-внутренних признаков, дополняемых внутрихозяйственными, но и от признаков экономических, внешних к этому хозяйству, и даже от признаков природных — естественно-исторических.

А в 1920 году и Н. Макаров должен был признать, что «организационно-производственное направление не может сколько-нибудь долго удерживать свой анализ вне социально-групповых представлений», ибо за это время уже выяснилось, что «постоянное общение и ход идеологической истории» мало-по-малу приводили к тому, что оба направления, «а вместе с тем и содержание понятий двух указанных категорий», все чаще и чаще стали «персонально об'единяться». Происходило как бы взаимное «психическое заражение». Одни и те же вопросы все чаще становились интересными для обеих сторон, но особенно для «организационно-производственной школы».

«Процесс взаимного проникновения двух течений совершался тем путем, что социально-экономическое направление переходило к организационно-производственному анализу отдельных социально-экономических групп хозяйств для выяснения своей социально-экономической проблемы», а в организационно-производственном течении, в то же время, совершался «все больший переход к анализу организации хозяйств в различных социально-экономических группах хозяйства», и этот переход «совершался тем легче, чем развивался взгляд на группы хозяйств, тоже как на стадии эволюции организации хозяйства». (*Н. Макаров:* «Крестьянское хозяйство и его эволюция» т. I, стр. 58 и стр. 55.)

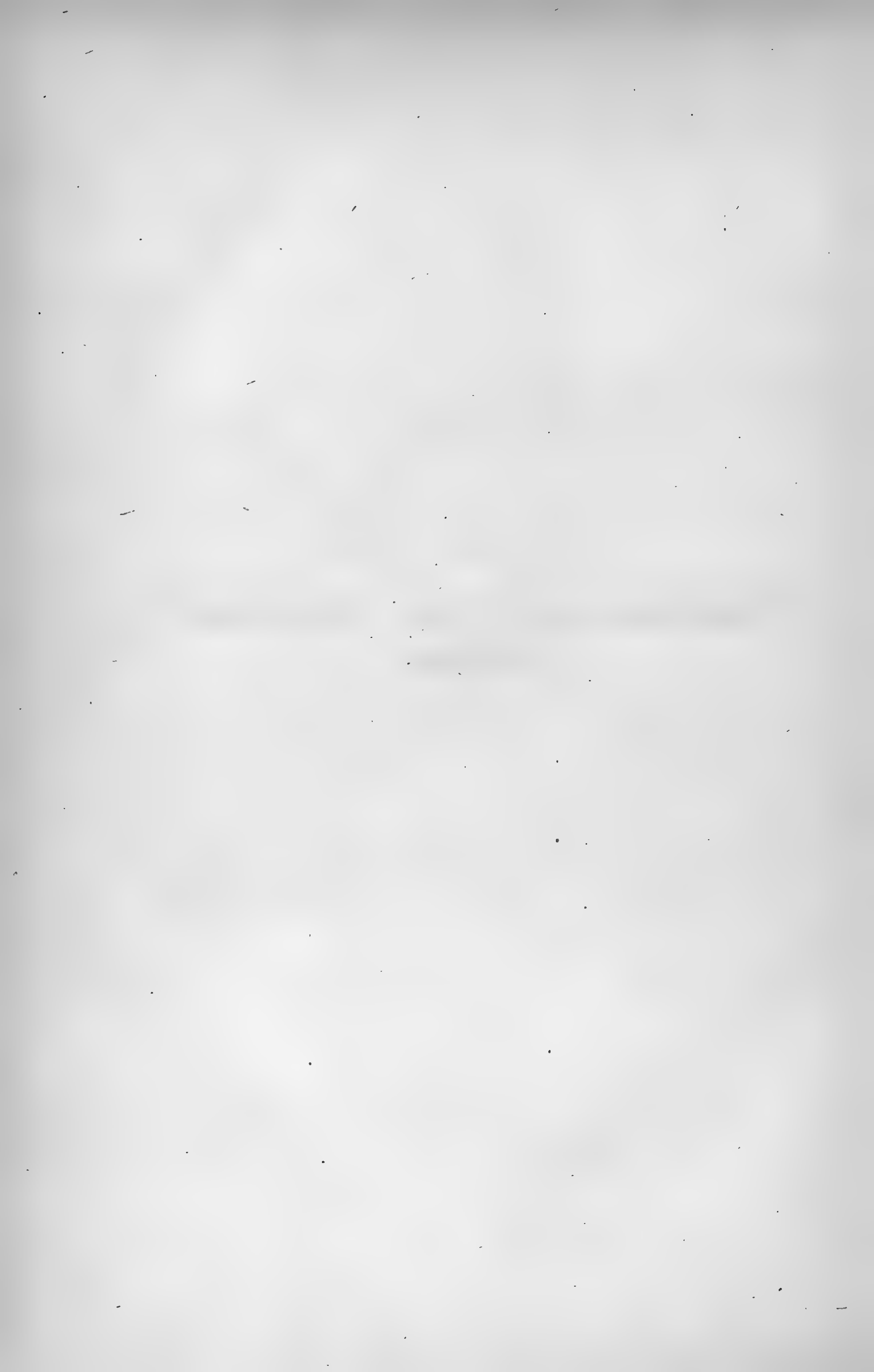
С другой стороны, еще раньше, чем начался процесс об'единения в аграрно - экономической статистике России ее двух основных, социально - экономического и организационно-производственного, направлений, в общем ходе ее исторического развития особое значение приобретает метод так называемых

бюджетных исследований сельско-хозяйственных предприятий-дворов, который, выйдя из недр социально-экономического направления, стал, в конце концов, основным фундаментом как методологическим, так и материальным, для всего организационно-производственного направления. Значение в историческом развитии русской аграрно-экономической статистики этих исследований настолько велико, что мы считаем необходимым посвятить им отдельную главу.

Однако перед этим мы считаем необходимым указать, что, излагая выше столь подробно взгляды и методические подходы к изучению сельского хозяйства Бруцкуса, Членова, Макарова, и Челинцева,—мы лишь отдали этим долг исторической об'ективности. По существу же взгляды и методы их совершенно неприемлемы с марксистской точки зрения. Представляя собой последователей школы предельной полезности, они отличаются друг от друга лишь степенью своей методической двойственности. У всех этих авторов сохраняются всецело основные методологические приемы народничества—вещный об'ективизм (воплощение естественных свойств в природе) у них легко уживается с социальным суб'ективизмом; примат потребления совмещается с приматом товарного производства; к этому присоединяются неизбежный эклектизм всех основных положений их, неисторичность и грубоватый эмпиризм. Они, каждый по своему, меняют вехи своих прежних народнических идеологий, но к марксизму это их мало приближает. Сознательно или подсознательно они фальсифицируют марксизм, по существу же остаются его принципиальными противниками. Этого нельзя забывать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Специальные отрасли аграрно-экономической статистики

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

БЮДЖЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ БЫВШИХ ЗЕМСТВ.

Вот как характеризует Г. Студенецкий в предисловии ко второму изданию выпущенной им совместно с проф. А. Чаяновыми «Истории бюджетных исследований» (Изд. Ц. С. У., Москва 1922 г.) значение в «социальной науке» бюджетных исследований вообще и сельско-хозяйственных предприятий в частности [1]):

— «В наши дни бюджетное исследование уже завоевало себе права гражданства и вошло в научный обиход. На изучении личного бюджета строится теория потребления, огромный материал по крестьянским бюджетам ложится в основу организационно-производственного анализа крестьянского хозяйства. И именно в этой последней области метод бюджетного исследования дал самые блестящие результаты своего применения. Изучение организационного плана крестьянского хозяйства, природы крестьянского сельско-хозяйственного производства и взаимодействия его со всеми внутри-и внехозяйственными факторами, учет доходности всех отраслей крестьянского сельского хозяйства, отыскание оптимальных форм его организации и организационных минимумов в наличной организации, построение совершенной системы общественно-агрономической помощи крестьянскому хозяйству,—

[1]) Оба эти автора представляют в аграрно-экономической статистике течение неонародничества, сменяющего довольно решительно свои вехи в сторону признания основных экономических положений марксизма. Однако эволюция их взглядов в этом направлении далеко не закончена, и потому позиции их весьма компромиссны. Из их труда мы заимствуем лишь фактическую характеристику предмета.

все эти исключительные по своей важности проблемы начали удачно разрешаться путем, главным образом, глубокого изучения крестьянских бюджетов. Бюджетный производственный анализ сделался специфическим орудием современной сельско-хозяйственной экономии. И дальнейшее ее развитие в области теории и организации крестьянского хозяйства может мыслиться только на почве научной разработки огромного бюджетного материала».

Что же касается роли бюджетных исследований и их методологии специально в аграрно-экономической статистике, то на этот вопрос отвечает в предисловии к первому изданию того же труда его второй автор — проф. А. Чаянов.

— «За последнее десятилетие (предисловие написано в 1915 г.),—говорит проф. А. Чаянов,—развитие экономической деятельности государства, органов самоуправления, кооперативных и иных общественных учреждений поставило перед русской хозяйственной статистикой целый ряд новых задач, заставивших ее значительно расширить и углубить круг своих методов. Одним из важнейших начинаний в этой области явилось развитие так называемых «бюджетных исследований». До сего времени статистики, исследовавшие народно-хозяйственную жизнь, обращали внимание преимущественно на регистрацию *наличности хозяйственных ценностей*, находящихся в распоряжении хозяйствующего населения. Легкость регистрации наличных предметов, большая точность получаемых результатов обеспечили этому направлению хозяйственной статистики решительное преобладание. Из этого метода выросли русские земские подворные переписи, официальные регистрации владений, угодий и посевов, а равно и аналогичные им статистические учеты. Русские земские статистики, ставившие перед собой, помимо оценочных целей, широкие задачи изучения социальных отношений русской деревни и ознакомления с условиями хозяйственной деятельности крестьянских семей, прибегали в этом случае к учету наличности основных хозяйственных ценностей (добавим—к учету и к оценке их доходности, т.-е. их значения в общем балансе хозяйств.—*Е. В.*), как-то: земли, угодий, посевов, скота, построек, инвентаря и проч., пользуясь учетом других явлений только

как подсобным средством. Однако практика государственных и общественных учреждений (и требования научного интереса— еще раз добавим мы, не соглашаясь с таким подчеркиванием проф. Чаяновым исключительно фискально-прикладной роли бюджетных исследований.—*Е. В.)* по мере своего углубления и народно-хозяйственную жизнь не могла уже ограничиваться ознакомлением с наличностью принадлежащих хозяйству ценностей и нуждалась в познании характера и форм хозяйственного оборота этих ценностей. Учет капиталов хозяйства и их производственного оборота, денежные и натуральные приходо-расходы, валовой и чистый доходы хозяйства, движение денежной наличности, затраты труда семьи и распределение их во времени и другие моменты хозяйственного оборота сделались (под влиянием всего этого.—*Е. В.)* предметом внимания статистиков».

Основой построения методологии бюджетных исследований осталось введенное марксистским пониманием внутренних процессов экономического расслоения крестьянства в практику статистических исследований сельского хозяйства России представление о различных экономических группах или типах крестьянского хозяйства, определяемых степенью овладения им товарными отношениями, сопутствующими проникновению в земледелие капитализма. Как мы сказали выше, В. И. Ленин был одним из первых экономистов, пытавшихся еще в середине 90-х годов прошлого столетия учесть количественно степень и определить типы этого расслоения крестьянского хозяйства, впервые введя в методологию изучения вопроса требование не только отказа от ничего не говорящих «средних цифр», но и внимания к происходящим внутри указанных им группировок крестьянского хозяйства под влиянием экономических противоречий, вызываемых внедрением в земледельческое хозяйство деревни капиталистических отношений, организационным процессам, к внутреннему строю крестьянских хозяйств и их бюджетам. В 1908 году, примыкая всецело к воззрениям Ленина-Ильина, П. И. Лященко, в своих «Очерках аграрной эволюции», еще раз подчеркивает влияние как на организацию основных типов крестьянского хозяйства, так и на внутренний строй самих хозяйств-дворов

торгового капитала и указывает на важность изучения, в связи с этим, вопроса о взаимоотношениях внутри их хозяйственных элементов, в их отношении к общему бюджету предприятий и к его внутреннему составу.

Работам марксистского лагеря отвечают работы народников и представителей буржуазного лагеря. Вопрос ставится в порядок длительной и страстной дискуссии, вызывающей в широких статистических кругах потребность к возможно большему углублению самих методов исследования происходящих внутри крестьянского хозяйства процессов и его внутреннего строя.

Под непосредственным влиянием марксизма в аргарно-экономической статистике происходит пересмотр и углубление методологии группировки статистических материалов о крестьянских хозяйствах, задачей которой ставится уже уловление не только количественных взаимоотношений и отличий различных групп их одной от другой, но и анализ их качественного состава. В основу этого качественного анализа кладутся бюджетные исследования. Однако первые работы в этом направлении, опубликованные до начала настоящего столетия в количестве 35 монографий, за исключением одного лишь исследования по Козелецкому уезду Калужской губернии, проведенного под руководством А. Пешехонова, носят еще сравнительно односторонний характер, изучая, главным образом, потребление и всецело примыкая к социально-экономическому направлению аграрно-экономической статистики. Среди них наибольшее значение имело воронежское исследование, проведенное в 1884—1896 годах прошлого столетия и опубликованное в «Сводном сборнике по 12-ти уездам Воронежской г.» в 1897 году. Это исследование было проведено по особой программе, которая сложилась не сразу, а путем постепенного развития двух начал: а) необходимости, с точки зрения экономической науки, полного учета важнейших признаков хозяйства или двора, как основной ячеечной формы переписей, и б) важности, согласно требованиям статистики, расчленения общих явлений, характеризующих эту форму, на частные, простейшие, при цифровом оформлении их. Отличие воронежской программы, в связи с этим, от первоначальной московской со-

стояло в том, что в то время, как московская программа обнимала, главным образом, одни производительные признаки крестьянского хозяйства, с регистрацией в общих, так сказать, их выражениях (население, промыслы, строения, торговля, промышленные заведения и проч. отмечались в ней лишь цифрами в виде общих итогов и даже иногда в форме неопределенных количественных перечней),—воронежская программа вводила в свои рубрики целый ряд новых вопросов и детализацию ряда старых. Так, в первых опытах расширения в этом направлении программы описания велась запись частного кредита и покупок хлеба, расчленялись сведения о промысловых занятиях и по аренде земель. Далее было признано необходимым испробовать сплошной учет частной задолженности, сдельных работ и доходности от садов; вводился ряд новых признаков повозрастного состава, семейных разделов инвентаря и пр. В конце концов, целый ряд опытов привел к тому, что было признано целесообразным упростить программу подворного бюджетного описания, выбросив из нее все многочисленные статьи натуральных приходов и расходов и перейдя к введению в учет денежных приходо-расходных статей. В дальнейшем, воронежские статистики, перейдя от сплошных подворных переписей к пробным бюджетным описаниям типичных хозяйств, давших по Воронежской губернии те 230 бюджетных монографий, на которых Ф. Щербина построил свою книгу «Крестьянские бюджеты», ввели в программу монографических описаний крестьянских хозяйств и те статьи их бюджета, которые из программ сплошных подворных переписей по отдельным уездам ранее ими были выкинуты. В конечном счете воронежская программа, по которой было описано около 300 дворов, содержала в себе 15 разделов и в табличной форме содержала 677 граф.

Особенностью работ воронежских статистиков явилось их стремление в своих бюджетных исследованиях перенести центр внимания с «бюджета семьи» на «бюджет хозяйства-двора». Текстовая разработка ими бюджетных данных исследует влияние землевладения на состав бюджета и имущества, а также размеров хозяйства, устанавливает физиологические нормы потребления, интересуется процентом хозяйственных расходов

в общей сумме расходов двора и теми причинами, которые влияют на размер этого процента. Вынесенные воронежскими статистиками на обсуждение статистической секции X С'езда русских естествоиспытателей и врачей, в 1901 году, результаты их исследований и методологические подходы к последним заставили секцию остановиться на следующих вопросах: 1) о приемах выбора бюджетных хозяйств и способах установления их типичности, 2) о степени возможного нарушения типичности тем обстоятельством, что к бюджетному описанию (подробному) обычно привлекаются крестьяне, которых с'езд охарактеризовал, как «толковых», но по существу дела—преимущественно зажиточных, главным образом, кулацкого типа, 3) о значении искажающего об'ективность описания наводящих вопросов со стороны опрашивающего и невольного подсказа им опрашиваемому желательных ответов, 4) о степени полноты бюджетного опросного бланка и мере необходимой конкретизации и детализации отдельных его пунктов, 5) о методах оценки рыночных и потребительных натуральных продуктов, а также о методах учета амортизации инвентаря, строений и предметов обихода, 6) о применимости интерполяций и ее пределах, 7) о формах классификации потребностей по их типу и методам установления для различных культурных зон норм их удовлетворения, 8) о датах счисления начала и конца «бюджетного года» и 9) о мере возможности и желательности перехода от устного опроса при бюджетных исследованиях к организации в типичных хозяйствах счетоводных записей и использования их, как материала для установления и исследования бюджетов.

В этих, по первому взгляду, чисто «технических» вопросах методологии бюджетных исследований, ставших перед с'ездом, отразилась вся глубина серьезнейших принципиальных разногласий не только по вопросам их методологии, но и по вопросам понимания самих целей и задач бюджетных исследований, царивших в то время в среде русских статистиков и экономистов. Сама постановка на с'езд этих вопросов была вызвана ярой кампанией, поднятой в специальной литературе, со стороны марксистов против характера бюджетных исследований, в большинстве случаев, за малыми исключениями, центром

своего внимания делавших, под влиянием народнических тенденций, определение «уровня благосостояний» крестьянства, как такового, вне анализа этого уровня по его классовым группировкам, и исследовавшим преимущественно только потребительный бюджет хозяйствующего семьи-двора, а не общий производственный бюджет двора-хозяйства, в который потребительный бюджет семьи входит лишь составной частью.

Некоторый отход от этой линии воронежских статистиков, введших в рубриках своего опросного бюджетного бланка ряд моментов, затрогивающих и производственную сторону крестьянского бюджета, был еще слишком робок и не развертывал вопроса во всю его широту. Это, конечно, был шаг вперед, первая и неумелая попытка земских статистиков народнического направления применить к методологии бюджетных исследований «теорию известного политика-эконома К. Маркса» *(Т. Щербина:* «Влияние урожаев и хлебных цен и проч.», т. 2-й, стр. 3), вызвавшая резкую отповедь в цитированной нами работе В. И. Ленина-Ильина—«Развитие капитализма в России».

И те вопросы, которые стали на обсуждение с'езда, были впервые подняты в печати в этой же работе Ленина-Ильина.

Работая над материалами воронежских и других бюджетных исследований, В. И. Ленин первый обратил внимание на то, что даваемые ими «средние» бюджетные данные почти всегда характеризуют хозяйства, стоящие выше среднего типа, т.-е. отображают действительность в лучшем виде, чем она есть, совершенно затуманивая и не освещая положения беднейших и средних слоев крестьянства. Полемизируя по этому поводу непосредственно с Г. Щербиной, работам которого было придано исключительное историческое значение, В. И. Ленин писал:—«Г. Щербина заявляет почему-то в своем «Сборнике», что он пользуется теорией «известного политико-эконома К. Маркса», на самом же деле он прямо извращает эту теорию, смешивая различие между постоянным и переменным капиталом с различием между основным и оборотным капиталом, перенося без всякого смысла эти термины и категории развитого капитализма на крестьянское земледелие и т. д. Вся обработка бюджетных данных у Г. Щербины сводится к одному сплошному и невероятному злоупотреблению «средними вели-

чинами». Все оценочные сведения относятся к «среднему» крестьянину. Доход с земли, вычисленный для 4-х уездов, делится на число хозяйств (вспомните, что у безлошадного этот доход около 60 р. на семью, а у богача—около 700 р.). Определяется «величина постоянного капитала на одно хозяйство», т.-е. стоимость всего имущества, определяется «средняя» стоимость инвентаря, средняя стоимость торгово-промышленных заведений—15 р. на одно хозяйство. Г. Щербина игнорирует ту «мелочь», что эти заведения находятся в частной собственности зажиточного меньшинства, и делит их на всех «уравнительно». Не очевидно ли, что если мы будем складывать так «крестьянские хозяйства» и делить на число слагаемых, то у нас получится «закон средних потребностей», открытый нам г-ном Щербиной, а затем из такого «закона» уже нетрудно сделать вывод, что «крестьянин удовлетворяет не минимальные потребности, а средний уровень их», что «крестьянское хозяйство» являет особый «тип развития» и т. д. Не ясно ли, что мы получим особый «тип развития», если будем складывать хозяйства батраков и поденщиков с хозяйствами крестьян, нанимающих рабочих, и делить сумму на число слагаемых. *Будущий историк русской экономической литературы с удивлением отметит тот факт, что предрассудки народничества привели к забвению самых элементарных требований экономической статистики, обязывающих строго разделять хозяев от наемных рабочих, какой бы формой землевладения они ни были об'единены, как бы ни были многочисленны и разнообразны переходные типы между ними»*.

Далее В. И. Ленин дает классификацию трех экономических типов крестьянства (беднейшего, среднего и зажиточного) и пред'являет к бюджетной статистике требования «пользоваться бюджетными данными лишь посредством вывода средних для каждой отдельной группы крестьянства.

Указания В. И. Ленина-Ильина нашли себе большую поддержку в статистической среде еще до с'езда, заставив народников посчитаться с ними в своей практической работе. Пионером в этом направлении выступило калужское статистическое бюро, руководившееся в то время А. В. Пешехоновым. Приступая к выборочному исследованию крестьянских хо-

зяйств своей губернии в бюджетном направлении, оно в своей програме исследования поставило задачу исчисления «чистой доходности» хозяйства, как определенной производственной единицы, по его основным бюджетным типам с попутным учетом размера и экономической роли в нем затрачиваемого хозяйствующей семьей труда, и конечной целью исследования об'явило подробное описание, по типам хозяйств, всех основных элементов сельского хозяйства описываемой территории и, как синтез описания его отдельных отраслей, общую картину организационного плана производства—производства в крестьянском хозяйстве.

Работы воронежских и калужских статистиков, а также критические замечания по поводу их представителей марксистского течения в аграрно-экономической статистике способствовали значительному улучшению состояния методологии бюджетных исследований и разработки их материалов. Доложенная на том же с'езде работа по бюджетному исследованию губернии вологодских статистиков, работавших под руководством покойного Сабанеева, и изданная перед с'ездом, в качестве «Материалов для оценки земель Вологодской губернии», явилась первой и очень удачной попыткой синтезировать все указания экономической науки и весь прежний опыт бюджетных земских работ, дать и применить к изучению сельского хозяйства своей губернии програму исследования, которая в этом отношении представляла бы из себя последнее слово.

В этой их програме мы впервые встречаемся с детально разработанными в опросных листах системами производственных приходов и расходов, учета потребительного состава семьи, ее продовольственного времени, рабочих сил, находящихся в распоряжении хозяйства-двора, а также рабочего времени. Отнесясь чрезвычайно строго к соблюдению *типичности* отбора об'ектов исследования по их группам, вологодцы, как принцип этой типичности, выставили требование, чтобы бюджетная совокупность исследуемых хозяйств описываемого района представляла из себя как бы уменьшенную модель общей совокупности всех хозяйств того же района, при чем показателем такой идентичности должно было быть: а) совпадение

всех групповых и общих средних и относительных величин этих двух совокупностей и б) равенство итогов всех суммарных цифр бюджетной совокупности соответствующим суммарным цифрам общей совокупности всех хозяйств всего района, по их экономическим группам и в общих итогах. Кроме того, вологодцы сумели внести много нового и в самую разработку бюджетных материалов. Помимо уже применявшейся ранее группировки по размерам землепользования (землевладению и посевной площади) они в комбинационной таблице успешно применили группировки по размерам скотовладения и по промыслам и тем открыли путь к разработке бюджетов с производственной точки зрения. Наконец, ими была предложена чрезвычайно остроумная форма табличного опубликования данных, соединяющая индивидуальное опубликование каждого бюджета в крупных его разделах с детальнейшим групповым (по посевным площадям).

Как справедливо оценивают в своем труде «История бюджетных исследований» упомянутые нами уже неоднократно его авторы значение этой вологодской работы, она производит впечатление полной законченности, и эта законченность придает ей характер классического образца этого типа работ, выполненного во всеоружии опыта всех предыдущих исследований. Бюджетными работами вологодцев как бы подводятся итоги всему предыдущему периоду развития бюджетного направления в аграрно-экономической статистике русских земств. (См. «Историю бюджетных исследований», изд. 2-ое 1922 г. Ц. С. У., Москва, стр. 35—37).

С 1909 по 1917 год было произведено и отчасти опубликовано до 25 солидных монографий по бюджетным исследованиям, охватившим все губернии Украины, ряд местностей Туркестана, Дальний Восток, Иркутскую губернию, Семиреченскую область и целый ряд губерний и местностей Европейской России (Печорский край, частично Московскую, Новгородскую и Смоленскую губернии, Тульскую, Костромскую, Ярославскую, Тамбовскую, Пензенскую, Симбирскую и другие губернии). Из них более выдающимися следует признать: «Опыт анкетного исследования денежных элементов крестьянского хозяйства Московской губернии, «Лен и другие культуры

ь организационном плане крестьянских хозяйств нечерноземной полосы России» и «Крестьянские бюджеты Старобельского уезда Харьковской губернии»—все три работы, проведенные под руководством проф. А. Чаянова; «Условия развития промышленного льноводства в нечерноземной полосе России»—А. Рыбникова, а также две работы, проведенные по Тамбовской губ. и Украине под руководством проф. А. Челинцева. Из двух последних работ первая опубликована полностью в 1918 году в Харькове под заглавием: «Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губ.» с приложением к ней, в виде отдельного выпуска, «Таблиц к бюджетному исследованию крестьянских хозяйств Тамб. губ. летом 1915 года». Вторая же работа в цифровых материалах опубликована, пока что лишь частично, в «Сборнике Укр. Наркомзема» за 1921 год, под заглавием: «Сборник статистических материалов по вопросам организации крестьянского хозяйства Украины и смежных губерний». Выводы же из этой работы суммированы проф. А. Челинцевым в изданной также в Харькове в 1919 г. книге «Теоретические основания организации крестьянского хозяйства».

Кроме того, следует отметить прекрасную работу А. Н. Крестовникова—«Питание крестьян Костромской губернии по бюджетным исследованиям 1908—1909 г.г.»; бюджетное исследование, проведенное в 1910 году одновременно с подворной переписью, под руководством Обер-Таллера в Полтавской губерн.; пензенское бюджетное обследование тех же лет, проведенное под руководством В. Громана, и монографию Н. И. Кострова «Очерки крестьянских хозяйств Черниговской губ.», основанную на материалах проведенного под его руководством в 1914—1915 г.г. монографического бюджетно-счетоводного обследования на основе счетоводных записей пяти хозяйств [1]).

---

[1]) В настоящее время на основе указанных земских работ делаются попытки установления методологии исчисления доходности крестьянских хозяйств путем применения к анализу бюджетов метода корреляции. См. интересную в этом смысле работу А. Л. Вайнштейна „Методы исчисления доходн. кр. хоз. в связи с налог. проблемой“. Кн. VIII „Сел. и лесн. хоз.“ 1923 г.

В этих работах, как уже явствует из их заголовков, преобладает определенно организационно-производственная точка зрения. Бюджетные исследования становятся прочным фундаментом для работ по выявлению теоретических основ организационного плана крестьянского хозяйства. В них вырабатываются формально-логические очертания основных идей этого плана и, в конечном счете, организационно-производственное изучение крестьянского хозяйства синтезируется в них с методом счетоводного анализа внутреннего строя отдельных типичных хозяйств. Идея целостности, идея связи и воздействия всех элементов, образующих первичную совокупность явлений в виде хозяйства-двора, с самой этой совокупностью, как с целым, вынашиваются в бюджетных исследованиях и приводят к окончательному синтезу между собой обоих основных направлений аграрно-экономической статистики, социально-экономического и организационно-производственного. Вплотную прилегают бюджетные исследования, в тех выводах, которые оказывается возможным из них сделать, также и к учению о системах сельского хозяйства, на статистическом исследовании которых, под углом организационной точки зрения и на основании бюджетных материалов, настаивал В. Г. Бажаев на XII С'езде русских естествоиспытателей и врачей. До В. Г. Бажаева из русских статистиков системами хозяйств интересовался А. И. Чупров, рассматривавший их с точки зрения соотношения затрат так называемых факторов производства—труда, капитала и сил природы, т.-е. степени интенсивности. Предшественниками этого течения до А. И. Чупрова были А. В. Советов, автор первой научно выдержанной русской книги «О системах земледелия», опубликованной в 1867 году, затем А. Людоговский, по идее которого представление о системе хозяйства проходит одновременно в двух *связанных* построениях: а) как выражение степени интенсивности затрат труда и капитала на единицу площади и б) как выражение отношений производства в хозяйстве животных и растительных продуктов или возделывания кормовых и непосредственно продажных растений *(Н. Макаров:* «Крестьянское хозяйство и эволюция», т. І-й, стр. 49), при чем каждая из разновидностей этого последнего направления связывалась, по

мысли А. Людоговского, с первым тесной внутренней связью. Это так называемое «синтетическое» течение находилось под влиянием германских (Крафта и Пляцмана) и отчасти французских (Лекутэ, Бернар) сел.-хоз. экономистов. Работой И. А. Стебута «Основы полевой культуры» намечалось другое более ярко выраженное «монистическое» течение в понимании систем сельского хозяйства: «Из каких частей состоит хозяйство и в какой мере та или другая часть из них участвует в произведении дохода хозяйства, это, по мнению И. А. Стебута, и есть система хозяйства». Системы хозяйства различаются, согласно взглядам этого направления, одна от другой «только по характеру продукта, дающего главнейшую часть дохода».

Наиболее ярким представителем этого течения в аграрно-экономической статистике явился А. Ф. Фортунатов, развивший его основные положения по характеристике понятия «системы хозяйства» в своих известных работах—«Сельско-хозяйственая статистика Европ. России» и «Урожаи ржи в Европ. России», а также в своих позднейших «Очерках по сел.-хоз. экономии».

А. Н. Челинцев, в опубликованных им в 1910 г. «Очерках по сел.-хоз. экономии», возвращается к синтетическому пониманию вопроса, разделяя тот взгляд, что «интенсивность» хозяйства и его «направление»—это два выражения одного и того же «состояния организации хозяйства, характеризующих совместно его «систему». Следуя экономисту Б. Д. Бруцкусу, Челинцев устанавливает для характеристики систем хозяйств четыре признака:

1) систему земледелия, как соотношение между угодьями и между группами высеиваемых на пашне растений, 2) способ обеспечения плодородия почвы, 3) соотношение между двумя важнейшими отраслями сел. хозяйства—земледелием и скотоводством и 4) ближайший характер продуктов, являющихся главной целью производства. Разные количественные и качественные выражения этих четырех признаков, согласно взглядам Б. Д. Бруцкуса и А. Н. Челинцева, «есть в то же время и разные ступени интенсивности».

Изучая бюджеты и системы крестьянского сельского хозяйства, земская аграрно-экономическая статистика не могла

пройти мимо такого огромного фактора в организации различных типов этих бюджетов и систем, какой представляет из себя развитие в этом хозяйстве различных внеземледельческих промыслов. Однако за все время своего существования земская статистика не сумела хоть сколько-нибудь удовлетворительно подойти к их анализу. Еще в 1899 году В. И. Ленин бросил этот упрек земской статистике в его, уже неоднократно цитированной нами, книге «Развитие капитализма в России» и в 1914 году, в заседаниях статистической комиссии при Московском О-ве имени А. И. Чупрова, этот упрек был повторен С. Н. Прокоповичем, заявившим, что «почти полное игнорирование аграрно-экономической статистикой наших земств, при изучении ею значения и форм промысловой деятельности крестьянского хозяйства-двора, положений общей экономической науки, отводящей в системе типов различных форм промышленности не мало места анализу экономической структуры сельских промыслов, является основным грехом земской статистики, центр тяжести занятий селянина видевшей в земледелии и не придававшей нужного значения его промысловой деятельности».

Но «грех» земской статистики был не только в этом. Главный ее грех был отмечен В. И. Лениным в его работе в таких словах: «Желание удержать термин «кустарничество» для научного определения форм (сельской) промышленности повело в нашей литературе к чисто схоластическим рассуждениям и дефинициям этого «кустарничества». Один ученый понимал под кустарями только «товаропроизводителей», другой—включал ремесленников, один считал необходимым признаком «связь (промысла) с землей», другой допускал исключения; один исключал наемный труд, другой допускал его в числе, напр., до 16 рабочих и проч...».

«На вопрос, что такое «кустарная промышленность», изложенные данные заставляют ответить, что это—абсолютно непригодное для научного исследования понятие, под которое подводят обыкновенно все и всяческие формы промышленности, начиная от домашних промыслов и ремесла и кончая отходом и наемной работой в очень крупных мануфактурах. Это смешение самых разнородных типов экономической ор-

ганизации, господствующее в массе описаний «кустарных промыслов», было перенято без всякой критики и без всякого смысла экономистами-народниками... «Кустарная промышленность» рассматривалась (ими) как нечто экономически однородное»... И в другом месте:—«Заметим, что живучесть особого термина «кустарничество» об'ясняется более всего сословностью (дореволюционного) русского общества: кустарь—это промышленник низших сословий, которого можно опекать и за счет которого можно без стеснения прожектерствовать, форму промышленности при этом не различают. Купца и дворянина, хотя бы они были и мелкими промышленниками, к «кустарям» редко когда отнесут. «Кустарные промыслы»—это обыкновенно всяческие *крестьянские* промыслы и *только* крестьянские».

Далее. — «Земско - статистические сборники, регистрируя крестьянские промыслы, выделяют иногда особую группу «ремесленников», но к ней причисляют, согласно ходячему словоупотреблению, всех строительных рабочих», что «с политико - экономической точки зрения совершенно неправильно, так как масса строительных рабочих относится не к самостоятельным ремесленникам, работающим по заказу потребителей, а к наемным рабочим, занятым подрядчиками».—Хаотическое состояние кустарной промышленности усиливается еще и тем, что она до сих пор не выработала приемов для того, чтобы различать ремесленные и фабрично-заводские заведения».

Эта «спутанность понятий», «хаотичное состояние» и «сословный», а не классовый подход к описанию процесса развития промыслов и кустарной промышленности в самом крестьянском хозяйстве, являются теми основными «грехами» аграрно-экономической статистики русских земств вообще и в частности бюджетных исследований в ней, которые сопровождают ее развитие до самого 1914 года. Только в этом году мы встречаем, в докладе упомянутого выше С. Н. Прокоповича, первую сознательную и научную попытку дать строгую классификацию «типов» промысловой деятельности сельского населения, развитую затем более детально в докладе М. С. Антиповича на тему «Об'ем и методология обследования промыслов», при чем в основу дальнейших исследований промысло-

вой деятельности крестьянского хозяйства-двора было предложено класть: а) тщательный анализ экономической структуры каждого промысла и б) все те признаки, бытовые и территориальные, элементы которых выявляются в порядке основных исследований местной хозяйственной деятельности, в порядке исчерпывающих подворных переписей.

Что касается «типов» промыслов, то их было этими докладами намечено несколько. Прежде всего, промыслы, по которым из хозяйства отрывается на рынок часть его продуктов, с двумя подгруппами промыслов, связанных и не связанных с земледелием и животноводством; далее — промыслы, в порядке занятия которыми от хозяйств отрывается на рынок часть рабочей силы, с двумя типами отхода—городского и сельского, с подрубриками по первому типу—производственного и чернорабочего и по второму—земледельческого и неземледельческого труда. В отношении бюджетных исследований и при подворных переписях отхожие промышленники регистрировались в группе «отсутствующих», не входя в рубрику «наличного населения», и в системе хозяйства учитывалась роль только тех из них, которые экономически от этого хозяйства не отрывались, либо возвращаясь в него в сезоны сельско-хозяйственных работ, либо внося в него известную часть своих сторонних денежных заработков. Однако и в этой схеме между промышленниками не различались самостоятельные хозяйчики и поденщики или батраки, и поэтому классовый состав кустарей, ремесленников и отхожих промышленников оставался невыясненным ни в коей мере.

Такое невнимание к классовому составу «кустарей» в исследованиях аграрно-экономической статистики русских земств может быть отчасти об'яснено тем, что ее интерес в этих исследованиях сосредоточивался не на самих кустарях, как таковых, а на том экономическом значении, которое для крестьянского хозяйства-двора, для его организационного строя, для его бюджета и хозяйственного баланса играли, с одной стороны, производственные и торговые промыслы как в самом хозяйстве, так и вне его, а также отвлечение от него или вовлечение к нему в первом случае избыточной для нужд земледелия и связанных с ним промыслов рабочей

силы членов его семьи, а во втором—наемной рабочей силы,—сроковой, поденной и годовой. Хозяйство в этом случае не понималось обязательно, как связанное с посевами или даже с землей. Учитывались и безземельные и беспосевные хозяйства, и за хозяйство считалось также и такое «предприятие», которое работало за отработки или долю продукта на чужой земле, даже в тех случаях, когда отдельным членам такого хозяйства-двора приходилось работать на него в пределах различных территорий, применяя разные, не только земледельческие, но и внеземледельческие занятия. Главнейшими вопросами при изучении промысловой деятельности населения для агр.-эконом. статистики русских земств был вопрос о связи этой деятельности его с земледелием или, вернее, с тем организационным, как экономическим, так и агрономическим, влиянием, которое эта деятельность оказывала на внутренний строй не всего хозяйства в целом, а преимущественно на его земледельческое хозяйство [1]).

Как этот вопрос, так и вопрос о видоизменениях в системе крестьянского хозяйства, а также в системах полеводства и животноводства, приводил агр.-эконом. статистику русских земств к необходимости исследовать сельское хозяйство отдельных территорий не только в пространственном отношении, но и в динамическом, т.-е. во времени [2]).

---

[1]) Интересен также тот сдвиг в методике изучения промысловой деятельности сельского населения, которому, под влиянием марксистов, подчинилось и народническое крыло бывш. земской аграрно-экономической статистики в лице А. А. Рыбникова и его школы. В своей брошюре „Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства“, изданной в Москве в 1923 г., А. А. Рыбников подводит итоги этого сдвига, рассматривая кустарную промышленность деревни не как подсобную отрасль сельского хозяйства, а как элемент „мелкой промышленности“ с точки зрения ее производственных соотношений с крупной индустрией, мелкой городской промышленностью и ремеслом, как элемент связи земледелия с промышленностью, города с деревней.

[2]) В настоящее время, этот вопрос привел русскую агр.-эконом. статистику к признанию необходимости динамического изучения самих крестьянских бюджетов, а также всего старого бюджетного материала. Чрезвычайно интересная статья на эту тему опубликована в журнале Н.К.З.—„Сельское и лесное хозяйство“ Г. Студенским—„О динамическом изучении крестьянских бюджетов“ (кн. VIII, 1923 г.). *Е. В.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЗАКОНОВ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ В РУССКОЙ АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ.

«Исследование динамики сельского хозяйства и законов, ею управляющих», в постановлениях совещания статистиков 1900 года было об'явлено «главнейшей задачей» аграрно-экономической статистики.

Посмотрим же, что сделано ею за последующий шестнадцатилетний земский период в порядке осуществления этой задачи.

Первые работы по изучению динамики сельского хозяйства, т.-е. видоизменений во времени различных его элементов и отношений между ними, в целях выявления направлений и законов этих изменений или эволюции сельского хозяйства, относятся к периоду, предшествовавшему наступлению двадцатого века. Одной из первых попыток дать картину этих видоизменений во времени по сравнению материалов земских работ с материалами отчасти дореформенной эпохи, отчасти первых лет свободной жизни крестьянства, но до начала земских работ, является вышедшая в 1879 году работа тверского статистика В. Покровского—«Историко-статистическое описание Тверской губернии», в котором вновь собранные материалы по крестьянскому хозяйству этой губернии сравнивались с более ранними описаниями его. За этой работой последовали работы аналогичного характера черниговских и ярославских статистиков, опубликованные в начале 80-х годов прошлого столетия. В этих работах мы видим попытки гораздо глубже подойти к вопросу и дать выявление динамических процессов в сельском хозяйстве, а также «законов» его эволюции в сравнениях по отдельным уездам вновь собранных

статистических данных с прежними переписями государственных крестьян, происходившими по Черниговской губернии в 1865—1868 г.г., а по Ярославской—в 1862 году. Затем, для многих такого же рода работ по другим губерниям сравнительным материалом служили так называемые военно-конские переписи, достоинством которых была их периодичность. Лишь в самом конце восьмидесятых годов в земской литературе был поднят вопрос о повторных переписях крестьянского хозяйства, получивших свое осуществление по ряду отдельных уездов некоторых губерний уже к концу девяностых годов того же столетия. Так, Воронежская губерния после первой сплошной переписи 1885 года производит в 1900 году повторную, по пяти своим уездам—Землянскому, Нижнедевицкому, Коротоякскому, Задонскому и Острогожскому, охватившую в этих уездах до 40 % хозяйств, описанных при сплошной переписи 1885 года. В Самарской губернии Николаевский у. после первой сплошной переписи 1884 года производит вторую такую же сплошную перепись, зарегистрировавшую по уезду 61.630 хозяйств в 1888 году. В Смоленской губернии повторные переписи сплошного характера произвели Вяземский уезд, с промежутком между двумя переписями в 16 лет (1884—1900), и Сычевский—с промежутком также в 16 лет (1885 — 1901). Далее, частичные повторные переписи имели место по ряду волостей Петровского уезда Саратовской губ., [1]) по некоторым уездам Московской губернии, в Вельском уезде Вологодской губ., в Кромском уезде Орловской губ. и проч.

Эти повторные переписи, производимые по одной и той же программе описаний крестьянских дворов, открывали исследователям возможность наблюдать и обнаруживать все те изменения во времени, которые этими дворами испытывались и в их внутреннем строе и в их социально-экономическом положении за тот или иной период-интервал между переписями. Пестрота интервалов была одним из недостатков такого рода переписей, и Полтавской губернии, в этом отношении, принадлежит инициатива того, чтобы установить между повтор-

---

[1]) Данные берем по тексту предисловия к книге А. И. Хрящевой: „Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 г. Епифаньев. у. Тульск. губ.“, часть I. Тула 1916 г.

ными переписями определенный, временно десятилетний промежуток. Именно по этой губернии мы видим за земский период произведенными три сплошных подворных переписи в 1889, 1900 и 1910 годах. Однако достоинства полтавских повторных переписей не ограничиваются одной лишь их строгой периодичностью. Вторым достоинством их является то обстоятельство, что эти переписи охватывали в своей регистрации не только хозяйства крестьянские, но и привилегированных сословий, т.-е. освобождались в своем исследовании от сословного момента, и что в то же время учет сельскохозяйственного населения сопровождался при этих переписях одновременно и учетом всего городского населения.

Эти переписи, конечно, имели как в своих программах, так и в методах собирания первичных материалов немалое количество и недостатков. Методология их вырабатывалась долгим опытом приспособления их к самой обстановке работы и к материалам основных первичных исследований. Как правило, они не задавались еще целью изучать эволюцию типа хозяйств и не могли даже ни в коей мере выявлять последнюю, так как сравнением данных этих переписей оказывалось возможным устанавливать лишь некоторые конечные результаты каких-то невскрытых экономических процессов, развивавшихся и имевших место в жизни обследовавшейся повторно территории между двумя переписями.

Первые шаги по пути реформирования приемов исследования динамики крестьянского хозяйства были сделаны Н. Н. Черненковым в 1897 году в применении к 6-ти волостям Петровского уезда Саратовской губ. В вышедшей затем его работе—«К характеристике крестьянского хозяйства», о которой мы упоминали уже однажды, так описывается тот способ, которым исследователь пытался разрешить задачу такой регистрации изменений отдельных хозяйств, которая давала бы возможность уловить, в конечном счете, возможно точно весь характер процессов, происходящих в сфере крестьянского хозяйства.

«Исходя из того соображения, что в настоящее время едва ли не наиболее настоятельным является прямое и точное установление процессов, происходящих в сфере крестьянского хозяйства, и что такое установление может быть достиг-

нуто лишь путем регистрации перемен, имеющих место в отдельных хозяйственных единицах и дворах (хотя бы за короткий промежуток времени и в пределах ограниченного круга явлений), т.-е. путем такой их регистрации, которая давала бы полную возможность сравнить между собой известный ряд данных по каждому двору за два момента (исходный и конечный),—перепись в указанных шести волостях была выполнена следующим образом: прежде всего, еще до выезда на места, в тетради, по которым должна была выполняться новая перепись, вписаны были особой строкой по каждому двору соответствующие сведения из подворных карточек переписи 1894 года, при чем после каждого двора оставлялись запасные строки для записи тех данных (по тому же двору или по дворам, из него образовавшимся путем разделов), которые предстояло получить вновь в 1897 году. По приезде на место новой переписи, вызов хозяев делался по этим выпискам из прежней записи, и затем заполнялись получившимися от них сведениями назначенные для того запасные строки. При этом задавался ряд вопросов относительно более крупных перемен, замечавшихся в хозяйственном положении и составе того или иного двора. Когда перепись по такому способу была закончена, сведения, как за 1894 г., так и за 1897 г., по каждому двору были перенесены для удобства разработки их на особые карточки, по которым уже велся весь последующий учет».

Этим методом повторного исследования, впервые введенного в практику аграрно-экономической статистики русских земств Н. Н. Черненковым, давалась возможность исследователю, путем сравнения разновременных статистических материалов по одним и тем же хозяйствам, по связи моментов исследования, впервые воспроизвести ту часть эволюции крестьянского хозяйства, которая выражается в общих процессах, охватывающих все хозяйство данного района в целом—разделов, выселений и возвратов в деревню хозяйств тех или иных экономических типов. Что же касается эволюции самих типов этих хозяйств, то работой Н. Н. Черненкова она осталась еще не затронутой.

Характеризуя достоинства и недостатки подхода Н. Н. Черненкова к вопросам изучения динамики крестьянского хозяйства, А. И. Хрящева, в своей работе «Крестьянское хозяйство

по переписям 1899—1911 г.г. Епифаньевский у. Тульской губ.», в введении к текстовой части этой работы под заглавием — «К истории и критике приемов исследования динамики крестьянского хозяйства» (Тула 1916 г.) пишет следующее:

«Эволюция типа хозяйств... в этой работе осталась незатронутой. Мы не увидели ни характера, ни интенсивности экономических изменений, происшедших с данными группами дворов. Кроме того, при классификации хозяйств на категории по процессам общественно-органического характера, не выделена категория хозяйств соединившихся. Часть хозяйств, участвующих в соединениях, рассматривается, как прекратившая свое существование, и причислена к категории вымерших». С методологической стороны А. И. Хрящева вполне справедливо считает такое игнорирование Н. Н. Черненковым хозяйств соединившихся глубоко ошибочным, так как процесс соединения маломощных хозяйств друг с другом или с более сильным хозяйством и процесс простого вымирания таких хозяйств, их ликвидации, как хозяйственных единиц, суть процессы, совершенно различные и по своему существу и по тем экономическим следствиям, к которым они приводят соответствующие группы хозяйств, так как «соединение двух или трех хозяйств в одно дает в результате концентрацию средств производства, как бы ни были бедны дворы, что ведет к повышению хозяйственного типа. При соединении, одно хозяйство уничтожается лишь постольку, поскольку оно переживает в другом. В случае соединения маломощного хозяйства с более сильным, последнее не только не утрачивает своей мощности, но, наоборот, выигрывает от того малого, что имелось в другом хозяйстве. Во всяком случае, процесс соединения дает в результате хозяйство высшего типа, чем тот, какой представляло собой каждое из соединяющихся хозяйств в отдельности. Вымирание же и ликвидация знаменует собой простую смерть хозяйственной единицы для данной среды. В случае соединения, хозяйство входит в другое, как составная часть, образуя в результате соединения новую социальную единицу; в случае же вымирания и ликвидации, хозяйство перестает быть единицей социальной среды. Сущность этих процессов никоим образом нельзя при-

знать равнозначной, а потому хозяйства соединившиеся и вымершие нельзя рассматривать как явления одного порядка».

При повторной переписи в Вяземском у. Смоленской губ. в 1900 году, судя по статье П. П. Румянцева в изданных в 1904 г. «Очерках реалистического мировоззрения», эта разнозначность процессов соединения и вымирания хозяйств была впервые учтена, соответственно чему, при этой переписи, были особо выделены категории хозяйств соединившихся и переживших соединения и разделы. Эта перепись, произведенная под руководством и по плану П. П. Румянцева, в методологии динамического исследования сельского хозяйства представляет поэтому в сравнении с методологией Н. Н. Черненкова значительный шаг вперед. В работе П. П. Румянцева, как и в работе Н. Н. Черненкова, основной чертой ее явилась связь переписей в стадии регистрации в единицах материала. К такому же типу работ относится и повторное исследование Днепровского уезда Таврической губ., произведенное С. М. Блекловым в 1901 году, результаты которого за прекращением статистических работ в этой губернии остались не разработаны. Далее, исследование динамики хозяйства, с применением связи моментов регистрации в единицах материала, было применено в работе П. А. Вихляева в 1910 году по 11 волостям: Волоколамского, Можайского и Рузского у.у. Московской губернии. В этой работе П. А. Вихляев повторяет ошибку Н. Н. Черненкова, соединив в категории вымерших часть хозяйств, участвовавших в соединениях, и, кроме того, распределяя хозяйства по группам лошадности и коровности, он допустил еще одну ошибку, соединив в одну категорию с наличными безлошадными и бескоровными хозяйствами хозяйства отсутствующие и хозяйства возвратившиеся, что, как констатирует в упомянутой работе А. И. Хрящева, было совершенно неправильно, ибо «отсутствующие дворы представляют собой совершенно особую категорию хозяйств, которая перенесла свою деятельность в другую область, в большинстве случаев в неземледельческую. Безлошадность или бескоровность их не есть результат хозяйственных условий данного момента в деревне, а имеет причины совершенно другого характера, вытекающие из сферы их настоящей деятельности, которая в данный момент не требу-

ет обзаведения лошадью или коровой. Безлошадность же или бескоровность хозяйств, живущих в деревне (наличных), вполне обусловлена их деятельностью. То, что сказано относительно категории отсутствующих, в значительной мере относится и к категории возвратившихся. Эта категория также отличается от постоянно живущих в деревне элементов тем, что хозяйства этой категории только что возобновили свою деятельность в деревне, их хозяйственные рессурсы и условия семьи скорее приближаются по своему типу к хозяйствам выселившихся, чем к хозяйству наличных. Исключение отсутствующих и возвратившихся из групп безлошадных и бескоровных, несомненно, совершенно изменило бы картину эволюции этих двух последних групп».

Однако, если указанная выше работа П. А. Вихляева, по сравнению с работой П. П. Румянцева, с методологической стороны явилась значительным шагом назад в деле изучения динамики и эволюции сельского хозяйства, зато во второй своей работе, более ранней, относящейся к 1897 году, по Ржевскому у. Тверской губ. (см.«Сборник статистических сведений по Тверской губернии, т. XIII», Тверь 1897 г.), тем же Вихляевым дается большой вклад в эту методологию. В этом сборнике, при построении таблицы прибыли и убыли лошадей по категориям хозяйств, им анализируются количественные изменения лошадиного состава в хозяйствах с точки зрения свойства самих исследуемых хозяйств, и самое изменение в числе лошадей ставится в прямую зависимость от этих свойств, что явилось в свое время новым словом методологии вопроса.

Дальнейшие этапы методологии изучения динамики сельского хозяйства представляют работы Г. А. Кущенко по Суражскому уезду Черниговской губернии 1911 года и А. И. Хрящевой по Епифаньевскому уезду Тульской губернии того же года. О первой работе мы только что несколько раз упоминали, вторая описана в статье самого Г. А. Кущенко «К динамике сельского хозяйства», опубликованной в «Статистическом Вестнике» за 1915—1916 г.г., в книге I-й. В обеих этих работах делаются попытки осуществить связь переписей в единицах материала *не только в стадии регистрации, но и в стадии разработки,* что открывало исследователю возможность и уста-

навливать в обеих переписях аналогичную группировку хозяйств, и прослеживать процесс их перегруппировки по изменению отдельных элементов хозяйства.

Оценивая все эти работы в области изучения динамики сельского хозяйства с точки зрения их методологического значения для аграрно-экономической статистики, Н. Макаров в своей работе «Крестьянское хозяйство и его эволюция» указывает на бессилие их чисто технических приемов проникнуть в анализ внутренних переживаний хозяйства:

«Благодаря повторному наблюдению, исследователи узнавали, какие хозяйства ликвидировались за истекший период, какие расцветали, какие остались в прежнем положении, и проч. Получался богатейший материал для «молекулярного» статистического изучения истории крестьянского хозяйства, но, вызванное к жизни социально-экономическими теоретическими интересами, это течение (до работ Н. Н. Черненкова) главным образом интересами этими и ограничивалось, и в большей мере ограничивалось систематическим изучением исторического процесса *перегруппировок* хозяйств». Н. Н. Черненков впервые расширил рамки изучения и попытался воспользоваться повторными переписями для изучения исторических *переживаний крестьянской семьи.* У него были изучены рост и разложение семьи в их исторических переживаниях. В дальнейших работах П. П. Румянцева, С. М. Блеклова, П. А. Вихляева, Г. А. Кущенко и А. И. Хрящевой делаются попытки «заглянуть внутрь исторического процесса экономической эволюции *типов* хозяйств». В особенности выяснилось воздействие на хозяйства так называемых «нехозяйственных» бытовых условий—разделов и соединений семейств. Хозяйство же продолжало рассматриваться односторонне—лишь как хозяйство-семья, а не как хозяйство-производственная единица. У большинства указанных исследователей «отсутствует рассмотрение вопроса, как изменялась в историческом процессе самая *организация* хозяйства». Думая, что они изучают не только историю, но и эволюцию хозяйства, исследователи по существу чаще всего оставались в плоскости «лишь внешнего, чисто арифметического подхода к вопросу, почти без анализа внутренних переживаний хозяйства» и т. д.

Обращаясь к работам А. И. Хрящевой и Г. А. Кущенко, Н. Макаров и у этих исследователей обнаруживает разрыв между их стремлениями выявить на основе имеющегося сравнительного материала повторных переписей процессы внутренних переживаний хозяйств и теми ограниченными возможностями проникновения в эти переживания, которые даются обычными статистико-техническими приемами исследования и сопоставления материалов этих переписей.

«Вот, например, — говорит он, — на что обращено внимание в одной из лучших по техническому выполнению работ А. И. Хрящевой: она исследует % хозяйств с промыслами безземельных, беспосевных, безлошадных, с 4-мя и более лошадьми, с посевом более 15 десятин на одно хозяйство и на одного едока. Все это очень интересно и очень ценно, но организация хозяйства, внутренний строй не выясняется и здесь, в центре внимания все новые и новые группировки хозяйств. И чем дальше развертывается этот технически блестящий анализ исследовательницы, тем больше и больше видно лишь одно: как меняются группы хозяйств по лошадности, по пашне, посеву, рабочим силам, промыслам в зависимости от раздела, соединения хозяйств и т. д. В круг внимания еще вовлекаются вопросы о найме рабочих, об аренде, *но анализа производства* нет, а между тем автор хотел бы это сделать, ибо его интересует связь между семьей и производством. Мысль автора бьется о чрезвычайно интересные вопросы организации труда в хозяйстве, организации производства и распределения, но пути для него остаются закрытыми, и заключения иногда превосходят материал. Автор говорит о группах, а хочет понять хозяйство внутри каждой группы. Понять это он мог бы лишь, пойдя еще и иным путем—путем *анализа организации хозяйства* у каждой интересующей его группы».

Сама А. И. Хрящева в той же своей работе рисует положение вопроса в таких словах:

«Представления, имевшие место до сих пор о формах эволюции крестьянского хозяйства, в сжатой и ясной форме схематизированы Н. Огановским и сводятся к следующим четырем видам: 1) уменьшение нижних слоев и возрастание за их счет верхних—подвижка вверх, 2) обратный процесс—по-

движка вниз, 3) уменьшение крайних слоев, рост средних—нивелировка и 4) обратный процесс — дифференциация (см. *Н. Огановский:* «Очерки по истории земельных отношений в России» 1919 г., стр. 471).

«Все эти схемы эволюции предполагают массу крестьянских хозяйств, как нечто целое, неизменно обретающееся в деревне. Если увеличились верхние слои, то непременно «за счет нижних», увеличение середины непременно «за счет крайних». А между тем масса крестьянских хозяйств представляет собой необыкновенно меняющуюся среду. Не говоря уже об эмиграции из деревень и вымирании, число хозяйств постоянно размножается путем разделов. Поэтому увеличение или уменьшение какой-либо группы может происходить вовсе не «за счет» других групп, а вследствие иного рода процессов, лежащих вне плоскости экономических отношений. Поскольку эти процессы рассматриваются по отношению к отдельным группам, они всегда двусторонни. Хозяйства не только переходят из группы в группу, при чем перегруппировка эта обнаруживает известную закономерность, но и трансформируются, приобретая черты другие, несвойственные крестьянскому хозяйству, как таковому. Эти видоизменившиеся единицы не остаются неизменно в деревне, а избирают другую среду для приложения своих сил. Поэтому никоим образом нельзя замыкать круг наблюдения совершающихся процессов только границами самой деревни, самого крестьянского хозяйства. Необходимо эти процессы рассматривать в связи с внешними условиями, а самую крестьянскую массу не как неизменное целое, а как постоянно сменяющийся в своем составе конгломерат. Сравнения однообразных группировок хозяйств данной местности за различные моменты времени имеют свое научное значение и интерес вообще, а в особенности, когда дело идет о целом государстве или стране. Но и тогда они не дают представления о процессах, *присущих типам хозяйства,* а дают лишь разновременные *результаты* этих процессов. В применении к целым государствам, сравнение различного числа различной крупности владений или предприятий за различные моменты времени дает лишь представление о *группировке* их, а не о *перегруппировке.* Здесь не принимается во вни-

мание судьба каждого отдельного, описанного первой переписью, об'екта, а потому не может быть и речи о характере эволюции, вытекающей из *свойств типа хозяйств*».

«Если бы всеобщие переписи государств приняли во внимание эволюцию типа хозяйств, предприятий или владений, им непременно пришлось бы считаться с размером эмиграции, иммиграции, с переходом владений из рук в руки, с их концентрацией и дроблением, с изменением их технической структуры и т. д., т.-е. пришлось бы считаться с вопросом — какие именно типы хозяйств эмигрируют, какие дробят собственность, какие ее концентрируют, словом, пришлось бы связать *свойства процессов со свойствами типа* наблюдаемых явлений».

Между тем «статистические данные знакомят нас (лишь) с некоторыми поверхностными и общими проявлениями (этих процессов), с их симптомами и последствиями, которые могут дать нам много ценных указаний при исследовании тенденций, лежащих в основании процесса, но которые сами по себе не могут вскрыть нам этих последних. Точно так же и цифры, которые доказывают отсутствие падения или даже увеличение числа мелких хозяйств в земледелии, не содержат для нас никакого решительного ответа относительно тенденций капиталистической эволюции сельского хозяйства. На первый взгляд они показывают нам только то, что эволюция идет не так просто, как часто думали до сих пор».

Для того, чтобы понять и выявить основные тенденции этой эволюции сельского хозяйства, одних эмпирических наблюдений над конечными результатами процессов в жизни различных групп хозяйств, производившихся отдельными исследователями, оказывалось недостаточно. Приходилось призывать на помощь методы дедуктивного конструирования логических линий этой эволюции, создавать ее теоретические схемы, дабы затем, путем обратной проверки правильности их фактами массового наблюдения, выявлять в этих схемах элементы тех действительных закономерностей, которым эволюция сельского хозяйства в соответствующих естественно-исторических и социальных условиях соподчинена. И здесь, как в общей теории аграрно-экономической статистики, столкнулись два течения экономической мысли—социально-экономическое и организа-

ционно-техническое или производственное. Оба эти направления почти одновременно выступают в литературе вопроса, но основу обоим дает все та же работа В. И. Ленина-Ильина— «Развитие капитализма в России», о которой мы уже упоминали неоднократно. Правда, эта работа не представляет собой подробно излагаемой теории эволюции. Эта теория в ней исчерпывается несколькими основными положениями о «разложении» деревни под влиянием проникновения в нее капиталистических отношений, о переходе или, вернее, изживании натуральных форм сельского хозяйства и замене их, под влиянием рыночных отношений, формами товарного производства, о создании внутреннего рынка для сельско-хозяйственного сырья и мелкой деревенской промышленности, а также для избыточной в деревне рабочей силы и проч. Тем не менее, и историческое и методологическое значение этой работы не только велико, но и остается не устаревшим и для настоящего времени. Эта работа представляет собой законченное изложение эволюционной теории марксизма и, как таковая, получает в наших глазах особый интерес.

Суть этой теории может быть очерчена в следующих положениях:

1. Основная черта пореформенной эволюции земледелия состоит в том, что оно принимает все более и более торговый характер. Под влиянием этого перерождения происходит разложение крестьянства, создающее в нем три основных социально-экономические группы: зажиточного, среднего и беднейшего крестьянства.

2. При этом, по самой природе земледелия, земледельческая промышленность не раскалывается, подобно промышленности обрабатывающей, на самостоятельные отрасли, посвященные производству одного продукта или одной части продукта, а только под влиянием требований со стороны рынка специализируется, как в различных районах, так и в отдельных хозяйствах, на производстве в одном случае одного, а в другом— другого рыночного продукта, при чем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному занятию его.

3. Рост торгового земледелия создает внутренний рынок для капитализма, выражающегося в земледелии, с одной стороны,

в развитии специализации и техники в верхних группах крестьянства, в пролетаризации и разрушении хозяйств в низшей, с другой—в развитии в деревне всевозможных промыслов и в освобождении из сельского хозяйства оказавшихся в нем «избыточными» рабочих рук для всякого рода «отхода».

4. Все три группы крестьянства, вырастающие в процессе его социально-экономического разложения на почве проникновения в деревню капиталистических отношений, резко различаются одна от другой и по системе и по способу своего хозяйства. Отсюда—имеющие место в этих группах изменения во времени их состояния и внутреннего уклада их хозяйств представляют изменения, глубоко различные по своему существу и социально-экономическому значению. В то время, как «высшие» прогрессируют в своей технике, капитализируют свое производство, специализируют его и развивают торговые обороты своего хозяйства, «низшие» пролетаризируются, распадаются, продают свою рабочую силу на сторону, отказываются и от земли и от земледельческого промысла, эмигрируют или просто вымирают. «Средние» — частью распадаются в своих крайних флангах, частью воссоздаются за счет хозяйственного снижения «верхних» или хозяйственного укрепления «нижних». В низших группах крестьянства мы наблюдаем превращение рабочей силы в товар, в высших—превращение средств производства в капитал.

5. Процесс разложения крестьянства есть в то же время процесс смены натурального хозяйства товарным, смысл же самого этого процесса состоит в том, что им определяется создание внутреннего рынка в стране для капитализма, при чем, как правило, этот рынок создается не увеличением потребления, а его превращением в денежное.

Таким образом, намечая три направления эволюции по трем *типам* хозяйства, В. И. Ленин-Ильин в своей работе определенно устанавливает необходимость рассматривать эволюцию сельского хозяйства, его динамику, не только с общей социально-экономической стороны существования во времени этих типов, но и со стороны внутренних организационно-производственных процессов, переживаемых ими под влиянием общего процесса превращения натурального сельского хозяйства в то-

варное и проникновение в него капиталистических отношений. Эта мысль у него не подчеркнута, но она вполне выявляется из всего текста тех глав его труда, которые посвящены вопросам эволюции и дифференциации в сельском хозяйстве.

Теоретизированием исторического процесса развития сельского хозяйства вслед за В. И. Лениным-Ильиным занимается затем целый ряд других авторов разного направления: П. Маслов, Р. Кочаровский, упомянутый нами Н. Огановский, А. А. Кауфман, Н. Суханов, П. Лященко и др., из коих А. А. Кауфман и Кочаровский исследуют исключительно эволюцию социально-экономических отношений в общине, остальные же захватывают процесс эволюции всего крестьянского хозяйства в целом, используя в ряде работ (Огановский, Суханов) материалы повторных земских переписей.

П. Маслов излагает свои взгляды на эволюцию сельского хозяйства в двух своих трудах: в «Аграрном вопросе», вышедшем в 1903 году, и в «Теории развития народного хозяйства», изданной в 1910 году.

Эволюционная схема у Маслова положена в основу его анализа «общих условий развития сельского хозяйства». В то время, как в индустрии эволюционным условием ее развития является процесс «отделения индустрии от земледелия», в сельском хозяйстве таким эволюционным условием, по Маслову, является процесс машинизации трудового процесса и вообще процесс технической рационализации самого производства. Схема воздействия этого «эволюционного условия» на сельское хозяйство, на его динамику такова: рост населения ведет к интенсификации сельского производства, что сопровождается, в силу падения производительности труда при последовательно увеличивающихся затратах его на ту же единицу земельной площади, падением производительных сил самого крестьянского хозяйства. В этих условиях некапиталистические формы хозяйствования вытесняются постепенно формами хозяйствования капиталистическими. Происходящее в этих условиях «развитие производительных сил» сельского хозяйства является результатом различных количественных и качественных комбинаций, действующих на каждое индивидуальное сельское хозяйство внешних и внутрихозяйственных условий, определя-

ющих в конечном счете высоту его дохода. К числу этих условий относится: а) в группе условий внутрихозяйственных: снабжение хозяйства землей, трудом и капиталом, техника и организация хозяйства и б) в группе внешних условий: продажные цены на сбываемые продукты, покупные цены на покупаемые продукты, арендные цены, цены на рабочие руки, высота % % на занимаемый капитал. То, что называется интенсификацией сельско-хозяйственного производства, есть лишь частный случай указанных выше действующих на сельское хозяйство внутрихозяйственных и внешних условий. Сохраняя неизменно количество земли или сокращая его, но одновременно увеличивая на единицу земельной площади затрату труда, хозяйство поднимает свою трудо-интенсивность; увеличивая же еще затраты капитала, оно поднимает и капитало-интенсивность. При одновременном поднятии затрат и труда и капитала, увеличивается общая интенсивность всего сельско-хозяйственного производства в соответствующих хозяйственных единицах, а это ведет к поднятию доходности их хозяйства. Однако по отношению к эволюции доходной части крестьянского хозяйства, как и к эволюции материальных результатов его хозяйствующей деятельности, оказывается чрезвычайно важными не только количественные изменения в затратах труда и капитала на землю, но и качественное состояние и организация этих затрат, проявляющиеся в технике и организации самого хозяйства. До П. Маслова в экономической литературе обычно не отделялось понятие интенсификации сельского хозяйства от понятия его технической и организационной рационализации. Вполне отчетливо это расчленение впервые мы находим в его «Аграрном вопросе», где он понятие «культуры», как интенсивности системы производства, противопоставил понятию «техники», как системы приемов хозяйствования. Понимая «интенсивность» сельско-хозяйственного производства, как результат одновременного действия на него процесса увеличения на единицу земельной площади количества затрат труда и капитала, П. Маслов в под'еме техники сельско-хозяйственного производства видел процесс под'ема производительности этих затрат. Задачей техники в сельско-хозяйственном производстве таким образом является получение на одну и

ту же сумму затрат труда и капитала наибольшего экономического эффекта, т.-е. опять-таки поднятие доходности с каждой единицы этих затрат на единицу земельной площади или на душу. Этому воздействию на экономическое состояние и эволюцию хозяйства аналогично воздействие тех смен в организационном плане последнего, которые сами по себе являются наиболее конкретным отражением его эволюции и в то же время представляют собой особый, высший путь под'ема его доходности. Определяющим же моментом для этих смен организационного плана хозяйства являются не только внутрихозяйственные, но и внехозяйственные условия, проявляющиеся в экономическом процессе межхозяйственных общений, межхозяйственном обороте экономических ценностей и в общественном распределении между участниками этого оборота доходов. Формами этого оборота являются акты обмена, покупок и продаж, наем услуг, арендные и кредитные отношения. Но, кроме того, на распределение дохода оказывает влияние и соотношение в крестьянстве отдельных его социально-экономических слоев и покупательная сила его контрагентов—потребителей продуктов его производства и его рабочей силы, и, конечно, те социальные и правовые взаимоотношения, которые между ними устанавливаются в условиях того или иного общественного строя. Влиянию этих взаимоотношений, в условиях капиталистического строя принимавших форму подчинения крестьянского хозяйства торговому капиталу путем разложения натурального строя и сословной однородности крестьянства под действием на него рыночных отношений, вслед за В. И. Лениным-Ильиным и П. Масловым придавали колоссальное значение и другие марксисты: Прокопович, Туган-Барановский, Суханов и Лященко, и в самое последнее время от сдержанного отношения к ним стали отказываться и народники в лице целой плеяды своих виднейших представителей: А. Рыбникова, А. Челинцева, А. Чаянова, Г. Баскина и др.

В их трудах получает законченное развитие организационно-производственное направление в построении эволюционных схем, ставящее основной своей проблемой изучение самого механизма эволюции сельского хозяйства, как некоей целостной системы отношений, в которой каждое частичное отдельное

изменение отражается на всей системе, и, наоборот, переживания всей системы отражаются на жизни и развитии каждой ее части.

В работе же Н. Макарова—«Крестьянское хозяйство и его эволюция»—мы находим попытку подвести итоги работам обоих течений в теории эволюции сельского хозяйства—историко-экономического и организационно-технического—и дать, на основе их сравнительного анализа, известный синтез их положений. В конечном счете им выявляются черты того методологического подхода к дальнейшему изучению эволюции сельского хозяйства, который, по нашему мнению, является способным удовлетворить самого требовательного исследователя и который к тому же заключает собой исторический период совместной работы в этом направлении русской аграрно-экономической статистики и русской экономики дооктябрьского периода. Изложением этого подхода мы и закончим настоящую главу.

«Наша основная отправная методологическая точка зрения,—говорит Н. Макаров,—это та, что для понимания всякого социального явления необходимо наблюдать действие не одного какого-либо условия, а действие более или менее большой совокупности условий... Всю совокупность условий, которые мысленно определяют как самую эволюцию, так и ее содержание можно разбить на две основные группы: а) на постоянные и б) на изменяющиеся... С точки зрения истории экономических отношений многие условия естественно-исторического порядка представляются абсолютно неизменяющимися во времени условиями... В таком положении находятся климат, рельеф, почва и отчасти иногда даже флора и фауна. Являясь изменчивыми сами по себе, они почти неизменчивы, как условия экономической истории. Но зато действие этих постоянных условий чрезвычайно изменчиво в зависимости от смены *всего* комплекса условий.

...Действие и значение постоянных (в указанном выше смысле) естественно-исторических условий... связано и соподчинено условиям общественно-историческим. При этом может быть отмечено две основных тенденции: а) по мере развития рыночных отношений в организацию сельского хозяйства вводится все большая специализация, учитывающая своеобразие

естественно-исторических условий каждого отдельного естественно-исторического района (отсюда переход к теории сельско-хозяйственного и экономического вообще районирования, о проблеме которого мы будем говорить в следующей главе.—*Е. В.)*, и б) но в то же время, по мере развития техники и интенсивности (что сопутствует развитию рыночных отношений), техническая власть человека над природой, а следовательно, и свобода человека по отношению к естественно - историческим условиям увеличивается».

Переходя далее к изменяющимся условиям—условиям воздействия на динамику сельского хозяйства общеэкономического характера, выводящим хозяйство из организационно-производственного равновесия натуральной стадии, Н. Макаров различает три основных типа в этих изменениях под влиянием различных факторов.

Первый фактор—это рост населения. Растущее количество населения, которое должно кормиться «натурально» от эксплоатации определенной сельско-хозяйственной площади, соответственно видоизменяет организацию своего производства по мере того, как прежнее количество распашки и первоначальные способы обработки перестают в своих результатах удовлетворять потребности вырастающего потребительно-излишнего населения. Переходя от увеличения размеров распашки, имеющего ограниченные размером земельной площади пределы, хозяйство выходит на путь интенсификации своего производства, который, в условиях натурального хозяйства, при постепенно увеличивающейся плотности населения, скоро же упирается в непреодолимый для него в этих условиях технический предел. Истощение почвы, нарушение прежней организации территории и т. д. требуют от хозяйства производственной специализации, вынуждают его от многогранного потребительного производства переходить к его спецификации с отказом от производства тех культур, которые непроизводительно перенапрягают и саму эксплоатируемую землю и материальные напряжения в рабочей силе и капитале сельского хозяйства и могут быть с большей выгодой приобретены из других хозяйств в порядке обмена. Это выводит хозяйство на рынок, втягивая его в сложные межхозяйственные отношения, реорганизуя его внутренний

строй в направлении не только изменения его организационного плана, но и его социально-экономической структуры, дифференцируя крестьянские хозяйства, вводя в них власть капиталистических отношений. Таким образом, давя изнутри хозяйства, рост плотности населения сообщает эволюции его определенный характер, увлекая сельское хозяйство на путь развития торгового земледелия, внеземледельческих промыслов, спецификации как самого земледелия, так и сельско-хозяйственного труда.

Второй фактор—это инициатива самого рынка, внешнее давление на хозяйство рыночных обстоятельств, которые могут влиять на хозяйство гораздо раньше того момента, когда внутри его достаточно назрели организационные отношения,—еще в тот период, когда хозяйство, в основе своей еще оставаясь натуральным, т.-е. покрывающим все свои потребности продуктами своего производства, все же участвует в некоторых меновых отношениях за счет своих излишков и усиливает производство тех продуктов, оставаясь на почве многогранности хозяйства, которые дают и усиливают его денежный доход, укрепляют его экономическое благосостояние.

Изменяясь под давлением внутренних условий (роста плотности), крестьянское хозяйство почти автономно по отношению к рынку в выборе степени интенсификации своего производства, но оно в огромной степени зависимо от рынка в выборе направления этого производства. Таким образом между действием растущей плотности населения и изменяющихся рыночных отношений есть тесная и определенная связь и взаимная зависимость: «до тех пор, пока тот или иной хозяйственный район в межхозяйственном отношении представляет самодовлеющее целое, до тех пор рост плотности есть одновременно с этим и рост интенсивности рыночных отношений. С тех же пор, как эволюция хозяйства данного района подпадает под воздействие эволюции других районов, указанная связь может быть изменена в отношении инициативы к эволюции; но в эволюции каждого отдельного хозяйства связь между этими двумя условиями сохраняется, как связь взаимно регулирующих условий... Эта связь приобретает различный характер в зависимости от того, как од-

новременно со всей эволюцией совершается и эволюция техники, т.-е. методов использования сил природы».

Третьим фактором, влияющим на изменение общих экономических условий, выводящих хозяйство из организационно-производственного равновесия натуральной стадии, являются воздействия моментов преимущественно правового характера. К числу таковых относятся собираемые с разными целями налоги, особенно взимаемые в денежной форме, и различные правовые нормы, регулирующие как землепользование, так и порядок распределения земель сельско-хозяйственного назначения среди хозяйствующего населения. Чем больше размер платежных обязательств, падающих на хозяйство, тем с большей принудительной силой хозяйство выталкивается на рынок, входит в меновые отношения, часто даже губительные для хозяйства, что вынуждает его менять организацию своего производства в целях удержания на определенной высоте своей экономической силы. Не менее важны и побудительны воздействия на эволюцию хозяйства тех правовых норм, которыми определяются права хозяев распоряжаться продуктами своего производства и самим источником этих продуктов — землей. В условиях преобладания публично-правового порядка, когда государство берет на себя регулировать отношения хозяйствующего населения к используемой им земельной площади, значение этого внешнего по отношению к хозяйствам правового фактора приобретает особый вес и может в значительной мере воздействовать на направление динамики всего сельского хозяйства определенных районов и всей страны, поскольку за государством остается право различными экономическими мероприятиями подталкивать эту эволюцию в наиболее выгодном, с экономической точки зрения, направлении.

Для тех же времен, когда на жизнь сельского хозяйства нашей страны распространялось действие частно-правового порядка, инициативная роль правового фактора не могла проявляться в достаточной мере и, кроме того, проявляясь обычно в интересах определенных, господствовавших групп населения—помещичьего класса или столыпинского крепкого мужичка,—не только не оказывала прогрессивного влияния на

его эволюцию, но, наоборот, нередко содействовала искажению последней.

Однако и в том и в другом случае значение правового фактора и влияние его на эволюцию сельского хозяйства несомненно; только в одном случае это влияние положительно— при господстве публично-правового порядка, а в другом— отрицательно — в условиях частно-правового порядка.

К числу правовых факторов необходимо отнести также целый ряд других межхозяйственных отношений, базирующихся на отношениях общественно-правовых, — кредитных, кооперативных и пр. Все эти условия не случайно друг для друга вставлены в общественную жизнь, а находятся во взаимной своей обусловленности и тесно связаны как с эволюцией плотности населения, так и с требованиями рынка и техники.

Синтезируя вышеизложенное и целый ряд других положений, нами здесь не приводимых, Н. Макаров намечает такую методологическую схему для изучения происходящих в сельском хозяйстве динамических процессов и его эволюции:

«Не беспринципный историзм разрозненных фактов и условий, а система эволюционирующих условий, взаимно-обусловленно связанных,—вот та методологическая постановка, которая должна быть сделана... Действие природных условий обусловливается действием общественно-исторических условий; общественно же исторические условия, действуя в строго закономерном соотношении при наличности замкнутой народо-хозяйственной системы, действуют уже в менее строгом внутреннем взаимоотношении, но все же взаимно обусловленно...; при этом одни условия выступают в положении более активных (инициативных) условий, тогда как другие — в положении более пассивных... Это относится к условиям эволюции не только единичного хозяйства, но и к условиям эволюции социальной системы крестьянских хозяйств, распадающихся на социально-экономические типы... В результате своих индивидуальных переживаний отдельные хозяйства создают новые социально - экономические группировки; следовательно, и условия эволюции будут распадаться на группы и состояния, направляющие социальное расслоение хозяйств в ту или

иную сторону»... При этом необходимо помнить, «что условия, выдвигающие вперед потребительные мотивы хозяйства, а равно и вопросы затраты труда (трудоинтенсификация и сел.-хоз. квалифицированность труда), будут способствовать относительному приумножению потребительно-трудовых групп хозяйств; условия же, выдвигающие вперед затраты средств производства и землепользования, могут больше места оставлять нетрудовым формам хозяйства... Все это составляет лишь социально - экономическую сторону организационно - производственной эволюции и очевидно обусловливается содержанием тех же систем условий»... Отсюда, в порядке изучения внутреннего строения хозяйства, в изменениях которого и проявляются процессы его эволюции, мы должны, в первую очередь, установить,—«в какой мере оно ведет к выживанию или развитию отдельных социально-экономических хозяйственных групп... Мы должны отчетливо представлять себе, в какой мере принадлежность к той или иной социально-экономической группе хозяйств ведет к установлению внутреннего строя хозяйства в целом... В то же время весь этот анализ должен быть охвачен детализированным пониманием того,какие условия и как влияют на образование внутреннего строя хозяйства и на образование социально-экономических групп».

Особой проблемой изучения динамики сельского хозяйства Н. Макаров ставит вопрос об изучении темпа эволюции. Постановка этой проблемы приводит его к идее необходимости изучать пространственные эволюционные смены во внутреннем строе сельского хозяйства при помощи изучения отдельных районов, как определенных стадий эволюции.

Отказываясь принципиально от монизма в вопросе об условиях эволюции, Н. Макаров предлагает эти условия рассматривать в порядке выявления между ними определенных соотношений, развивающихся в конкретной исторической действительности. Он связывает историческое изучение развития крестьянского хозяйства с изучением различий в его организации в отдельных хозяйственных районах, в одновременном состоянии которых он видит воплощенными в одном историческом моменте различные стадии состояния сельского хозяй-

ства, с различными организационными формами их социально-экономических и производственных группировок.

Эта постановка вопроса приводит нас к необходимости подвергнуть особому рассмотрению то, как ставилась в аграрно-экономической статистике русских земств и современной ей сельско-хозяйственной экономии России и как ставится сейчас проблема построения сельско-хозяйственных районов, а также, какие цели ставились и ставятся сельско-хозяйственному районированию в целом.

Рассмотрение этой проблемы тем более интересно, что устанавливаемая в последнее время в трудах русской аграрно-экономической статистики и программная и методологическая связь с динамическим изучением крестьянского хозяйства изучения бюджетного, открывает богатейшие перспективы дальнейшему развитию самой методологии сельско-хозяйственного районирования, ибо, как отмечает Г. Студенский в своей, указанной нами выше статье «О динамическом изучении крестьянских бюджетов»,—«при динамическом изучении старый бюджетный материал укладывается в систему производственных районов, построенных по старым массовым данным, и изучается в системе этих районов, точно так же, как новый бюджетный материал в системе изменившейся конфигурации районов. Две системы производительных с.-х. районов... последовательно проходят через детальный бюджетный микроанализ и находят в нем последнее теоретическое осмысливание».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПРОБЛЕМА СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ.

Рассматривая эволюцию сельского хозяйства России и происходящие в нем динамические процессы по данным статистических наблюдений, опубликованных в различных изданиях за 1864—1894 годы, В. И. Ленин-Ильин еще в 1899 году устанавливает в своей книге «Развитие капитализма в России» тесную зависимость между ростом товарности сельского хозяйства вообще и крестьянского в частности и «специализацией» земледелия, понимаемого им в широком смысле связанного с землей сельского хозяйства во всех его направлениях. Эти данные, при всем их несовершенстве, убеждают В. И. Ленина в том, что как самый рост товарности сельского хозяйства или «торгового земледелия», так и его специализация идут не равномерно по территории России, а развиваются в различных производственных ее районах с разной степенью интенсивности, проходя в общем одни и те же стадии развития по мере проникновения в эти районы капиталистических отношений, усиления в них, с одной стороны, классового расслоения типов сельского хозяйства, а с другой—его интенсификации в одних группах и упадка в других на почве развития рыночных отношений внутри районов и их торгового обмена между собой. Исходя из этого, тов. Ленин приписывает кардинальное значение порайонному исследованию как внутреннего организационного и социально-экономического строя сельского хозяйства, так и характера экономической связи сельско-хозяйственных районов между собой. Это изучение интересует его, однако, не столько с точки зрения установления взаимоотношений между организационно-производственной и социально-экономической сторонами развития

сельского хозяйства в районах, сколько с точки зрения выявления следующих специальных проблем: а) в каких видах происходит, в каких направлениях развивается по районам определенного производственного или организационного типа рост товарного земледелия. В. И. Ленин имеет в виду как районы преобладания определенных зерновых культур или скотоводства, в частности экстенсивного и интенсивного, районы специальных культур—льна, картофеля, сахарной свеклы и проч., так и районы трехполья, улучшенной залежной системы, многополья, травосеяния и проч.; б) происходит ли при этом образование капиталистического сельского хозяйства; в) как по отдельным районам проникновение в их земледельческое хозяйство капиталистических отношений отражается на внутреннем организационном и социально-экономическом строе его, на «улучшении» способов производства, на процессе замены продовольственных культур более ценными, техническими, на классовом расслоении крестьянства, на процессе отвлечения сельского населения от земледелия в промышленность, на росте городов и промышленных центров; г) как и в чем выражается «теснота связи» между процессом развития торгового земледелия и промысловости населения на основе тесной связи между собой внутренних и внешних рыночных отношений — торгового обмена, внутреннего и внешнего. Этим рыночным отношениям, их развитию В. И. Ленин придает особое значение, оценивая их как преимущественный фактор не только интенсификации торгового земледелия в районах, но и эволюции в них социально-экономических отношений.

Указывая такие цели порайонного исследования сельского хозяйства и его эволюции, В. И. Ленин тем самым впервые поднимал голос за внесение в методологию районирования определенного идеологического подхода, который предопределял собой и самое направление этой методологии, указывая конкретно на те признаки, которые, для освещения поставленных вопросов, должны были ею приниматься при выявлении районов, но все же на самой методологии районирования, как такового, В. И. Ленин не останавливался.

Он базировался в своих рассуждениях о районах на тех категориях их, которые в значительной мере наощупь были

установлены к тому времени в работах П. П. Семенова и А. Ф. Фортунатова, и в критику методов их установления не входил. Надо сказать, однако, что критики такой в дореволюционное время ни до работы В. И. Ленина, ни после нее совершенно не было. Каждый исследователь устанавливал свою «систему» признаков, по которым у него выделялись районы, и затем эти районы, различные у различных авторов, лишь сопоставлялись между собой изучавшими их экономистами, исходившими из них, как из чего-то непреложного.

Положение методики районирования того времени прекрасно характеризовано в опубликованной М. Смит в 1920 году в «Экономической Жизни» статье—«Назревшие проблемы статистической методологии» (№ 243 от 30 октября 1920 г.) следующими словами: «Давали ли мы материалы по положению промышленности, транспорта или сельского хозяйства, мы совершенно не ставили себе вопроса о том, как подойти к вопросу методологически и по каким направлениям измерять то сложное целое, которое мы называем хозяйственной жизнью страны или ее отдельных областей... До сих пор наши измерительные приемы шли ощупью, по пути отдельных случайных измерений, не зная точность удельного веса отдельных измеряемых (и мы добавим, также и соизмеряемых) величин и лишь случайно осознавая зависимость их друг от друга».

В значительной мере это об'яснялось тем, что аграрно-экономическая статистика того времени в значительной мере «не располагала еще,—как констатировал в своих работах А. Ф. Фортунатов, — средствами для того, чтобы определить относительную важность отдельных признаков, которыми характеризуется сельско-хозяйственное положение различных местностей», с другой—это можно об'яснить и тем, что авторы различных проектов разделения России на сельско-хозяйственные районы рассматривали все время сельское хозяйство изолированно, вне связи его с остальными отраслями экономики районов, не искали оценки и подкрепления справедливости своих порайонных формаций в характеристиках социально - экономического и организационного строя района. как хозяйственной совокупности, и не шли путем учета междурайонных связей, а также организующего влияния на

структуру их экономики и производства капиталистических отношений и рынка.

И надо сказать, что во многих случаях такое обособление изучения сельского хозяйства и его районов, в нашей аграрно-экономической статистике — и особенно в трудах специалистов-производственников, агрономов, животноводов, лесников и проч.—проводилось сознательно. Изучение экономики связей сельского хозяйства с другими отраслями хозяйственной жизни районов, постановка, на-ряду с его изучением, экономических проблем очень часто трактовались многими из них, как низведение чисто научно-познавательного интереса к презренным «прикладным» целям и отвергались принципиально. Мысль, что районирование, помимо или, вернее, сверх познавательных целей, должно служить определенной задаче— выявлению условий как производственных, в самом широком смысле этого слова, так и социально-экономических, при которых в тех или иных территориях может быть скорее всего с наименьшей затратой средств достигнуто овладение силами природы и использование ее благ хозяйственной деятельностью человека, редко руководила сознанием исследователей, а это и вело к обычному противопоставлению без достаточных оснований районирования с познавательными целями районированию с целями практическими.

Но не только по этим причинам, но и по политическим соображениям многие исследователи сознательно гнали всякий «практицизм» из своих исследований, ибо этот «практицизм» районирования всюду и постоянно, в условиях преобладания частного права над публичным, натыкался на противоречие научных выводов с той анархической средой частновладельческих интересов, которая не желала знать никакого «районирования» своей хищнической инициативы в отношении свободы использования ею своих «прав собственности» на землю и враждебно относилась ко всему, что хоть в какой-нибудь части пахло государственным или общественным регулированием.

Таким образом является далеко не случайностью, что проблема районирования, как один из подходов к обоснованию целого ряда государственных мероприятий в области регули-

рования сельско-хозяйственных отношений, с одной стороны, вызывает к себе ожесточенное враждебное отношение со стороны частновладельческих элементов старой России, а с другой — останавливает на себе самое пристальное внимание всех ее либеральных и социалистических кругов. Не случайность и то, что интерес к проблеме районирования особую напряженность получил после революционных лет второго пятилетия текущего столетия, когда уже ясно почувствовалась непрочность всех скреп частновладельческого хозяйства и его бессилие справиться со всею сложностью организационных и производственных проблем в сельском хозяйстве.

В немногочисленных попытках сельско - хозяйственного районирования России, имевших место в аграрно-экономической литературе в дореволюционное время, в силу обстоятельств указанных выше, обычно мало подчеркивались цели районирования. [1]) Затуманивание же целей вело к тому, что в работах отдельных исследователей не наблюдалось не только никакой идеологической преемственности, но даже больше — не было никакой, связующей их в какое-либо целое, основной идеи. Каждый исследователь районировал обычно предмет своего исследования с точки зрения определения пятен густоты его географической распространенности в той или иной территории, которая получала название «района» распространения или преимущественного нахождения данного об'екта, причем, на-ряду с положительными районами с некоторой средней и вышесредней величиной «густоты» распространения или нахождения этого об'екта, по методу «остатков» определялись районы по отношению к изучаемому об'екту отрицательные, то-есть такие, в которых последний оказывался представленным в количестве меньше установленной средней или отсутствовал совершенно. При таком способе районирования границы районов определялись искусственно границами существующих административных единиц-губерний и уездов, хотя

---

[1]) Интересный опыт синтезировать результаты этих попыток представляет собой опубликованный в 1914 г. в „Трудах комиссии по вопросам земской статистики 20—23 февр. 1913 г.“ доклад Я. В. Бляхера: „О принципах и приемах районирования“.

бы было заведомо известно, что в натуре эти границы не отвечают естественному положению фактических пятен густоты того об'екта, по которому производится районирование. Такие «районы», как правило, не совпадали в своих границах между собой, и интегрирование данных, полученных для каждого из них по произвольно выбранным и узко специальным моментам районирования, с целью получить взаимные соотношения, в границах района, отдельных сельско - хозяйственных признаков между собой и общую физиономию всего сельского хозяйства района в целом, оказывалось делом совершенно безнадежным. Районирование — это не первичное наблюдение за теми или иными массовыми явлениями в той или иной территории, а лишь обработка материалов такового наблюдения. Раз эта обработка производилась с различными заданиями, естественно и методы ее оказывались совершенно различны, а это, в свою очередь, приводило к несоизмеримости результатов таковых обработок, к разнозначности районов и по их территориям и по экономическим соотношениям. Основной же ошибкой такого способа районирования было то, что привлекаемый к районированию статистический материал в выведенных средних по тому или иному признаку или по группе их клался в основу определения районов, как некий индекс, пригодный для характеристики всех районов. Спецификация района улавливалась лишь как некая количественная величина в порядке ее статистического сопоставления с количественными обозначениями тех же признаков по другим районам, а не как качественная характеристика самого района, выводимая путем анализа взаимного веса и соотношений внутрирайонных признаков с экономической или производственно-организационной стороны. При этом, как правило, бралась для районирования обычно какая-нибудь одна отрасль или предпосылка сельского хозяйства, в лучшем же случае какое-либо узкое соединение нескольких, особенно бросающихся в глаза по средним цифрам, естественно-исторических или производственных моментов; район строился лишь в отношении этого изолированного показателя, вне связи и учета значения последнего в общем строе и балансе всего сельского хозяйства изучаемого района.

Такое положение методики районирования не дает возможности говорить о каких-то ее системах, в рамки которых позднейшие авторы пытались вложить единичные и разрозненные опыты районирования России своих предшественников. В их работах, повторяем, не было никакой преемственности, они не составляли какой-либо «школы» и если и имели «последователей», то это были не последователи в том смысле, какой этому слову придается в историческом описании развития научных или философских знаний, а просто некритические подражатели. Поэтому те попытки классификации этих «преднаучных» работ по районированию, которые нам даются в трудах Н. Макарова — «Крестьянское хозяйство и его эволюция», т. I. стр. 50—52, Б. Н. Книповича, «К методологии районирования», вып. I, и в статье Н. Никитина — «Исторический обзор опытов разделения Европейской России на хозяйственные районы», журн. «Народное хозяйство», Москва, 1920 г. №№ 13—14,— могут быть нами приняты только как попытки исторической, а не методологической систематизации, ибо, как справедливо подчеркивает в указанной статье Н. Никитин: «в итоге более чем столетнего искания хозяйственных районов России, мы и в настоящее время не имеем ни сколько-нибудь разработанной методологии хозяйственного районирования (частным случаем которого, по мысли Н. Никитина, является районирование сельско-хозяйственное. *Е. В.)*, ни бесспорных общепринятых хозяйственных районов России». Вряд ли поэтому прав Б. Н. Книпович, утверждающий, что вопрос хозяйственного районирования в России разработан более, чем на Западе. То обстоятельство, что в России издано много отдельных монографий и предложений по этому вопросу, еще не говорит за то, что у нас методология хозяйственного районирования вообще и сел.-хоз. в частности более разработана, чем на Западе. Она не разработана ни на Западе, ни у нас. Как там, так и в России, понятие «хозяйственных» районов подменяется сплошь и рядом понятием районов зональных—районов географического размещения по земной поверхности тех или иных естественно-исторических условий—климатических, почвенных, ботанических, а в связи с ними и районов распространения тех или иных культурных растений и животных. Действи-

тельно, зональные районы являются естественными предпосылками исторического возникновения и развития районов хозяйственных, но определение зональных районов еще не есть установление районов хозяйственных, для выявления которых одних естественно-исторических условий недостаточно, ибо хозяйственный район есть сложная совокупность воздействия на определенную территорию и на определенные естественно-исторические условия, определяющие их природное состояние, условий демографических и условий экономических, а также условий производственно-технических и культурных. Зональные районы устанавливаются по одному или нескольким признакам одного естественно-исторического порядка, обнаруживаемых географически методом описания; для установления же хозяйственных районов необходим учет сложной совокупности признаков нескольких порядков и предварительное изучение их взаимной связи и взаимодействия друг на друга.

Географическое описание в методологии хозяйственного районирования заменяется статистико-экономическим и организационно-техническим анализом, изучением района, как системы хозяйства. Тем не менее, это изучение не только не отрывается, но, наоборот, целиком лежит на «географической обусловленности», на зависимости особенностей данной местности, от условий чисто географических, как правильно, но несколько односторонне подчеркивает в одной из своих статей В. Г. Бажаев—«К вопросу о хозяйственных районах» (Киев, 1915 г. журнал «Хозяйство», номера 15, 16 и 17): «В порядке определения и изучения хозяйственных районов все сводится—говорит он—*к раскрытию этой географической обусловленности,* задача какового раскрытия состоит в последовательном определении тех причинозависимостей, которые существуют между изучаемыми хозяйственными явлениями и между каждым из факторов, характерных для данного географического положения». К числу таких факторов В. Г. Бажаев относит прежде всего совокупность факторов, соответствующих понятию о внешней природе в самом широком смысле этого слова, т.-е. широта и долгота, высота над уровнем моря, геологические условия, климат, почва и проч. К этим же факторам проф. Бажаев относит и группу факторов, ближайшим образом

обусловливающих самую хозяйственную жизнь—факторов демографических (плотность и распределение населения, его состав и проч.), а также некоторые общего характера факторы широкого производственного значения—пути сообщения и средства сношения. Далее идут факторы, характеризующие земельный строй и особенности хозяйственного прошлого в каждой области.—«Все эти, привязанные к определенному географическому положению, постоянные факторы,—говорит В. Г. Бажаев,—и образуют условия, общие для всех проявлений хозяйственной деятельности. Каждая данная совокупность этих постоянных факторов, непрерывно действуя в известном направлении, налагает определенный отпечаток на всякое проявление хозяйственной деятельности, а следовательно и на весь уклад хозяйственной жизни. Таких характерных особенностей всего уклада хозяйственной жизни мы в праве ожидать в пределах территории каждой страны столько, сколько имеется своеобразных комбинаций местных общих условий хозяйственной деятельности. Такие части территорий мы и называем хозяйственными районами».

Односторонность этих воззрений В. Г. Бажаева на хозяйственный район мы видим в том, что, определяя внешние территориальные признак—предпосылки понятия хозяйственного района, он не развивает основной мысли о внутриорганизационных признаках, определяющих район, как более или менее законченную систему соотношений хозяйственных явлений, в последовательном определении причинозависимостей которых он сам готов видеть основную цель хозяйственного районирования.

В отношении сельско-хозяйственного районирования впервые на необходимость учета этих признаков второго порядка указал в своем этюде—«К критике учений о системах хозяйства» — Б. Д. Бруцкус (в 1909 г.) и вслед за ним в «Очерках по сел.-хоз. экономии» А. Н. Челинцев (в 1910 г.). Еще до них А. И. Скворцов считал задачу по изучению районов переходом к изучению систем хозяйства; в работах Бруцкуса и Челинцева эта постановка вопроса ставится в обратном направлении —изучение системы хозяйства становится предпосылкой к установлению и характеристике хозяйственных районов, как неких организационно-производственных территориальных со-

вокупностей, внешний вид которых определяется следующими четырьмя признаками: а) соотношением между угодьями и между группами высеваемых на пашне растений — системой земледелия; б) способом обеспечения плодородия почвы; в) соотношением между двумя важнейшими отраслями сельского хозяйства—земледелием и скотоводством и г) ближайшим характером продуктов, которые являются для данного района главной целью производства.

В дальнейших работах А. Н. Челинцева количество этих признаков увеличивается и самое понятие района усложняется привнесением в него историко-эволюционной точки зрения. Район, как тип организации в нем хозяйства, в последних работах А. Н. Челинцева определяется не только по соотношению между собой в каждый данный момент внутриорганизационных признаков, но и по основным направлениям их об'единенного воздействия на эволюцию сельского хозяйства изучаемой территории во времени.

Дальнейшее продвижение идей А. Н. Челинцева мы находим в работе Б. Л. Брука—«Производственные районы Воронежской губернии», основным материалом к которой явилась сельско-хозяйственная перепись 1916 года. Работа эта опубликована в Воронеже в 1921 году.

«По схеме А. Н. Челинцева,—говорит Б. Л. Брук,—в первой главе своей работы, посвященной «Задачам и методу районирования»,—эволюция системы хозяйства на протяжении истории (по крайней мере, основное направление) заключается в интенсификации хозяйства и прежде всего в трудоинтенсификации. Смена культур и приемов хозяйства, реорганизация стада, реорганизация территории—все это влечет за собой увеличение валового дохода и возрастание трудоемкости хозяйства. Одновременно путь эволюции ведет хозяйство к специализации отраслей и к установлению все более тесных связей с рынком. Определение района, характеризующее «тип организации в нем хозяйства», выражается у Челинцева в усложненно-описательном обозначении: много или малоскотный—овечий или свиной; много или малокорнеплодный и т. д., стремясь этими обозначениями обнять сельское хозяйство и его главные организационные моменты. Однако

экономические переживания сложнее описанной выше схемы. Прежде всего путь сел.-хоз. эволюции представляет собой не прямую линию, а некоторую кривую, и если даже общее направление кривой вполне соответствует приведенной выше схеме, то отдельные отрезки ее могут давать изгибы и этим спутать картину. Кроме того, нарастание различных эволюционных признаков в хозяйстве данного района не всегда идет параллельно и не всегда равномерно. А. Н. Челинцев же признает равномерное значение за всеми этими признаками».

Это, по мнению Б. Л. Брука, неправильно, ибо «в действительности удельный вес признаков весьма неодинаков, и арифметическая сумма их в большей мере затемняет действительное суммарное их значение». Это приводит к тому, что «в пределах одной и той же сельско-хозяйственной эволюционной зоны, на одном и том же уровне эволюции, хозяйство может сложиться разнотипично, получить различное направление. Районы картофельные и льняные могут занимать более или менее одинаковое положение на лестнице эволюции, но направление их неодинаково».

Далее Б. Л. Брук обращает серьезнейшее внимание на то, что «эволюция хозяйства сильнее всего отражается на строе денежной части приходного бюджета», и если «та часть продукции крестьянского хозяйства, которая идет на удовлетворение потребностей хозяйствующей семьи натурой, не подвергается слишком глубоким изменениям вместе с реорганизацией хозяйства», то того же самого нельзя сказать о другой части продукции—о той, которая идет на рынок: «на ней ясно запечатлен тип организации хозяйства».

Это положение Б. Л. Брук иллюстрирует следующими соображениями:

«Под влиянием потребительных нужд хозяйство стремится производить по возможности все, что ему нужно, независимо от того, насколько производство тех или иных продуктов соответствует экономическим условиям. Организация денежной части бюджета заставляет хозяина производить наиболее выгодную в данных условиях рыночную культуру. Соответственно этому, потребительская нужда ведет к многогранности (производства), денежная же к (его) специализации. По

мере необходимости перейти к более интенсивному использованию хозяйственной площади, хозяйство вынуждено вводить трудоемкие культуры и отрасли. Натуральных потребностей совершенно недостаточно, чтобы поглотить массы производимых таким образом продуктов—картофеля, овощей, молока, фруктов и проч. Интенсивные отрасли должны стать рыночными и могут развиваться только при благоприятных рыночных условиях. Таким образом, *интенсификация хозяйства идет под знаком рыночности*, и, останавливаясь на отраслях и культурах, наиболее выгодных, хозяйство сосредоточивает на них производственную энергию, *специализируется*. По мере того, как хозяйство все более и более втягивается в сферу рыночных отношений, натуральная часть отступает перед денежной, хозяйство начинает отказываться от производства отдельных продуктов, которые ему выгоднее приобрести на стороне».

«...Денежная часть бюджета интегрирует главные особенности в организации хозяйства и она же характеризует *производственное направление* района».

Таким образом, если в 1899 году В. И. Ленин-Ильин в своей книге «Развитие капитализма в России», подчеркивал, что «рост торгового земледелия проявляется в специализации земледелия», и что «обособление отдельных хозяйственных районов в земледельческом хозяйстве является следствием проникновения в сельское хозяйство капиталистических и, в частности, рыночных отношений», то Б. Л. Брук в своей работе уже вплотную подходит к проблеме изучения производственных направлений отдельных районов, при чем эти направления в производственных характеристиках районов им мыслятся, как выражения содержания денежной части приходного бюджета всего сельского хозяйства района в его товарном направлении — в рыночных культурах, отраслях и промысловости (промысловости не в смысле развития в районе промышленности, а в смысле участия хозяйствующей семьи или двора-хозяйства в заработках вне своего хозяйства.—*Е. В.*).

Однако внедряющаяся по мере развития рыночных отношений в организацию сельского хозяйства того или иного района специализация не независима как от общих естественно-исторических, так и от социальных условий, в которых

сельское хозяйство данного района принуждено развиваться. Она принуждена учитывать своеобразие этих условий, и в этом смысле совершенно прав Н. Макаров, устанавливающий в своем труде «Крестьянское хозяйство и его эволюция» тот факт, что усиление в хозяйстве того или иного района рыночных отраслей его производства, да и самая наличность этих отраслей в самом строе последнего, стоят в значительной связи как с характером или «качеством» самой земли, так и с рядом демографических признаков, главным образом, *с плотностью* населения, непосредственно влияющей на состояние запасов в районе кормовых угодий и лесов.

Тем не менее, эта зависимость, уменьшающаяся по мере развития техники и интенсификации производства, не умаляет значения «инициативы рынка» в развитии эволюционных процессов. Однако Н. Макаров вряд ли прав, когда влиянию «рыночных обстоятельств» он односторонне приписывает значение фактора, влияющего на хозяйство района *только извне,* в порядке «межхозяйственных отношений», не отмечая того, что потребность в рыночных отношениях зарождается не вне хозяйства, а в нем самом, и, сплошь да рядом, бывает, что хозяйство ищет этих рыночных отношений и устанавливает их в том или ином об'еме, вопреки всем неблагоприятным условиям как естественно-историческим, так и социальным. Как во многих иных случаях, так и здесь, мы наблюдаем двусторонний процесс, переплетающуюся сложность взаимозависимостей, целый ряд «кривых». И сам же Н. Макаров говорит о том, что одной из наиболее активных причин перехода крестьянского хозяйства к формам рыночного производства является рост плотности населения, сокращающий размеры земельного обеспечения хозяйств и заставляющий их обращаться к таким отраслям, при которых недостаток в натуральных продуктах, необходимых для удовлетворения потребительных нужд хозяйствующей семьи, покрывался бы соответствующей денежной доходностью с соответственно с этим реорганизуемого хозяйства.

Г. И. Баскин в своей работе—«Критическая оценка материалов всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1916 г. и система их разработки» пытается процесс этого взаимо-

действия плотности населения и роли рынка на ход сельско-хозяйственного развития в отдельных районах связать в один узел экономического сцепления при помощи так называемого «дистанционного метода».

«Экономисты,—говорит он в этой своей работе,—могут спорить о значении растущей плотности населения и роли рынка на ход сельско-хозяйственного развития. Какой из этих факторов имеет преимущественное и определяющее значение—остается неразрешенным». Но во всяком случае необходимо учесть влияние и того и другого.

«С развитием меновых отношений мелкое крестьянское хозяйство все более утрачивает черты натурального хозяйства и приобретает денежный характер. Оно все теснее связывается с другими хозяйствами и, вместе с тем, с рынком, который накладывает известный отпечаток на строй и организацию этих хозяйств. Связь мелкого крестьянского хозяйства с рынком все более и более закрепляется, и те черты натурального хозяйства, которые еще присущи мелким крестьянским хозяйствам в настоящее время, обречены на быстрое исчезновение. Роль рынка и связь с ним мелкого крестьянского хозяйства должна, следовательно, еще больше возрастать». Степень этого влияния Г. И. Баскин предлагает измерять при помощи, так называемого «дистанционного метода», т.-е. по расстоянию хозяйств от места сбыта их продуктов. Однако, «расстоянием от местных центров сбыта определяется не только степень влияния рынка на данную группу хозяйств, но одновременно с тем учитывается также и степень влияния *плотности* населения на эти хозяйства, ибо с увеличением радиуса плотность падает» и, наоборот, «с уменьшением расстояния хозяйств от местных центров сбыта продуктов хозяйственная густота населения правильно повышается». Таким образом получается, что «плотность населения и расстояния хозяйств от местных центров сбыта продуктов суть, следовательно, два явления, которые находятся между собой в известном соподчинении». Тот же фактор географической обусловленности или пространственного отношения территориальных групп хозяйств с местным центром сбыта продуктов характеризует «по отдельным радиусам, в пределах различных районов», и целый ряд

других не только узко-хозяйственных, переменных, но даже общих экономических основных признаков крестьянского хозяйства, как-то: изменения в численности и составе крестьянской семьи, в размерах посевной площади, в системах хозяйства, в степени и характере интенсификации и специализации его, в составе крестьянских стад, в распределении и количественных отношениях отдельных социально - хозяйственных групп в крестьянстве, в формах его классового расслоения, пролетаризации, отрыва от земледелия, промысловости и проч. Все это придает расстоянию хозяйств от местных центров сбыта продуктов значение фактора и статистико - экономического и социологического, ибо дает возможность «не только осветить технические и экономические стороны крестьянского хозяйства, но и выявить (по радиусам расстояния) смену различных типов хозяйств, охарактеризовать прошлое данного типа и наметить последующие этапы его развития или, иначе, в статике хозяйств отразить их динамику».

Знаменательно, что, предлагая принять дистанционный метод» для районирования сельского хозяйства в общереспубликанском масштабе, «народник» Г. И. Баскин ищет доказательства и иллюстрации своим положениям в работе марксиста П. И. Лященко о хлеботорговых районах России, намеченных им в его известном исследовании «Хлебная торговля на внутренних рынках Евр. России», опубликованном в Петрограде в 1912 году. На основании приложенной к этой работе карты главных путей движения хлебных грузов Г. И. Баскин занялся прослеживанием и выяснением тех пунктов сбыта, к которым тяготеют отдельные губернии исследуемой им полосы Европейской России. В результате, в пределах исследуемого им обширного района юго-востока России, тяготеющего к волжской водной магистрали, в составе губерний Оренбургской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Казанской, Симбирской Нижегородской, Пензенской, Воронежской и Тамбовской, — Г. И. Баскин получил целый ряд более мелких районов, охватывающих группы этих губерний с определенными и отличными один от другого производственно-техническими, организационными и экономическими характеристиками, в зависимости от их удаленности от портов Балтийского моря. Относящиеся к

тому же району южные части Вятской и Пермской губернии Г. И. Баскин во внимание не принял, так как по свойству материалов, с которыми он работал в Самаре, он должен был ограничиться данными, относящимися к целым губерниям.

Установив по отношению к Балтийским портам пять поясов исследуемого района — Оренбургско-Уфимский, Самаро-Саратовский, Казано - Симбирский, Нижегородско - Пензенский и Воронежско-Тамбовский,—Г. И. Баскин выявил определенную правильность смены в этих поясах от первого к пятому различных отношений в строе их сельско-хозяйственного уклада и сельско-хозяйственной экономики: плотности населения, размера хозяйств, соотношений между угодьями, размеров посевов и залежи, пропашных культур, трав, посевов технических культур — льна, конопли и проч. Выводы из этого исследования Г. И. Баскин опубликовал в одной из своих работ, напечатанных в Самаре в 1920 году, под заглавием— «Районирование территории, как необходимая предпосылка и твердая основа экономического строительства»,— при чем в этой работе он выражение «расстояние от местных рынков сбыта» заменил более широким признаком—«расстоянием от местных культурно-экономических центров».

Выводы эти он выразил в следующих положениях:

«При изучении огромного района, включающего в себя 10 губерний, нам пришлось привлечь самые разнообразные данные, разнообразные не только по своему характеру, но и по времени, к которому они относятся, будучи в некоторых случаях отделены многими десятилетиями, и тем не менее, всегда и везде удавалось вскрывать определенные правильности. Это доказывает чрезвычайную устойчивость наших районов, приближая их в данном отношении к районам, образуемым по естественно-историческим признакам. И, несмотря на эту устойчивость, они вместе с тем чрезвычайно подвижны, так как могут быть крупнее или мельче в зависимости от тех данных, которыми исследователь располагает. Единицей группировки может быть губерния, уезд, волость, селение и даже отдельное хозяйство... Желательно, даже, быть может, необходимо, чтобы агрономы, при построении общего производственного плана по губернии или частных планов по тер-

ритории своего ведения, считаясь с изложенными принципами, ибо это не только облегчило бы им их работу, но и осветило бы пути их практической деятельности. Из всех тех многочисленных доводов и аргументов, которые были изложены на предыдущих страницах, логически вытекает следующее положение: каждый район, находящийся в определенном расстоянии от культурно-экономических центров, имеет в соседнем, но более отдаленном районе отображение своего прошлого, подобно тому, как соседний с ним, но более центральный район, служит прообразом его ближайшего будущего».

Заслугой этой работы Г. И. Баскина является прежде всего введение им в методологию районирования приема, который все виды построения сельско - хозяйственных районов об'единяет одним подходом, который дает соизмеримый масштаб, единую мерку для районирования от крупного—областного и губернского,—до самого мелкого—волостного и даже участкового, поселенного. Другая ее заслуга—это указание на тесную двустороннюю зависимость межрайонных рыночных отношений от внутренней структуры района, в частности от хозяйственной густоты его сельско-хозяйственного населения, на неразрывность и параллельность влияния их на всю организацию и на самый тип района в целом. Недостаток работы Г. И. Баскина—это отсутствие в ней анализа совместного влияния указанных факторов на процесс экономического расслоения крестьянства и других последствий проникновения в деревню капиталистических отношений, с одной стороны, и коллективистических навыков—с другой.

Задачу этого последнего анализа сельско-хозяйственному районированию ставит в своей работе—«Разделение Московской губернии на сельско-хозяйственные районы», опубликованной в Москве в 1921 году,—Н. П. Никитин, полагающий, что целью этого районирования может быть «определение организационного типа сельского хозяйства и установление, в порядке схематизации, районов трудового сложения».

Горе только в том, что, оставаясь адептом народнического лагеря и приверженцем чаяновской школы, Н. П. Никитин понимает это «трудовое сложение» не в марксистском духе, не как состояние, различное в пределах одного и того же района

для различных социально-экономических групп крестьянства и сельских хозяйств, а как некое обезличивающее эти группы «среднее» состояние всего «трудового» сельского хозяйства района в целом. Он даже возражает против попытки Б. Л. Брука, еретической с точки зрения ортодоксального народничества, подойти к выявлению организационного плана сельского хозяйства в районе с точки зрения учета разлагающей однородность «потребительно-трудового» типа первобытного и «среднего» крестьянского хозяйства «денежной части его приходного бюджета». Н. П. Никитин предлагает иной метод подхода к выяснению организационного типа сел.-хоз. района—изучение годового баланса его труда и распределения по отдельным отраслям сельского хозяйства затрат этого труда в течение года.

Так, говоря о сложении культур в полеводстве Московской губернии и способа перевода этого их сложения на сложение труда в различных отраслях полеводства, Н. П. Никитин поясняет следующими словами свою идею этого перевода:

«Районы отдельных культур дают географию отдельных растений, ими устанавливается распространение той или другой культуры на территории губернии. Между тем, в организационном плане хозяйства отдельные культуры находятся во взаимной связи, их сосуществование в той или иной местности определяется целым рядом естественных и экономических условий». Это выдвигает на первый план вопрос о сложении культур в полеводстве.

«Нам кажется, что для характеристики сложения культур в полеводстве необходимо исходить из их значения в организационном плане крестьянских хозяйств. Уяснение этого значения отдельных культур в тех или других частях районируемой территории может быть произведено различными путями. Введение незерновых растений в севооборот значительно видоизменяет организационный строй крестьянского хозяйства. Поэтому учет внедрения незерновых растений в общую площадь посевов является в высшей мере существенным показателем сложения культур. Через этот учет определяется бо́льшая или меньшая степень разложения зернового хозяйства. Перечисляя культуры по порядку их посевной площади

до определенного предела уменьшения последней и соединяя группу культур с определенным интервалом внедрения незерновых, получаем второй способ характеристики сложения культур. При этом способе дается перечисление культур до определенного предела уменьшения посевной площади. Предел перечисления, как и интервалы внедрения незерновых, устанавливаются в зависимости от наибольшего эффекта. В этом способе не только устанавливается степень разложения зернового хозяйства, но и дается последовательность культур, характеризующая строение полеводства отдельных районов. При двух указанных способах счетной единицей является единица посевной площади. Однако для установления организационного плана крестьянских хозяйств возможно исходить и из иной единицы, именно—рабочего дня. Перечислив соотношения посевных площадей на соотношения затрат рабочих дней, в результате получим сложение труда в полеводстве крестьянских хозяйств. Установив определенные типы сложения труда, получим строение трудового баланса полеводства крестьянских хозяйств и, таким образом, в полной мере определим организационное значение культур в отдельных частях районируемой территории. Для учета затрат труда необходимо иметь урочное положение работ»... Указанный метод определения сложения культур, при котором организационное значение каждой в отдельности выявляется в порядке действительного учета затрачиваемого на них в тех или иных местностях районируемой территории труда,— дает «не только новую счетную единицу (в отличие от десятин), но и нечто принципиально новое, когда в основу его будет положен учет действительных урочных положений, различных в разных частях районируемой территории». Переходя к учету сложения труда в животноводстве крестьянских хозяйств, Н. П. Никитин переводит различные виды скота в крупный рогатый скот, выявляет насыщенность посевной площади единицами этого переведенного скота и затем, считая отношение единиц скота к посевной площади пропорциональным отношению затрат труда на животноводство и полеводство, получает, во-первых, баланс труда в животноводстве, а во-вторых — общий баланс сельского, земледельческого

хозяйства. Итти таким косвенным путем выявления, как общего сложения труда, так и значения в последнем отдельных отраслей животноводства заставляет Н. П. Никитина отсутствие в животноводстве урочных положений. Этот косвенный расчет он и строит «из положения пропорциональности отношения переводной единицы скота к посевной площади отношению затрат труда на животноводство к затратам труда на полеводство».

Учет животноводства идет у Н. П. Никитина в двух направлениях—молочном и мясном. Сложения труда в огородничестве и промыслах Н. П. Никитин не вычисляет, ограничиваясь указаниями порайонного состояния первого и процента промысловости в отношении второго признака путем исчисления процента населения, занятого в промыслах, ко всему населению. Это не дает возможности Н. П. Никитину довести до конца свою идею — получения общего трудового баланса во всем сельском хозяйстве, как совокупности земледельческих и внеземледельческих занятий хозяйствующего населения. Но, кроме того, не удовлетворяет его и материал урочных положений, по которым он пытается учесть сложение труда в полеводстве, ибо, с одной стороны, отрывочность и неполнота урочных положений даже в этой отрасли, колеблемость даваемых ими трудовых норм даже по небольшим территориям, отсутствие их по многим из них и проч., с другой,— не дают гарантий даже относительной точности его исчислений и этим, конечно, сильно подрывается достоверность и представление о соответствии действительности выводимых им «средних». Таким образом, практическое и научное значение работы Н. П. Никитина подвергается, в известной мере, справедливому сомнению, и она интересна лишь, как определенный этап развития исследовательской мысли в проблеме районирования, которого не отметить нельзя. В частности, чрезвычайно любопытна попытка Н. П. Никитина рассматривать сельско-хозяйственное районирование, как составную, функциональную часть общего хозяйственного районирования, как частный случай последнего. В соответствии с этим своим взглядом Н. П. Никитин и всю методологию сельско-хозяйственного районирования рассматривает и строит, как частный случай общей методологии народно-хозяйственного районирования.

Общая система последней и ее связь с сельско-хозяйственным районированием рисуется Н. П. Никитиным в таких чертах:

«Хозяйственным районом называется определенная часть территории, об'единенная однородностью хозяйственных признаков. При установлении хозяйственных районов мы можем исходить из большего или меньшего об'ема исследуемой нами хозяйственной деятельности. Мы можем взять всю хозяйственную деятельность во всех ее проявлениях, соответственно этому установленные нами районы будут районами народно-хозяйственными... С другой стороны, возможны районы, в которых исходят из основных отраслей хозяйственной деятельности... В частности, такими районами являются районы сельско-хозяйственные».

«При дальнейшем ограничении об'ема хозяйственной деятельности возможно подразделение основных отраслей на ряд составных частей. Так, сельское хозяйство разделяется на земледелие, скотоводство, лесоводство и т. д... Для каждой составной части основной отрасли возможно конструировать районы, положив в основание разделение страны на признаки, характеризующие отдельную часть (ее хозяйства). Наконец, возможно еще дальнейшее уменьшение об'ема хозяйственной деятельности: из земледелия брать отдельные культуры, из скотоводства—виды скота и проч. По признакам, характеризующим эти, еще более дробные, части хозяйственной деятельности, также возможно конструировать районы, разделяющие страну в известном отношении на более или менее однородные области».

Районирование территории по узким хозяйственным отраслям, по одному или нескольким признакам одной какой-либо части общей хозяйственной совокупности Н. П. Никитин называет специальным районированием, для методологического подхода к которому оказываются совершенно достаточными те теоретические основания, которые даются теорией статистики по отношению к географическому методу. Районирование же, основанное на сложении специальных районов и их изучении, как некоей сложной территориально-хозяйственной совокупности, Н. П. Никитин называет районированием интегральным, не только требующим некоторых особых теоретических обоснований к его методологии, но и пред'являющего

ряд требований к специальному районированию. Систему этих теоретических обоснований и требований Н. П. Никитин развивает в следующих положениях:

«При интегральном районировании прежде всего необходимо дать определенный состав совокупности признаков. *Этот вопрос о составе совокупности признаков является самым центральным вопросом методологии интегрального районирования и в то же время самым неразработанным вопросом методологии.* Перед нами стоит задача наложить на одну карту ряд признаков, характеризующих хозяйственную деятельность. Совершенно очевидно, что при этом наложении мы не можем руководиться механическим принципом соединения наибольшего числа признаков. Каждый новый признак осложняет карту районов, увеличивает их число, и, наконец, приводит к множественному раздроблению территории, совершенно неохватываемому нашим сознанием. Ограничение числа признаков есть необходимая методологическая посылка интегрального районирования. Вместе с ограничением числа признаков происходит упрощение хозяйственной деятельности, ее схематизация. В этой схематизации, в сущности говоря, и состоит интегральное районирование. Сложную в своих деталях хозяйственную деятельность мы разделяем на небольшое число групп с различными соотношениями небольшого числа признаков. В результате получаем схемы действительности в определенном пространственном расположении. Но, выбирая определенные признаки, хирактеризующие хозяйственную деятельность. мы должны их выбрать в числе, достаточном для совокупной характеристики. *Достаточность числа признаков есть старое методологическое требование.* Эта достаточность числа признаков определяется сопряженностью выбранных признаков с рядом других признаков... Сопряженность же признаков может быть рассматриваема с двух сторон, соответственно чему может быть два *типа* конструирования районов».

Эти два типа конструирования районов вытекают из того, что кладется в основу их конструирования—признаки ли предпосылки, характеризующие основные условия хозяйственной деятельности, или признаки-формации, признаки-индексы, характеризирующие состояние хозяйственной деятель-

ности. В первом случае получаются районы, дающие схемы пространственного распределения основных условий хозяйственной деятельности, во втором—районы, дающие схемы пространственного распределения ее основных типов.

В отношении сельско-хозяйственного районирования Н. П. Никитин первую группу признаков-предпосылок подразделяет на четыре подгруппы—признаков первичных и признаков производственных, вторичных, по серии естественно-исторических условий, затем — признаков демографических и, наконец,—признаков общеэкономических.

В первую группу, по Никитину, попадают—географическое положение места (широта и долгота), высота над уровнем моря, удаленность от моря или океана, геотектоника страны и ее топография. Во вторую — почва, климат и лесистость. В третью—все показания о населении, в числе которых, как наиболее существенные для целей районирования, Н. П. Никитиным отмечаются плотность населения, а также этнографические и исторические условия. В четвертую—густота путей сообщения и расстояние от рынка.

Что касается второй группы признаков — признаков-формаций, то к ним, следуя за А. Н. Челинцевым, Н. П. Никитин относит три их подгруппы—признаки, характеризирующие способы поддержания плодородия; признаки, характеризующие перемены в деле пахоты, в отношении естественных кормовых угодий, и признаки, характеризующие положение, роль и экономическую форму нерабочего скотоводства, добавляя от себя к этим трем подгруппам еще одну—четвертую—признаки, характеризующие трудовой баланс в полеводстве и животноводстве.

На основании той или иной комбинации признаков-предпосылок или признаков-формаций строются уже и самые интегральные сельско-хозяйственные районы соответствующих выбору признаков типов. При этом, конечно, существенным методологическим вопросом установления таких районов является вопрос об их географическом положении и их границах. В отношении этого вопроса Н. П. Никитин констатирует тот факт, что «при хозяйственном районировании вообще и сельско-хозяйственном в частности, выделяемые части тер-

ритории, строго говоря, не имеют точно очерченных границ. Большое количество переходных форм в соотношении признаков характеризует пограничную полосу смежных районов. Только пройдя некоторое расстояние от пограничной полосы, мы получаем сочетание признаков, характерных для данного района. Таким образом, точной границы районов, как определенных хозяйственных единиц, в действительности не существует, как не существует и точной границы чернозема или леса и степи». Районы представляют из себя как бы центры пятна с условными границами, характерные по определенным соотношениям в них хозяйственных признаков.

Далее Н. П. Никитин рассматривает три стадии работы по сельско-хозяйственному районированию: 1) установление районов для каждого отдельного признака, характеризующего состояние сельского хозяйства, 2) установление интегральных сельско-хозяйственных районов по признакам - предпосылкам и признакам-формациям и 3) описание интегральных районов.

В первой стадии работы вопрос сводится к нанесению на карту определенных количественных, абсолютных или относительных выражений исследуемого признака, при чем эти выражения предварительно располагаются по определенной системе в статистических рядах, которые строятся в порядке известной группировки этих выражений, с соблюдением между их группами некоторого постоянного количественного интервала. Основания построения таких статистических рядов излагаются в общей теории статистической методологии. Что же касается интервалов, то число их не должно быть большим, так как чем больше будет интервалов, чем длиннее статистический ряд и мельче групповые выражения в нем количественных величин признака, тем дробнее и запутаннее районирование. К первой же стадии районирования относится и учет изменений географии признака во времени или, другими словами, изучение в отношении определенного признака «процесса районообразования».

Во второй стадии — конструирования интегральных районов — после предварительной отметки пятен-центров районов по моменту степени устойчивости в соотношении четырех-пяти основных, наиболее ярко выраженных в этих пятнах, отдель-

ных признаков, основной задачей районирования является, по Н. П. Никитину, «увязка единиц районирования», т.-е. мельчайших географических пятен сцепления выбранных признаков, в более крупные интегральные районы. При этой увязке учитывается четыре момента: 1) тип соотношения признаков, которыми определяется отнесение той или иной единицы районирования к определенному району, 2) территориальная смежность единиц, отличающихся по типу от единиц, входящих в район, но географически от него неотделимых, 3) доминирующий признак, определяющий специализацию района, его спецификацию и 4) вводный признак—признак вторичной специализации района, более узкий и часто слабо выраженный и даже отсутствующий в других районах.

В третьей стадии работы производится наложение интегральных районов обоих типов—составленных по признакам-предпосылкам и по признакам-формациям—друг на друга и определяется степень их взаимной увязки, а также устанавливаются связи, существующие в этом комбинированном по двум направлениям интегральном районе между характеризующими его признаками-предпосылками и признаками-формациями.

В вышедшей из печати почти одновременно с работой Н. П. Никитина работе Б. Н. Книповича—«К методологии районирования»,—вып. 1-й, о котором мы упоминали выше, предлагается принять классификацию районообразующих признаков несколько иную и соответственно с этим несколько иначе подойти к построению самой методологии районирования.

Б. Н. Книпович подразделяет районообразующие признаки на три категории: а) первичных измерителей, они же признаки-предпосылки, б) групповых измерителей или признаков-индексов и в) показательных измерителей или фокусных признаков. К последней группе признаков, не выделяемых Н. П. Никитиным, Б. Н. Книпович относит такие, в которых «как в фокусе, отражается вся совокупность явлений хозяйственной жизни в целом или отдельной ее отрасли» в изучаемом районе. В числе этих признаков он указывает признаки, характеризующие народный доход, данные грузооборота и перевозок и проч.

Во всех трех категориях Б. Н. Книпович подразделяет признаки на причины и следствия, относя к первым основные есте-

ственно-исторические и граничащие с ними социально-экономические признаки, а ко вторым—производные хозяйственные.

Лично, в своей попытке определения сельско-хозяйственных районов европейской части С. С. С. Р., Б. Н. Книпович отбрасывает совершенно первый метод районирования — по признакам-предпосылкам, понимаемым им в смысле первичных слишком дробных и специальных измерителей, на том основании, что в порядке использования этого метода «мы должны были бы учесть значительное количество отдельных моментов, и задача согласования признаков явилась бы в этом случае чрезвычайно сложной».

Не применяет он в своей практической работе целиком и третьего метода—метода районирования по фокусным признакам, говоря, что «хотя это районирование представляло бы, пожалуй, наибольший интерес, состояние ститистического материала делает такую работу слишком неточной и требующей большой счетной работы». Таким образом, указав лишь наименование возможных методов районирования, Б. Н. Книпович не развил их системы из трех случаев в двух, но и в последнем—в отношении метода районирования по признакам-индексам, к которым он отнес не только хозяйственные признаки, но и часть естественно-исторических и общих социально-экономических,—в работе Б. Н. Книповича мы не находим ни обоснования самого отбора признаков, ни строгой классификации их типов в приводимом перечислении последних, ни последовательного развития системы и конструирования по ним самих районов.

В связи с этим работу Б. Н. Книповича, по сравнению с работами Г. И. Баскина, Б. Л. Брука и Н. П. Никитина, в методологическом отношении нельзя признать значительным сдвигом вперед проблемы методологии сельско-хозяйственного районирования, в той части ее, которая представлена в первом и пока единственном выпуске ее. Это спешит подчеркнуть, чувствуя свою слабость, и сам автор, когда в предисловии к ней говорит, что эта его работа «ни в малейшей степени не может претендовать на создание методологии районирования», что ее задача только в том, чтобы дать известное обоснование намечаемым автором конкретных районов сельского хозяйства,

в порядке учета им всех предшествовавших попыток районирования и отдельных замечаний, разбросанных в трудах по районированию, а также в работах отдельных специалистов по сельско-хозяйственной экономии, опытному делу и проч.

Подробное изложение основных агрономических целей и об'ема задач сельско-хозяйственного районирования дает нам опубликованная в Омске в 1922 году колективная работа Омского Губернского Земельного Управления и Западно-Сибирского Областного Управления по опытному делу под заглавием—«Сельско-хозяйственное экономическое районирование Западной Сибири по эволюционно-генетическим признакам».

В специальной главе обширного введения к этой работе, озаглавленной—«Цели и метод районирования», мы находим следующую характеристику этих целей и об'ема районирования:

— «Районирование в области хозяйственной деятельности человека может строиться с целями, охватывающими все стороны хозяйственной жизни как настоящего момента, так и будущего периода. В области сельского хозяйства, как одной из существенных сторон общественно-экономической жизни страны, как базы, служащей удовлетворению насущнейших потребностей человеческих, основной целью районирования, обнимающего все отрасли и факторы сельского хозяйства, является, как общее понятие, развитие и укрепление сельского хозяйства. Ставя целью изучение, развитие и укрепление сельского хозяйства, сел.-хоз. районирование преследует познание сельского хозяйства в совокупности проявления всех его сторон данного момента, познание и изучение форм сельского хозяйства, т.-е., способов использовывания сил и богатств природы, последовательности смен этих форм в их происхождении и развитии, изучение и искание влияний, тормозящих или способствующих развитию сельского хозяйства, установление причинной зависимости или взаимозависимости явлений сельско-хозяйственного производства и установление базы для предопределения ближайших естественных путей развития с.-х. производства и составление реальных планов направления и способов с.-х. производства, как в широком государственном масштабе, так и в местном, для учреждений и лиц, причастных к сельскому хозяйству, и непосредственных производителей.

«Сел.-хоз. районирование ставит целью дать общественной агрономии базу построения плана деятельности, основанного на экономических требованиях самой жизни, как помощи естественному и неизбежному развитию сельского хозяйства района. Сел.-хоз. экономическое районирование имеет ближайшую цель определить формы и способы, применяемые в сельском хозяйстве района, по использованию сил и богатств природы для получения полезных сел.-хоз. продуктов; определить приемы, господствующие в хозяйстве района, в их эволюции, происхождении и дальнейшем развитии для наиболее сознательного воздействия на развитие и укрепление сельского хозяйства».

В противовес основной мысли работы Б. Н. Книповича, авторы этой концепции отмечают, что в виду того, что в сел.-хоз. производстве, в целом, участвуют комплексы самых разнообразных факторов, в самой работе построения сел.-хоз. районов «нет надобности различать и разграничивать... признаки-причины от признаков-следствий». Для техники с.-хоз. районирования, имеющего своим об'ектом изучение сел.-хоз. производства в целом, со всем комплексом факторов, необходимо: «1) отыскать признаки, отражающие высоту уровня сельского хозяйства по его интенсифицированию в последовательно меняющихся формах, и 2) классифицировать, определить место существующим формам хозяйства, интенсифицирования сел.-хозяйства... Конечно, причинная зависимость определяющих признаков в эволюции существует и совершенно не исключается в технике районирования, но определяющий признак является сплошь и рядом одновременно и следствием, и причиной, и лишь условием различных явлений сельско-хозяйственного производства».

Подчеркивание в этой концепции преимущественного значения производственно-агрономических моментов, как показывает ее дальнейшее изложение, не является принципиальной позицией ее авторов, а практическим методологическим подходом лишь к самой технике построения сельско-хозяйственных районов. Наоборот, авторам далеко не чужда идея анализа общих социально-экономических районообразующих моментов, от учета которых они отказываются лишь за неразработанностью методологии этого учета и недостаточности данных.

— «Формы хозяйства, как средства использования богатств и сил природы, в целях извлечения полезных сел.-хоз. продуктов, есть ничто иное, как известное соотношение между основными факторами сел.-хоз. производства—землей, трудом и капиталом (средствами производства). Последовательная смена низших форм высшими заключается в большем интенсифицировании хозяйства, т.-е. внесении все большего количества труда и капитала на единицу сельско-хоз. площади. Если бы мы имели определенные данные по измерению затрат труда и капитала на единицу сел.-хоз. площади, мы могли бы легко, на основании получаемых из этих данных соотношений между трудом, землей и капиталом, расположить в последовательном порядке по уровню интенсивности сельского хозяйства существующие формы. Но, так как этих данных пока еще нет, приходится опираться на другие признаки для определения уровня интенсивности, близко связанные или отражающие большее или меньшее внесение труда и капитала на единицу сел.-хоз. площади в сел.-хоз. производстве».

В виду того, что это «отражение» наиболее ярко и неуклонно проявляется в непосредственном использовании земельных угодий, в назначении и степени использования земельных пространств различными способами на разных ступенях сел.-хоз. эволюции, выражаемых в его производственно-организационных формах—в системах сельского хозяйства, авторы излагаемой концепции и останавливаются, как на основном районообразующем моменте, на истории развития сел.-хоз. форм и его направления в соответствующих естественно-исторических зональных районах.

Основным недостатком этой системы является подмена общего понятия сельского хозяйства хозяйством земледельческим и отказ от учета внутренней структуры хозяйства-двора, как сложной хозяйственной совокупности, включающей в себя и земледельческие и неземледельческие занятия населения. Хозяйство-двор в этой системе, как основной районообразующий признак, отсутствует совершенно, и вопрос о той или иной порайонной группировке самих хозяйств-дворов по их основным социально-экономическим типам и, наоборот, построение на основе анализа соотношений во внутреннем строе изучаемой

территории различных социально-экономических типов крестьянского двора соответствующих экономических районов даже не ставится. Изучение сельского хозяйства и построение сельско-хозяйственных районов искусственно абстрагируется от самой основы его—его первичной ячейки—хозяйства-двора, самые районы становятся безжизненно «средними», узко агрономическими, не отражающими внутренней социально-экономической структуры образующих их хозяйств, их классово-экономической эволюции и тенденций последней.

Это «упущение», характерное для всех методологий и попыток сельско-хозяйственного районирования, имевших место в аграрно-экономической литературе России до сего времени, чревато весьма серьезными последствиями. Изолируя искусственно абстрагируемые из общего комплекса экономических районообразующих явлений специальные сел.-хоз. районы, оно разрушает самую возможность установления связей и взаимозависимостей между ними, их удельного веса в той территориальной совокупности, которую мы называем народохозяйственным районом. Именно «хозяйство-двор», как первичная ячейка и как массовое явление хозяйственной жизни страны, является той протоплазмой, из которой развивается вся ее экономическая деятельность, весь ее хозяйственный строй. В нем заложены начала всех видов применения к овладеванию силами природы и естественными богатствами отдельных территорий человеческого труда и создания определенных производственных навыков населения, дающих начало развитию как производственной, так и социально-экономической спецификации районов не только в области сельского хозяйства, но и всех видов промышленности. Отсюда—«хозяйство-двор» и процессы социально-экономического порядка, характеризующие его развитие или разложение, или то и другое вместе, должны быть признаны одними из самых активных районообразующих явлений, изучение которых должно стать одной из основных проблем теории районирования вообще и сельско-хозяйственного в частности. Этого пока в системах районирования нет, и в этом, повторяем, их органический порок и недостаток.

Указанная В. И. Лениным-Ильиным в его «Развитии капитализма в России» роль сельского хозяйства вообще и кре-

стьянского «хозяйства-двора» в частности на разных ступенях его социально-экономического развития, его дифференциации, не только как массового производства продуктов питания, но и как сырьевой базы для многих видов промышленности и как поставщика для ней не только чернорабочего, но и квалифицированного труда, должна быть при этом в первую очередь оценена, как совокупность явлений, определяющих не только экономическое своеобразие выделяемых в отдельные районы территорий, но и направление и организацию в них самого сельского хозяйства, его специализацию, степень его интенсификации, соотношение в нем труда и капитала по определенным типам образующих эти районы хозяйств.

Цели районирования при этом могут быть выявлены с такой всеоб'емлющей законченностью, которой мы не находим ни в одной работе по районированию, цитированных нами выше. Цели эти выявляются в установлении взаимоотношений между направлением работ по районированию с общими задачами государственной сельско-хозяйственной политики, целиком исходящей из учета факта господствующего положения в условиях советской социалистической государственности публично-правового порядка над частно-правовым, обеспечивающего за государством свободу регулирования сельского хозяйства в интересах осуществления им определенных народохозяйственных зданий. Основным моментом этой государственной сельско-хозяйственной политики является проблема народо-хозяйственной организации территории страны.

Под этим следует понимать не только распределение всего сложного производства страны между ее отдельными районами, согласно их естественным и экономическим особенностям, но и установление рационально-хозяйственного между ними баланса. С развитием техники сельско-хозяйственного производства и усложнением экономических взаимотношений как внутри районов, так и вне их, влияние естественных условий и на внутреннюю их организацию и на их внешние границы, на состав их территории падает, подчиняясь тем сознательным хозяйственным целям, которые, овладевая силами природы и естественными богатствами ее, ставит себе сам человек. Государственное регулирование открывает возможность организо-

ванно подходить к осуществлению этих хозяйственных целей не только в интересах самого сельского хозяйства или отдельных групп сельско-хозяйственного населения, но и в интересах нахождения наивыгоднейшего общего баланса всего народного хозяйства, учета в нем баланса сельско-хозяйственного, баланса всей производственной деятельности сельского населения во всех отраслях его земледельческого и внеземледельческого труда. Это определяет и самую технику построения сельско - хозяйственных районов, как частей районов общих, интегральных, народохозяйственных. Отдельные признаки, по которым, обычно, строится выделение того или иного района и выявление его специального значения и удельного веса в общем балансе хозяйства той или иной территории, не должны, при таком подходе к районированию, носить обычный характер аналитического разложения хозяйственного целого на отдельные составные части. Наоборот, в целях определения сельско-хозяйственного баланса и его удельного веса в общем народо-хозяйственном балансе страны, сельско-хозяйственные районы должны строиться *по методу синтеза районообразующих признаков и их взаимозависимостей.* Но этот синтез получится лишь в том случае, если мы учтем результат комбинации всех наиболее значительных районообразующих признаков, выражающийся в известной роли того или иного района в народно-хозяйственном вообще и сельско-хозяйственном балансе в частности. В условиях менового хозяйства и рыночного обращения эта производственная роль района в балансе страны выражается, в конце концов, в совокупности тех производств и их избытков, которые сдаются в хозяйствах района и поступают на рынок в общую массу товарно-рыночного обращения страны. Но этим не ограничиваются задачи и цели районирования, *когда мы говорим о построении сельско-хозяйственных районов, как о методе и исходном моменте сельско-хозяйственной политики.* Эта политика должна строиться не только на использовании установившейся в порядке, в значительной мере стихийного, исторического процесса сельско-хозяйственной статики, но и на перспективах развития в районах новых прогрессивных форм хозяйства и новых взаимоотношений между сельским хозяйством и другими видами про-

изводственной деятельности страны. Поэтому, при районировании, вместе с синтезом существующих факторов, необходимо сочетать учет *энергетических возможностей* данного зонального района, те хозяйственные потенциальные силы, которые часто не только не проявляются в статике данной хозяйственной действительности, но и не поддаются уловлению при узком изолированном изучении динамики сельского хозяйства района вне учета влияния на ее направление как всех остальных хозяйственных процессов последнего, так и межрайонных связей и взаимозависимостей народохозяйственного характера.

Так мыслит задачи сельско-хозяйственного районирования проф. П. И. Лященко в его еще неопубликованном докладе плановой комиссии Народного Комиссариата Земледелия «Об общих основаниях перспективного плана восстановления и развития сельского хозяйства Советской Федерации».

Несколько иначе, с бо́льшим философским уклоном, подходит к той же проблеме определения задач и целей районирования проф. Н. Н. Кажанов в его работе «Экономическое районирование, как познание географически индивидуального», опубликованной в 1922 г., в Ташкенте, в сборнике статей по районированию Туркестана, опубликованном Экономическим Советом Турк. Республики, под заглавием—«Материалы по районированию Туркестана», вып. I, Госплан II, Комиссия по районированию.

По мысли проф. Н. Н. Кажанова, не народно-хозяйственный баланс, не учет в нем роли сельско-хозяйственного баланса должны явиться отправными точками методологии экономического районирования вообще и сел.-хоз. в частности, а задача отыскания, уловления внутреннего экономического единства района, выявление «общей хозяйственной идеи той или иной части страны» и определение ее «в конкретных рамках географического пространства». Устанавливая понятие «экономического района», проф. Н. Н. Кажанов предлагает мыслить его, как «физическое воплощение» некоей территориально обособляющейся «культурно-хозяйственной среды» в порядке координирования в известных территориях общих направлений их хозяйственных целей с разнообразными устремлениями хозяйственной воли их населения, как некую «систему целесо-

образных связей» этих целей и устремлений, выражающуюся в соответствующих направлениях всего хозяйства района, в целесообразных проявлениях его хозяйственной жизни.

Идея синтетического понимания экономического района вообще и сельско-хозяйственного в частности ярко выражена в работе проф. Н. Н. Кажанова. Так же ярко подчеркнута в ней и основная идея районирования, как наше стремление «познать культурно-экономическую отдельность в ее текущей жизненной активности для изменения в желательном для нас направлении ее, соответственно нашей системы целей».

Для осуществления этого «нашего стремления», для правильного подхода к выявлению сельско-хозяйственных районов оказывается необходимым познать не только общую естественную обстановку той или другой географической и экономической среды, но и ту «самодовлеющую систему целей» самого хозяйствующего населения, которая конкретно выражается в связной совокупности его отдельных хозяйственных устремлений и формах их борьбы с сопротивляемостью природы. Как эта связная совокупность, так и формы указанной борьбы человека с природой, в пределах той или иной хозяйственно-географической среды, могут быть установлены лишь в порядке рассмотрения самих форм их воплощения в действительной жизни, в порядке выявления путем научного анализа связывающих их воедино взаимосвязей, в порядке теоретического восстановления системы целей, системы интересов интересующего нас территориального образования в его связной экономической индивидуальности.

И самую систему изучения всего этого в порядке определения синтетической связанности в том или другом районе сельско-хозяйственных целей с условиями их осуществления и выявления «отчетливого представления о строе сельского хозяйства в целом в той или иной местности, как выражения общей ее хозяйственной целесообразности и формы воплощения общих хозяйственных устремлений ее сельско-хозяйственного населения», проф. Н. Н Кажанов конкретно иллюстрирует следующим примером:

«Предположим, мы хотим исследовать строй сельского хозяйства какого-либо района. Нам для этого необходимо иметь,

с одной стороны, предварительное общее представление о тех основных отраслях сельского хозяйства и культурах, которые распространены в этом районе и определяют общий характер его сельского хозяйства, но, кроме того, мы должны быть знакомы с теорией сельско-хозяйственной экспомии и организации сельского хозяйства, знать законы сочетания явлений хозяйственной жизни, чтобы теоретически наметить возможные целесообразные связи по отношению к сельскому хозяйству данного района. Если мы, например, знаем, что в данном районе распространяется хлопок, пшеница, клевер, молочное скотоводство и совершенно не имеет место культура репы, то мы, конечно, не будем интересоваться закономерностями связи культуры репы с другими культурами и отраслями сельского хозяйства (района), наоборот, нам крайне необходимо будет знать, в каких закономерных формах может выражаться развитие молочного животноводства. Теоретически мы знаем, что с интенсификацией молочного животноводства уменьшается в частности количество молодняка известного возраста. Таким образом, процент молодняка в различных частях страны покажет нам в известной мере уровень интенсивности в них молочного животноводства.

Но это только одна из закономерных форм выражения молочного животноводства; теоретические знания дают нам еще ряд других закономерностей, как, напр., закономерностей изменения состава нормового порциона, приемов содержания скота, породы и проч. Сопоставляя данные о разных моментах этого порядка явлений для отдельных частей территории страны, мы получаем определенное представление о формах и направлении развития молочного хозяйства той или другой местности. Проделывая такую же работу для полеводства и других отраслей сельского хозяйства, на основании теоретических наших знаний о закономерностях явлений и в этих отраслях хозяйства, мы получаем соответствующее представление и о них. Увязывая же все эти наши сведения о характере развития различных отраслей сельского хозяйства в различных частях страны под углом зрения возможной целесообразной связи отдельных отраслей и культур сельского хозяйства между собой и проверяя выводы рядом дополнительных исчисле-

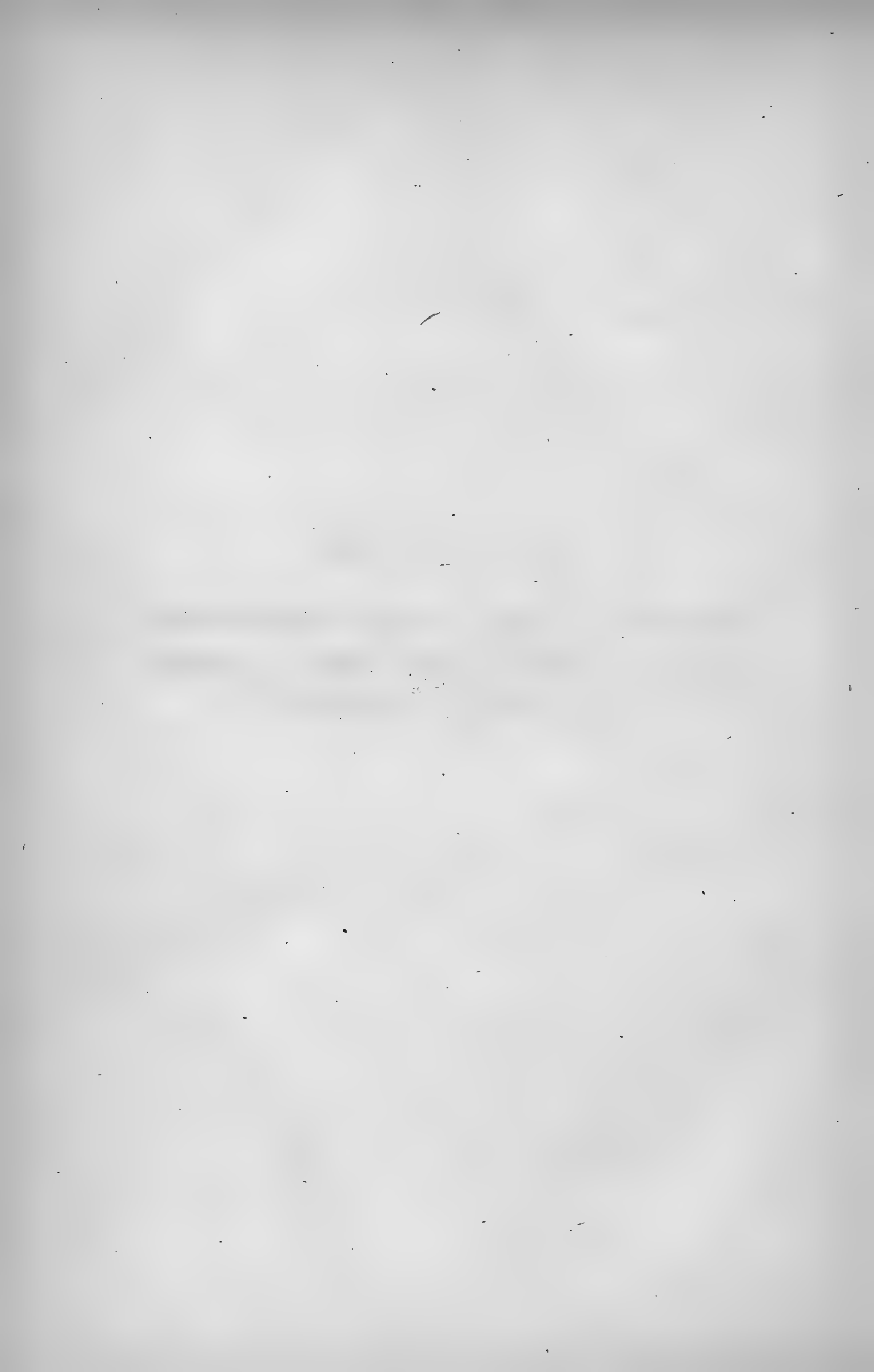
ний (об избытках и недостатках продуктов, о рыночном товарообороте, грузообороте и проч.), сведениями о бюджетах,—мы получаем, в конце концов, достаточно точное, отчетливое представление о строе сельского хозяйства в целом той или другой местности страны, именно, как выражение общей ее хозяйственной целесообразности, как о форме воплощения общих хозяйственных устремлений сельско-хозяйственного населения данной местности».

Итак, по Н. Н. Кажанову, задачами районирования должны, в конечном счете, явиться: а) уловление внутреннего единства, общей культурно-экономической идеи района и б) отражение в статике его состояния и взаимозависимостей отдельных отраслей сельского хозяйства, его «общих хозяйственных устремлений», т.-е. направлений сельского хозяйства. Цель же этих «уловлений» — познание тех путей, которыми все эти взаимоотношения и направления и самый внутренний строй сельского хозяйства в районе могут быть изменяемы «в направлении системы целей» более общего характера.

Все это в значительной мере расплывчато и не выявляет ни полного об'ема задачи районирования, ни содержания его. И если даже и говорится о необходимости учитывать в качестве районообразующих признаков «хозяйственные устремления населения»,—идея чрезвычайно ценная и правильная,—то вопрос о том, как и в какой форме их следует учитывать, на основе каких моментов их должно выявлять, как оценивать экономическое значение каждого из них и как замыкать их в связанные совокупности, оставляется в работе проф. Н. Н. Кажанова совершенно открытым. То, что не договорено проф. Н. Н. Кажановым, до известной степени досказано проф. П. И. Лященко в цитированном нами выше его неопубликованном докладе и, еще в большей мере, около тридцати лет тому назад развито тов. Лениным. Задачей методологии сельско-хозяйственного районирования тем самым является в настоящее время развить высказанные ими основные положения в стройную систему, освещенную строго продуманным марксистским пониманием процессов, происходящих в сельском хозяйстве Федерации и задач ее государственной сельско-хозяйственной политики. Перед этим она стоит.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Методология и техника аграрно-экономической статистики в работах бывших земств и русской академической статистики

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

МАССОВОЕ НАБЛЮДЕНИЕ, ЕГО ФОРМЫ И ПРИНЦИПЫ В ПРАКТИКЕ АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ БЫВШИХ ЗЕМСТВ.

Как мы видели в предыдущих главах, в практике изучения аграрно-экономической статистикой бывших земств мелкого крестьянского хозяйства уже с 1876 года происходит определенный поворот, сущность которого состоит в том, что место прежде проводившегося в оценочных целях сплошного или, вернее, огульно поселенного или пообщинного учета крестьянского хозяйства мало-по-малу занимает иногда сплошной, иногда выборочный, подворный учет индивидуальных хозяйств-дворов, регистрирующий каждый двор, как самостоятельную и неделимую экономическую единицу.

Поворот этот, начало которому было положено упоминавшимися нами московскими и черниговскими исследованиями 1876 года, конкретно был зафиксирован в постановлениях статистического совещания 1898 года, в окончательной форме определившего преимущества подворного исследования крестьянского хозяйства перед поселенным.

Приблизительно в то же время в частичных совещаниях московских статистиков, предшествовавших повторному сплошному статистическому обследованию крестьянского хозяйства Московской губ., произведенному в 1898 — 1900 годах под руководством проф. Н. А. Каблукова, были точно сформулированы веские соображения по поводу того,—нужно ли подворную перепись сопровождать во что бы то ни стало поселенным учетом, на чем настаивало совещание 1898 года, или нет, сущность каковых соображений сводилась к следующему:

«С точки зрения обобщения известного явления, выяснения его, как фактора, имеющего общее значение, совершенно не-

важно, что в данном селении существует, например, столько-то дворов, имеющих по одной лошади, столько-то по две и т. д. Это будут единичные случаи. Значение их определится и выяснится только тогда, когда, имея перед собой *массу* дворов, имеющих по одной лошади, и массу дворов, имеющих по две, мы сопоставим это с каким-либо другим фактором.

«Только тогда, *при массовом характере этого явления*, мы в состоянии будем определить, с каким явлением оно стоит в связи, что именно знаменуется им и чем оно обусловливается.

«Статистика именно стремится определить то общее, что оказывает свое влияние на те единичные явления, из совокупности которых составляется представление о массовом характере явления.

«Раздроблять, таким образом, на единичные явления то, что должно быть выяснено, как массовое, значило бы итти наперекор тому, что выработано статистической наукой и практикой.

«Это значило бы фотографировать явление вместо того, чтобы дать полную хозяйственную картину его, передающую то, что ему присуще не в данный только момент фотографирования, а что составляет его *общие и основные черты, постоянно присущие ему при определенных условиях*.

«Правда, и такое фотографирование может иметь свое значение, но только при особых обстоятельствах. Так, если производить подворное исследование для выяснения степени нужды в продовольствии населения данной деревни в данный момент, или с целью принять тотчас же меры против какой-либо болезненной эпидемии, охватившей в данный момент определенный район, тогда, конечно, важно знать состав семьи каждого двора данного района или села и пр...

«Производить же такое поселенное фотографирование при общей подворной переписи, производимой для выяснения *общих экономических условий* данного района, — это значило бы заново переделывать весь сырой материал ее, только изменив систему его группировки.

«Не говоря уже о том, что с чисто практической стороны такое фотографирование»... тех или иных факторов по селениям бесцельно, так как в каждый новый момент это распределение меняется и, таким образом, всякий раз для всякого

нового конкретного вопроса необходимым является и «новое фотографирование», — в научном отношении оно не выдерживает критики уже потому, что, как уже отмечено выше, оно давало бы в раздробленном виде то, что важно иметь в массовых данных, т.-е. противоречило бы «всему тому», что выработано статистической наукой и практикой».

(См. *Н. А. Каблуков:* «Пособие к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при земско-статистических исследованиях». Литографированные лекции, изданные отдельной брошюрой в 1912 г. в Москве. Стр. 11—12 последнего издания.)

Таким образом, в данном вопросе о ненужности при подворных обследованиях сплошного характера, безразлично—исчерпывающих или частичных,—параллельного поселенного описания, сохраненного, под влиянием соображений, совершенно чуждых научной статистике, в практике русских земств совещанием статистиков 1898 года, московские статистики совершенно сошлись со статистиками черниговскими, которые, еще в 1876 году, устами Н. Червинского признали то же самое, но лишь в другой постановке вопроса — в факте отрицания всякого научного значения за поселенным исследованием как за исследованием, об'ектом своим имеющим совершенно расплывчатую собирательную и «далеко не экономическую» единицу—селение.

И хотя, несмотря на это, покойный проф. А. А. Кауфман, в своих вышедших в 1912 году очерках по «Вопросам экономии и статистики крестьянских хозяйств» (см. вып. 1-й, стр. XII и XV), продолжал утверждать, что и до сего времени оба типа исследований — подворное и поселенное — равно применяются при земских и вообще организованных по земскому образцу исследованиях крестьянского хозяйства, мы все же будем утверждать, что еще с 1898 года формуляр подворной переписи становится *единственным основным формуляром* этого исследования, в качестве такового проделывая в дальнейшем всю ту эволюцию своего внутреннего содержания, в результате которой сама подворная перепись земского типа обратилась в обширнейшее исследование, поражающее своей сложностью и кажущейся, по первому взгляду, замысловато-

стью ряда своих вопросов, с помощью которых на самом деле перепись дает возможность получить реальные и жизненные понятия о многих интимнейших сторонах жизни крестьянского хозяйства-двора и в то же время взаимно контролировать получаемые сведения сопоставлением различных показаний об одном и том же предмете, хотя бы эти показания касались самых отдаленных его признаков.

В этой последней особенности земских подворных переписей, открывающей широкую возможность *внутренней* поверки получаемых показаний путем взаимного контроля отдельных ответов на вопросы программы, одно из самых существенных достоинств выработанного в практике русской аграрной статистики метода сплошного статистического исследования крестьянских хозяйств.

В этой же особенности их одно из самых коренных расхождений последней с положениями общей западно-европейской статистической методологии, в свое время формулированными еще Кетле в трех ее основных требованиях ограничивать круг вопросов надлежащих статистических исследований только теми сведениями, которые: 1) безусловно необходимы для целей данной статистической операции, 2) могут быть получены из непосредственного опроса и 3) не вызовут, в порядке своего собирания, недоверчивого отношения со стороны опрашиваемого населения.

Как мы видели выше, сплошные подворные, частичные или исчерпывающие переписи основного характера, применявшиеся сначала лишь к изучению статики крестьянского хозяйства, в дальнейшем, в практике агрономической статистики русских земств, были дополнены производством повторных переписей, целью которых было поставлено регистрировать происходящие во времени изменения в сельском хозяйстве данного района в интересах обнаружения процессов динамического характера, в нем развивающихся.

В связи с этим в практике русской земской аграрно-экономической статистики большое значение получило применение так называемого выборочного исследования, вырабатывавшегося постепенно из идеи дополнительных частичных статистических исследований к исследованиям сплошным подворным

и из метода монографического отбора типичных селений по заранее намеченной программе.

Что касается происхождения и первых опытов этой формы статистического исследования, то до последнего времени, с легкой руки А. А. Кауфмана, в русской статистической литературе был распространен взгляд, будто первым популяризатором в России метода этого исследования, воспринятого якобы русской земской статистикой от руководителя и методолога норвежской статистики—Киэра, являлся А. И. Чупров, а первыми статистиками, применившими его в практике земских исследований, А. В. Пешехонов и В. Г. Громан.

Этот взгляд в самое последнее время категорически опровергается историческим обследованием развития в России методов частичного статистического исследования ветерана русской земской статистики А. А. Гурьева на страницах № 1—4 органа Центрального Статистического Управления «Вестник статистики» за январь—апрель 1921 года в его статье, посвященной 25-летнему юбилею выборочного метода в России, под заглавием «Происхождение выборочного исследования и первые его опыты в России».

В этой своей крайне интересной работе, освещающей одну из славных страниц в истории русской земской статистики, А. А. Гурьев исправляет указанные выше неточности покойного А. А. Кауфмана, допущенные им в форме слишком категорических утверждений в последнем, третьем, издании его «Теории и методов статистики», вышедшем в 1916 году. Исправления А. А. Гурьева касаются главным образом двух следующих положений А. А. Кауфмана, воспринятых всеми его учениками и последователями:—первого, согласно которому устанавливается тот факт, оспариваемый А. А. Гурьевым, будто русские земские статистики впервые подошли к выборочному методу в своих исследованиях под влиянием идей упомянутого выше норвежца Киэра, популяризованных в России в 1894 году А. И. Чупровым, и второго — утверждавшего, что именно эти идеи «послужили непосредственным толчком для двух *первых* (курсив наш.—*Е. В.)* выборочных исследований—произведенной А. В. Пешехоновым выборочной бюджетной переписи в Козелецком уез. Калужской губ. (А. Гурьев поправляет — «не

только в Козелецком, но и еще в трех уездах той же губернии— Лихвинском, Перемышльском и Калужском в 1896 — 97 г.г.»— *Е. В.)* и организованной, по идее главным образом В. Г. Громана, повторной переписи Вятской губ.» (в 1900—1902 г.г.— *Е. В.)*

Со своей стороны, в противовес этим утверждениям, А. А. Гурьев приводит следующие факты и соображения:

I. Специальное обследование Норвежской Парламентской Комиссии по выборочному методу было произведено под руководством Киэра в 1895 году. Между методом, примененным Киэром к этому исследованию, и методом А. В. Пешехонова нет ничего общего, так как сущность первого заключается «в пропорциональной до скрупулезности выборке типичных общин», а сущность второго — в механическом отборе. Здесь глубокое идейное различие между ними.

Первое самое раннее сообщение о Киэре и примененном им методе частичного исследования появилось на русском языке лишь в 1897 году в отчете директора Центрального Статистического Комитета Н. А. Тройницкого о пятой сессии Международного Статистического Института в г. Берне, бывшей с 14/26 до 19/31 августа 1895 года, в котором относительно Киэра было буквально сказано следующее в XXX разделе отчета:

«А. Киэр (Kiaer, директор Центрального Статистического Бюро в Норвегии) сделал сообщение о типичном обследовании и указал на его преимущества в некоторых случаях. Сущность типического исследования заключается в изучении отдельных географических единиц или местностей, рассеянных по всей стране. Успех подобного рода изучения всецело зависит от удачного выбора типичных местностей. Из прений, вызванных означенным докладом, выяснилось, что метод статистический и монографический не могут конкурировать друг с другом, так как во всех случаях, где возможен первый, там статистики не должны, в видах точности исследования, рекомендовать монографический. Последний же метод имеет свою самостоятельную область применения».

II. А. И. Чупров, в своем докладе в подсекции статистики на IX С'езде естествоиспытателей и врачей 1894 года на тему о монографическом описании отдельных селений, как способе

дополнения основных земско-статистических исследований, ни одним словом киэровских идей не касался, свое отношение к выборочному исследованию определял ссылкой на практику западно-европейской статистики, совершенно не знающей сплошных исследований по образцу наших и в то же время достигающих результатов, имеющих, по его выражению, «немаловажную цену». Основной мыслью этого доклада было раздвинуть рамки оценки выборочного исследования, как метода изучения социальных масс, установленные статистической комиссией Моск. Юр. общества 1887 года, согласно постановлениям которой этот вид исследования рекомендовался лишь в случаях необходимости дополнить исследование основное, сплошное. В противовес этому взгляду он утверждал, что «за выборочное исследование стоит приниматься и тогда, когда не было произведено и не производилось сплошного», однако, — как утверждает А. А. Гурьев, — «даже авторитет А. И. Чупрова не мог пересилить предубеждения (современной ему русской статистической мысли.—*Е. В.)* против приемов исследования, не базировавшегося на сплошном подворном описании». Тогдашняя русская статистическая мысль по свидетельству А. А. Гурьева, будучи воспитываема «в течение двух десятилетий в понятиях исключительного значения сплошной подворной переписи, как единственного средства для получения верных сведений о состоянии народного хозяйства, еще пока только мирилась с новыми методами сокращенного статистического исследования и только как бы допускала их для собирания дополнительных данных».

Впрочем, по А. А. Гурьеву, для русской практики эти методы даже не являлись новыми, а были только забытыми, известными ей еще в 70-х годах прошлого столетия [1]) и лишь «в 80-х и 90-х годах отодвинутыми на задний план земско-статистическими сплошными исследованиями».

Первое же упоминание в устах А. И. Чупрова об А. Киэре, запротоколированное в статистической литературе, относится

[1]) („Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска", исполненного в 1876—1881 годах и основанного „на подробном описании экономического быта и условий жизни некоторых отдельных казачьих станиц", являвшихся как бы средними по отношению к четырем установленным их типам. *Е. В.*)

к еще более позднему периоду: к 1898 году, когда организованные А. В. Пешехоновым по его методу, резко отличающемуся от всей прежней методологии частичных статистических, монографического типа, исследований, принятой как на Западе, так и в России, калужские исследования были закончены. Мы встречаем это упоминание в трудах Статистической коммиссии 1898 года при обсуждении ею вопросов об исследовании типичных селений и отдельных дворов. Открывая прения по этому вопросу, председатель Статистического отделения Московского Юридического Общества А. И Чупров указал, что в данном случае дело идет о «выборочном исследовании» и что в «международной статистике сторонником таких исследований является, главным образом, норвежский статистик Киэр, защищающий их в особенности тогда, когда можно проверить удачу выбора по данным прежних сплошных исследований; при этом Киэр считает пропорциональность столь же существенным условием правильности выборочного исследования, как и типичность».

По поводу этой цитаты, приводимой самим А. А. Гурьевым, нам приходится отметить обратившее внимание на себя в его работе противоречие, несколько подрывающее в этом пункте силу его возражения покойному А. А. Кауфману.

Противоречие это заключается в утверждении А. А. Гурьева, будто в связи с постановлением комиссии 1898 года о том, чтобы предложенный ее обсуждению тип «выборочного описания типичных селений путем местного обследования их по подробным программам» считать целесообразным лишь «в качестве дополнения к кратким сплошным переписям», русские статистики в своей практике не изменили этому своему основному взгляду на частичные статистические исследования, каковое утверждение опровергается одобрением той же комиссией основных тезисов докладов самарских статистиков по тем же вопросам, согласно которому «самостоятельное значение указанного способа исследования» отнюдь не исключалось. (См. изложение тезисов доклада И. В. Пегеева в работе А. Гурьева, стр. 27.)

В этом собственно и заключалась победа чупровской идеи в Статистической комиссии 1898 года, которую А. А. Гурьев, в пылу своих возражений А. А. Кауфману, проглядел. Постольку

же, поскольку, отстаивая эту свою идею о самостоятельности значения выборочного исследования, А. И. Чупров опирался на практику «международной статистики» и в частности на Киэра, А. А. Кауфман оказывается не совсем неправ в своем первом утверждении о значении для русской статистики идей Киэра-Чупрова.

Но зато в своем втором утверждении — о зависимости от этих идей в методологическом отношении работ А. В. Пешехонова по Калужской губернии и о значении в выработке новой, чисто-русской земской формы выборочного исследования В. Г. Громана, явившегося будто бы «идеологом» вятских исследований 1900—1902 годов,—А. А. Кауфман оказывается совершенно неправ.

Он, оказывается, в свою очередь, совершенно проглядел, что уже к этому периоду времени, в 1896—1898 годах, в русской земской статистике выдвинулись оба метода выборочного исследования—исследования монографического, основанного на отборе типических об'ектов, устанавливаемых по предшествующим исследованиям (это тот метод, который пропагандировался А. И. Чупровым, но который начинается в русской практике далеко не Киэром; в отношении этого метода 1896—1898 годы дают только сдвиг в понимании его значения, как метода, в своем применении могущего конкурировать с методом сплошных исследований и их не только дополнять, *но и заменять.— Е. В.)*, и исследования массового, в коем представительство массы основывается на массовом же механическом отборе об'ектов, типичность которых, независимо от воли исследователя, обеспечивается их количественным отношением к общему составу изучаемой социальной массы.

Творцом последней формы выборочного исследования и является А. В. Пешехонов, подчеркивающий в своем предисловии к текстовой части описания Козелецкого уезда, вышедшего в свет в 1898 г., значение тех чисто русских самобытных причин, которые привели его к этой форме исследования и к попытке, завершившейся полным успехом, заменить его не только не статистические, в строгом смысле этого слова, типические описания монографического типа, но и громоздкие, не всегда доступные земской статистике, сплошные переписи.

Одной из таких причин, между прочим, была необходимость собрать в возможно большем числе, чтобы обеспечить их типичность, ряд таких данных о крестьянских хозяйствах, вопросы о которых правительственной властью было запрещено включать в программы подворного опроса.

Аналогии этой форме массового выборочного исследования на Западе нет и не было и никакой причинозависимости между ней и идеями Киэра, даже если А. В. Пешехонов и был уже с ними знаком в момент обдумывания и обоснования своего метода, что весьма сомнительно, нет.

Но и метод типического выборочного исследования, пропагандировавшийся А. И. Чупровым, в практике и дальнейшей методологической обработке его земскими статистиками получил формулировку, в значительной мере отличающую его от западно-европейских образцов.

Построенное на нем повторное выборочное исследование Самарской губернии в конце девяностых годов прошлого столетия, как и калужское исследование А. В. Пешехонова, является не только дополнительным к краткому сплошному, но вместе с тем имеет и самостоятельное значение, ведется одновременно с ним и служит для замены сплошного подворного опроса по отношению ко многим сторонам крестьянского хозяйства, обычно региструемым путем сплошной переписи.

Сущность дополнений, внесенных самарскими статистиками в основные положения А. И. Чупрова, развитые им в своем докладе 1894 г., и их значение в методологии популяризовавшейся им формы выборочного исследования А. А. Гурьевым характеризуются в таких словах:

«...В самарском плане основные положения А. И. Чупрова являются в разработанном виде. Указаны с несомненно большей подробностью признаки, которые необходимо учесть при выборе типических селений, как-то—естественно-исторические условия, факторы крестьянского хозяйства, которые при этом перечислены, экономическое положение, сословные и этнографические группировки. Типичность селений устанавливается не только по данным предыдущих исследований, но и предварительного описания их современного состояния с краткой подворной переписью.

«Особенно же важным следует признать внесение в число условий, которым должно удовлетворять монографическое исследование, — требования пропорциональности числа выбранных по разным признакам, характеризующим местности и группы населения, для обследования об'ектов со всей их массой.

«Это именно то условие, которое делает монографический метод тождественным с выборочным, так как позволяет вести разработку собранных данных совершенно подобно тому, как производится разработка материалов сплошного исследования, без вычисления и введения посредствующих коэффициентов, определяющих соотношение исследованных об'ектов и массы по каждому типу, представленному в исследовании.

«В этом наибольшая заслуга самарских статистиков».

Переходя к вятскому обследованию, о котором упоминает А. А. Кауфман, его методологии и роли в установлении ее принципов киэровских идей, В. Г. Громана и его «типического метода», А. А. Гурьев, как участник совещания статистиков при Вятской земской управе, на котором В. Г. Громаном был повторен с некоторыми изменениями и дополнениями его доклад «О применении типического метода в текущей статистике», прочитанный им впервые в Комиссии по вопросам земской статистики, созванной Статистической комиссией при III Отделении Вольно-Экономического Общества в феврале 1900 года, свидетельствует следующее:

«Если не знать условий, в каких складывался проект выборочного исследования Вятской губернии, то в нем (как и в самарском исследовании.—*Е. В.)* можно было бы признать влияние идей Киэра, так как в основе этой выборки лежала пропорциональность отбираемых типических единиц с представляемой ими массой. Но что касается идей В. Г. Громана, якобы начавшего в конце 90-х годов прошлого века пропаганду выборочного метода, то, оставаясь в той же плоскости одних идейных сопоставлений, надо сказать, что эти идеи не имеют ничего общего ни с принципами Вятской губернии, ни с методом Киэра. Эти идеи были изложены в указанном выше докладе В. Г. Громана «О применении типического метода в текущей статистике», в котором автор, не касаясь существующих ме

тодов исследования, формулировал приемы распространения данных частичного исследования в текущей статистике на всю социальную массу, т.-е. приемы, уже примененные при разработке материалов Козелецкого уезда. Типический метод В. Г. Громана в том виде, в каком он предлагался в 1900 году, едва ли можно даже отнести к методам выборочного исследования, и видеть в нем идейную близость с основаниями вятского выборочного исследования можно было только по недоразумению».

Итак, из всего вышеизложенного вытекает, что хотя история исканий земской русской статистики и обобщающей ее методологические завоевания научной статистической мысли в сфере разработки вопросов частичного статистического исследования уходит в глубь конца 70-х и начала 80-х годов, та форма этого исследования и его метода, которая получает современное нам содержание выборочного массового исследования, выросшего на почве специфических социальных и политических условий российской действительности своего времени, получает свое начало от работ калужских статистиков 1886—1887 годов, когда в основу выборочного исследования крестьянских хозяйств были положены—с одной стороны, принцип массового механического отбора об'ектов изучаемой социальной массы, а с другой — одновременное проведение с подробным выборочным исследованием исследования сплошного по более общей сокращенной программе.

Дальнейшее же развитие в практике русской земской статистики этот метод массового выборочного исследования получил тогда, когда ему было придано, согласно постановлениям совещания статистиков 1900 года, значение самостоятельного повторного исследования, определенно прикрепленного, в целях изучения динамических процессов, происходящих в социальных массах, в об'ектах своего наблюдения по каждому из них, к данным прежних переписей сплошного экономического содержания и следовавших за ними предыдущих повторных выборочных исследований.

Что касается современного положения, роли и значения методов выборочного исследования в практике, поглотившей в своих недрах земскую статистику, государственной статистики нашей республики, то об этом будет сказано в последней части

нашей работы, когда мы перейдем к обрисовке аграрно-экономической статистики России времен революционного перелома.

Теперь же упомянем лишь о том, что в самые последние годы в практике и в методологии этой статистики все сильнее и сильнее начинает проявлять себя тенденция синтеза обоих видов выборочного исследования, обрисованных нами выше, путем установления предварительно, по данным прошлых исследований и общих экономических и естественно-исторических описаний так называемых «гнезд», исследования в них определенных элементов социальной массы в порядке их первоначальной массовой механической выборки в известном процентном отношении к общему составу всей социальной массы, заключенной в данное гнездо, и затем в порядке ежегодного повторения этого исследования по тем же гнездам и тем же об'ектам в них по аналогичным программам.

В последней книге А. А. Кауфмана, изданной уже после его смерти в 1922 году Центральным Статистическим Управлением, — «Статистическая наука в России», описанный нами метод выборочного исследования рассматривается автором этой книги в связи с методом так называемого монографического исследования. Оба эти метода впервые были применены к исследованию бюджетов отдельных крестьянских хозяйств и лишь впоследствии они были применены земскими статистиками к изучению крестьянских хозяйств в целом. Параллельно с эмпирической работой земских статистиков по выявлению основ самого метода такого рода исследований шла также теоретическая разработка его со стороны ряда представителей академической статистики. Эта разработка проходила в двух направлениях: с одной стороны, разрабатывался вопрос об условиях и пределах применимости как выборочного, так и монографического исследования, а с другой — вопрос о числе или доле случаев, подлежащих выборочному учету — это в отношении выборочного исследования, а в отношении монографического — вопрос о способах отбора хозяйств, подвергаемых монографическому описанию.

Наиболее выдающейся работой в первом из указанных направлений был доклад В. Г. Громана по секции статистики XII С'езда русских врачей и естествоиспытателей, озагла-

вленный: «О сочетании краткого сплошного и подробного выборочного исследования».

В основе предлагаемого им в этом докладе разграничения сфер этих двух видов выборочного исследования, а попутно — и монографического описания, лежит система признаков, которые улавливаются при статистическом исследовании. Это во-первых — «главные факторы или признаки-причины», или иначе — «признаки причины первого порядка», далее — «производные признаки» второй ступени и, наконец, «признаки-следствия» третьей ступени.

«Сопоставление факторов первой и второй степеней,—говорит В. Г. Громан, — дает возможность уловить взаимную зависимость факторов первого и второго порядка; сопоставление первой и второй степеней, с одной стороны, и третьей степени — с другой, дает возможность установить взаимозависимость явлений-факторов и явлений-следствий». В виду же того, что «общественные явления закономерны, т.-е. находятся в тесной и постоянной взаимной связи, — связи настолько прочной, что мы наблюдаем неизменную тенденцию осуществления одного явления другим», а также в виду того, что «в однородных, по главным факторам, группах между отдельными конкретными явлениями больше сходств, чем различий, или во всяком случае различие между явлениями, включенными в одну группу, меньше, чем различия между явлениями каждой данной группы и всякой другой», следует, что в порядке статистического исследования сельских хозяйств того или иного района область этих исследований будет различна: для сплошных переписей она ограничится «главными факторами или признаками-причинами; выборочному исследованию будут подлежать «производные факторы», а монографическому описанию — «признаки-следствия».

В общем, эта схема разграничения об'ектов указанных выше трех типов исследования была принята, в конечном счете, без особых возражений в практике аграрно-экономической статистики бывших земств, и лишь один вопрос—о приемах отбора этих признаков, или вернее, их классификации—вызвал ряд различных предложений. В частности А. А. Кауфманом было предложено некоторое ограничение и дополнение к схеме

В. Н. Громана, сущность которых выражалась в том, что А. А. Кауфман ограничивал условие применения выборочного метода двумя моментами, полагая, что этот метод исследования «уместен только тогда, во-первых, когда обнаруживающаяся на данном факторе второго порядка или в данном признаке-следствии зависимость монографического или полу-монографического порядка не нарушается теми или другими идеографическими влияниями и, во-вторых, только тогда, когда практические цели данного исследования не требуют выявления конкретной картины территориального распределения данного признака, — все равно, будет ли это причина второго порядка или просто признак-следствие».

Что касается второго вопроса, в его первой части, касающейся выборочного метода — вопроса о необходимом числе или доле случаев, подлежащих выборочному учету, то этот вопрос был поставлен на принципиальную почву на том же XII С'езде естествоиспытателей и врачей в докладе проф. А. А. Чупрова. Являясь в значительной мере сторонником математического направления в статистике, А. А. Чупров полагал, что вопрос о числе учитываемых при выборочном исследовании единиц должен разрешаться на основании математических критериев, методом определения искомого числа на основе Гауссового закона ошибок, каковой метод А. А. Чупров именует «методом Боули». Того же мнения держится в своей статье — «Статистика и математика» — Е. Е. Слуцкий, вслед за А. А. Чупровым защищающий положение, что «при разнообразии состава данной массы «всякий оттенок», чтобы быть уловленным, будет требовать и соответственного об'ема выборки, а именно — абсолютного об'ема». У Чупрова эта мысль выражается такими словами: «искомое число—это некоторое, получающееся из формулы закона ошибок абсолютное число, а какую долю взятые экземпляры составят во всей массе« $^1/_{10}$, или $^1/_{100}$, или $^1/_{3}$ — безразлично».

Это воззрение встречает возражение со стороны А. А. Кауфмана, который, указывая в ряде своих работ на неразработанность указанного «метода Боули» и на трудность его применения к области, «с неустранимыми предпосылками которой этот метод вовсе не считается», полагает, что «неизбежность

эмпирического разрешения вопроса о числе подлежащих выборочному учету единиц приводит к необходимости исходить при этом не из абсолютного числа, как то рекомендуют А. А. Чупров и Е. Е. Слуцкий, а из определенных долей общего числа случаев», ибо «известное абсолютное число может явиться разве только минимумом, при отсутствии которого выборочное исследование становится неприменимым, какую бы это число ни составляло долю. Но достаточным критерием она может служить только в таких областях, как опыты с шарами и т. п., т.-е. при полной однородности изучаемой массы...»

Что касается второй части второго вопроса — о способах отбора хозяйств, подвергаемых монографическому описанию, — то в этой части самым трудным моментом явился как в земской, так и в академической статистической литературе, момент «уловления типического об'екта». Необходимость при отборе хозяйств для монографического описания ограничиваться лишь категорией хозяев «толковых и сведующих», приводило к тому, что даже совпадение основных числовых показателей, характеризующих отобранные дворы, далеко не давало гарантии их действительной типичности для всего сельского хозяйства данной местности в целом, а тем более для отдельных социально-экономических групп крестьянских дворов. С другой стороны, применение монографического описания отдельных хозяйств для установления «бюджетных типов» последних приводило к тому, что в состав описываемых хозяйств попадали хозяйства, в которых «бюджет» оказывался возможным по их экономической уравновешенности. В эти хозяйства хозяйства бедноты не попадали, и потому выводимые на основании материалов таковых монографических описаний «средние» характеристики положения сельского хозяйства в какой-либо местности являлись, по существу, ложными, стоящими выше среднего типа, и не отражали ни в какой мере действительного положения крестьянского хозяйства, давая характеристики огульные, шедшие мимо явления разложения этих хозяйств по социально-экономическим группам и по направлению сочетаний в них затрат труда с затратами средств производства.

В конечном счете приходится признать, что, несмотря на большое сравнительно количество произведенных монографи-

ческим способом описаний «типических хозяйств» по ряду губерний в работах известнейших статистиков; несмотря на применение к этим описаниям способов не только изустного опроса хозяев, но и организации в избранных хозяйствах правильных счетоводно-бюджетных записей, указанные выше и свойственные всем такого рода описаниям недостатки привели земских статистиков к твердому убеждению, разделяемому и нами, что монографические исследования могут служить лишь некоторым дополнением к массовому обследованию, в смысле иллюстраций и конкретизации, но не могут заменить собой массового учета, при чем самые об'екты монографического описания должны быть выбираемы на основании результатов массового основного исследования и привязываться к его программе в своих основных частях таким образом, чтобы детализация программы монографического описания исходила из рубрик программы массового исследования. Такое же условие привязки к программам сплошных переписей является обязательным и для программ, носящих характер частичных повторных переписей, выборочных исследований. И в том и в другом случае основой исследования остается подворная карточка основной подворной переписи, эволюция типов которой поэтому представляет для нас особый интерес.

Превосходное описание этой эволюции мы находим у проф. А. А. Кауфмана в упомянутых нами уже дважды его «Очерках по вопросам экономики и статистики крестьянского хозяйства» (Введение, вып. 1-й.)

Вот как рисует эту эволюцию проф. А. А. Кауфман:

«В смысле построения первой по времени разновидностью типа подворной карточки была та, рубрика и графы которой размещались просто, в порядке логической последовательности отдельных вопросов и групп вопросов».

(См. подворные карточки Острогожского и Землянского уездов Воронежской губ. за 1885—1886 г.г., во втором томе соч. С. Велецкого: «Земская статистика», стр. 73—76; подворный лист по Казанской губ. за 1883 г., стр. 203 — 205; подворный лист по Царевококшайскому у., Казанской губ., уже более подробный, за 1887 г., стр. 206 — 209).

«Эта разновидность очень скоро уступила место другой, впервые примененной в 1891 г. в Воронежской губ., главной характерной чертой которой являются размещенные в один ряд по всем или некоторым краям карточки выносные клетки и графы, которые, при накладывании заполненных карточек одна на другую, образуют сплошные столбцы подлежащих подытоживанию цифр и, таким образом, облегчают подсчет итогов.

«Первоначально стремились к тому, чтобы в этих же выносных клетках делать и возможно большую часть непосредственных записей, хотя бы соответственные цифры получались не прямо из опроса и требовали предварительно мысленного подсчета и даже некоторой классификации опрашивающими конкретных показаний.

«С течением времени, однако, из этой разновидности подворной карточки постепенно выработалась новая, технически гораздо более совершенная.

«Выносные цифры в ней (см. у С. Велецкого, том 2-й, подворные карточки по Калужской губ., стр. 289 и стр. 315 за 1886 г.) заполняются непосредственно лишь такими данными, которые в готовом виде получаются из опроса,—иначе говоря, данными по таким вопросам, где ответ дается, или во всяком случае может быть дан, без каких-либо затруднений для отвечающего лица в виде одной цифры. Таковы, например, вопросы, относящиеся к разным видам скота, сел-хоз. орудий и проч. — каждый отвечающий сразу может сказать, имеет ли он одну, двух или больше лошадей, восемь или пятнадцать овец, есть ли у него пахотное орудие — одно, два или больше... Но для большей части рубрик выносные графы становятся именно только выносными. Для первоначальных записей по этим рубрикам предназначается внутренняя часть карточки и самое построение граф приспособляется либо для вполне индивидуализированной записи каждого члена двора со всеми его демографическими признаками, грамотностью, промыслами; для каждого случая аренды, каждого участка купчей земли или, по крайней мере, для каждой, имеющей самостоятельное значение, разновидности признака — наем на каждый отдельный вид сел.-хоз. работ, посевы отдельно на своей надельной, на своей купчей, на арендованной надельной и вненадельной

земле. В этих случаях в выносные графы уже на самом деле выносятся лишь расклассифицированные и подытоженные показания согласно точно установленной в заголовке выносных граф схеме.

«Благодаря такой двойственной системе подворной карточки получается полная свобода и возможность максимальной индивидуализации записей; в соответствии с конкретными показаниями, а вместе с тем с мыслимой экономией времени и труда получаются расклассифицированные и подытоженные, готовые к дальнейшему подсчету, цифры.

«Новейшим, пока, впрочем, мало распространенным усовершенствованием типа (это относится к 1912 — 1913 годам.— *Е. В.)* подворной карточки представляется карточка с особыми отрывными купонами для характеристики входящих в состав двора отдельных лиц, обычно промышленников.

«Каждый такой заполненный купон дает полную характеристику лица с его демографическими и культурными признаками и его промысловой деятельностью, а сделанные на нем, при заметке, условные обозначения позволяют легко установить, к какому типу дворов по землевладению, землепользованию, земледелию, промысловости и проч. принадлежит описываемое лицо, а, следовательно, позволяют вести разработку данных о лицах в связи с признаками, характеризующими те дворы, к которым они принадлежат».

Эволюция подворной карточки происходила и развивалась на почве и в связи с общим поступательным движением методологии и приемов самих подворных переписей, поэтому на последних приходится в нашем изложении остановить особое внимание.

Та глубина и та широта исследования сел.-хоз. быта нашего крестьянства, которую, в связи с его земледельческой и промысловой деятельностью, поставила себе аграрно-экономическая статистика бывших русских земств, неизбежно привела ее к пересмотру вопроса и о том, какой способ самого наблюдения, при условиях этой повышенности в требованиях, является наболее рациональным, — вопроса, в западно-европейской статистической методологии решительно разрешенного в пользу наблюдения *бланкового,* при котором са-

мому населению предоставляется заполнять раздаваемые ему счетчиками опросные листы вне всякого живого и непосредственного соприкосновения самих счетчиков с опрашиваемыми.

Русская статистика столь же решительно отказалась следовать в этом вопросе за статистической методологией зап. Европы и в своих основных исследованиях прибегла к способу *изустного опроса населения* специально подготовленными к нему агентами, перенеся тем самым центр тяжести наблюдения с населения на них и учтя при этом, *прежде всего* значение *той живой, непосредственной связи своих агентов с опрашиваемыми*, наличность которой открывает этим агентам возможность, в *самих беседах с опрашиваемыми ими лицами, в перекрестных вопросах их по группам и проч. еще на месте, до занесения в формуляр опросного листа, контролировать, сопоставлять и проверять взаимно их показания.*

Однако это перенесение центра тяжести самой техники снятия с населения показаний с него самого на специальных агентов отнюдь не должно пониматься, как отказ от учета суб'ективных показаний населения об окружающих его условиях сел.-хозяйственного быта и об его собственной хозяйственной деятельности.

Наоборот, главнейшим и единственным в своем роде источником статистического знания обо всем этом для аграрной статистики русских земств, как и для всей статистики вообще, попрежнему остаются суб'ективные показания самого населения, значение которых, как такового, неоднократно подчеркивалось в нашей земской статистической литературе.

Еще в 1876 году Н. Червинский, обосновывая в своих пояснениях к статистическим программам черниговского земства мотивы, по которым оно приняло для предварительного учета дворов по степеням их благосостояния исключительно суб'ективные показания о них самих крестьян, формулировал их так:

«Принять для деления дворов (на три группы — богатых, среднего достатка и бедных) какой-либо *один об'ективный признак* (например, количество земли или рабочего скота) было бы, во всяком случае, произвольно, потому что

уровень благосостояния всегда зависит от сочетания *нескольких* экономических факторов, но истинное значение подобных сочетаний может выясниться только в конце исследования, как его результат, а потому, конечно, не может быть положено в основание *предварительного* деления.

«Остается, значит, принять *суб'ективное основание,* т.-е. мнение самих поселян: за богатое, среднее и бедное принимать то хозяйство, которое считают таковым сами поселяне.

«Подобный прием представляет еще и ту выгоду, что дает возможность видеть на конкретных примерах, как разнообразятся и видоизменяются представления поселян о их достатке по разным местностям губернии».

(См. *С. Велецкого,* том II «Земской статистики», стр. 724).

Такое же большое методологическое значение суб'ективным показаниям населения придает и проф. Н. А. Каблуков, касаясь его в связи с вопросом определения состава крестьянской семьи и ее отсутствующих единиц:

«Взгляд населения, — говорит он по этому поводу, — представляет отражение того, что дает сама действительность, которую, именно, и требуется характеризовать. Поэтому, вместо искусственного, выведенного из каких-либо условных соображений, определения того, что такое отсутствующее население, правильнее держаться того взгляда, который проявляет в этом отношении само население» *(Н. А. Каблуков:* «Пособие», etc., стр. 27 — 28).

Исходя из этой оценки показаний самого населения и подтверждая свои взгляды на него практикой московской земской статистики, проф. Н. А. Каблуков идет еще дальше и рекомендует заменять обход каждого двора при подворной переписи, требующей затраты слишком большого времени, опросом домохозяина или на сходе или, во всяком случае, в присутствии других домохозяев, когда самое присутствие этих домохозяев и их напоминания и реплики опрашиваемому служат контролем его показаний. (Ibid., стр. 22.)

Относительно же значения суб'ективного характера такого рода показаний и влияния его на доброкачественность пере-

писного материала проф. Н. А. Каблуков устанавливает следующие положения:

«Целым рядом статистических исследований давно уже установлено, что во всех своих действиях люди подчиняются определенной закономерности. Можно сказать, что при всем различии индивидуальностей основные черты человеческой психологии одинаковы.

«Население данной местности живет под однородными впечатлениями относительно того, что происходит в окружающей природе и в произрастании растений.

«При сходстве в основных психологических чертах, если бы каждый житель данной местности пожелал дать намеренно неверное определение, например, урожая, — однородность полученных каждым (жителем этой местности) впечатлений установила бы определенный предел неверности (этих определений).

«При массе опрошенных лиц одна неверность парализовалась бы другой и в результате могла бы получиться средняя, не очень далеко уже уклоняющаяся от действительности.

«Но ведь фактически дело обстоит обыкновенно не так, как только что изображено.

«Во-первых, те, которые и хотели бы дать заведомо неверные ответы, желают все-таки, чтобы верили в справедливость сообщенных ими сведений, и потому держатся в пределах действительности, т.-е. в своих неточностях не идут дальше того, что при данных условиях хотя и не осуществляется почему-либо в их личных хозяйствах, но вполне возможно, и не является невероятным.

«А во-вторых, никогда не бывает при этом, чтобы даны были *только* неверные сведения. Известный процент правдивых лиц всегда имеется.

«Все это ведет к тому, что об'ективная действительность налагает свою неизгладимую печать на суб'ективные показания, в результате чего и выходит, что вся совокупность дает в среднем, так сказать, об'ективное выражение суб'ективности, достаточно близкое к действительности» (Ibid., стр. 82 — 83).

Таким образом, изустный опрос суб'ективных показаний населения, проверяемых на месте перекрестным опросом раз-

личных лиц и до занесения их в формуляр, в порядке собеседования с ними, контролируемых специальными раз'ездными статистическими агентами, это — признанный прием методологии непосредственного наблюдения, применяемый в основной статистике русских земств, при производстве ею сплошных и выборочных, исчерпывающих и частичных подворных исследований крестьянского хозяйства.

Другой прием наблюдения применяет аграрно-экономическая статистика русских земств при осуществлении задач, относящихся к области регистрации непрерывно происходящих в сельском хозяйстве и в окружающих его условиях естественных и социальных видоизменений. Дело в том, что в зависимости от материала, подлежащего изучению, или, точнее, от темпа изменяемости изучаемой массы, аграрно-экономической статистике приходится периодические сплошные или выборочные обследования дополнять в своей практике текущей динамической отчетностью, воспроизводящей регистрацию и сводку происходящих в сельском хозяйстве видоизменений для минимально возможной единицы времени: года, месяца, недели или дня, смотря по природе изучаемого материала. В большинстве случаев, в применении к явлениям сельско-хозяйственным, такими единицами времени принимаются определенные моменты полевых работ или вегетационные периоды года. Необходимость динамической отчетности или, как принято ее называть, текущей статистики—в значительной мере определяется не только быстротой изменения хозяйственной кон'юнктуры в сельско-хозяйственной действительности, при которой итоги произведенных переписей быстро становятся устарелыми, но и тем, что среди ряда подлежащих регистрации элементов сельского хозяйства на-ряду с элементами, обладающими значительной инерцией, имеется целый ряд элементов, безостановочно находящихся в движении. Типическим примером устойчивой массы является, например, сельское население, изменения об'ема и состава которого происходит в целом лишь медленно и могут быть отмечаемы путем сопоставления данных переписей, производящихся раз в 5 или 10 лет. Такого же рода устойчивостью обладают формы землепользования, распределения угодий и ряд других основ-

ных массовых явлений сельского хозяйства. Типическими примерами движущихся масс могут служить показания о видах на урожай, о результатах урожая, об изменениях в составе семьи, рабочей силы и проч. В зависимости от природы изучаемого статистически об'екта зависит применение либо метода текущего наблюдения, либо метода переписей, и в основе выбора того или другого метода лежит именно это, указанное нами выше, разделение массовых явлений на устойчивые и движущиеся.

И вот, поскольку при основных наблюдениях и учете устойчивых массовых явлений основным приемом методологии в аграрно-экономической статистике русских земств является изустный опрос суб'ективных показаний населения, постольку при осуществлении задач, относящихся к области регистрации динамических массовых явлений, основным приемом в ней является так называемый корреспондентский способ регистрации, т.-е. способ получения сведений в порядке рассылки добровольным корреспондентам на места специальных опросных листов для каждого времени года, для заполнения их в указанные сроки и по указанной программе местными людьми.

К сожалению, в условиях дореволюционного времени положение этого вида исследований в русской аграрно-экономической статистике было чрезвычайно неудовлетворительным.

Скованная неустойчивостью своего юридического положения, угрожаемая постоянными «кризисами», сыпавшимися на нее сверху и иногда надолго прерывавшими ее деятельность, текущая сел.-хоз. статистика бывших земств, конечно, ни по типу своей организации, ни по результатам своей деятельности не может сравняться с текущей статистикой западноевропейских стран или Соединенных Штатов Северной Америки.

Самым же большим злом для нее было то, что она в своем управлении не об'единялась каким-либо одним органом, а проводилась, вплоть до 1918 г., сразу четырьмя, совершенно не связанными в своей работе друг с другом, учреждениями: центральным статистическим комитетом бывш. министерства внутренних дел, отделом сел.-хоз. экономии и статистики ми-

нистерства земледелия, статистическими отделами губернских земств и, в окраинных губерниях восточной России, статистическими отделами переселенческих управлений. При этом каждое из названных учреждений и в способах получения данных с мест, и в рекрутировании кадров своих корреспондентов, и в самих методах разработки своих материалов шли настолько различными путями, что сводка и сопоставление последних зачастую оказывались совершенно недостижимыми.

Несмотря на это, методологические завоевания текущей сельско-хозяйственной статистики бывших земств и значение собранных ею в течение сравнительно долгих лет массовых статистических данных над условиями и внутренними факторами нашего сельского хозяйства все же настолько велики, что без них в настоящее время не может обойтись ни один статистик-экономист, занимающийся вопросами эволюции и динамики сельско-хозяйственного производства и его условий в России.

Дело в том, что аграрно-экономическая статистика не может довольствоваться для целого ряда явлений только сравнениями результатов переписей. Огромный текущий материал регистрации видов и результатов урожая, количественных соотношений элементов хозяйства, в частности роста или убыли скота, изменений в посевных площадях, в естественном приросте населения и т. д., служит также драгоценным материалом для констрируемых ею количественных описаний. Все эти явления сельско-хозяйственной жизни требуют по самой природе своей постоянных записей и непрерывных периодических учетов. Практическая жизненная необходимость заставляет нас регистрировать все эти явления в определенные периоды, в которых наиболее сильно проявляются основные моменты процессов, отражающих условия и результаты сельско-хозяйственной деятельности человека. При тех же задачах и целях, которые ставит себе в настоящее время хозяйственная статистика вообще и аграрно-экономическая статистика в частности, в направлении выявления предпосылок для построения соответствующих хозяйственных планов, для учета массовых потребностей в сельско-хозяйственных продуктах страны, для исчисления об'ема интенсивности сельско-

хозяйственного производства и так далее, она не может, конечно, довольствоваться только методом переписей, и в этих условиях методы текущего статистического наблюдения приобретают особое значение, ибо для того, чтобы справиться со всеми этими задачами, оказывается необходимым пользоваться наиболее эластичным орудием массового наблюдения, каковым и является наблюдение динамическое, основанное на непрерывности периодического учета определенных явлений и непрерывной же сравнительной обработке его результатов, на построении симптоматических рядов, с полной ясностью показывающих нам все моменты переломов и изгибов в кривой социально-экономического развития интересующих нас явлений и дающих нам возможность измерить периоды колебания этой кривой.

Именно в этой непрерывности и симптоматичности получаемых статистических сопоставлений заключается основное преимущество динамической текущей статистики по сравнению со статистикой основной, но вместе с тем у последней все же имеется, в свою очередь, одно преимущество перед текущей статистикой, которого последняя не имеет. Это преимущество состоит в том, что в то время, как при непрерывной регистрации и обработке материалов текущей статистики неизбежно накопляется значительное количество всевозможных неточностей и ошибок, неизбежных во всякого рода суб'ективных показаниях, к типу которых принадлежат и все показания, собираемые в текущей статистике корреспондентским способом от местных людей, такого рода накоплений ошибок и неточностей при производстве одновременных переписей, как сплошных, так и выборочных будет всегда значительно меньше уже по одному тому, что об'ектом этих переписей являются элементы более устойчивые. В этом смысле производимые раз в несколько лет переписи могут являться даже орудием проверки данных, получаемых в порядке текущих статистических наблюдений и установления размеров накопленных за определенное количество лет ошибок.

Сверяя данные двух переписей с результатами, полученными путем текущего учета за промежуток лет между этими переписями, мы можем вполне точно устанавливать нако-

пившиеся ошибки, определять их размер, а иногда и их причины. Больше того, такое сопоставление дает статистику-экономисту не только базу для избежания дальнейших ошибок, но и для соответствующей реорганизации текущей статистической отчетности и построения ее таким образом, чтобы возможность ошибочности ее наблюдений на дальнейшее время была сведена до минимума.

Таким образом связь базирующейся на переписях основной статистики со статистикой текущей, базирующейся на непрерывном динамическом наблюдении над текущими явлениями сельско-хозяйственной действительности, оказывается необходимой и в целях познавательных и в интересах установления наибольшей достоверности самих результатов познания. Ни та, ни другая форма аграрно-экономической статистики не является единственным средством к изучению сельско-хозяйственной эволюции, наоборот, синтетическое об'единение их приемов наблюдения в одну систему является основным требованием ее методологии в настоящее время.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СЧЕТНАЯ, ТАБЛИЧНАЯ И ГРАФИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА МАТЕРИАЛОВ ПЕРВИЧНОГО НАБЛЮДЕНИЯ И ПРИЕМЫ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В РУССКОЙ СТАТИСТИКЕ.

В большинстве учебников по статистике установился обычай счетную, табличную и графическую обработку материалов выносить за скобки так называемой «научной обработки». Согласно этому обычаю за скобками «научной обработки» остаются не только процесс составления сводок, комбинирования цифровых показаний, аналитическая сверка материалов, но и выводы производных величин, вывод средних, исчисление коэффициентов относительности, их сопоставление, определение отклонений от средних и «веса» самих средних и этих отклонений, а также исчисление вероятных ошибок, коэффициентов их поправок, построение и преобразование статистических рядов, применение интерполирования, экстерполяции и других математических приемов анализа и проч.

Только по завершении всех этих «технических» операций, согласно Н. А. Каблукову, наступает момент «научной обработки статистического материала», заключающийся в выяснении того, «какие признаки совпадают, что именно характеризует те или иные из них, есть или нет порядок и последовательность между явлениями, сопровождается ли один признак другим, и если да, то каким, какая связь существует между различными явлениями, наблюдается ли сосуществование или последовательность и каких именно явлений».

(См. *Н. А. Каблуков:* «Статистика», изд. 4-е, Москва, 1918 г., стр. 74.)

Согласно же одному из самых современных, по времени опубликования, «Курсу статистики» проф. А. Н. Анциферова, вышедшему в Полтаве в 1919 году, к научной обработке относятся не только логические манипуляции над уже приведенными в систему и математически обработанными материалами, но и целый ряд чисто технических операций, как-то: исследование рядов, их разложение и сопоставление, установление коэффициентов взаимной связи (корреляции), а также характера рассеяния (дисперсии) и его измерение. (См. *А. Н. Анциферов:* «Курс статистики», Полтава, 1919 года, стр. 155 — 163.)

Мы придерживаемся в этом вопросе о границах и сфере научной обработки статистических материалов строгого монизма и полагаем совершенно неудачным одни стадии статистического анализа считать научными, а другие — ненаучными, раздваивая тем самым единство понимания равноценности и равной необходимости для познания об'екта исследования всех стадий статистического анализа. И то обстоятельство, что методология этого анализа в значительной мере развивалась чисто опытным путем и во многих своих положениях до сих пор не получила еще точной логической формулировки, по нашему мнению не может служить основанием к тому, чтобы ненаучными считать те или иные стадии статистической обработки. Могут быть ненаучными или научными отдельные приемы, может быть научна или ненаучна вся методология, но никогда не может быть так, чтобы в одной системе методологического построения одна часть ее могла бы оставаться и считаться научной в то время, как другая признавалась бы ненаучной. Это означало бы фактически, да и логически, полное отсутствие «системы», как таковой, и представляло бы из себя не продуманную методологию, а бессистемное изложение того, как до сего времени те или иные статистики или представители академической науки пытались подойти к анализу статистических материалов.

На этом основном подходе построено нами все дальнейшее изложение приемов и методологии научной обработки материалов в аграрно-экономической статистике русских земств и в современной им академической статистике. При этом мы

должны отметить, что из всех трактовок содержания и стадий этой методологии мы наиболее разработанными считаем взгляды, высказанные на нее—в отношении счетной и табличной обработки—Н. С. Четвериковым, в его работе—«Метод Index Numbres, как способ изучения изменения ценности денег», в специальной главе «О статистической постановке вопроса» (см. «Статистич. Вестник», кн. 4 и 5, за 1914—1915 г.г., гл. II, § 2), а также в работе Н. Прокоповича — «К вопросу о выборе признаков», опубликованной там же; в отношении графической обработки — работу М. Е. Подтягина — «Методологические вопросы при изучении зависимости явлений», в том же «Вестнике» за 1915—1916 г.г. в кн. 3 и 4. В отношении же общей оценки методологии табличной, счетной обработки мы стоим на взглядах, развитых в не раз нами цитированных трудах В. И. Ленина-Ильина, А. М. Хрящевой, А. А. Кауфмана, М. Смит; что же касается анализа и оценки математических приемов обработки, то в них мы всецело примыкаем к трудам А. А. Чупрова, Р. М. Орженцкого, Е. Е. Слуцкого и других представителей так называемой математической школы в русской теоретической статистике.

Производимый в статистике массовый учет повторяющихся явлений сам по себе не является операцией статистической по существу и только тогда, когда данные этого учета подвергаются соответствующей обработке в направлении интереса исследователя и под влиянием ее слагаются в различные группы, в более или менее правильные ряды цифр, подчиненные единству метода, об'емлющей их классификации,—только тогда мы можем сказать, что происходит систематическая операция. Собирание же одного лишь первичного материала, без изучения количественных форм его проявления и количественно формальных взаимоотношений между ними, есть лишь преддверие статистического анализа, необходимое ему, как точка опоры для его дальнейших выводов.

Техника наблюдения, выбор материала, места, времени и приемов регистрации играют, несомненно, громадную роль для статистического умозрения о характере и свойствах совокупностей, подлежащих его аналитическому или типологическому изучению. Точность и детальность этой регистрации,

жизненная свежесть и яркая индивидуальность схватываемой наблюдением действительности — это необходимые условия законченности и четкости умозаключения, без которых самая возможность его была бы сомнительной.

Однако статистика только тогда становится мышлением, когда приступает к самому анализу первичного материала о массовом явлении, к его расчленению и схематизации, к выяснению характера и свойства тех изменений, которые происходят в самих явлениях, характеризуемых этим материалом за тот или иной момент времени.

Эти положения, развиваемые Н. С. Четвериковым в указанной нами выше его работе по отношению к статистике вообще, в полной мере могут быть распространены и на область аграрно-экономической статистики, поскольку в методологическом отношении она является одной из отраслей общей статистики, одной из дисциплин цикла наук статистического познания.

Основными вопросами самого статистического анализа, задачами различных его стадий и форм разработки материалов массового наблюдения являются согласно классификации М. Смит: 1) определение первичных измерителей, 2) определение групповых измерителей и сводных признаков, характеризующих простые статистические совокупности и 3) определение показательных измерителей, дающих возможность найти выражение сложным статистическим совокупностям, характеризующим изменения целостных социально-экономических комплексов.

Но этим задачи статистического анализа не исчерпываются. Указанным кругом его интересов очерчивается лишь узко аналитическая часть его работы; второй же группой не менее основных задач его является типологическая часть его работы, стремление его отыскать постоянное в изменчивом, однообразное в необозримом многообразии; понять формально-количественные свойства, характеристики, типы и связи изучаемых и сопоставляемых совокупностей; установить закономерности их взаимозависимостей, их видоизменений и условий частоты или рассеяния массовых явлений, из которых эти со-

вокупности образуются; установить «законы» и тенденции их эволюции.

Как справедливо указывает А. А. Кауфман в своей последней работе «Статистическая наука в России», статистика русских земств не создала для аграрно-экономической статистики готовой теории табличной разработки и анализа статистических материалов, но несомненно она дала много элементов как критических, так и положительных, для построения такой теории.

«Прежде всего, она достаточно твердо установила различие между двумя задачами, которые могут преследоваться при построении групповых и комбинационных таблиц,—аналитической и, если так можно выразиться, типологической,—различие, от которого зависит и самый смысл одинаковых по своей внешности таблиц и выбор полагаемых в основу группировки факториальных признаков. Различие это было с полной отчетливостью формулировано в заключениях статистического совещания 1900 года, подчеркнувшего, что комбинационные группировки могут преследовать две задачи: а) выяснение значения отдельных условий или факторов в жизни крестьянского двора, при большем или меньшем равенстве прочих условий (аналитическая задача) и б) выяснение исторически сложившейся к данному моменту дифференциации крестьянских хозяйств на типы и группы в данной местности (типологическая задача)».

То, что М. Смит в своей классификации стадий статистического анализа называет «определение первичных показателей», по существу еще не является, согласно нашему воззрению, статистико-аналитической операцией. Это есть работа особых предварительных совещаний, учитывающих как огромный эмпирический материал всего физического опыта производственной статистики, так и теоретические работы по изучению условий и элементов соответствующих отраслей хозяйства, имеющих быть подвергнутыми статистическому обследованию. Именно в этих совещаниях обычно устанавливаются единицы счета подлежащей обследованию социальной массы, техника регистрации, разрабатывается примерная экономическая систематизация в итогах первичных записей массовых показа-

ний, которая позволила бы в дальнейшем подвергнуть их аналитической или типической разработке по определенной системе; в этих же совещаниях устанавливаются задачи обследований, их рамки, формы, место и время.

Вся эта работа несомненно требует по отношению к себе чисто научных подходов; она является работой, по существу столь же научной, как и работа по самой разработке материалов массового наблюдения, но мы условились выше стадией статистического анализа ее не считать, придавая ей значение совершенно самостоятельной работы, без предварительного осуществления которой статистический анализ не имел бы даже об'ектов для своего применения. Эта стадия статистического познания действительности есть стадия предварительного обобщения в порядке построения путем *дедукции* логической системы суждений той суммы массовых явлений, которые эмпирически мыслятся, как элементы определенной, подлежащей массовому обследованию и дальнейшему систематическому анализу, социальной, или естественной, или, как в случае изучения сел.-хоз. действительности, смешанной социально-естественной среды. Это еще не анализ, а дедукция и собирание по известной программе первичного материала.

Таким образом, первой стадией *статистического анализа* мы назовем лишь ту фазу «в построении системы измерений», как М. Смит называет аналитическую часть теории построения таблиц, которая своей задачей имеет «определение групповых измерителей и сводных признаков, характеризующих простые статистические совокупности». В этой первой стадии статистического анализа работа сводится к отысканию тех относительных чисел, точнее, тех алгебраических выражений, в которых должны выразиться соответствующие относительные числа, могущие служить сводными признаками и групповыми измерителями для выраженных в правильно построенных статистических рядах совокупностей. В этих алгебраических выражениях отпадают технические значения первичных показателей, полученных в порядке массового учета их при статистической регистрации; вместо того выступают на первое место *взаимоотношения* между этими показателями, позволяющие определить как сводное значение последних, так и групповые

измерители этого значения, с помощью которых в дальнейшей, второй, фазе статистического анализа уже открывается возможность определения экономического значения той или другой частичной совокупности и отдельных ее частей для общего комплекса явлений изучаемой социально-естественной и экономической среды.

Вторая стадия аналитической фазы теории построения и анализа статистических таблиц — определение показательных измерителей, которые дают уже возможность находить количественное выражение сложным статистическим совокупностям, с одной стороны, а с другой — позволяют характеризовать не только экономический «вес» частичных совокупностей в общем комплексе изучаемого массового явления, но и проследить изменения последнего как в его внутреннем строе, так и в его экономической связанности с другими такого же рода массовыми явлениями. Эта стадия является уже переходной стадией между аналитической и типологической фазой теории построения и анализа статистических таблиц.

В сущности говоря, стремление к «типу», к «типологической» обработке материалов массового наблюдения, лежит в существе всякой статистической операции лишь только она выходит из рамок первичной регистрации, при чем понятие «типа» в статистике совершенно условно.

«Типичной» в ней принято называть ту величину явлений, которая встречается чаще других относительных изменений данного явления или, проще, ту величину, около которой скопляется наибольшее число интересующих исследователя статистических данных.

Цели «типологической» обработки материалов в статистике разнообразны. Она может быть применена как к изучению «веса» отдельных единичных и групповых показателей среди совокупностей, выраженных в статистических рядах, так и к характеристике всей совокупности и ее отношений к другим совокупностям в целом.

Для первой цели «тип», как свободный от влияния случайных в статистическом смысле причин («случайность» в статистическом смысле слова есть средняя очень небольшого количества наблюдений.—*Е. В.*)—противополагается «отколов-

шимся» от него единицам: во втором случае — «тип» помогает характеризовать форму распределения всех единиц вокруг себя, или же—и это едва ли не важнейшая его роль—указывает на высоту уровня, на котором держится вся совокупность.

В последней своей функции «тип» может быть заменен иными видами характеризующих уровень совокупности величин, в частности «средней арифметической», которая, при симметрической форме распределения изучаемого ряда, совпадает с «типом», а при несимметрической — может выполнять его функции при характеристике изменений общего уровня совокупностей в том случае, если формы распределения изучаемого ряда не меняются от случая к случаю, т. е. если они более или менее «устойчивы».

Эта степень устойчивости ряда обыкновенно измеряется суммой отклонений, в представляемых каждым элементом величинах, от средней величины для всего ряда.

Понятие «типа» применяется постоянно как к *статическим* рядам, при обработке которых имеется в виду определение *силы устойчивости* изучаемой совокупности в ее статике, так и к рядам *динамическим*, при обработке которых преследуются две задачи: а) отделить следствия причин основных, длительно действующих, от внезапных изменений, вносимых в порядок развития явления причинами преходящими, и б) схематизировать историю движения и развития совокупности — динамику явления — в возможно более ясном и несложном виде.

Это—задачи так называемой «первичной обработки» и группировки материалов. Однако обоего рода статистические ряды — и статические и динамические — сверх того могут служить предметом еще более сложной «вторичной» и «комбинационной» обработки и группировки, дающей основание к построению сложных групповых и комбинационных таблиц. При построении этих таблиц их типологическая обработка строится на основе учета сложного и систематического значения в структуре и взаимоотношениях массовых явлений понятия «связи», как представления о причиннозависимом ком-

плексе условий, определяющего самую «типичность» и внутренний строй изучаемых совокупностей.

Сознательно или бессознательно, то в примитивной, то в изысканно сложной форме эти две статистические категории «типа» и «связи» неизбежно создают необходимую основу для всякой статистической работы; при чем, в виду того, что наряду с общностью причин, создающих между явлениями «связи», как правило, проявляются на те же явления влияния и других причин, действующих отдельно на каждое из сравниваемых и сопоставляемых явлений и тем самым ослабляющих значение и силу их связи, — статистике приходится останавливаться не только перед вопросом о форме и связи или зависимости между изучаемыми в ней массовыми явлениями, но и о силе или степени их связи и зависимости между собой.

Проф. Боули в своих «Элементах статистики» дает следующее определение важнейших типов таблиц: а) простое констатирование итогов подсчитанных явлений, удовлетворяющих одному определенному требованию, как, напр., количество лиц, занимающихся на определенной территории сельско-хозяйственным промыслом, общая сумма десятин земли под разными угодьями и проч., б) группировка большого числа единиц по отношению к какому нибудь одному признаку, свойственному им всем, при чем целью этой группировки является не ответ на определенный заданный вопрос, а группировка материала в такую форму, в которой ее можно использовать для дальнейшей исследовательской работы. Например, распределение сельско-хозяйственного населения по возрастам или хозяйств по размерам занятой в них рабочей силы и т. д., в) табличное расположение качественных (не количественных) показаний по соответствующим группам признаков таким образом, чтобы получить картину определенного явления в целом. Например, зависимость урожайности от величины кормовой площади в отдельных хозяйствах и т. п. Русская практика помимо этих трех групп выделяет еще следующие подгруппы таблиц: 1) таблицы, рисующие нам об'ем и состав простых и сложных совокупностей, 2) таблицы, характеризующие относительное изменение различных признаков изучаемого массового явле-

ния, 3) таблицы, характеризующие через средние и сводные величины интенсивность какого - нибудь количественного признака, 4) группировочные таблицы, позволяющие сочетать различные виды количественных признаков в целях построения обобщающего количественного описания изучаемого массового явления и 5) комбинационные таблицы, являющиеся так же, как и группировочные, техническим орудием—только более тонким — статистического анализа по методу количественной, либо качественной, либо той и другой вместе группировки соответствующих признаков.

Совершенно очевидно, что классификация таблиц является вообще делом весьма приблизительным и что между таблицами различных типов можно всегда уловить некоторую общность приемов. Так, таблицы вообще можно разделить на две большие группы—*статические*, т.-е. дающие нам возможность сравнивать между собой или определять об'ем изучаемых комплексов или количественных признаков для данного момента времени, и *динамические*, т.-е., отражающие движение количественных признаков одного или нескольких об'ектов изучения, целостных комплексов или их элементов во времени. При этом таблицы всех установленных нами типов различаются между собой по степени их простоты и сложности; иначе говоря, можно различать таблицы однозначные, двухзначные и многозначные.

Характеризуя таблицы с точки зрения их возрастающей сложности, М. Смит в своей работе—«Основы статистической методологии» дает им следующее описание:

«Простейшие таблицы начинались обыкновенно с однозначности, а именно: вертикальная графа соответствовала только одному горизонтальному наименованию. По мере возрастания сложности таблиц, количество горизонтальных граф выростало; увеличивалась, следовательно, и сложность классификации изучаемого материала...

Методы построения таблиц отражают методы и приемы измерения. Бо́льшая или меньшая полнота масштаба измерения всегда чувствуется в таблицах. Самое понятие «таблица» нуждается с этой стороны в несколько более точном определении. У нас называют очень часто таблицами страницы цифр, пред-

ставляющие лишь сырой материал, подобранный в определенном порядке, по губерниям, городам и т. д. На самом деле это—отчетные ведомости, но отнюдь не таблицы. Таблица начинается с момента определенной обработки этих ведомостей соответственно тому или иному поставленному себе заданию и тому или иному принятому масштабу измерения. Такие таблицы в нашей статистической литературе называются иногда сводными в отличие от первых, называемых рабочими. Мы полагаем, что было бы точнее назвать первые сводными ведомостями, а вторые таблицами в собственном смысле слова. Отчетные ведомости или рабочие таблицы — это только материал для построения того цифрового изображения изучаемой действительности, которым должна быть таблица. Страницы цифр, которые не дают такого организационного изображения, которые не сравнивают, не классифицируют, не сопоставляют и не суммируют, нельзя называть таблицами в строгом смысле слова. Процесс составления таблицы есть процесс организации полученного материала таким образом, чтобы получить связное схематическое истолкование хаотической груды материала. Обыкновенно первые рабочие таблицы или отчетные ведомости есть результат работы первого подбора этого материала. По мере усложнения подбора и группировки этого материала, мы получаем более отчетливые таблицы и, наконец, окончательные сводные таблицы и являются таблицами в собственном смысле слова. Будут ли наши таблицы итоговыми, сравнительными или сопоставительными—они всегда являются законченными и сработанными таблицами лишь постольку, поскольку мы видим в них схематически цифровой чертеж, изображающий изучаемые комплексы или группы комплексов».

В практике аграрно-экономической статистики русских земств мы имеем оба вида таблицы, как преследующие аналитические цели, так и цели типологические. При этом, в виду того, что в основу построения таблиц всех типов кладется отбор тех или иных признаков, ложащихся в основание группировок явлений, эта стадия работы, расчленение первичного материала на группы, является непременной предварительной операцией к построению таблиц.

И хотя чуть ли не на самой заре развития земских статистических работ исследователями определенно сознавалась та мысль, что «гнаться за общим основанием группы равно было бы печальной ошибке, не только потому, что в результате получались бы «трафаретные данные», которые стирали бы «характерные особенности местных экономических условий», но и потому, что в каждой местности строй хозяйства дает определенную разновидность в своей конструкции и в основании его системы каждый раз лежит другая группировка предпосылок,»— статистическая мысль все же с самого начала статистических работ с невероятным упорством постоянно обращалась к идее отыскания так называемого «универсального» группировочного признака.

Это вызывалось ее законным стремлением обеспечить во что бы то ни стало сравнимость разрабатываемых по отдельным губерниям, в форме таблиц статистических материалов, свести способы этой разработки к немногочисленным типам ее и тем самым снять с земской статистики ей посылавшийся упрек в излишней раздробленности и неоднородности способов разработки первичных материалов.

Весь период статистической практики с шестидесятых годов вплоть до конца девяностых годов прошлого столетия идет под знаком искания этого своего рода философского камня статистической методологии, и только в 1899 году в работе В. И. Ленина-Ильина раздался определенный призыв к земской статистике не абстрагировать вопрос о сводке статистических материалов о сельском хозяйстве от основных свойств самого об'екта исследования, отказаться от применения при построении основной к группировкам этого материала всякого рода «средних» и «универсальных» признаков и взглянуть на дело с другой стороны,—«положить в основание группировки размеры и типы хозяйств, принимая для различения этих типов признаки сообразно с местными условиями и формами земледелия». В то время, как в практике аграрно-экономической статистики спорили о том, класть ли в основание группировок хозяйств в качестве «универсального», «коренного» фактора размер землевладения, или посевную площадь, или размер семьи, или ее рабочий состав, или размер обеспеченности хозяйства

рабочим скотом, В. И. Ленин-Ильин полагал, что «если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельско-хозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д.; когда же крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия, необходима комбинация двух указанных систем группировки, т.-е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам промыслов». Эта мысль о множественной факториальности в жизни сельского хозяйства определяющих его экономически внутренних и внешних признаков, однако, была высказана в статистической литературе русских земств еще задолго до работы В. И. Ленина-Ильина. Впервые она была развита в 1876 г. К. Червинским в его программном основании работ по Черниговской губ., конкретное же воплощение себе она нашла в предложенной в 1882 году А. И. Шликевичем системе комбинационной группировки. Заслугой В. И. Ленина-Ильина явилось, таким образом, в этом отношении лишь то, что он вернул статистическую мысль к ее основной исходной идее о множественной факториальности явлений сельско-хозяйственной деятельности, углубив самое понимание о последней учением о типах крестьянского хозяйства, как о результатах его экономической дифференциации под влиянием проникновения в деревню капиталистических отношений.

Это марксистское углубление понимания типов крестьянского хозяйства, как продуктов воздействия на его строй капиталистических отношений, начало проникать в статистическую методологию гораздо ранее выступления по этому вопросу В. И. Ленина-Ильина, давшего ему законченное выражение в своей работе — «Развитие капитализма в России».

Мы уже указывали в своем месте на относящуюся к 1880 г. попытку типологического углубления земских группировочных таблиц П. П. Семенова путем установления шести «разрядов» крестьянских хозяйств: 1) богатых, 2) зажиточных, 3) достаточных, 4) недостаточных, 5) бедных и 6) неимущих,

выводимых из анализа соотношений внутри самого хозяйства его основных элементов — размера дохода, найма сельских рабочих и батраков, потребления, наличности земли надельной и купчей, размера аренды и сбережений, количества скота, меры задолженности и исправности в платежах. К более упрощенной, но все же классовой группировке хозяйств подходит в своих таблицах по Воронежской губ. Ф. А. Щербина, определяя типы их по «той группировке, какая существует и в действительности считается обычной, самой жизнью установленной», т.-е. выводя разделение хозяйств на бедные, среднего типа и зажиточные «из собственных воззрений населения». В работе Г. В. Постникова об «Южно-русском крестьянском хозяйстве» (1891 г.) по Таврической и отчасти Херсонской и Екатеринославской губерниям устанавливаются шесть типов хозяйств: а) по сочетанию трех признаков: величины или отсутствия посева, числа душ обоего пола, приходящихся на двор, и числа работников муж. пола на одно хозяйство, б) по сочетанию величины посевов с количеством на двор всей надельной, арендованной, сдаваемой и купчей земли, в) по сочетанию размеров посева с количеством на двор рабочего и прочего скота, перевозочного и пахотного инвентаря и г) по сочетанию размеров посева с количеством в хозяйстве батраков и наемных рабочих.

В работах самарских статистиков хозяйства разделялись на семь экономических групп по сочетанию обеспечения их рабочим скотом: а) со средним размером посева, б) с количеством всего скота на двор, в) с величиной процента обеспеченности хозяйства собственным инвентарем и в частности усовершенствованными орудиями, г) с размером арендной и купчей земли и их отношений ко всей используемой хозяйством культурной площади; в частности с размерами аренды надельной земли в своем и других обществах; д) с размером числа наемных рабочих и работников муж. пола, занятых земледельческими промыслами.

В земско-статистических работах по Саратовской губ., проведенных С. А. Харизоменовым, саратовское крестьянство подразделяется на шесть категорий, внешним образом характеризуемых наличностью или отсутствием и определенным

размером надельной пашни, при чем каждая из категорий по внутреннему строю разделяется еще на 6 групп по рабочему скоту. На шесть же типов хозяйств дробят крестьянское хозяйство работы пермских статистиков, основанием группировки которого на эти типы они берут количество обрабатываемой хозяйством земли. По Орловской губернии статистические работы дают группировку крестьянских дворов по количеству в них рабочих лошадей, устанавливая четыре типа хозяйств. По Воронежской губернии, кроме обычных группировок по наделу и по рабочему скоту, встречаются группировки по рабочей силе семьи, по промыслам, по батракам и т. д.

Анализируя эти попытки аграрно-экономической статистики русских земств подойти к изучению типов крестьянского хозяйства и дать соответствующие им основания для построения группировочных и комбинационных таблиц, В. И. Ленин-Ильин в своей работе о «Развитии капитализма в России» отмечает следующие недостатки этих их попыток:

а) Неправильность сопоставления отдельных категорий хозяйств, устанавливаемых по внутренним производственным или экономическим признакам, со «всем» количеством крестьянских хозяйств вообще, что дает в результате совершенно ничего не говорящие и искажающие действительность «средние» цифры;

б) Чрезмерное расширение термина «промысла», по которому в указанных работах к промыслам относились все и всяческие занятия крестьян вне надела — от владения предприятиями вплоть до отхожих промыслов и даже нищенства,—что, замечательно гармонируя с фикцией о «среднем» крестьянстве, прямо исключает возможность изучать разложение крестьянства, особенно в тех местностях, где «сторонние» занятия крестьян обильны и разнообразны;

в) Отсутствие в большинстве земских комбинационных таблиц указаний числа хозяйств, арендующих и сдающих землю, что не дает возможности определить величину аренды и сдачи на арендующий двор, и опять приводит к «средним» цифрам аренды на «наличный» двор;

г) Непригодность к правильному построению типологических таблиц наиболее распространенной в земских работах того

времени группировки по наделу, которую в своей работе В. И. Ленин-Ильин всюду заменяет группировкой по хозяйственной состоятельности двора, приводя следующие основания к этой замене:

«Группировка по наделу пользуется несравненно большей распространенностью в нашей земской статистике и в защиту ее приводят обыкновенно два следующие, на первый взгляд очень убедительные, довода. Говорят, во-первых, что для изучения быта земледельческого крестьянства естественна и необходима группировка по земле. Такой довод игнорирует существенную особенность русской жизни, а именно — несвободный характер надельного землевладения, который носит, в силу закона, уравнительный характер, и мобилизация которого до последней степени стеснена... Пользуясь группировкой по наделу, мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который землю арендует; бедняка, который землю «забрасывает», и богача, который ее «собирает»; бедняка, который ведет самое плохое хозяйство с ничтожным количеством скота, и богача, который имеет много скота, удобряет землю, вводит улучшения и проч. Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии, т.-е. затушевываем разложение крестьянства, изображаем неимущее крестьянство в лучшем свете, чем оно есть в действительности (от прибавления к нему богачей и от вычисления «средних»), а зажиточное крестьянство, наоборот, изображаем менее сильным, ибо в категории многонадельных вместе с большинством состоятельных входят и несостоятельные (многосемейные)». ...Далее, во-вторых, говорят, что «при группировке по наделу мы получаем всегда правильное повышение признаков состоятельности (количество скота, посева и проч.) с повышением размеров надела. Факт бесспорный, ибо надельная земля является одним из важнейших факторов благосостояния. Поэтому в многонадельном крестьянстве оказывается всегда больше представителей крестьянской буржуазии, а от этого и «средние» цифры по наделу повышаются, т.-е. другими словами опять затушевывается разложение крестьянства».

д) Недоучет при выборе оснований для группировочных и комбинационных таблиц типологического порядка значения

найма поденных рабочих, являющегося характерным признаком силы или слабости хозяйств.

Под влиянием этих возражений совещание статистиков 1900 г. не только отказывается от признания за размером наделенности землей определяющего момента для характеристики типов крестьянского хозяйства и для построения типологических таблиц, признания за таковой условно и с оговорками «посевной площади», но и определенно подчеркивает, что для их построения не могут и не должны быть создаваемы какие-либо общие и априорные схемы группировок, и что «необходимы возможно более разнообразные способы группировки хозяйств по разным сочетаниям признаков».

Дальнейшее уточнение этого сдвига произошло в совещании статистиков 1913 года, на котором в докладах П. И. Попова и А. А. Кауфмана по вопросу об основаниях изучения крестьянского хозяйства была формулирована мысль, высказанная в свое время В. И. Лениным-Ильиным, что «для группировки хозяйства не должно рекомендовать какого-либо одного универсального признака», и что «смотря по условиям местности и по организации хозяйств», а также «по характеру привносимого исследователем интереса» признаки могут быть различны. С другой стороны, в позднейших работах А. А. Чупрова, А. В. Чаянова, А. А. Рыбникова, Г. И. Баскина и других, коллективная статистическая мысль мало-по-малу пришла к заключению, что посевная площадь, взятая без отношения к размеру семьи, вообще не может служить основанием для типологической группировки хозяйств, что во всяком случае лишь в пределах однородных по составу семей группировка по посевной площади, так же, как и по размеру землевладения, получает свой действительный смысл, и что семейно-рабочий состав хозяйства-двора, определяющий степень напряжения труда «хозяйствующего суб'екта», а следовательно и размер крестьянского хозяйства, в свою очередь, определяется степенью обременения работника лежащими на его попечении едоками, что, в частности, последователей А. В. Чаянова возвращает снова к идее универсального признака, каковым они полагают считать «коэффициент — отношение числа едоков в семье к числу работников в той же семье».

Признание «множественной факториальности» в жизни крестьянского хозяйства на статистических совещаниях 1900 и 1913 г.г., как показывает изложение дальнейших колебаний статистической мысли в вопросе о принципах группировки и построения аналитических и типологических таблиц, само по себе этого вопроса не разрешало. Наоборот, если был неизбежен суб'ективизм исследователей при определении «универсальности» одного какого-либо группировочного признака, принимаемого за основу разделения сельско-хозяйственной среды на типы, то при необходимости учитывать степень влияния нескольких признаков на все хозяйство в целом и отбирать из общей суммы их несколько наиболее определяющих его строй и развитие, открывался простор еще большему и уже ни не покрывавшемуся никакими оправданиями суб'ективизму в условиях того эмпиризма всей методологии аграрно-экономической статистики, на ступени которого она стояла в эпоху земской работы до начала девятисотых годов.

Первой попыткой вывести аграрно-экономическую статистику из этого тупика эмпиризма и придать ее методологии более об'ективный математический характер явились работы В. Ф. Арнольда и он же был едва ли не единственным из земских статистиков, пытавшимся применить методы математического анализа к статистике крестьянского хозяйства.

В своем докладе подсекции статистики на XI С'езде естествоиспытателей и врачей, озаглавленном «Опыт применения элементарных начал аналитической геометрии к исследованию статистических зависимостей» (см. «Труды подсекции статистики XI с'езда», доклады, стр. 1—16), он предлагает применить к исследованию «закономерной связи между двумя или более непосредственно данными фактами или явлениями общественной жизни», поскольку оно ведется путем «сопоставления двух рядов цифр, из которых один представляет количественные выражения одного фактора, другой — количественное выражение другого фактора (метод параллельных рядов), простейшую из формул аналитической геометрии — формулу уравнения прямой. К убеждению в законности применения этой формулы к анализу связи элементов крестьянского хозяйства В. Ф. Арнольд пришел путем построения кривых по методу прямо-

линейных координат, выражающих связь посевной площади, с одной стороны, скота и инвентаря, с другой. В результате у него получились линии, «в очень не редких случаях мало отличающиеся от прямой на всем протяжении, в большинстве же—линии, в которых средняя часть весьма мало отличалась от прямой, и лишь в виде исключения—линии, более или менее заметно уклоняющиеся от прямой». Проверяя этот вывод путем сопоставления теоретических рядов, вычисленных по длинному ряду уездов по формуле $y=ax+b$, с конкретными цифрами, В. Ф. Арнольд пришел к заключению, что слагаемая b «имеет реальный характер, соответствующий минимуму количества скота в беднейших хозяйствах, иногда же чисто абстрактный характер, соответствующий минимуму при несуществующих в данной местности условиях». Это обстоятельство убедило В. Ф. Арнольда в том, что применение формул аналитической геометрии к анализу связи между собой элементов крестьянского хозяйства «открывает такие разнообразные горизонты, что перечислить их в кратком докладе нет решительно никакой возможности, и что, вообще, «методы аналитической геометрии, в приложении к материалам подворных переписей, обещают дать такие же, если не более богатые результаты, чем те, какие они дали в естественных науках».

Почти одновременно с выступлением В. Ф. Арнольда на XI с'езде, им была опубликована чрезвычайно интересная статья, под заглавием «Законы соотношения главнейших элементов хозяйственных бюджетов», в которой он пытается в порядке применения математических формул к исследованию бюджетных законосообразностей придать результатам статистического анализа крестьянских бюджетов более точный характер. И действительно, первые же его сопоставления показали, что например, расходы на одежду очень хорошо укладываются в простейшую формулу уравнения прямой $y=a+bx$, тогда как расходы на обычно покупаемые крестьянами виды пищи могут быть выражены уже только более сложной формулой $y=a+bx+cx^2$, и в дальнейшем анализ бюджетных данных по ряду местностей показал, что «при тожестве или близости географии и бытовых условий жизни населения формула потребления каждой категории покупных продуктов имеет одни

и те же числовые отношения коэффициента при x и постоянного члена для различных по степени экономического благосостояния групп населения»; что формулы, выражающие увеличение расхода по отдельным статьям, с ростом общего бюджета, в большинстве случаев имеют общий вид $y=a+bx$, и только в виде исключения, именно на всю покупную часть пищи и на водку, близко подходит к более сложному виду $y=a+bx+cx^2$.

На следующем же совещании статистиков в подсекции статистики XII-го С'езда русских естествоиспытателей и врачей к вопросу применения к статистическому анализу формул высшей математики возвращаются уже два докладчика — И. А. Сабанеев и В. В. Никольский. Оба они стремятся доказать, что простейшие формулы аналитической геометрии, при помощи которых В. Ф. Арнольд пытается установить в некотором роде универсальный прием выражения связи по формуле уравнения прямой, недостаточны для того, чтобы уловить все те сложные зависимости, которыми характеризуются статистические явления, так как между данными, выражаемыми в статистических рядах, в большинстве случаев нет прямой пропорциональности, и что «зависимость для большинства пар статистических рядов точнее улавливается только более сложными видами интерполяции», вследствие чего «в каждом отдельном случае утверждение о линейной зависимости может быть принято лишь после того, как выражающая эту зависимость формула простой интерполяции выдержала критику не только для короткого, с небольшим числом групп, но и для длинного ряда».

В дальнейшем тем же В. В. Никольским был произведен «Опыт анализа данных текущей земской статистики», задачей которого было «рассмотреть данные земской текущей статистики о поденных платах во Владимирской губ. преимущественно с точки зрения их пригодности для оценочных целей, но в которой автором была поставлена себе определенная теоретическая цель—«изыскание общих приемов» для разрешения общего же вопроса «о степени доверия, какую можем мы приписать упомянутым данным», разрешение которого вытекает из несплошного характера данных текущей статистики. Предлагаемый и применяемый В. В. Никольским в этой своей работе ме-

тод является методом оценки средних по их колеблемости, измеряемой вероятной ошибкой, но с существенной поправкой, в которой, собственно, и заключается наиболее существенный методологический интерес его опыта, в виду недостаточных гарантий типичности вычисляемых для отдельных территорий по данным текущей статистики средних величин. Основным положением своего метода В. В. Никольский выдвигает суждение, что точность средней величины в текущей статистике является функцией не одного лишь числа показаний и их квадратных отклонений, но и некоторого добавочного коэффициента, выражающегося в «весе средней», который, в свою очередь, слагается из двух коэффициентов: а) из поправки на величину волости, которая для каждого уезда постоянна, и б) из поправки на число волостей, которая всякий раз имеет свою особую величину. Прибегая, таким образом, для «фактического различения средних выводов с точки зрения действующих постоянных причин», с одной стороны, и «для выяснения случайного или, напротив, существенного характера в погодных и поволостных цифрах различий», В. В. Никольский, в сущности говоря, прибегает в этом вопросе к использованию дифференциального метода Гаусса, указывая, что только с помощью этого метода возможно получение необходимой ясности и раздельности в представлении общих выводов, едва ли достижимых иными средствами.

Из других работ, относящихся к области явлений, изучаемых аграрно-экономической статистикой, в которых были применены математические методы анализа, наиболее крупными являются работы Р. М. Орженцкого по Ярославской губернии— «Урожай ржи на крестьянских землях Ярославской губернии» и «Оценка пашни и сенокосов Рыбинского уезда», в которых автор для изучения колебаний цифровых показаний, полученных из различных источников, в отношении оценки урожаев ржи, прибегает к вычислению коэффициента корреляции, применяя и ряд других математических формул, как то: Пуасоновскую формулу среднего квадратного отклонения разности, Пирсоновскую формулу для определения степени однородности материала, формулу Парето для вычисления коэффициентов криволинейного уравнения и т. д.

Как справедливо отмечает А. А. Кауфман в своей работе— «Статистическая наука в России», честь приобщения русской статистической мысли к математическому направлению в статистике, ведущему начало от двух, хотя и раздельных по своему существу и происхождению, но родственных по идее, течений математической мысли — Лексиса и Борткевича, с одной стороны, Гальтона и Пирсона — с другой, — принадлежит А. А. Чупрову, — последователю первого из этих течений, и Р. М. Орженцкому — последователю второго, английского, течения, синтезирующего, однако, в своих трудах теоретические построения его с построениями школы Лексиса-Борткевича.

«Именно работам Лексиса теория общей статистики обязана тем, что проблема устойчивости статистических чисел получила в ней наиболее законченное из всех других своих отделов содержание. Всецело стоя на почве теории вероятностей и исходя, главным образом, из математических исследований Пуассона, Лексис выдвинул на первый план вопрос о тех критериях, которыми надлежит руководствоваться при суждении о возможности использовать выводы теории вероятностей для обоснования статистических теорий. Дальнейшая разработка положений Лексиса нашла себе талантливого выразителя в лице бывшего профессора Петроградского, а ныне Берлинского Университета—Борткевича. В своих небольших, но чрезвычайно содержательных статьях теоретического характера, написанных в большинстве случаев по-немецки, Борткевич останавливается прежде всего на двух вопросах — о границах применимости способа обработки статистических данных на основе исчисления вероятностей и на выяснении свойств так называемых «средних» или «сложных» вероятностей, с которыми, по его мнению, статистике приходится более всего иметь дело. Коренным вопросом, в котором он пытается разобраться в своих трудах, является вопрос о том, не явится ли причиной наблюдаемых ошибок при определении устойчивости статистических чисел путем исчисления вероятностей обычное в статистике игнорирование сложного характера последних. Исследование этого вопроса приводит его к заключению, что обычный в статистике характер вероятности, как средней вероятности любого порядка, не может обосновать различия в вычислении меры

точности или средней ошибки ее, полученного из наблюдений значения, и что, следовательно, во-первых, Пуассоновское обобщение теоремы Бернули, известное под именем «закона больших чисел», остается в силе и для этих «средних» вероятностей, несмотря на то, что оно было выведено для вероятностей элементарных или постоянных, и, во-вторых, как следствие предыдущего, — при средних вероятностях исследование дисперсии может вестись так же, как и при вероятностях элементарных, постоянных».

Этими положениями устанавливается первое, достигнутое Борткевичем — «расширение границ применимости способа обработки статистических материалов на основе исчисления вероятностей». Дальнейшее расширение этих границ происходит в порядке установления Борткевичем так называемого «закона малых чисел», который, по существу, является дальнейшим развитием того же Лексисова учения об устойчивости статистических рядов и об'яснением подмеченного им факта, что выведенные из больших чисел событий статистические коэффициенты явно отказываются подчиняться формулам Пуассоновского закона больших чисел. Математическая сущность этого «закона» Борткевича, как ее излагает А. А. Кауфман в указанной выше работе, сводится к следующему:

«Известная формула Бернулли, обобщенная Пуассоном, и все приложения ее исходят из предположения не слишком малых вероятностей, а следовательно, утрачивают силу при весьма малых значениях этих вероятностей,—тех значениях, которые отвечают «малым числам» и «редким событиям». И вот, исходя из предложенной Пуассоном, в предположении бесконечно большого числа наблюдений и бесконечной малой вероятности «р», формулы

$$\frac{m^x \cdot c^{-m}}{1^2 \cdot \ldots x},$$

сохраняющей, как он доказывает на примерах, свою силу и при конечных — «достаточно» большом значении первой из этих величин и «достаточно» малом значении второй, — Борткевич выводит особые формулы «прямого» и «не прямого» исчисления теоретической меры колебаний, в которые, — в

отличие от аналогичных формул Лексиса,—не входят ни число наблюдений, ни вероятность, а только «действительное число и математическое ожидание наивероятнейшего числа случаев изучаемого явления».

Эти специфические меры устойчивости, приобретающие самостоятельное значение лишь при очень малых значениях указанных двух величин, Борткевич проверяет на нескольких примерах, дающих очень близкую к нормальной устойчивость, более или менее полное совпадение действительной колеблемости с вычисленной теоретически. Это приводит к парадоксу, согласно которому получается, что—«в то время, как большие числа событий являются причиной несоответствия между действительной и теоретической дисперсией, в малых числах надо искать причин того, что в приведенных примерах выводы статистики почти совершенно совпадают с данными теории». Разгадку этого парадокса Борткевич находит в «гипотезе переменной вероятности», при помощи которой им устанавливается тот факт, что малые числа событий при очень больших числах наблюдений подчиняются в той же форме определенной норме колебаний, как и большие числа событий при очень малых числах наблюдений.

Таково второе расширение сферы применения исчисления вероятностей к теоретическому освещению явлений статистической действительности, устанавливаемое Борткевичем.

Примыкая к школе Лексиса-Борткевича в общих основаниях их теории математического осознания статистической действительности, А. А. Чупров в блестящем анализе целого ряда научных статистических сопоставлений дает критическую оценку выдвинутого ими учения и дисперсии и устойчивости статистических рядов и вносит в последнее несколько существенных поправок.

Так, развивая основную мысль Борткевича о равной пригодности Пуассоновского обобщения для выведения как элементарных, так и средних вероятностей, А. А. Чупров, в конечном счете, приходит к заключению, что весь спор вокруг этого вопроса — о разном значении и содержании указанных двух типов вероятностей — основан на простом недоумении, ибо —

— «В своей обычной формулировке, отличающей «элементарную» вероятность... от «средней» вероятности... она носит несколько туманный характер. С элементарной вероятностью, гласят определения, мы имеем дело, если изучаемая масса представляется *вполне однородной* и *не поддается дроблению* на части, различающиеся одна от другой по величине вероятности события»...

«Такая конструкция понятия элементарной вероятности, — говорит А. А. Чупров, — есть отзвук психологической концепции вероятности, как характеристики напряженности ожидания или степени уверенности в конкретном единичном случае, и должна быть оставлена», и вот почему:

1) потому, что «вполне однородных» масс, в отношении которых может итти речь о частностях и вероятностях, вообще не существует, ибо «об'ективная вероятность предполагает известную об'ективную же *пестроту* единичных случаев, об'единенных в массы». Там же, где встречается полная однородность массы, полное тождество всех единичных случаев, там нет нужды образования совокупностей и нет места применения оперирующего с совокупностями статистического метода;

2) потому, что те массы, которые, по своей однородности, не могут для своих частей давать различные для каждой из них в отдельности значения, а, следовательно, и образовать отличные от общей частичные совокупности, не могут служить и предметом статистического изучения, ибо «всякая масса, которую имеет смысл подвергать статистическому изучению, может быть (и должна быть.—*Е. В.)* разбита на более или мелкие совокупности, выделяющие при своем образовании в категорию общих причин иные элементы, нежели те, что отходят при об'единении всех этих мелких совокупностей в одно целое, и дающие для вероятности изучаемого явления различные друг от друга значения».

Отсюда — «принципальной разницы, с точки зрения однородности масс (между случаем элементарной вероятности и случаем вероятности сложной)... нет и быть не может, и не в этом направлении следует искать опоры для построения понятия элементарной вероятности. Если бы в применении к нормально устойчивым явлениям приходилось выбирать

между схемой средней вероятности и схемой элементарной вероятности, как характеристики абсолютно однородной массы, то решение не представляло бы трудности: следовало бы, не колеблясь, признать все вероятности, подлежащие изучению, за средние».

Вопрос, следовательно, не в абсолютной однородности массы и не в ее способности давать или не давать при своем разложении на части мелкие совокупности с разными значениями, а в том содержании, которое вкладывается в самое понятие элементарной или сложной вероятности статистическим интересом. Всякая масса по существу не вполне однородна и в то же время каждая из них может быть однородной то в том, то в другом интересном для нас отношении, не обнаруживая никакой однородности в других отношениях.

Далее, останавливаясь на вопросе о том, что считать и как определять состояние «нормальной», «поднормальной» или «сверхнормальной» устойчивости статистических рядов, А. А. Чупров отказывается признать «научный интерес» за попыткой Лексиса измерять размеры колебаний числовых значений изучаемых явлений количеством наблюдений и этим определять степень «нормальности» в самой устойчивости рядов.

«Численное значение «Q» зависит от n (Q — число значений; n—количество наблюдений) из того, что Q для одного ряда больше, чем для другого, мы еще не вправе заключать, что устойчивость изучаемых явлений в первом случае дальше от нормального уровня, чем во втором. Лишь при равенстве числа наблюдений располагаем мы в величине Q мерой, пригодной для сравнительной оценки устойчивости: на этом и покоится возможность использовать значение Q в качестве критерия для определения—нормальна устойчивость или нет. Но в иных условиях коэффициент Q оказывается мало удобным для сопоставления... Приближение устойчивости к нормальному уровню с сокращением числа наблюдений об'ясняется, таким образом, с этой точки зрения, выбором меры устойчивости. Оно сводится к своего рода арифметической тавтологии: мы измеряем устойчивость при помощи «меняющегося масштаба». При таком освещении экспериментальное конста-

тирование факта связи между уровнем устойчивости и широтой поля наблюдения оказывается лишенным научного интереса: связь непосредственно обусловлена характером применяемых нами приемов измерения и нуждается в опытной проверке не более, чем, например, утверждение, что температура тела, измеренная термометром Реомюра, покажет меньше градусов, нежели при измерении Цельсием. О реальных явлениях констатируемая нами связь Q c n не говорит в таких условиях ничего»... «Связь между уровнем устойчивости и широтой наблюдения как бы не существует в действительности, она проявляется лишь в силу своеобразного характера построенных нами приемов исследования».

Ясно, что при таких условиях А. А. Чупров никоим образом не мог признать за фактом понижения коэффициентов расхождения или, другими словами, за фактом повышения уровня устойчивости, по мере сокращения поля наблюдения, того решающего значения в вопросе о применимости исчисления вероятности к выявлениям реальной действительности, которые ему придавал Борткевич.

По мнению А. А. Чупрова, сам по себе «голый факт приблизительно нормальной дисперсии, констатированный в тех или иных случаях» совершенно недостаточен и не необходим для доказательства «нашего права на приложение теории вероятностей к статистическим данным». Вообще А. А. Чупров не видит надобности ни в каком эмпирическом доказательстве этого права, ибо «свое оправдание приложение концепций теории вероятностей к проблеме устойчивости находит в том, что на их почве нам удается слить в одно связное, ясное и свободное от противоречий построение богатый и вне их необ'яснимый материал статистически констатированных фактов, с подчеркнутыми из непосредственного наблюдения над жизнью представлениями о действительном ходе изучаемых статистикой явлений».

К вопросу о математических вероятностях и функциях их, как об основе статистических чисел, А. А. Чупров помимо своих «Очерков по теории статистики» довольно подробно касается еще в одной из своих позднейших немецких статей под заглавием—«О задачах статистической теории». Он рассма-

тривает в этой статье два типа случаев применения теории вероятностей к статистическим массам. Первый,--когда идет сравнение двух масс, данных в наблюдении, и второй,—когда сравниваются между собой массы, искусственно составленные по определенным признакам. В отношении первого типа случаев он констатирует, что, «за устранением случаев исключительной удачи, сведение единичных случаев в статистические массы и переход от частот к вероятностям лишь очень мало приближает нас (в этих случаях) к конечной цели—познанию причинных зависимостей», ибо раз путем применения дифференциального метода установлен не случайный характер различий частот, мы попадаем «в колею индуктивных методов», со всеми присущими им трудностями, благодаря которым всегда остается «неопределенный остаток, делающий заключение невозможным». В отношении же второго типа случаев, когда искусственно составленные массы отличаются друг от друга «только данными признаками и стоящими с ними в связи», а влияние на характер этих масс независимых от них признаков проявляется «лишь в меру случайности», оказывается вполне действенным для получения статистического умозрения о причинных зависимостях между ними «метод сравнения параллельных рядов», важнейшей разновидностью которого является «сведение единичных случаев в группы (и переход от частот к вероятностям) по значению величины, дающей наилучшую качественную характеристику другой величины».

Особое значение придает А. А. Чупров вопросу о роли в среде изучаемых статистикой массовых явлений сверхнормальной устойчивости их рядов, реальность которой в мире действительности совершенно опровергалась Лексисом и большинством его учеников.

В противоположность, в значительной мере, мнению Борткевича, А. А. Чупров доказывает, что схемы поднормальной и особенно сверхнормальной устойчивости явлений в статистической действительности, конструируемые теорией вероятностей, отнюдь не являются «пустой игрой творческого воображения забывших о мире житейском математиков, а что они, напротив, находят себе полное отражение в условиях действи-

тельной жизни»; что, в частности, «в поле зрения статистики могут появляться массы неизменного состава... и без того, чтобы были замешаны (в их образовании) какие бы то ни было волевые мотивы»; что, с другой стороны, в статистической действительности «неизменно имеются налицо условия, которые напоминают... об эксперименте вынимания шаров из урны без возвращения вынутого шара обратно в урну». С этой точки зрения взгляд Лексиса, согласно которому он отрицает самую возможность возникновения сверхнормальной устойчивости вне действия строгих волевых законов, должен быть в настоящее время оставлен, несмотря на то, что этот взгляд разделяется большинством его учеников и почти безраздельно господствует в науке. Этот взгляд, как доказывают позднейшие исследования, не отвечает ни фактам, ни теоретическим построениям. Вместе с этим должен отпасть и тот компромисс с «кетлитизмом», на который Лексис готов был итти в уверенности, что сверхнормальной устойчивости никогда не встретится вне сферы явлений, стоящих под непосредственным воздействием охраняющей «закон» воли.

«Лексис бесспорно прав, когда утверждает, что выводы кетлитистов, приурочиваемые ими к самому факту устойчивости, имеют под собой некоторую почву лишь в случае устойчивости сверхнормальной; предполагать, что есть в действии факторы, связывающие свободу отдельных индивидуумов во имя осуществления закона, можно с некоторым основанием лишь в том случае, когда колебания чисел не достигают нормального уровня. Но Лексис сам повторяет ошибку кетлитистов, когда делает скачок к утверждению, будто сверхнормальный характер устойчивости служит доказательством справедливости такого предположения. Сверхнормальная устойчивость свидетельствует лишь о том, что единичные явления не представляются «независимыми» друг от друга. Но независимость их может и не носить того характера, который предписывается ей философскими построениями кетлитистов. Как в случае устойчивости ниже нормы связь между отдельными явлениями, обусловливаясь колебаниями общих жизненных условий, может и не покоиться на волевом вмешательстве в ход событий, так и устойчивость выше нормы

может вызываться действием факторов, ничего общего не имеющих с сознательной регулировкой течения дел в целях достижения арифметического равновесия между числами повторений разных событий». Но, конечно, одного убеждения в том, что математическая теория вероятностей открывает возможность об'яснить сверхнормальную устойчивость без ссылок на какие бы то ни было «таинственные связи между единичными случаями», для статистика недостаточно. Это побуждает А. А. Чупрова конкретно наметить те моменты, которые оказываются способными порождать сверхнормальную устойчивость в массовых явлениях общественной жизни. Анализ этих моментов приводит А. А. Чупрова к заключению, что «сверхнормальная устойчивость может... возникать в самых разнообразных условиях. При всем своем разнообразии эти условия сходны в одном: сверхнормальная устойчивость, как и сверхнормальная дисперсия, неизменно предполагает, что единичные случаи, охватываемые одной совокупностью, не представляются «независимыми» друг от друга. Но характер зависимости может быть различный. Она может сводиться к умышленному подгонянию хода событий под заранее намеченный численный шаблон, но может также возникать «самопроизвольно», в силу естественных условий существования человеческого общежития, без того, чтобы с чьей-либо стороны прилагались заботы о соблюдении «закона». Непостижимого в сверхнормальной устойчивости не больше, чем в устойчивости, не достигающей нормального уровня. Как в том, так и в другом случае теория вероятностей дает достаточную опору для об'яснения устойчивости стечениями обстоятельств, ничего загадочного в себе не таящими и допускающими одинаково точное описание и учет».

Подводя итоги своей оценке значения теории вероятностей, как метода исследования структуры и взаимозависимостей статистических рядов, А. А. Чупров выражает эту свою оценку в следующих словах:

«Привлекая математическую теорию вероятностей к об'яснению раскрытых Лексисом и его школой фактов, мы получаем в распоряжение весьма гибкие теоретические схемы, ярко освещающие те условия, которые способны порождать

в массовых явлениях бо́льшую или меньшую устойчивость характеризующих их численность соотношений. Мы начинаем понимать, как должны складываться обстоятельства для того, чтобы устойчивость носила нормальный характер, и какого рода стечение их повышает и понижает колебания статистических чисел по сравнению с нормой. В то же время, присматриваясь внимательно к обстановке, в которой протекают изучаемые статистикой явления общественной жизни, мы убеждаемся, что схемы, конструируемые теорией вероятностей, не химера, не пустая игра творческого воображения забывших о мире житейском математиков, а что они, напротив, находят себе полное соответствие в условиях действительной жизни. Мы в состоянии определенно указать в условиях существования человеческого общежития такие обстоятельства, которые имеют тенденцию поднимать устойчивость массовых явлений против нормы, равно как и такие, которые повышают их колебания. Но эти противоположные явления не действуют, как правило, раздельно, а постоянно скрещиваются, так что каждое отдельное массовое явление носит на себе одновременно печать всей их пестрой совокупности... Теория вероятностей, перекидывающая мост от общих условий к конечным массовым итогам, упраздняет потребность в применении индивидуализирующего метода прогматического изложения. Вместе с тем, освобождая статистика от необходимости обращаться к изучению единичных случаев для истолкования (результатов) производимого им массового учета «совокупностей», теория вероятностей—санкцией рационального обоснования — окончательно закрепляет за «категорическим исчислением» (т.-е. статистикой) то независимое место в системе научных знаний, какое отведено ему развитием человеческой мысли в течение двух последних веков ее истории».

Мы с особой подробностью остановились на изложении отношения А. А. Чупрова к основным вопросам применения методов математического анализа изучения статистических явлений вообще, в виду того, что уже в последние годы существования земской аграрно-экономической статистики в ней, под влиянием этих отношений, стал намечаться определенный сдвиг в сторону замены эмпирическх методов исследования

статистических рядов и построения соответственных им группировочных и комбинационных таблиц методами математическими, среди которых методы, конструируемые в теории вероятностей, стали уже в эти годы получать особо широкое признание. Поднятый работами А. А. Чупрова интерес к математическим приемам исследования статистики, вызвал в русской статистической литературе появление целого ряда книг и статей, посвященных не только критике, но и попыткам связного изложения системы применения в статистике математических методов.

Среди авторов этих работ своеобразное место занимает Р. М. Орженцкий, примыкающий по своим взглядам, как мы указали выше, к английской школе Гальтона и Пирсона, но синтезирующий в своих трудах направление этой школы со взглядами школы Лексиса-Борткевича. Существенными для характеристики научной физиономии Р. М. Орженцкого являются две его работы—докторская диссертация «Сводные признаки» и «Учебник математической статистики». Примыкает к той же школе работа проф. А. В. Леонтовича, «Элементарное пособие к применению методов Гауса и Пирсона при оценке ошибок в статистике и биологии», вышедшее в 1911 г., на год позже выхода в свет «Сводных признаков» Орженцкого. Уже в этих работах, на-ряду с изложениями методов Гауса и Пирсона и теории вероятностей, большое место занимает изложение методов исчисления коэффициента корреляции в применении его к анализу силы связи и степени зависимости как статистических массовых явлений в целом, так и их отдельных групп и признаков между собой.

Сущность этого метода и роль его в общей теории статистической методологии такова:

Строя статистические ряды цифр, мы расчленяем статистические данные о той или иной совокупности по одному из характеризующих их признаков на группы и для каждой группы вычисляем среднюю.

Этим способом мы каждый раз ослабляем действие одного определенного фактора на изучаемое нами массовое явление от всей совокупности остальных факторов и таким образом прослеживаем явление увеличения или уменьшения одной вели-

чины, принимаемой нами за независимую переменную, на другую переменную—зависимую.

Этот чисто «элементарный» прием был бы правилен, если бы между изучаемыми в статистике переменными существовала только прямая или обратная, но всегда и во всяком случае строго функциональная зависимость, при которой каждому определенному значению x постоянно отвечает одно и то же определенное значение y. Однако случаи такой чисто функциональной зависимости среди статистических величин крайне редки, ибо изменения зависимых переменных, изучаемых в статистике, как правило, являются результатом действия на них не одной лишь той величины, принимаемой нами условно за переменную независимую, на основе которой строится тот или иной статистический ряд, но и неопределенного комплекса величин.

Вследствие этого, формула строгой функциональной зависимости, выражаемая в уравнении $\frac{x}{y}=1$, в отношении подавляющего числа статистических рядов оказывается неприменимой, так как ускользающее от нашего внимания влияние на изучаемое нами массовое явление целого комплекса неизвестных величин делает совершенно невозможным по зависимости x от y судить об обратной зависимости y от x.

Эта «необратимость статистических рядов при графическом изображении их в виде кривых, построенных раз по абсциссе X при ординате $У$, а другой раз—по абсциссе $У$ при ординате X, получает свое выражение в образуемом этими кривыми угле их расхождения, величина которого и представляется мерой расхождения двух функциональных зависимостей одних и тех же величин изучаемого статистического ряда, мерой его собственной «необратимости». Математически этот угол изображается в виде формулы так называемого «коэффициента», данной A. S. Bowley'ем: $r=\frac{S\,(xy)}{\sqrt{S\,(x)^2}}-\sqrt{S\,(y)^2}$, где x есть отклонение от средней членов первого ряда, y—отклонение членов второго ряда, числитель—алгебраическая сумма произведений соответствующих отклонений, а знаменатель — произведение радикалов второй степени из сумм квадратов

отклонений. Чем меньше угол расхождения между кривыми изучаемых переменных, тем ближе математические выражения коэффициента их корреляции к единице. Когда угол между кривыми равен нулю, тогда коэффициент корреляции равняется единице, и место корреляционной связи занимает связь функциональная.

Когда же угол корреляции = 90°, то это значит, что между переменными нет никакой связи. Прочие же значения коэффициента корреляции указывают, насколько данная корреляционная зависимость далека от полной функциональной зависимости; точнее—какую часть из всего комплекса причин, обусловливающих явление *Б*, составляет причина *А*.

Главнейшей задачей корреляционного счисления, базирующегося на сравнении коэффициентов корреляции отдельных статистических рядов между собой, является недоступное элементарным приемам статистического исследования определение чисто математическим путем с удивительной полностью *силы связи* двух данных или даже нескольких, в последовательных парах изучаемых, статистических рядов, а также определение самой разницы в степени зависимости каждой такой пары рядов от другой и ее количественное измерение.

Однако необходимо оговориться, что корреляционное исчисление, в свою очередь, далеко не всегда в состоянии дать правильное и точное представление об указанных выше явлениях и последнее имеет место только в тех случаях, когда мы имеем дело лишь с однородным материалом статистического характера, свойства которого характеризуются следующими чертами:

а) в середине распределения такого материала обязательно должно находиться одно определенное (истинное) сочетание x и y, по отношению к которому все другие сочетания являются случайными уклонениями, и

б) частота каждого сочетания должна представлять собой функцию его отклонения от упомянутого выше истинного сочетания x и y.

(См. проф. *Р. М. Орженцкий:* «К вопросу корреляции», «Статистический Вестник», кн. 4-я, за 1914 — 1915 г.г.).

Во всех же остальных случаях, а особенно, когда ряд величин изучаемых и сравниваемых рядов имеет динамический характер, а также при различии «веса», т.-е. числа случаев в сравниваемых рядах и при различных величинах составляющих их интервалов, коэффициент корреляции, согласно проф. Р. М. Орженцкому, получает значение лишь условной показательной величины, не более достоверной обыкновенной арифметической средней.

И поскольку в первых случаях применение к изучению статистических рядов корреляционного счисления безусловно необходимо, постольку во всех остальных случаях необходим строгий предварительный логический анализ, чтобы решить самый вопрос о том, имеются ли для предполагаемого статистического исследования тех или иных цифровых рядов условия, необходимые для применения в данном случае корреляционного исчисления, или же более рационально в этом случае будет применение какого-либо иного метода исчисления.

При этом одной из поправок к методу корреляции, позволяющей применение его в некоторых отношениях и к рядам слабо выраженного динамического характера для устранения влияния на них так называемых «вековых движений», является предложенный Hocher'ом особый прием вычисления в этих случаях самих коэффициентов корреляции, отыскиваемых не между самими величинами, а между разностями их последовательных значений.

«Теория корреляции» и даваемый ею метод корреляционного исчисления силы связи и степени зависимости различных массовых явлений, выраженных в статистических рядах, несмотря на все ограничения в их применении к статистике, указанные выше, являются в области теоретической логики одним из самых важных завоеваний тех форм статистического мышления, победу которых во всех без исключения отраслях научного знания, во всех своих печатных и устных выступлениях последнего времени столь энергично отмечает проф. А. А. Чупров и которые, во всей их сложной совокупности, характеризуются проф. А. В. Леонтовичем, как особое «интегральное мышление» человека.

В этом смысле «Теория корреляции» представляет собой наиболее сложный случай применения интегральной мысли, игнорирование которого в логике статистического метода, как справедливо замечает проф. А. В. Леонтович, естественно являлось бы непростительным пробелом.

(См. проф. *А. В. Леонтович:* «Несколько слов в защиту теории корреляции», «Статистический Вестник», кн. 4-я, за 1914—1915 г.г.).

Итак главнейшим значением корреляционного счисления для статистики является то, что, давая численную меру зависимости между выраженными в статистических рядах явлениями и между отдельными факторами каждого из этих явлений, оно дает возможность еще и сравнения коэффициентов корреляции этих рядов, взятых попарно, друг с другом, выясняя тем самым и самую степень зависимости их между собой.

В этом смысле каждый коэффициент корреляции, по словам М. Е. Подтягина, является твердо установленным *статистическим фактом* и накопление этих фактов во всякого рода более или менее сложных статистических исследованиях является прямо-таки необходимым, так как *только на основе их общей сравнительной оценки возможно получить тот прочный и научно-обоснованный результат, дать который до сего времени не смог ни один из употреблявшихся в статистике так называемых «элементарных приемов» исследования.*

При посредстве корреляционного счисления оказывается возможным учесть ту двухсторонность функциональной зависимости между элементами явлений, изучаемых в статистике, между самими явлениями и их совокупностями, которая совершенно ускользает от исследователя при употреблении им тех эмпирических, или, как их называет профессор А. А. Кауфман, «элементарных» приемов, сущность которых сводится к условному расчленению рядов на произвольные группы по произвольно принимаемым за «основные» признакам явления, что совершенно устраняет возможность вычисления, хотя бы с приближением, вероятной ошибки *конечного* заключения.

Наоборот, эта «вероятная ошибка конечного заключения», при измерении связи (параллелизма) двух рядов посредством коэффициентов корреляции, получает вполне отчетливое выражение в своей численной мере, при чем самая возможность ее ограничивается лишь теми случаями, когда установленная коэффициентами корреляции связь двух данных рядов неправильно распространяется на весь об'ем изучаемых явлений. Важность же получения численной меры вероятной ошибки конечного заключения явствует уже из того, что только при установлении последней открывается перед исследователем возможность оценить самую степень достоверности своего заключения применением к этой оценке математической формулы: $a = \frac{1-r^2}{\sqrt{N}}$, где a есть искомая степень достоверности его заключения; r^2 — квадрат коэффициента корреляции и N — число членов изучаемого ряда.

Кроме того, в то время, как «элементарные» приемы статистического исследования, устанавливая самый факт зависимости явлений, ничего не говорят не только о степени этой зависимости, но и ее развития, коэффициент корреляции дает представление и о том и о другом, при чем самое представление о развитии зависимости между явлениями получается в этом случае посредством сравнения с эмпирическими средними так называемых «уравнений репрессий», которые проф. Р. М. Орженцкий считает более правильным называть «корреляционными уравнениями».

И, наконец, значение корреляционного счисления сказывается еще и в том, что посредством его удается во всех случаях, когда логический анализ статистических рядов ясно указывает на корреляционный характер их связи, выяснить обманчивость уже выявленной при посредстве других приемов односторонней функциональной их зависимости.

Одной из наиболее значительных работ в аграрно-экономической статистике дореволюционного периода, задавшейся целью определить в коэффициентах корреляции меры зависимостей между отдельными элементами крестьянского хозяйства по материалам подворных исследований, была работа С. Н. Прокоповича, опубликованная в 1914 г. в «Статистическом

Вестнике» под заглавием «К вопросу о выборе признаков и т. д.». Эта работа, охватившая переписной материал по 25 уездам 10-ти губерний Евр. России, собранный в восьмидесятых годах прошлого столетия, вылилась в 61 корреляционную таблицу и 13 составленных на основании их диаграмм и дала чрезвычайно важные в методологическом смысле результаты. С одной стороны, она подтвердила для условий, характеризовавших состояние крестьянского хозяйства в 80-х годах, правильность того предпочтения, которое в 1900 году земская статистика отдала «посевной площади», как признаку преимущественно пригодному к тому, чтобы стать основанием группировки крестьянских хозяйств. С другой — главнейшим выводом этой работы, поразившим своей неожиданностью даже ее автора, было то, что оказалось, что «в разных местностях мера влияния каждого признака, равно как и мера их корреляционной зависимости, совершенно различны», т.-е., другими словами, что нет общей для всего русского крестьянства единообразной структуры его хозяйства — для каждой местности оно имеет особое строение, свой особый организационный план, что, в свою очередь, в корне убивает широко распространенную до нашего времени идею о возможности единообразной сводки всего материала о крестьянском хозяйстве и его сериацию по однородным для всех районов группам в пределах всей территории Европейской России. Работой С. Н. Прокоповича открывается таким образом новый период в жизни аграрной статистики русских земств — период систематизации и точного научного анализа массы накопленных за длинный сорокалетний путь, оставленный ею за собой, но еще разрозненных фактов.

Этот пройденный ею в своем развитии путь эмпирики и чистого наблюдения, освещенный на всем своем протяжении светом известного круга идей, происхождением своим обязанного авторитету имени Георга Майра, как «давнишнего и почти бессменного законодателя нашей статистической мысли», надо считать законченным.

Отныне чистое наблюдение получает иные руководящие директивы, становясь лишь источником первичного материала, подлежащего в своей оценке не только самостоятельному, но и

сравнительному изучению с помощью точных, чисто математических приемов исследования; оно в законченных высших формах преобразованного на новых началах статистического анализа ведет исследователя к установлению точнейших научных истин в области понимания окружающего нас мира массовых явлений и законов, управляющих их развитием.

Имя Георга Майра и неразлучное с ним главенство в статистической методологии нашей русской статистики так называемых эмпирических приемов исследования отходят в область истории.

Будущее принадлежит иным веяниям, иным влияниям, и история русской статистики рядом с ними, вслед за именами А. А. Чупрова, Р. М. Орженцкого, Е. Е. Слуцкого, А. В. Леонтовича, С. П. Прокоповича, М. Е. Подтягина, Б. С. Ястремского, Н. С. Четверикова и др., назовет и иные имена.

В связи с этим изменяет свое значение и смысл табличной обработки уже подсчитанного, сгруппированного и разбитого на статистические ряды первичного материала наблюдения.

Прежнее понимание этой обработки, установленное для нее в русской статистической методологии проф. Янсоном, согласно которому целью ее являлось лишь облегчать понимание *функциональных* зависимостей, существующих среди различных признаков изучаемых в статистике массовых явлений, путем расположения их цифровых значений известным образом в статистических таблицах, ныне осложнилось выяснением характера связи, существующей в мире этих массовых явлений — связи *корреляционной*, подчеркнувшей неполноту и односторонность табличного изображения ее статистических рядов, при которой эта корреляционная зависимость не обрисовывается и часто даже обманчиво затемняется.

Таким образом табличная обработка уже утрачивает характер *окончательной* стадии статистического анализа цифровых рядов и получает значение лишь *подсобной* технической операции, результаты которой, при всей их наглядности, требуют особой к себе осторожности и часто нуждаются в проверке их более тонкими методами исследования — *методами корреляционного исчисления и построения особых аналитических диаграмм.*

В связи с этим особое значение в статистике приобретает именно метод графической обработки сгруппированного в таблицах материала, с помощью которого открывается возможность не только наглядно изображать часто весьма сложные и запутанные совокупности, в самом расположении кривых показывая характер связи между различными явлениями и их признаками и в то же время осуществляя даже известный контроль над внутренней достоверностью полученных статистических цифр, проявляющейся наглядно в степени правильности кривых и в их изломах, но и измерять относительную меру изменчивости явления в данном месте кривой по сравнению с изменчивостью ее в другом месте. (См. *М. Е. Подтягин:* «Методологические вопросы при изучении зависимости явлений», «Статистический Вестник», кн. 3, 4, 1915—1916 г.г.)

Эта возможность простым черчением в линейной диаграмме получить ряд новых величин, рисующих отношение первоначальных членов ряда, и составляет истинный raison d'être графического метода. Возможность же на глаз быстро производить измерение геометрических величин линейной диаграммы, возможность «об'ять и понять» (Левассер) с одного взгляда всю совокупность, всю целость и на долгое время запечатлеть все это — делает графики ценным дидактическим приемом и увеличивает их значение, как орудия анализа.

Однако до тех пор, пока в статистической методологии не было предложено такого способа построения линейных диаграмм, при помощи которого из этого построения стало бы возможным исключить неизбежно сопутствовавший до сего времени ему произвол чертежника-исследователя, проявлявшийся в психологическом стремлении его невольно смягчать изломанные углы кривых в соответствии с его суб'ективным взглядом на степень и характер действительной устойчивости изображаемого им в диаграмме явления, что естественно вело к искажению самого представления и к ложным заключениям о нем,—до тех пор в статистической литературе вполне законно царило справедливое предубеждение против графического метода, господствовало представление о нем, как о приеме чисто популяризаторском и ненаучном.

Было очевидно, что если диаграмма должна стать орудием научного анализа, то никакой произвол и суб'ективизм в ее построение вносимы быть не могут.

Форма кривой, величина углов, образующих ее, в этом случае должны зависеть исключительно от величины членов ряда, представляемого диаграммой, и более ничего, т.-е. сама диаграмма должна быть только функцией данного ряда и, связывая величину углов, ею изображаемых, этой функциональной зависимостью и самим статистическим рядом, должно тем самым в одной формуле определять и отношение масштабов их абсцисс и ординат.

Разрешение вопроса о таком построении линейных аналитических диаграмм принадлежит М. Е. Подтягину, установившему принципы его в своей, нами уже неоднократно цитированной, работе «Методологические вопросы при изучении зависимости явлений».

Развивая идеи работавших в том же направлении европейских ученых Marsch'a, Bowley'я и Benini, М. Е. Подтягин предлагает, на примере изображения в кривых направления и силы колебаний из года в год хлебных цен, строить необходимые аналитические диаграммы таким образом, чтобы средняя величина углов, образуемых отрезками кривой с горизонталью, равнялась постоянно 45^0.

Диграммы, построенные таким образом, М. Е. Подтягин называет «нормативными», видя их отличие от обыкновенных диаграмм в том, что они включают в себя новый элемент для анализа, отсутствующий в последних, — *абсолютную* величину углов, образуемых отрезками кривой и горизонталью.

В тех местах, где кривая на «нормативной» диаграмме идет под углом в 45^0, явление претерпевает среднее нормальное изменение.

Углы, бо̀льшие или меньшие 45^0, характеризуют отклонение явления в обе стороны от средней изменчивости его.

Преимущество такой «нормативной» диаграммы, согласно М. Е. Подтягину, перед обыкновенной заключается в том, что «те выводы, какие можно сделать из последней путем сравнения друг с другом углов кривой, получаются быстрее и точнее из нормативной диаграммы путем сравнения ее углов в 45%».

«Кроме того, все существующие особенности изображаемых числовых рядов выдвигаются на нормативной диаграмме с наибольшей резкостью, особенно после небольшой практики в чтении их».

«Однако необходимость и значение «нормативных» построений график выясняется вполне только при рассмотрении сравнительной диаграммы, т.-е. диаграммы с несколькими кривыми, задачей которых является установление зависимости—параллелизма или антагонизма—явлений, когда полная функциональная зависимость между ними представляется параллельными кривыми.

«Здесь преимущество нормативной диаграммы перед обыкновенной представляется в том, что в то время, как в последней углы двух кривых так же мало сравнимы, как и члены двух статистических рядов, изображающих два явления, измеренные различными масштабами, в нормативной диаграмме оказывается возможным приведение двух кривых к одному общему основанию, принимая средний угол каждой кривой равным 45^0. Тогда этот угол и явится общей мерой всех углов сравниваемых кривых, допускающей уже непосредственное изучение параллелизма самих кривых».

При полной функциональной зависимости явлений в этом случае *соответствующие* отрезки кривых пройдут параллельно друг другу. При неполной, но более или менее тесной зависимости,—отрезки отклонятся друг от друга на определенный угол.

Этот угол и явится вполне об'ективной, независящей совершенно от суб'ективизма исследователя-чертежника, мерой отклонения или параллелизма двух явлений в данном месте кривой.

Беря, затем, среднее арифметическое из этих углов,—или точно вычисленных, или взятых транспортиром,—мы получаем, в конечном счете, тот искомый нами «средний угол отклонения кривых», т.-е. ту меру зависимости между двумя кривыми и явлениями, ими изображаемыми, роль которой окажется той же, что и коэффициента корреляции в его гоккеровской транскрипции.

Итак, новым приемом изображения «нормативных» график, вводимым М. Е. Подтягиным в аналитическую часть аграрной статистики наших земств, оказывается возможным установить не только факт параллелизма явлений, выраженный в кривых, *но и силу их связи, степень их зависимости.*

Таким образом в этом пункте аналитическая статистика подает руку математической и обогащает теорию статистического метода вообще и методологию аграрной статистики в частности новым могучим и вполне об'ективным орудием интегрального познания в высшей стадии статистического анализа.

Мы не будем касаться выводов, полученных путем применения к иследованию приема «нормативных» диаграмм автором его—М. Е. Подтягиным—в его солидной работе по выяснению степени зависимости движения землевладения от движения урожаев и хлебных цен, что слишком бы расширило рамки и без того растянувшейся нашей работы.

Отметим лишь одно, что удачное применение М. Е. Подтягиным к рядам динамического характера корреляционного исчисления в обеих его формах—математической и графической—сильно способно, по нашему мнению, поколебать приведенное нами выше мнение проф. Р. М. Орженцкого о пределах применения этого метода, ограничивающего сферу последнего в статистике исследования лишь статистических рядов.

Блестящий опыт М. Е. Подтягина подчеркивает правильность теоретического утверждения, высказанного проф. Е. Е. Слуцким еще раньше в своей «Теории корреляции», согласно которому «все формулы ее сохраняют свое значение при всяком законе распределения», т.-е., иначе говоря, метод корреляционного исчисления должен быть одинаково приложим к каким угодно статистическим рядам—и к статистическим и к динамическим — без всяких «но» и ограничений. (См. *Е. Е. Слуцкий:* «Теория корреляции и элементы учения о природе распределения». Киев. 1912 г., стр. 71).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВСЕРОССИЙСКИЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЕРЕПИСИ 1916—1917 г.г. В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ И ПОСЛЕДНИЕ СЕЗДЫ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ.

Начиная с 1897 года, года проведения правительственной статистикой самодержавной России всероссийской переписи населения, общественная мысль земской аграрно-экономической статистики все чаще и чаще возвращается к вопросу организации и проведению в общегосударственном масштабе, по примеру заграничных государств, всероссийской сельско-хозяйственной переписи, которая носила бы характер, по возможности, однодневного, но обязательно сплошного, наблюдения над сельским хозяйством страны, как отраслью производств в ней сел.-хоз. продуктов. Однако осуществление такого наблюдения оказывается совершенно не под силу органам государственной статистики того времени, черпавшей свои статистические сведения о сельском хозяйстве страны в показаниях волостных писарей и донесений по Центральному Статистическому Комитету министерства внутренних дел губернских статистических комитетов, совершенно не координировавшей у себя методов статистических наблюдений над ним, которые производились на местах через должностных агентов всевозможными иными ведомствами со всевозможными целями.

Вследствие этого в России до 1916 года фактически имелись материалы лишь совершенно разрозненных одна от другой и раздельно производившихся сплошных переписей землевладения, угодий, посевов, населения и лошадей, при чем большинство из них не являлось совершенно продуктом *первичного* статистического наблюдения. Но даже эти изолированные одна от другой переписи, за исключением повторных конских

переписей с 1882 года, не могли быть использованы экономической статистикой для мало-мальски достаточного изучения сел.-хоз действительности страны, ибо, помимо своей разрозненности, они обычно отличались и целым рядом иных недостатков и часто устарелостью. Известное исключение среди них представляли повторные конские переписи, регулярно производившиеся по одной и той же программе с 1882 года, но и эти переписи не удовлетворяли принципу одновременности по целой стране. И вот, когда мировая война выдвинула перед государством и властью необходимость в большей или меньшей степени ориентироваться в условиях хозяйственного и продовольственного производства и распределения важнейших продуктов питания страны хотя бы только для того, чтобы получить возможность достаточного снабжения ими армии и овладения рынками, она оказалась бессильной достигнуть этого без мобилизации всех общественных статистических сил и организаций страны.

К этому времени вопрос об организации всероссийской с.-х. переписи, вопрос о необходимости ее скорейшего проведения был уже предметом детальной разработки в научно-общественных кругах России того времени, и в этом смысле общественная мысль ее не была захвачена врасплох.

Еще в 1913 году, на 1-м Всероссийском сельско-хозяйственном с'езде в Киеве, задачи, план организации и даже срок осуществления такой переписи был установлен в докладе проф. К. Г. Воблаго, и еще тогда сел.-хоз. с'езд, углубив постановку вопроса докладчика, признал необходимым произвести общегосударственную сел.-хоз. перепись с самое ближайшее время, наметил главнейшее содержание ее, отношение к предполагавшейся на 1915 год переписи населения, установил сроки ее выполнения—осень, не более трех месяцев для всей России, и одного для каждой губернии; единицу переписи—сел.-хоз. предприятие, органы и выполнение ее—междуведомственный руководящий орган с привлечением к выработке и выполнению переписи всех местных, земских и городских статистических сил и организаций. (См. «Труды I-го сел.-хоз. с'езда в Киеве 4—10 сент. 1913 г., вып. I, стр. 10—11, вып. III, стр. 55—62 и 273—278.)

Этот план комиссией с'езда, разработавшей его детали, формуляры и пр., был передан для дальнейшего методологического рассмотрения в московское Общество имени А. И. Чупрова, с одобрения которого имелось в виду предложить его осуществление государственной власти.

Однако государственная власть, в лице подведомственного м-ву внутренних дел Центрального Статистического Комитета и министерства земледелия, сухо отозвалась на инициативу киевского с'езда. Самое производство детального и об'ективного исследования сел. хозяйства страны не было признано неотложной задачей, а идея привлечения к нему земских статистических сил, пресловутого «третьего элемента» встретила со стороны ее прямо враждебное отношение.

Тем не менее эта идея, принявшая в трудах I-го сел.-хоз. с'езда и Общества имени А. И. Чупрова конкретные формы определенного плана, не заглохла.

В следующем же, 1914 г. настойчивые пожелания о производстве всероссийской сел.-хоз. переписи в кратчайший срок были представлены правительству со стороны целого ряда с'ездов, собиравшихся в связи с предполагавшимся на 1920 год пересмотром русско-германского торгового договора, когда этим с'ездам понадобились для обоснования своих положений более точные, полные и свежие цифры о состоянии сельского хозяйства России, которых ни государственная статистика того времени, ни разнородные труды земской статистики дать не могли. И опять-таки эти пожелания в руководящих правительственных сферах никакого отклика не встретили до тех пор, пока разгоревшаяся мировая война не поставила перед ними ряд самых острых, неотложных вопросов, связанных с чисто практическими задачами борьбы с дороговизной, охватившей страну, и снабжения армии, и не вызвала необходимости обращения за помощью в деле разрешения этих задач к выросшим за то время в могущественные общественные организации всероссийским союзам земств и городов.

По инициативе комиссии по вопросам земской статистики при московском Обществе имени А. И. Чупрова, вынесшей соответствующее постановление еще 27 марта 1915 года, а затем, согласно постановлению общего собрания того же общества

от 11 апреля 1915 года, правительству, взамен не улыбавшейся ему идеи всеобщей всероссийской сел.-хоз. переписи, была предложена и рекомендована компромиссная идея производства «для разрешения всех вопросов, связанных с правильной организацией страны и обеспечения продуктами необходимости населения», «переписи запасов предметов массового питания», но и эта идея никакого отклика в правительственных кругах, продолжавших проявлять удивительно упорный индифферентизм к состоянию страны, не встретила.

Только три месяца спустя на созванном в Москве Центральным Комитетом союза городов «Совещании по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии», эта идея, под видом «научно-правильного учета производства и потребления хлебов» ставится в порядок конкретного обсуждения в присутствии представителей заинтересованных ведомств в числе «необходимых мер против обострения производственного вопроса», и в качестве таковой принципиального возражения со стороны последних не встречает.

Это обстоятельство позволило Совещанию признать, по докладу В. Г. Громана, осветившего со многих сторон экономическое состояние страны, необходимость производства переписи посевных площадей, урожаев и запасов потребляющего населения и скота «в целях правильного учета и регулирования товарообмена» и обратиться от имени обоих всероссийских союзов — земств и городов — к правительственной власти за утверждением постановления об этой переписи Совещания «в законодательном порядке». (См. Протоколы «Совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии», созванного в Москве 11—13 июля 1915 года.)

Однако «законодательного» подтверждения постановления Совещания со стороны правительственной власти не последовало, и вопрос о переписи в том узком виде ее, какой был принят этим совещанием, продолжал оставаться открытым.

Лишь с ноября месяца 1915 года, когда на 21—28 ноября центральным комитетом союза городов было созвано в Москве, в дополнение к июльскому Совещанию, специальное всероссийское совещание земских и городских статистиков, со специаль-

ной, якобы, целью лишь «для выработки приемов обследования размеров продовольственной нужды и запасов в стране», и когда это совещание, отвергнув все компромиссы, категорично подчеркнуло необходимость производства не какой-либо частичной, а исчерпывающей сельско-хозяйственной переписи, подвергнув в докладе В. Г. Громана уничтожающей критике все половинчатые мероприятия в этом направлении правительственной власти, проводившиеся созданным ею «Особым совещанием по продовольствию»,— вопрос о самом производстве переписи встал в плоскость ее осуществления.

«Совещание статистиков» фактически обратилось во Всероссийский с'езд земской и городской статистики, подтвердило полномочия избранной на прежних с'ездах постоянной Исполнительной Комиссии статистических с'ездов и выработало все основные положения намеченной им на ближайшее время всероссийской сел.-хоз. переписи, почти целиком вошедшие в положение о переписи 1916 года.

Основной идеей этой переписи было поставлено исчерпывающее, хотя бы только в самых основных признаках, сплошное обследование сельского хозяйства страны по двум типам его сельско-хозяйственных предприятий—по крестьянскому и частновладельческому, — долженствовавшим явиться единицами обследования, при чем громадной заслугой с'езда явилось то, что он заставил правительственную власть отказаться от чисто сословной квалификации этих типов, заменив эту квалификацию определением их по трудовому началу.

В общих чертах, по решению с'езда, сел.-хоз. перепись, намеченная им, должна была удовлетворять следующему минимуму требований: 1) сел.-хоз. перепись должна была дать учет посевных площадей по отдельным культурам; скота с распределением его на молодняк и взрослый; запасов продовольственных продуктов с подразделением хлеба на обмолоченный, необмолоченный и муку; запасов кормовых средств (не только сена, но и гуменных остатков и концентрированных кормов), запасов топлива и количества наемных рабочих в хозяйстве; 2) сел.-хоз. перепись должна была быть организационно связана с исчислением населения и должна была подвергнуть сплошному учету население, а также рабочий и про-

дуктивный скот; остальные элементы хозяйства, перечисленные выше, должны были быть учтены выборочным исследованием 10% мелких и сплошных крупных хозяйств; 3) исчисление населения должно было дать расчленение его на категории, необходимые для учета продовольственных нужд, рабочего состава и вызванного обстоятельствами военного времени перемещения населения (беженцы, военнопленные, гарнизоны). (См. «Труды Совещания земск. и городск. статистиков» 21—23 ноября в 1915 г. в Москве, вып. I, стр. 16—17.)

Избранная этим с'ездом особая Статистическая комиссия установила, исходя из положений в докладе В. Г. Громана, формы бланков и отчасти приемы сел.-хоз. переписи, в дальнейшем явившиеся образцами для форм переписи 1916 года, несколько видоизмененных последующими с'ездами статистиков, состоявшимися 27—29 декабря 1915 года, 5—7 марта и 15—18 апреля 1918 года.

Однако выполнение плана с.-х. переписи, намеченного статистическим с'ездом 21—28 ноября 1915 года и еще раз подтвержденного декабрьским с'ездом того же года, чуть было не было сорвано решением «Особого совещания по продовольственному делу» провести в марте 1916 года, вопреки решению статистических с'ездов, лишь изолированную перепись скота, используя для ее проведения, на-ряду со своими местными уполномоченными, и губернские земства.

В связи с этим Постоянной Исполнительной Комиссией статистических с'ездов, совместно с Центральными Комитетами Всероссийских союзов земств и городов, был созван на 5—7 марта экстренный с'езд земских и городских статистиков, категорически высказавшийся против такого изолированного мероприятия «Особого совещания», указавший на необходимость считаться со взаимной связью в сельском хозяйстве отдельных элементов его и потребовавший издания Особым совещанием телеграфного распоряжения о немедленном прекращении на местах начатой по его инициативе изолированной переписи скота.

В силу несовершенной постановки этой переписи и отсутствия надлежащей организации ее, требования мартовского с'езда возымели силу, телеграфное распоряжение о прекраще-

нии переписи скота было сделано, и был принят к руководству и выполнению предложенный им сплошной и исчерпывающий в основных признаках план с.-х. переписи, одобренный во всех своих деталях в специально выделенной с'ездом Статистической комиссии, в ее совместных совещаниях с Статистической комиссией Особого совещания по продовольствию, при участии членов Исполнительной Комиссии Статистических с'ездов—в заседаниях с 24 по 28 марта 1916 года. (См. «Постановления Статистической Комиссии Особого совещания по продовольственному делу», заседания 24, 25, 26, 27 и 28 марта 1916 года, стр. 4—8.)

В срочном порядке принятый в этом заседании план всероссийской сел.-хоз. переписи был предложен на утверждение министерства земледелия и 3-го апреля 1916 года получил в окончательной форме «Положения о производстве сел.-хоз. переписи» законодательную санкцию.

15—18 апреля состоялся новый всероссийский с'езд земских и городских статистиков в торжественной обстановке исторических для земской статистики дней, в которые осуществлялись долголетние чаяния беззаветных тружеников земского дела, доживших до великого момента признания своего общественного и делового авторитета той самой властью, которая до самых последних дней смотрела на них, как на беспочвенных смутьянов. Деловито и серьезно протекают заседания этого с'езда. С новой силой подчеркивается им великое общественное и государственное значение об'ективного статистического изучения сельского хозяйства, связанного с живым интересом к условиям быта и деятельности носителей сельского труда, трудового крестьянства — этого источника всего благосостояния российской государственности; даются окончательные формы опросных бланков переписи, вырабатываются и принимаются инструкции их выполнения; устанавливаются все организационные детали самого производства переписи и ее сроки; выясняется порядок дальнейшей разработки переписного материала.

Постановления с'езда 15—18 апреля 1916 года относительно толкования и порядка заполнения всех опросных формуляров включаются целиком в утвержденную министром земледелия

«Инструкцию по производству сел.-хоз. переписи», опубликованную в конце апреля—начале мая того же года.

Из постановлений этого с'езда не вошло в инструкцию 1916 года лишь постановление о производстве совместно с переписью сельского населения и переписи городского.

Официальной задачей этой переписи, согласно постановлениям с'езда, об'являлось «производство по одной обязательной для всей империи (без Финляндии) форме учета рабочих сил сельского населения, скота, посевных площадей и запасов главнейших продовольственных и фуражных продуктов», при чем это производство предполагалось, начав в один день по всей территории империи, провести его почти одновременно, лишь с разным сроком окончания его для разных поясов Европейской и Азиатской России.

По существу же задачей переписи являлось—собрать конкретный материал о состоянии сельского хозяйства России «для обоснования органических и экстренных мероприятий государственной сел.-хоз. экономической политики в интересах всего населения и армии». (См. статью проф. *А. Н. Челинцева:* «Всероссийская сел.-хоз. перепись 1916 года», стр. 29, в сборнике «Курсы по подготовке инструкторов etc.», изд В. С. З. Харьков, 1916 г.).

Сообразно с этими задачами формуляры переписи для сплошного опроса крестьянских и частновладельческих хозяйств включали в себя следующие важнейшие вопросы о населении, скоте и посевах:

а) *По населению* спрашивалось число всех мужчин и в том числе военнообязанных, своих рабочих, наемных, военнопленных и беженцев; число всех женщин, в том числе своих рабочих, наемных и беженцев, число душ обоего пола, оседло живущих, временно пребывающих и отсутствующих не более месяца.

б) *По скоту*—число лошадей; отдельно жеребят до 1 года; нерабочего возраста—от 1 года до 4-х лет и рабочего—от 4-х лет и выше; число крупного рогатого скота—бугаев, волов свыше 2 лет; коров-нетелей свыше 1½ года и бычков от 1½ до 2 лет; подтелок и бычков от 1 года до 1½ года; телят до 1 года, с выделением из числа волов нерабочих третьяков, с

раздельным показанием в одной графе нетелей и бычков; овец взрослых и ягнят, коз и козлят; свиней и боровов свыше 1 года; подсвинков от 4-х мес. до 1 года; поросят до 4-х мес., верблюдов, ослов и мулов.

в) *По посеву*—посевы всех растений в поле и на усадебной земле, кроме овощей, в десятинах, производимые как в целях продовольствия, так и в целях получения семенного материала, по всем землям данного хозяйства и, при возможности, раздельно на купчей, надельной, надельно-арендованной и арендованной вненадельной. Шероховатости этой программы опроса заключались: 1) в условности самого разделения хозяйств по трудовому принципу на две категории — хозяйства «крестьянского типа» и хозяйства «частновладельческие», согласно которому к частновладельческим хозяйствам относились хозяйства, применяющие в своем производстве *исключительно* наемный труд, хотя бы это были хозяйства солдаток, стариков, бобылей, лично не участвующих в производстве, а обрабатывающих свою землю сдельно; к хозяйствам же «крестьянского типа», короче крестьянским—относились и те хозяйства некрестьян—священников, причта, учителей, торговцев, чиновников и проч., в которых сам владелец участвует в сел.-хоз. производстве; 2) в ограничении рамок переписи учетом рабочих сил одного лишь сельского населения и только в сельских местностях, что фактически устраняло из круга ведения ее учет хозяйств в пригородах, поселках, дачных местностях, в фабрично-заводских поселениях, хозяйств железнодорожных служащих в полосе отчуждения и проч.; 3) в отказе переписи при определении рабочего состава хозяйства следовать установленному в земской практике с 80-х годов «возрастному» понятию работника, вследствие чего переписью учитывались «полные работники и работницы» по суб'ективной характеристике их, как таковых, дающего сведения; 4) в неясности термина «населенный пункт», который, согласно инструкции переписи, включает в себя не только селения, но и отдельные экономии, фермы и фольварки, а с другой стороны, оставляет в стороне дворы-одиночки, строения, обитаемые только летом, железнодорожные будки, северные «погосты» и проч., и 5) в том, что в программе переписи были упущены учет

земли по видам и категориям владений и учет площади пара, занимающей в нашей стране огромное пространство.

Центр внимания переписи был все же в продовольственных вопросах, а не в аграрном, и это наложило определенную печать значительного технического несовершенства на самую программу переписи. Это техническое несовершенство еще более усилилось тем, что победа земской статистики была еще далеко неполной, ибо, вопреки требованиям статистических с'ездов, руководство всем производством переписи и ее организацией в центре оставалось все еще в руках статистической комиссии, выделенной из состава того же «Особого совещания для обсуждения и об'единения мероприятий по продовольственному делу», которое лишь формально было связано с так называемой общественностью, по существу же оставаясь органом бюрократическим.

Состав этого Совещания состоял из 7 представителей Государственного совета и Государственной думы, 6 представителей центральных ведомств, назначенных их начальниками, 3 представителей по назначению Главного Управления землеустройства и земледелия и лишь двух, по одному от каждого, представителей Всероссийских земского и городского союзов.

И хотя в эту статистическую комиссию, помимо членов ее, выделенных в ее состав из Особого совещания, могли входить, по приглашению ее председателя, «все лица, участие коих в работах комиссии признавалось полезным», но их влияние и число в этой комиссии «уравновешивалось» правом председателя самого Особого совещания включить в состав комиссии, по своему усмотрению, необходимое для такого «уравновешивания» количество дополнительно предлагаемых им «представителей различных ведомств».

При этом бюрократизация всего производства и организации переписи не ограничивалась одним лишь центром—она простирались и на места, где все дело этой организации производства поручалось сословным губернским земским управам в так называемых земских губерниях и уполномоченным Особого совещания — в неземских, коим лишь «рекомендовалось» по мере надобности приглашать к содействию переписи местные

статистические наличные силы (не организации. — *Е. В.)*, а равно «все те общественные, кооперативные учреждения и частные лица, которые могли бы быть полезными для дела».

Результаты всей этой искусственности постановки переписи, к счастью, не отразившись на самом первичном наблюдении, давшем сравнительно успешные и богатые материалы, вполне достаточные для первого опыта, каковым по существу являлась всероссийская сел.-хоз. перепись 1916 года (перепись учла в 49 губерниях Европейской России, кроме Ставропольской, 15.645.508 отдельных хозяйств, в них 84,7 миллионов населения — в том числе 37,4 миллиона мужского и 47,3 миллиона женского пола,—с посевной площадью в 71.769.000 десятин, с раздельным учетом посевов продовольственных, кормовых и технических культур в крестьянских и частновладельческих хозяйствах, с 140.240.000 голов лошадей, крупного рогатого и мелкого скота.—*Е. В.*), отразились на дальнейшей обработке этих данных, система разработки которых, принятая в центре, на деле оказалась настолько уродливой, настолько «идущей вразрез с запросами и интересами общественного строительства», что была умалена не только ценность самой переписи, но и преграждена возможность целому ряду губерний произвести в полной мере разработку ее данных согласно положениям статистических с'ездов. (См. доклад П. И. Попова на с'езде статистиков 17—21 февраля 1917 года.)

«Запросы и интересы общественного строительства» требовали иной постановки дела — той самой, на которой настаивали все предыдущие с'езды статистиков, стремившиеся поднять значение переписи до степени исчерпывающего, всестороннего и об'ективного исследования сел.-хоз. действительности страны, не скованного никакими предвзятыми точками зрения и заранее продиктованными «сверху» заданиями.

И вот под знаком борьбы за эту идею — идею удовлетворения прежде всего «запросов и интересов общественного строительства» — проходят заседания февральского с'езда статистиков 1917 года, принявшего постановление о производстве повторной сел.-хоз. переписи почти накануне февральского переворота.

Революция одним ударом разрешила многолетний спор между земской статистикой и бюрократией старого режима, выбив власть из рук последней и передав ее в руки демократии.

Созванный 18—22 апреля 1917 года Исполнительной Комиссией статистических с'ездов об'единенный с'езд земских, городских и правительственных статистиков подводит итоги этому спору и развивает программу повторной сельско-хозяйственной переписи, связывая ее с переписью земской и городской, сразу в двух направлениях — в направлении собирания материала, необходимого для построения в общегосударственном масштабе продовольственного плана, и в направлении разрешения вопросов, связанных с земской реформой, задачи и рамки которой были провозглашены временным правительством.

Сообразно с этими задачами расширяется и самое содержание переписи. Подворная карточка для хозяйств крестьянского и частновладельческого типа, общинный план для каждой земельной единицы, являющейся частью селения, целым селением или группой селений, и частновладельческий бланк для описания крупных частновладельческих хозяйств — эти три основных формуляра переписи соотвественно расширяются, имею целью охватить своей совокупностью сплошь все хозяйства как подворного, крестьянского и частновладельческого типа, единоличного и коллективного, так и общинного и крупного владельческого, находящиеся во всех вообще «населенных пунктах», а также хозяйства изолированные, т.-е. расположенные одиночно, и земельные владения, за исключением находящихся в черте города, и притом не только собственно сельские хозяйства (усадьбы, хутора и пр.), но и хозяйства промышленного и потребительного характера, как-то: лесные и промысловые заимки, конно-почтовые станции, сторожевые кордоны, будки путевых сторожей и стрелочников по линиям железных дорог и т. п., одним словом — все хозяйства, где бы они ни находились, не утратившие своей связи с земледелием и вообще с сельским хозяйством, и все земельные владения, кому бы они ни принадлежали, за исключением находящихся в черте города.

Поручая непосредственное заведывание переписью по всему государству отделу переписи реформированного на новых на-

чалах министерства земледелия, с'езд общее руководство работами по ней возложил на «Особый совет по переписи» в составе 14 лиц—4-х представителей земской статистики, 2-х представителей городской статистики, 2-х представителей статистической науки, 2-х представителей министерства земледелия (продовольственного и земельного комитетов), одного представителя министерства внутренних дел, одного представителя министерства финансов, одного представителя государственного контроля и заведующего отделом переписи министерства земледелия, выделяющих из себя «для разрешения текущих программных технических и организационных вопросов» «Особое Исполнительное Бюро в числе пяти человек, при чем, демонстрируя свое полное доверие новому революционному правительству, с'езд право периодического созыва земских, городских и правительственных статистиков и представителей статистической науки, «для выработки общей программы работ по переписи, организации, разработке ее материалов, размеров необходимых кредитов и проч.», предоставил министру земледелия.

В состав сменившего особое совещание «Совета по переписи» тут же на с'езде были избраны — от земской статистики П. А. Вихляев, Н. Н. Черненков, Н. И. Воробьев, С. С. Жилкин; от городской статистики — А. Е. Лосицкий и Е. П. Добровольский; от статистической науки — А. А. Кауфман и А. Н. Челинцев и зуведующий отделом переписи—П. И. Попов.

Что касается организации и производства переписи на местах, то оно по прежнему в земских губерниях было возложено на земские учреждения, уже реформированные на бессословном начале; в неземских же губерниях—на губернские и областные продовольственные комитеты; в губерниях и областях Азиатской России—на местные организации Переселенческого управления; в губерниях и областях Кавказа— на местного главноуполномоченного по закупке хлеба для армии и населения, при чем было подчеркнуто, что «все местные переписные организации в своих работах должны опираться на губернские, уездные и волостные комитеты, а также на земские и городские мелкорайонные организации».

Кроме того, на Исполнительную Комиссию статистических с'ездов, дополненную восемью представителями от различных по своему хозяйственному укладу районов Европейской России по выбору с'езда и двумя представителями, по одному от каждого, от областных совещаний статистиков Азиатской России и Кавказа и лицами, заведующими отделами статистики в центральных учреждениях, с'езд возложил обязанность служить «органом содействия по проведению сельско-хозяйственной, земельной и городской переписи на местах».

В качестве представителей от районов Европейской России по выбору с'езда в эту Комиссию вошли: Е. К. Введенский, А. Н. Хрящева, М. Е. Бененсон, Г. И. Баскин, Е. В. Пашковский, В. И. Фролов, г. Верхопятницкий, Г. Шкубер и П. И. Попов.

Имея в виду земельную реформу, с'езд подчеркнул необходимость для местных переписных учреждений, в зависимости от имеющихся в их распоряжении материалов, вести подготовительные работы по землевладению в двух направлениях: 1) на основании плановых и документальных данных и 2) на основании окладных книг уездных земских управ; кроме того, параллельно с работами по переписи, поставить, в целях выяснения земельного фонда, работы по учету земель крупных землевладельцев и всех учреждений; составить, на основании данных переписи 1916 года, списки населенных мест и владельцев, а в тех губерниях, где при переписи 1916 года составлялись списки домохозяев (форма № 6), отмечать в этих списках все изменения, происшедшие в земствах за указанный период времени.

Срок окончания сел.-хоз. и земельной переписей с'езд назначил на 15 августа — 1 сентября 1917 года, при чем окончательное установление срока предоставил Совету переписи по соглашению с местными учреждениями.

Срок окончания предварительных итогов переписи был назначен на 15 сентября 1917 года, при чем программа этих итогов давалась такая:

а) предварительные итоги должны были быть подсчитаны по хлеботорговым районам, уездам и губерниям, а в тех гу-

берниях, где эти районы (по переписи 1916 года.—*Е. В.*), не установлены по уездам и губерниям;

б) предварительные итоги должны были в себе заключать:

1) в целях продовольственных—население с разделением по полу и с выделением работников и работниц; скот в об'еме программы полностью и посевы важнейших продовольственных и торговых культур;

2) в целях аграрной реформы—количество земли, принадлежащей: а) частным владельцам, б) учреждениям, в) крестьянам-общинникам и г) крестьянам на подворно-наследственном праве, с отнесением к частным владениям всех хозяйств. имеющих 50 дес. и более удобной земли, и число хозяйств, раздельно—безземельных и владеющих землей.

По сравнению со сметой переписи 1916 года (в 6.200 000 р.), смета сел.-хозяйственной поземельной переписи 1917 года была увеличена почти вдвое—до 11.810.000 рублей, а все расходы по сельско-хозяйственной и по городской переписям исчислялись в 16.176.400 рублей на всю территорию бывшей Российской империи, при чем даже эта сумма пугала участников с'езда, и ему пришлось вынести специальное постановление— «считать невозможным сокращение утвержденной с'ездом программы переписи по сметным соображениям».

Явно выявленные апрельским с'ездом «задачи общественного строительства», как мы сказали выше, и углубили и расширили программу подворной сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 года по сравнению с программой переписи 1916 года, несомненно внесли исправления в указанные нами шероховатости ее и поставили новые вопросы перед переписью.

О том, как была исправлена неясность в понимании «населенного пункта», мы видели: с'езд просто указал, что «всероссийская перепись 1917 года должна быть произведена сплошь по всем хозяйствам и охватить как сельское, так и городское население», а «Инструкция» по производству этой переписи, изданная в мае месяце 1917 года и утвержденная министром земледелия, развила это общее положение путем установления понятий и категорий «сельских местностей», как об'ектов сел.-хоз. и поземельной переписи, и «поселений городского типа и городов», как об'ектов переписи городской,

при чем единицей счета для сел.-хоз. и поземельной переписи она оставила «хозяйство», как общность лиц, связанных единством своего производственно-потребительного бюджета. В деление сельских хозяйств на две категории — на хозяйства крестьянского и частновладельческого типа — программа и инструкция переписи 1917 года, в целях устранения недоразумений, указанных нами в своем месте, внесли значительное упрощение, взяв за определяющий эти типы момент не качественный признак—трудовое начало, свой или наемный труд,— а количественный размер землепользования по удобной земле—«все хозяйства с количеством удобной земли в 50 или более дес. механически должны были причисляться к частновладельческим», при чем «Инструкция» делает примечание о том, что эта норма для разных местностей, в зависимости от ценностей земельных угодий и других условий, может быть и повышена и понижена, но не более чем до < 100 или > 20 десятин.

В отношении же «отсутствующих» хозяйств и лиц, подлежащих регистрации, признак количественный—продолжительность и срок отсутствия — заменяется общим определением «отсутствующего хозяйства», как семьи или лиц, приписанных к данному селению или обществу и владеющих в нем надельной землей, но совершенно не живущих в селении и не имеющих в нем домоводства и хозяйственного обзаведения. При чем выясняется, что отсутствующие семьи и лица, которые совершенно потеряли связь с землей, т-е. не имеют в обществе земельного надела и связанные с обществом только припиской к нему, не регистрируются переписью вовсе.

В дальнейшем к трем разделам подворной карточки 1916 года—разделам населения, скота, посева,—программа сплошного подворного обследования 1917 года добавляет разделы о сел.-хоз. инвентаре, о землевладении, о землепользовании (аренде и сдаче), о торгово-промышленных предприятиях, о высоко-интенсивных многочисленных культурах и сельско-хозяйственном наемном труде.

Кроме того, за исключением раздела о скоте, остающегося почти без изменений, и раздел населения и раздел посева значительно расширяется.

В разделе населения отмечается социальное и служебное положение домохозяина и его национальность; детализируется упрощенное в програме переписи 1916 года понятие работника по возрастам и степеням трудоспособности; регистрируются промыслы всех членов семьи и их положение в этих промыслах; отдельно от членов семьи отмечаются живущие в хозяйстве, т.-е. постоянные или долгосрочные наемные рабочие с указанием роли труда, выполняемого ими в хозяйстве.

К програме регистрации и учета посевных площадей и посевов переписи 1916 года прибавляются графы регистрации пара и залежи, и по сумме посевной площади плюс площадь пара или залежи определяется общая площадь пахотно-способной земли или площади землепользования.

Что касается остальных, вновь вводимых в перепись 1917 года, отделов, то согласно «Постановлениям с'езда земских, городских и правительственных статистиков», раз'ясняемым в «Инструкции», содержание их касается следующих вопросов:

1) Отдел инвентаря заключает как свои, так и наемные (в том числе взятые на прокатных пунктах) железные плуги (одно- и многолемешные), сеялки, жнейки, молотилки, веялки, косилки и телеги на железном ходу, при чем владение инвентарем на товарищеских началах отмечается долей участия.

Согласно инструкции, расширяющей это содержание, в том же отделе записывается весь крупный обработочный и уборочный инвентарь, за исключением борон и примитивных орудий вспашки (сохи и т. п.), а также орудия колесного транспорта на железных осях. Регистрации подлежит не только собственный, но и наемный (арендованный, прокатный) инвентарь, если таковым пользуется хозяйство или пользовалось в течение последнего года. Владение инвентарем на товарищеских началах отмечается долей участия данного хозяйства в каждом орудии, выражаемой простой дробью, — напр., ¼ сеялки, ½ жнейки и проч.

По добавочным раз'яснениям к инструкции факт найма инвентаря надлежало отмечать знаком «наем» и прилагать отдельно регистр прокатных станций, используемых местными хозяйствами.

2) Отдел землевладения, согласно «Постановлениям», включает в себя: а) подразделение площади по угодьям и по категориям землевладения, с разделом угодий на пашню, естественный покос, прочие угодья, всей удобной земли с отдельным указанием площадей высоко интенсивных культур (табачных плантаций, виноградников и проч.), с подразделением площади землевладения по категориям земель для каждого угодья в отдельности, с установлением следующих общих их категорий: а) надельных земель — подворных, подворно-наследственных и общинных, б) купчих земель и в) прочих земель. При этом общинные земли должны были, в свою очередь, подразделяться на укрепленные и выделенные хутора, с особым выделением из укрепленных земель, купленных данным хозяйством, укрепленных наделов; а купчие — на единоличные, общественные и товарищеские; все же категории земель, кроме купчих земель, находящихся в общинно-передельном пользовании, должны были регистрироваться переписью по трем группам—хуторских, отрубных и чересполосных земель, с отдельной от наличного «землевладения-хозяйства» регистрацией проданных этим хозяйством укрепленных наделов. Инструкция, в дополнение и развитие этого пункта, вводит необходимость указания и регистрации юридической природы землевладения—прав собственности (полной или ограниченной), вечного бессрочного пользования (владения государственными землями на оброчном, ясачном и т. п. аналогичном праве), чинш, вечно наследственной аренды, оброчного держания частновладельческих земель, прав бесспорного давностного владения (земской давности) и проч. Число подлежащих регистрации угодий расширяется, вводятся следующие рубрики угодий: усадебная земля, пахоть, естественный покос, лес и кустарник, выгон (пастбище), площади высококультурных, многолетних культур, прочие сельско-хозяйственные угодья, не подходящие ни под одну из предыдущих рубрик (напр., специальные пасеки, водные бассейны, используемые для рыболовства, и проч.); при чем раз'ясняется, что земельная площадь распределяется по угодьям лишь в зависимости от ее постоянного хозяйственного пользования, а не от случайного использования в данном году; при использовании же ее в нескольких направлениях

одновременно (напр., сенокос в саду, пастбище в лесу и т. д.), она должна регистрироваться в качестве того из данных угодий, которое имеет наибольшую ценность. В отношении усадебной земли и пахоти даются следующие раз'яснения: в качестве усадебных земель следует регистрировать лишь площадь, находящуюся под постройками, двором, неплодовым садом и т. п., а также под мелкими неполевыми огородными культурами; под пахотью же следует понимать не только площадь, уже занятую культурами, но и не занятую «отдыхающую» землю (пар, залежь), поскольку последняя подчиняется определенному севообороту.

3) Отдел землепользования регистрирует надельную и вненадельную аренду-сдачу земель и землепользование на этих землях по отдельным угодьям, с указанием сроков и условий аренды и сдачи. Инструкция к этому добавляет регистрацию земель «захватной» аренды, т.-е. земель, используемых крестьянами после революции 1905 года на праве революционного захвата, по распоряжениям земельных комитетов и иных тому подобных учреждений.

4) Отдел наемного сел.-хоз. труда отмечает факты найма в крестьянских хозяйствах в течение последнего года посторонних рабочих (годовых, сроковых, сдельных), в том числе приглашаемых на основе специальной формы сдельного найма, так называемой «управки дуг» и т. д., и поденных рабочих, без учета числа рабочих при годовом и сроковом найме, поденщиц и количеств единиц выполненных работ при сдельной форме и без указания, как добавляет «Инструкция», периодов найма.

5) Отделом неперсональных промыслов, названным в «Инструкции» отделом «торгово-промышленных заведений» и т. п., «отмечается наличность в хозяйстве торгово-промышленных заведений, технических оборудований промышленно-торгового и иного характера, служащих в качестве помещений для орудий производства при занятии членов хозяйства промыслами (как-то: мельницы, кузницы, мелочные лавки, смолокуренный завод, пчельник и пр.), с указанием названий и числа главнейших орудий производства в них, при условии согласования записей в этом отделе с записями под'отдела

промыслов населения, а также различные страсли сельского хозяйства промышленного характера (пчеловодство, садоводство, хмелеводство, табаководство и проч.) с учетом площадей плодовых садов, виноградников, хмельников и проч. без регистрации тех из этих угодий, которые сданы хозяйством в аренду, в другие руки.

Начатые с двадцатых чисел мая месяца 1917 года по всем губерниям бывшей Российской империи работы по производству на местах сел.-хоз. и поземельной переписи, прерванные бурными событиями июля — августа того же года, уже не смогли быть закончены в последующий, еще более напряженный революционный период в жизни нашей страны, в особо тяжкие условия поставивший южные губернии еще остававшейся в то время «единой и неделимой» России, большая часть которых уже намечала пути своего политического обособления под лозунгом «Самостийной Народной Украинской Республики».

В связи с этим и в самом первичном наблюдении, и в последующих шагах, направленных к разработке его материалов, были допущены со стороны многих губерний вольные и невольные отклонения от Инструкции, искажавшие самую идею переписи, как всеоб'емлющего одновременного исследования по единообразной программе; во многих губерниях, помимо того, обнаружился значительный неучет, по сравнению с переписью 1916 года, площади удобной земли, количества хозяйств, в их общем итоге увеличенного по сравнению с переписью 1916 года в совершенно неправдоподобных размерах по отдельным уездам; проявился и целый ряд других недостатков, об'яснимых особенностями той обстановки, в которой производилась перепись.

К 15 сентября 1917 года лишь редкие губернии смогли представить Отделу переписи предварительные итоги своего первичного наблюдения, и только 3—6 декабря в Петрограде смог, наконец, собраться снова всероссийский с'езд земских, городских и правительственных статистиков, чтобы обсудить результаты произведенной переписи и определить систему и программы разработки ее данных.

Однако этот с'езд всероссийским явился лишь по идее; по существу же представительство на нем статистических организаций сильно страдало за счет окраин, из которых лишь отчасти были представлены Кубань, Донская область, Бессарабия и Туркестан; совершенно отсутствовали представители польских, литовских, прибалтийских, приуральских, сибирских и кавказских статистических организаций; из украинских же явились официальные представители лишь от одного Киевского губернского земства.

Сильнейшие, могущественнейшие статистические организации земской России—Пермская, Вятская, Полтавская, Черниговская, Харьковская и Воронежская, а также обнимающие громадное поле наблюдения — Таврическая, Подольская, Волынская и Херсонская на этом с'езде своих официальных представителей не имели, и это, несомненно, отразилось на авторитетности постановлений последнего, приведя статистические организации бывших губернских земств и городов Украины к мысли о необходимости созыва в Киеве своего собственного всеукраинского статистического с'езда, собравшегося через 5 дней после закрытия петроградского с'езда— 10 декабря 1917 года—и заседавшего по 13-ое того же месяца.

На этом с'езде, в противовес постановлению петроградского с'езда о желательности об'единения статистических работ по сельско-хозяйственной статистике и связанным с ней отраслям «во всероссийском масштабе», была выдвинута идея создания своего собственного территориального всеукраинского статистического центра, как учреждения, вызывавшегося к жизни требованиями «государственного строительства Украинской Народной Республики», статут которого поручалось с'ездом выработать Статистическому Бюро при министерстве земельных дел и представить на утверждение Центральной Рады.

Остановившись, главным образом, на вопросах выработки системы и программы разработки материалов сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 года, Петроградский с'езд почти совершенно не дал критической оценки самому производству этой переписи и качеству ее первичных материалов, хотя с мест уже поступали весьма тревожные сообщения о том, что пере-

пись далеко не везде прошла удовлетворительно и что по большинству губерний предварительных итогов ее данных еще совершенно не было произведено.

Особое внимание этому вопросу уделил киевский с'езд, приняв по докладам представителей местных украинских статистических организаций «о фактическом производстве переписи» следующую резолюцию:

«I. Из докладов представителей с мест выясняются следующие неблагоприятные условия производства переписи:

а) недостаток опытных регистраторов и инструкторов;

б) одновременное производство продовольственной переписи и вообще обременение населения различными переписями в одно и то же время;

в) спешность в ее производстве, да к тому же еще во время страдной поры;

г) отказ населения в некоторых местах, вследствие целого ряда причин, давать сведения, почему части хозяйств по отдельным селам, а также части сел, волостей и даже уездов остались непереписанными;

д) необычное время переписи (особенность военного времени), как причина того, что данные относительно промыслов и других элементов хозяйства, как, например, землепользования и обеспеченности инвентарем и скотом, не будут соответствовать условиям нормального времени, и

е) непригодность переписных бланков, особенно «общинного», условиям сел.-хоз. жизни на Украине.

II. Несмотря на вышеуказанные дефекты переписи, материал ее дает очень ценные данные, какие могут быть использованы при проведении в жизнь великих реформ ближайшего времени, ибо:

а) эта перепись имеет большое значение для учета населения, угодий, скота и инвентаря...

б) материал ее, корректированный данными земских окладных книг, дает возможность определить размеры земельного фонда Украины, не имевшей генерального межевания, являясь почти единственным наиболее верным источником для подсчета земельной площади, и

в) уже в том виде, какой имеет собранный материал в настоящее время, он может быть использован в относительных цифрах для установления сел.-хоз. районов, земельных норм и вообще при разработке планов земельной реформы. (Из рукописных протоколов Первого Всеукраинского статистического с'езда. Киев, 10—13 декабря 1917 года.)

На этом, собственно говоря, заканчивается многострадная история русской земской статистики, в дальнейшем влившаяся со всеми своими губернскими и уездными организациями в широкое русло об'единенной руководящим центром единой государственной статистики России.

Не ее, конечно, судить за неудачный исход всероссийской сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 года. Злая судьба, все время ее жизни преследовавшая ее, сыграла и теперь над нею злую шутку, не дав использовать ей в осуществление своих давнишних стремлений революционное пробуждение широких народных масс.

Эти массы не узнали в земском статистике своего друга.

Заподозрив его в служении государственному фиску, они гнали его из своих сел, сообщали ему заведомо-лживые сведения или наотрез отказывались давать ему показания.

И это в значительной мере подорвало значение материалов, собранных переписью. Подорвало настолько, что даже покойного проф. А. А. Кауфмана заставило подать петроградскому с'езду особое мнение о совершенной ненужности их комбинационной разработки «с точки зрения практических запросов земельной реформы».

(См. «О системе и программе разработки etc», стр. 173.)

На эту точку зрения стал и киевский статистический с'езд, совершенно откинувший в сторону принятый петроградским с'ездом план комбинационной разработки материалов переписи 1917 года и вместо того выдвинувший следующие тезисы их «окончательной» разработки:

а) основную группировку хозяйств (в горизонталях) провести по размерам землевладения (14 групп) и эти основные группы поделить на 4 подгруппы в зависимости от количества душ в хозяйстве. Эту группировку провести и по волостям;

б) интервалы при группировке по землевладению принимать за основу полтавские, с изменениями, которые дали бы возможность сравнения групп во всероссийском масштабе: безземельные, меньше 1-ой дес., 1—2, 2—3, 3—4, 4—5, 5—6, 6—8, 8—10, 10—12, 12—15, 15—25, 25—50, 50 и более десятин;

в) в подгруппы хозяйств по размерам семьи дать до 3 душ, от 4 до 6, от 7 до 10, 11 и более душ в семье;

г) окончательное разрешение вопроса о группировке по размеру семей передать Комиссии при статистическом отделе Народного министерства земельных дел, каковой поручить также выработку окончательной программы разработки переписи и форм таблиц;

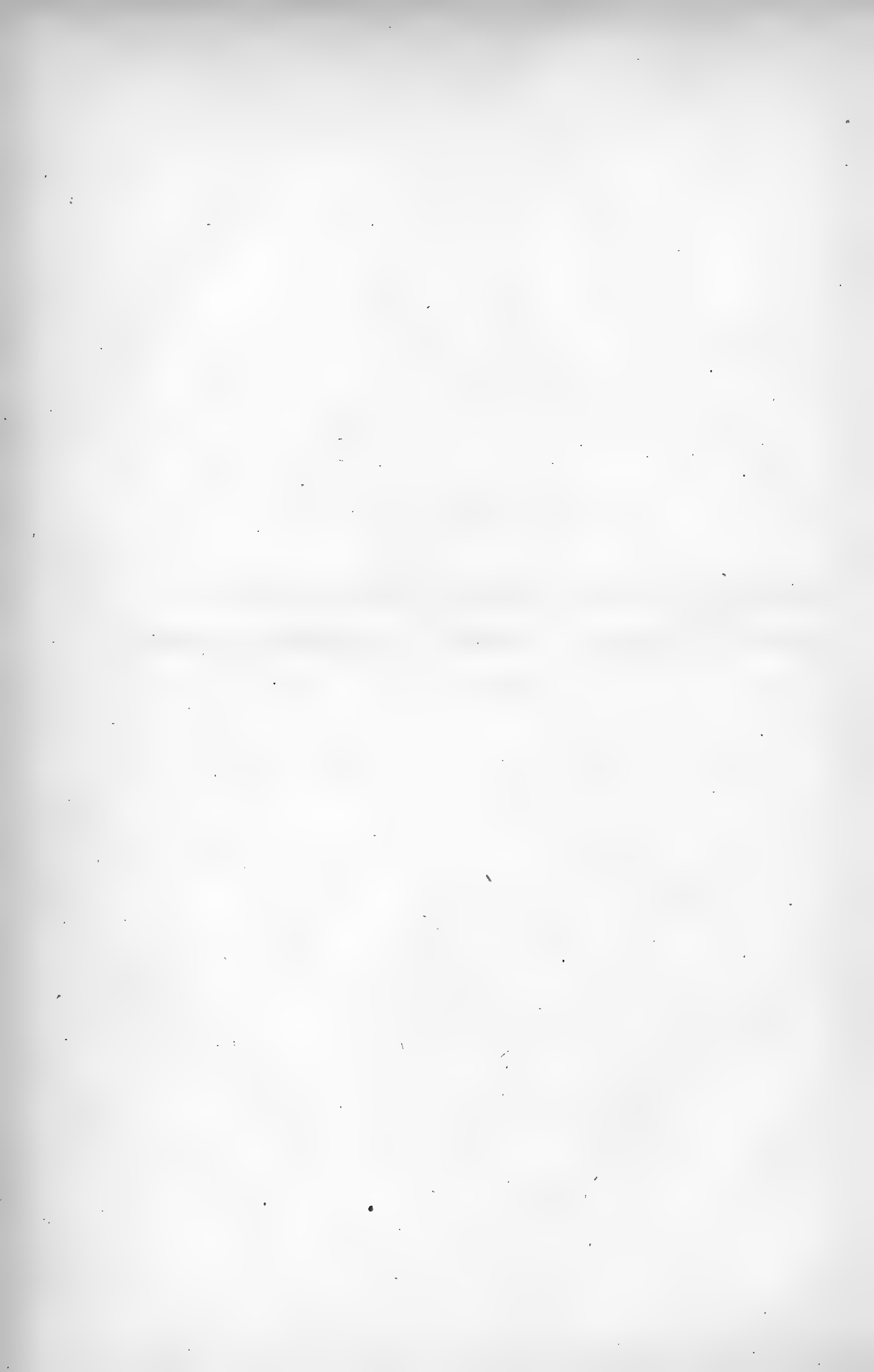
д) приписных и посторонних выделять в отдельные группы только там, где будет (в связи с условиями военного времени) много беженцев или вообще пришлого люда, передав этот вопрос на усмотрение губернским статистическим бюро;

е) привилегированных и непривилегированных в отдельные группы не выделять, и [illegible]

ж) в вертикалях ввести группировку хозяйств и обеспеченности землей на одного едока и на одного работника (отдельно муж. и жен. пола). (Неопубликованные протоколы Первого Всеукраинского статистического с'езда. Киев, 10—13 декабря 1917 года).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Русская аграрно-экономическая статистика времен социальной революции и первого пятилетия советской власти

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ[1])

НОВЫЕ УСЛОВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА.

Описывая ход законодательных реформ в постановке дела статистического изучения страны в России после Октябрьской революции 1917 года, один из видных статистических работников, В. И. Массальский, в своем очерке «Государственная статистика послереволюционного периода», приложенном к 3-му изданию брошюры «О статистике» А. Ф. Фортунатова (Москва, ЦСУ, 1921 г.), в числе главнейших обстоятельств, вызвавших и определивших направление этих форм, отмечает следующее:

а) отсутствие в дореволюционной России, несмотря на существование правительственных учреждений, правильно организованной государственной статистики, понимаемой, как система рационально построенных органов, с помощью которых центральный статистический аппарат мог бы производить наблюдение, связывая в одно целое разрозненные отрасли статистики, согласуя, об'единяя и координируя действия всех регистрирующих и наблюдающих аппаратов; б) полную оторванность административной статистики от статистических организаций местных самоуправлений и общественных учреждений, а также учреждений публичного порядка (страховые общества, банки, промышленность) и в) как следствие двух первых обстоятельств: различие планов и программ и разновременность наблюдений во всех этих видах статистики и даже внутри их—в отдельных отраслях и организациях

---

[1]) Во избежание недоразумений оговариваемся, что как в настоящей главе, так и во всей IV-ой части нашей работы, нами использован преимущественно печатный материал издания ЦСУ. *Е. В.*

статистического характера в силу разнородности задач и целей, ведомственных, частных, общественных и местных точек зрения.

В порядке революции старые аппараты административной, общественной и частной статистики оказались разрушенными. Не только рушились организации, но в значительной мере погибли и материалы. Вместе с тем была парализована и деятельность Центрального Статистического Комитета. Новые задачи, ставшие перед государственной властью победившего пролетариата, потребовали воссоздания этих органов в новой форме. Основой этих новых статистических аппаратов явились уцелевшие на местах земские и городские статистические бюро, не прекращавшие своей работы за все годы мировой войны и революции и в порядке подготовки и производства двух всероссийских сельско-хозяйственных переписей успевшие на своих всероссийских с'ездах 1916 и 1917 г.г. достигнуть в одной из самых важных отраслей своей работы— в постановке статистического наблюдения и изучения сельско-хозяйственной среды—условий полного програмного об'единения.

Таким образом отрасль аграрно-экономической статистики бывших земств стала в условиях новой советской государственности тем стержнем, вокруг которого сложился узел сложного статистического изучения всего народного хозяйства страны в целом, ставшего задачей об'единенной в одном аппарате Центрального Статистического Управления государственной статистики и тех последующих всероссийских статистических с'ездов и конференций, на которых устанавливались взаимоотношения ЦСУ с органами ведомственной и публичной статистики (кооперация, профдвижение), намечались, разрабатывались и принимались общие программы работ, обсуждались вопросы методологии, техники, организации и проч.

Однако воспользоваться уцелевшими городскими и земскими статистическими аппаратами для постановки всего дела государственной статистики, как системы рационально построенных и охватывающих в своей деятельности все стороны народно-хозяйственной жизни, без серьезного реформирования

этих аппаратов и организационно-методологической связи между ними было невозможно.

Это было тем более необходимо, что такая кардинальная перестройка всех сохранившихся статистических органов и их взаимоотношений не только делала для дальнейшего совершенно ненужным искусственное разделение ее на «государственную» и «общественную» статистики, но, наоборот, настоятельно требовала об'единения их обеих в едином и мощном государственном центре, методологически руководимом Высшей Исполнительной Комиссией Всероссийских С'ездов, в рамках единого государственного статистического аппарата.

Призванная действовать отныне в области практических мероприятий государственной программы управления, давая органам последнего все необходимые им сведения по статистике и динамике социальной жизни государства в его целом, как совокупности сложнейших внутренних совокупностей естественных и социальных явлений массового характера, русская статистика, естественно, не могла в дальнейшем остаться при той разрозненности методов своих операций и их несогласованности, которые являлись в прошлом уделом земской статистики, не знавшей единого плана исследования и изучения народного хозяйства в целом.

Новый мир фактов и явлений, новые перспективы, открывавшиеся перед русской статистикой после Октябрьской революции, настоятельно потребовали от нее и собственной научной классификации и методологического истолкования этих фактов, явлений и перспектив, создавая об'ективные предпосылки к углублению методов и выработке новых форм статистического познания.

Все это, вместе взятое, привело к тому, что созванный по инициативе Отдела Переписи и Статистики ВСНХ на 8—16 июня 1918 года экстренный всероссийский с'езд статистиков в заседаниях от 14—15 июня 1918 года единогласно постановил одобрить, с некоторыми поправками, предложенный П. И. Поповым проект закона о создании Центрального Статистического Управления, об аннулировании всех узаконений, касающихся прямо или косвенно статистики, изданных до Советской власти, и признать необходимым, в целях обеспечения успешности пред-

стоящих работ, скорейшее утверждение государственной властью «Положения об организации государственной статистики».

По рассмотрению в особой комиссии под председательством В. В. Степанова и окончательном одобрении С'ездом проекта этого «Положения», было постановлено поручить Отделу переписки и статистики Высшего Совета Народного Хозяйства немедленно внести его на обсуждение законодательной власти.

25 июня 1918 г. «Положение» было утверждено Советом Народных Комиссаров и 30 июня распубликовано в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов», с какового дня и получило силу закона.

Согласно этому «Положению», высшее методологическое руководство всеми отраслями государственной статистики и ее органами остается за всероссийскими, областными и губернскими статистическими с'ездами и конференциями, созываемыми периодически Исполнительной Комиссией Всероссийских Статистических С'ездов.

Методологическому руководству этих органов научно-статистического мнения подчиняется весь аппарат управления государственной статистики, ее исполнительный аппарат, в лице Центрального Статистического Управления и его местных областных, губернских и, в крупных центрах, городских статистических бюро. Для придания этим аппаратам возможно широкой надведомственности и для укрепления их связи с вневедомственными статистическими с'ездами и конференциями, при всех указанных инстанциях и управлениях государственной статистики, согласно «Положению», учреждаются Советы по делам государственной статистики, при чем в Центральный Совет по делам государственной статистики при Центральном Статистическом Управлении, помимо двух представителей высших административно-законодательных учреждений, управляющего ЦСУ, его заместителя и заведующих отделами ЦСУ и ведомственных статистических организаций (по вопросам их ведения), входят—председатель и три товарища председателя Исполнительной Статистической Комиссии Всероссийских С'ездов, 12 представителей самого Всероссийского С'езда, 10 представителей от Статистической Всероссийской

Конференции, 10 представителей статистической науки, выбираемых на с'езде представителей статистики, по одному представителю от статистических организаций центральных общественных учреждений (Всероссийского Центрального Бюро профессиональных союзов, Центросоюза, Рабочей кооперации и проч.) и по одному представителю областных правительственных и общественных учреждений.

По такому же типу строятся областные и губернские Советы по делам статистики, избираемые на три года, как и центральный Совет, заседающие по сессиям, избирающие из своей среды для решения экстренных вопросов Малые советы, состав и компетенция которых определяется самими Советами, а для постоянной исполнительной работы и тесного контакта с органами управления государственной статистики—Президиумы Советов, состоящие из избираемых самими Советами председателя и трех его товарищей.

В общем и целом, согласно этой конструкции государственного статистического аппарата, в самом Центральном Статистическом Управлении, согласно первоначальной схеме, затем несколько упрощенной, организовалось 29 отделов, из коих каждый в идее должен представлять по своему плану «особое статистическое целое». Но в этой схеме, как это ни странно, не выделена в «единое статистическое целое» область аграрно-экономической статистики.

Эта область статистики в ЦСУ остается столь же организационно-разрозненной, какой была и в прежнее время.

Так, самостоятельным отделом стоит статистика территории и естественных богатств, из которого только недавно выделен отдел земельной статистики и статистики землеустройства.

В отделе статистики демографии изучение состава сельской социальной массы попрежнему оторвано от изучения условий ее социально-хозяйственного быта и специфических особенностей ее основного занятия—земледельческого промысла.

Изучение земледельческого промысла, как такового, совершенно отсутствует, а вместо того фигурируют четыре отдела, развивающих отрасль сельско-хозяйственного производства и текущей сельско-хозяйственной статистики, отдел с.-х. переписи и отдел динамики земледельческого хозяйства.

К ним примыкает, до известной степени, отдел переселенческой статистики, понимаемой в прежнем смысле статистики экономического положения окраин, служащих об'ектом переселенческого движения, и не об'единяющей в себе изучения территорий, служащих источником переселенческого движения.

Совершенно не выделена в особый отдел статистика сельско-хозяйственного труда.

Совершенно не организовано никакого центра для статистического изучения внеземледельческой промысловости сельского населения, а изучение сел.-хоз. производственной кооперации включено в состав общего отдела «кооперативной статистики».

С другой стороны, согласно «Положению об организации местных статистических учреждений», задачи сельско-хозяйственной (в скобках пояснено — экономической) статистики, с присоединением к ней лесной, об'единены в одном разделе и определены так:

«В круг ведения губ. стат. бюро входят... по сел.-хоз. (экономической) и лесной статистике вопросы организации полеводства, луговодства, лесоводства, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства; учет и распределение земельного и лесного фонда; исследование землепользования и условий лесного хозяйства и прочие вопросы».

Загадочные «прочие вопросы» расшифровала Первая Всероссийская Конференция статистиков при ЦСУ, состоявшаяся от 19 по 24 октября того же 1918 года, на которой, по докладу П. И. Попова, были предложены местным губернским статистическим учреждениям, в числе других секций, секции: а) текущей сел.-хоз. статистики и б) земельной, в задачи каковой были введены «разработка данных сел.-хоз. переписей, динамика сел. хозяйства, землевладение, землепользование и прочее».

В то же самое время оказалась, в полном соответствии на этот раз с текстом «Положения о местных органах», совершенно непредусмотренной в их составе секция естественно-исторических исследований, или—как то сказано в отношении Центрального Статистического Управления — изучения территории и естественных богатств.

(См. отчет о 1-й Всероссийской Статистической Конференции», № 1 «Вестника статистики» за 1919 г., стр. 191, п. 10; в том же номере «Положение об организации местных статистических учреждений», стр. 6, § 5 п. б, и в докладе П. И. Попова «О задачах государственной статистики», стр. 31, раздел 1-й, а также отчет о совещании статистиков при ЦСУ от 21 — 22 авг. 1916 г., стр. 170. — *Е. В.*).

Интересно отметить, что это последнее совещание, принимая по докладу П. И. Попова схему отделов ЦСУ, первым пунктом своего постановления по этому докладу включая в их число «отдел статистики территории и естественных богатств», вносило тем самым существенную поправку в принятое Всероссийским С'ездом Статистиков от 8 — 16 июня того же года «Положение о государственной статистике», которым изучение такого рода вопросов на Центр. Стат. Управление отнюдь не возлагалось.

В отношении местных органов ни этим совещанием, ни дальнейшими с'ездами и конференциями статистиков аналогичной поправки сделано не было, что, впрочем, не помешало им естественно-исторические исследования своих губерний продолжать, связывать с ними выводы своих статистико-экономических изысканий и даже заниматься, на основании всего этого материала, частичным, губернским и уездным районированием подведомственных их всестороннему изучению территорий.

Последняя задача, между прочим, была возложена на местные статистические организации программой разработки материалов сел.-хоз. переписи 1917 года, утвержденной декабрьским 1917 года Всероссийским С'ездом Статистиков.

Совершенно новую постановку в работах послереволюционной государственной статистики получил вопрос о статистике землепользования, временно, до 1921 года, основательно заброшенной в условиях понесенных нашей страной в периоде 1917 — 1920 г.г. аграрных перегруппировок, связанных с отменой частной собственности на землю и крушением крупного частновладельческого сельского хозяйства.

К организации в аппарате ЦСУ специального отдела «земельной статистики было приступлено в ноябре 1920 года, и

только к началу 1921 года был выработан общий план его работ, а также план работ на 1921 год.

Как мы говорили выше, идея общего статистического земельного обследования с учетом всех угодий была выдвинута впервые Всероссийским С'ездом Статистиков в 1917 г., при чем основным материалом этого обследования было постановлено взять окладные книги уездных земских управ того же 1917 г.

Это постановление С'езда оказалось выполнено только в отношении территории Украинской республики, где, несмотря на многие и быстрые смены форм правления и властей, статистическому аппарату Украинского Наркомзема, под руководством Н. Н. Черненкова и автора этих строк, удалось в 1919 году собрать и разработать данные о земельных угодьях по категориям владений из окладных книг 1917 года по 108 уездам девяти губерний, вошедших к тому времени целиком в состав Украинской Советской республики.

В самой РСФСР, несмотря на ее более спокойные внутренние условия, до конца 1920 г. это задание Всероссийского Статистического С'езда 1917 г. выполнить не удалось, а к началу 1921 г. обнаружилось, что в большинстве земских губерний Центральной России материалы окладных книг погибли и вместе с ними исчез и один из самых важных, если не единственных, источников получения по ним данных об угодьях и распределении земель по типам и категориям хозяйств.

В этом смысле «поземельная перепись» 1917 года, входившая, как составная часть, в состав программы общей всероссийской сельско-хозяйственной переписи того же года, не оправдала возлагавших на нее надежд, и в вопросе выявления состояния сельско-хозяйственной площади и сельско-хозяйственного фронта Республики мало прибавила нового к старой поземельной статистике 1905 года бывшего Центрального Статистического Комитета и разновременным земским земельным учетам, проводившимся в отдельных губерниях. [1])

---

[1]) Ниже, в послесловии, посвященном ответу на возражения против нашей книги А. И. Хрящевой, приводятся цифровые данные, подтверждающие наш взгляд на материалы указанной переписи. Опубликованный ЦСУ в отдельном издании „Поуездные итоги Всероссийской Сел.-Хоз. и Позем. переписи 1917 года по 57 губ. и обл.“ Москва, 1923 г.

Между тем, потребность в земельном учете, в определении тех земельных рессурсов, тех фактических и возможных норм земельного наделения и земельной плотности вообще, в условиях коих советской государственности приходилось подходить к осуществлению плана поднятия производственных сил сельского хозяйства Республики, его коллективизации, проводить в деревне свою классовую политику, осуществлять рациональное не только землемерное, но и агрономическое и экономическое землеустройство и проч., выдвинула перед государственной аграрно-экономической статистикой вопрос о земельном учете и последующей за ним текущей статистике землепользования в порядок задачи дня, лишь только выяснилась полная невозможность для государства этот учет быстро и одновременно провести путем организации во всероссийском масштабе сплошных межевых и землемерных работ.

В связи с этим, на организованный в аппарате ЦСУ в ноябре 1920 года отдел земельной статистики, в порядке выполнения общего плана его работ, было возложено разрешение следующих заданий:

1. Выяснение всего земельного фонда, находящегося в пределах различных административных единиц в их современных границах, начиная с уездов и кончая губерниями, областями и отдельными республиками и всей РСФСР.

2. Выяснение по каждой из указанных административных единиц площади земель, находящихся в распоряжении каждой категории современных землепользователей: а) сельских общин, в состав коих входят индивидуальные хозяйства, б) различных сельско-хозяйственных коллективов, в) мелких хозяйств (хуторов и отрубов), не входящих ни в какие об'единения, г) советских хозяйств, и д) хозяйств различных земорганов (местных и общегосударственных).

3. Определение численности каждой категории землепользователей и удельного веса их, в зависимости от размера землепользования.

4. Выяснение состава угодий земель, находящихся в распоряжении каждой категории землепользователей в пределах указанных административных единиц и по каждой административной единице в целом.

5. Определение величины запасного земельного фонда государства для колонизационных целей по тем же административным единицам и

6. Изучение эволюции землевладения с 1905 года и по 1917 год.

В порядке разрешения этих заданий Отдел Земельной Статистики ЦСУ предполагал достигнуть следующих результатов:

«Разрешение указанных задач должно дать ясное представление об относительном значении каждой категории современных землепользователей с точки зрения ее количественного состава, среднего размера и, наконец, с точки зрения удельного веса каждой категории *в общем строе* земледельческого хозяйства и, стало-быть, *в общем балансе народного хозяйства* Республики. С другой стороны, данные о современном состоянии угодий дадут возможность произвести *новое районирование Республики* по преобладанию того или иного угодья, а поскольку преобладание того или иного угодья служит предпосылкой или показателем той или иной системы сельского хозяйства, указанные работы явятся надежным исходным пунктом для построения сельско-хозяйственных районов; установление же последних необходимо для наиболее правильной постановки изучения условий и форм сельскохозяйственной деятельности населения.

Новые данные о землепользовании позволят установить районы с различной степенью обеспеченности населения землей как по расчету на работника, так и по расчету на душу, и тем самым выяснятся районы с различной степенью интенсивности труда в земледелии или различные по своей трудоемкости районы, а также различные районы по степени обеспеченности населения продовольственными рессурсами от своего земледелия.

Вместе с тем явится возможность наиболее точно определить тот запасный земельный фонд с количественной и качественной стороны (общая площадь и состав угодий), который должен послужить в руках органов государственной власти резервом для удовлетворения грядущих нужд подрастающего населения, а также для наиболее правильного разрешения вопросов переселения и колонизации.

На-ряду с выяснением состава угодий возможно также и определение площади неудобных земель с распространением их на виды, а это даст опору для правильного проектирования мелиоративных работ.

Наконец, изучение эволюции землепользования за время с 1905 г. до 1917 г., т.-е. до кануна социальной революции, даст возможность выяснить тот процесс, который привел к коренному перевороту в области землепользования.

Разрешение первой группы задач, имеющих целью выяснение современного землепользования, возможно лишь путем специального земельного исследования.

Эволюция же землевладения может быть изучена путем сопоставления данных земельной статистики 1905 г. бывшего Центрального Статистического Комитета с материалами сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 г.»

Исходя из указанного общего плана работ, на 1921 год Отделом были намечены и выполнены следующие работы:

А. По выяснению современного землепользования.

1. Подготовительные работы для предстоящего всероссийского земельного исследования.

Отдел предложил всем губстатбюро приступить к приведению в порядок и к систематизации всего накопленного у них материала по учету земель, который производился бывшими Оценочно - Статистическими Отделами Губернских Земств в связи с земскими оценочными работами, а также соответствующих материалов сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года.

Так как, однако, местные органы Наркомзема (Губземотделы) в связи с землеустроительными работами также заняты учетом земель, для чего ими во многих губерниях весь учетный материал (документы и планы на землю) из'яты из ведения Губстатбюро, то ЦСУ вошло с Наркомземом в особое соглашение, по которому Губземотделы должны были оказать Губернским Статбюро необходимое содействие для получения означенных материалов, а также для получения результатов

законченных Губземотделами учетных работ, чтобы вновь не повторять однажды сделанной работы.

Вместе с тем Отдел Земельной Статистики ЦСУ предложил всем Губстатбюро использовать имеющийся в Губземотделах материал о современном землепользовании, а также возможно скорее выяснить состояние последнего хотя бы в тех губерниях или уездах, в которых закончены землеустроительные работы, согласно закону о социалистическом землеустройстве.

В этих целях Отделом Земельной Статистики была выработана особая форма таблиц и составлена была специальная инструкция к заполнению их. Горизонтальные графы этих таблиц предназначались для названия волости, а вертикальные—для названия категорий землепользователей, числа их и площади землепользования: а) сельские общины, б) коммуны, в) артели, г) советские хозяйства, д) хутора и отруба, е) городские поселения, ж) заморганы, з) национализированные леса, и) полоса отчуждения под жел. дор.

Всем Губстатбюро было предложено, прежде всего, выяснить число уездов и волостей, в которых Губземотделами закончен учет земель, с указанием в том числе волостей, в которых закончено землеустройство, и все эти сведения незамедлительно прислать в Отдел Земельной Статистики. Помянутые же выше поуездные таблицы современного землепользования Губстатбюро должны были присылать по мере их составления по каждому уезду.

Данные о ходе землеустроительных работ и о количестве выполненных Губземотделами работ по учету земель стали поступать в Отдел Земельной Статистики ЦСУ летом 1921 г., а вышеупомянутые таблицы землепользования по некоторым уездам поступили в конце 1921 г.

Б. По изучению эволюции землепользования за период с 1905 г. по 1917 год.

Для этой работы Отделом использованы данные статистики землевладения 1905 г. и таблицы о земельном фонде, составленные на основании сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года. К сожалению, означенные таблицы составлены Губстатбюро лишь по 15 губерниям, вследствие чего

сравнительные таблицы для сопоставления двух названных годов Отделом могли быть составлены только по этому небольшому числу губерний. Для получения данных о земельном фонде 1917 г. по остальным губерниям Отдел обратился к соответствующим Губстатбюро с предложением о скорейшем завершении разработки материалов переписи 1917 года, однако по целому ряду губерний произвести эту работу в полном об'еме не удалось, так как в условиях гражданской войны многие материалы оказались утерянными.

По тем же 15 губерниям, по которым имелись данные о земельном фонде 1917 года, сделано сопоставление числа различных категорий землевладельцев 1905 и 1917 годов и площади принадлежащей им земли; по некоторым губерниям для земель частного владения сопоставлена также и группировка землевладельцев по размерам землевладения 1905 и 1917 г.г.

Данными статистики землевладения 1905 года не учитывались угодья; поэтому для суждения о том, какие изменения произошли в составе угодий, сопоставление 1917 г. возможно было сделать не с 1905 г., а лишь с 1887 г. Таким образом составлена сравнительная таблица о составе угодий 1887 и 1917 г.г. по тем 15 губерниям, по которым имелись данные 1917 г.

В. По сопоставлению разных материалов земельного учета.

В связи с работой по изучению эволюции землевладения за период 1905 и 1917 годов было признано желательным сделать сопоставление материалов переписи 1917 г. с результатами работ по учету земель, которые в разное время производились бывшими Земскими Статистическими Бюро по отдельным уездам, и вместе с тем подвести некоторые итоги этой земской статистической работе. В этих целях Отделом были произведены из земских печатных изданий выборки данных о площадях земельных угодий по тем уездам, по которым в различные годы земствами производилось статистическое исследование. Для этих выборок выработана была особая поуездная карточка, в которую вынесены соответствующие данные земских исследований с указанием года исследования,

а также данные как 1887 г., так и 1917 г. по тем уездам, по которым таковые имелись.

Помимо сопоставления данных о землевладении и о составе угодий по различным источникам за различные периоды, по извлеченным из земских поуездных сборников сведениям явилось возможным дать сводку земских материалов. Результаты этой работы по 130 уездам в настоящее время подготовляются к печати в виде особой брошюры под названием «Свод данных о землевладении по материалам земской статистики».

Г. По установлению площадей пашни и сенокосов.

Вышеуказанными работами исчерпывались те задания, какие имелись у Отдела на 1921 г., но в связи с переходом от продразверстки к продналогу возникла неотложная необходимость определить по каждой губернии и даже по каждому уезду в их современных границах площади пашни и сенокоса, т.-е. угодий, которые по закону о продналоге служили об'ектом обложения. Определение площадей названных угодий, естественно, было возложено на Отдел Земельной Статистики ЦСУ, при чем эту работу пришлось провести в экстренно-спешном порядке, тем более, что данные о площадях потребовались не только для исчисления размеров ожидаемого продналога, но и для различных предварительных соображений в целях выработки самих норм обложения или налоговых ставок.

Для установления площадей пашни Отдел использовал, во-первых, все имевшиеся в его распоряжении данные поземельной статистики бывшего Центрального Статистического Комитета 1881 и 1887 годов, во-вторых, данные сельско-хозяйственных переписей 1916 и 1917 годов, в-третьих, данные о современных административных делениях Республики. На основании всех этих данных Отделом установлена была площадь пашни по каждой губернии и каждому уезду в их современных границах, которую можно было признать наиболее близкой к современной действительности.

Кроме того, произведены были исчисления средней погубернской площади пашни, приходящейся на одного едока,

а также ряд пробных работ для установления наиболее справедливых норм обложения пашни продналогом. Пользуясь данными выборочной с.-х. переписи 1919 г. о группировке хозяйств по размерам посева на 1 хозяйство, эта группировка была переведена на группировку по площади пашни на одного едока, и по этим новым группам исчислена площадь пашни, приходящейся на всю совокупность хозяйств каждой группы в пределах губернии и уезда. Эти данные позволили исчислить всю сумму ожидаемого продналога по каждой губернии и по всей Республике в целом.

Для установления площадей сенокоса (заливного и незаливного отдельно) Отделом использованы материалы Центрального Статистического Комитета за период 1910—1914 г.г. об урожае трав, в каковых материалах публиковались также и данные бывших волостных правлений о сенокосных площадях. Эти данные, относившиеся к прежним административным делениям Республики, также были приурочены к современным делениям.

Одновременно с вышеуказанными исчислениями площадей пашни и сенокоса Отдел обратился во все Губстатбюро с предложением:

1) составить поуездные таблицы о площадях названных угодий по всем имеющимся у Бюро данным как прежних земских исследований, так и последних сельско-хозяйственных переписей;

2) привести в той же таблице цифры, которые Бюро считает наиболее достоверными и

3) по завершении этой работы выслать в ЦСУ указанные поуездные таблицы, сообщив по телеграфу конечные цифры, наиболее достоверные.

По мере получения от Губстатбюро указанных материалов Отдел Земельной Статистики пользовался ими для сопоставления со своими ранее произведенными исчислениями и для внесения в них всех необходимых исправлений.

В результате этой кропотливой работы Отделу удалось довольно близко подойти к современной площади пашни и сенокоса по каждому из большинства уездов в их современных границах, что имело чрезвычайно важное практическое зна-

чение в деле правильного проведения Наркомпродом разбивки по губерниям и уездам продналога, дав в его руки контрольные цифры к данным подворных окладных листов, примененных им для учета элементов натуробложения в сельском хозяйстве Республики в 1921 и 1922 годах.

Однако, ввиду того, что найденные таким путем площади пашни и сенокоса, устанавливая более или менее точно относительные цифры наделения ими отдельных категорий землепользователей в пределах определенных территорий, в абсолютных своих выражениях естественно отходили в большей или меньшей мере от действительности, Отделом был поднят вопрос о производстве в 1922 году специального земельного исследования, без которого оказывалось совершенно невозможным «решать основные вопросы сельско-хозяйственной экономии и статистики» и данные которого оказывались столь же необходимыми для правильной постановки работ налогового аппарата в деревне.

IV-й Всероссийской Статистической Конференцией, 23 февраля 1922 года, по докладу Я. В. Бляхера, было постановлено одобрить утвержденные Коллегией ЦСУ тезисы и программу намеченного на лето 1922 года частичного земельного обследования, приуроченного, в качестве сплошного, к тем волостям, которые на местах должны были быть намечены для статистического выборочного обследования в порядке производства 10 % сельско-хозяйственной переписи.

При чем для производства исследования землепользования были выработаны четыре основные формы:

«Форма А»—«Общинный бланк» для описания земель, находящихся в пользовании современной общины;

«Форма Б»—«Бланк на мелкие хозяйства» для описания хуторского и отрубного хозяйства;

«Форма В»—«Бланк на коммуну или артель»;

«Форма Г»—«Бланк на советское хозяйство», на котором, кроме совхозов, описываются земли, находящиеся в распоряжении местных или общегосударственных земорганов.

Кроме того, была еще утверждена вспомогательная для общинного бланка «форма Д» и «Список участников товарищеской или общественной аренды».

Способ исследования был установлен экспедиционный, путем опроса современных землепользователей, общее же содержание опросной анкеты было выработано такое:

1. Число дворов в селении.

2, 3. Юридический и национальный состав населения до революции 1917 г.

4. Количество надельной земли и пашни до революции 1917 г.

5. Купчие земли.

6—8. Помещичьи земли и их раздел.

9—10. Изменения в землепользовании после революции 1917 г.

11. Переделы.

12—14. Выделы на отруба и хутора до и после революции 1917 г.

15—17. Современное землепользование и порядок наделения землей.

18, 19. Современное состояние хуторского и отрубного хозяйства.

20. Аренда земли.

21. Прочие вопросы, не входящие в 1—20 пункты.

В дальнейшем, в постановлениях III Всероссийского Статистического С'езда, состоявшегося 3 — 13 ноября 1922 года, было предположено в ближайшие же годы осуществить *сплошное* земельное обследование экспедиционным способом, с помощью которого «хорошо подготовленный персонал исследователей путем опроса на месте населения, пользующегося землей, а также местных представителей государственных земорганов, должен добыть исчерпывающие сведения о современном землепользовании».

При этом в программе намеченного земельного обследования одним из основных моментов выдвигалась необходимость его связи с данными генерального и специального межевания и земских кадастровых работ дореволюционного времени, на основе которых должна была быть составлена самая выборочная карточка на каждое бывшее землевладение, с которой исследователь уже мог подходить к сменившему его современному землепользованию.

Самая техника предварительного учета и экспедиционного обследования земель в програме, принятой с'ездом, давалась в следующих положениях:

а) Предварительный учет земель должен исчерпать всю предназначенную к исследованию территорию каждой данной административной единицы; такой единицей удобнее всего считать волость в ее современных границах.

б) По каждой такой волости в стадии предварительного учета земель необходимо установить всю совокупность бывших до революции землевладений и для каждого из них добыть в копиях соответствующий владенный документ и земельный план.

в) Площадь всех земель бывших землевладений необходимо увязать с данными генерального и специального межевания.

г) Для наибольшей отчетливости работы необходимо, пользуясь плановым материалом, составить по каждой волости схематическую карту бывших земельных владений, увязав их со схематической сеткой дач генерального и специального межевания.

д) Работа по предварительному учету земель должна завершаться составлением на каждое бывшее земельное владение особой выборочной карточки со следующими сведениями: а) местонахождение лица, которому земля принадлежала до революции, в) название и № межевой дачи и г) площадь земли с распределением ее на угодья по каждому отдельному участку.

е) Имея в руках выборочную карточку на бывшее владение, соответствующий владенный документ и земельный план на это владение, а также пользуясь составлением в волсовете списков современных землепользователей, исследователь приступает к непосредственному земельному исследованию по каждому данному землепользованию.

ж) При этом исследовании путем опроса населения должно быть точно установлено, из какого именно бывшего земельного владения образовалось данное землепользование, а также, какие угодья бывшего земельного владения и в каком количестве вошли в состав данного землепользования.

з) Опрос необходимо вести с планом в руках; результаты его должны быть зафиксированы в соответствующих статистических опросных формулярах, а на плане должны быть отмечены, по возможности, все изменения состава угодий, которые произошли к моменту исследования со времени составления плана.

и) Земельное исследование волости можно считать завершенным, если сумма площадей всей совокупности современных землепользователей и всех участков государственного земельного фонда этой волости покрывает собой всю сумму площадей бывших земельных владений той же волости.

При этом с'ездом было выражено пожелание вместе с основным (предварительным) исследованием земель приступить немедленно же к организации текущей земельной статистики по ипотечным книгам и другим материалам НКЗ в отношении регистрации переходов землепользования, сдачи в аренду и перемен форм землепользования.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ТЕКУЩАЯ СЕЛ.-ХОЗ. СТАТИСТИКА И СТАТИСТИКА УРОЖАЕВ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

Оглядываясь в исторической перспективе на выясненные в предыдущей главе явные несообразности в плоскости постановки организационных и программных вопросов, допущенные первыми после октябрьской революции с'ездами, совещаниями и конференциями статистиков, нельзя не обойти той острой, болезненной обстановки, в которой разрешался вопрос о постановке в новых условиях текущей сел.-хоз. статистики и, в частности, статистики урожаев.

В самом «Положении о государственной статистике» (§6) вообще о сел.-хоз. статистике, не только о текущей, но и об основной, даже не упоминается. Из всех видов этой статистики, согласно указанному параграфу «Положения», на Центральное Статистическое Управление возлагалось ведение лишь двух ее отраслей — статистики землепользования и статистики сел.-хоз. производства, к чему прибавлялось еще и «производство работ по кадастру» без всякого подразделения этих работ по земельному, промышленному, сельскому, городскому и др. видам кадастров.

Далее, в схеме отделов ЦСУ, мы уже видим отдел статистики сел.-хоз. производства включенным в ведение текущей сел.-хоз. статистики.

Впервые с понятием сел.-хоз. статистики, с прибавлением к ней слова «экономической», что можно понять только как противоположение ее статистике сел.-хозяйственной «производственной», декретированной выше, мы встречаемся в «Положении о местных органах», но зато там о текущей сел.-хоз. статистике нет ни слова; впервые с утверждением или, вернее, с восстановлением права заниматься ею и местным статистиче-

ским органам мы встречаемся в постановлениях упомянутой нами выше Первой Всероссийской Статистической Конференции от 19-го до 24 окт. того же 1918 года, в результате страстных дебатов о самых формах ее организации, имевших место на с'езде статистиков 1918 года.

Характерным в этих дебатах является столкновение мнений о том, при посредстве какого аппарата об'единенные в единое государственное целое бывшие правительственные и общественные статистики должны в дальнейшем осуществлять на местах текущее наблюдение за сел.-хоз. действительностью — при посредстве ли успевшего заслужить хорошее имя института добровольных корреспондентов, при посредстве ли аппарата пресловутой «волостной статистики», или при посредстве их обоих, при условии полной реорганизации и полного согласования их деятельности. Впрочем, относительно последнего пункта — о согласовании, или, наоборот, резкого разграничения их деятельности вплоть до работы по двум совершенно различным программам наблюдения — определились опять-таки диаметрально противоположные мнения.

Интересно, что представитель Вятского статистического бюро на этом с'езде, утвержденный затем в должности заместителя управляющего ЦСУ и члена его президиума—Е. В. Пашковский, решительно высказался против института добровольных корреспондентов и за передачу всего дела текущего статистического наблюдения «в интересах финансовой экономии» институту административной статистики, при условии его коренной реорганизации.

К этому мнению осторожно присоединился Н. И. Воробьев, указав на то, что в проекте организации государственной статистики волостных статистиков надо иметь в виду, «как конечную ступень», и в то же время отметив, что «в настоящее время невозможно совершенно заменить добровольных корреспондентов волостными статистиками, которые во многих отношениях стоят ниже добровольных корреспондентов» [1]).

---

[1]) О значении в деле собирания сведений по текущей сел.-хоз. статистике института добровольных корреспондентов см. статью Н. И. Воробьева—„Об органах статистического наблюдения“ в кн. XIII „Вестн. Статистики“, № 1—4 за 1923 г. *Е. В.*

Совершенно категорически против такого ряда предложений высказался П. А. Вихляев, согласившись лишь с одним, — с необходимостью, в силу новых условий и новых возможностей, открывающихся перед государственной статистикой, изменить всю конструкцию аппарата корреспондентской сети, поставить лучшее ее инструктирование, методологический и технический контроль над нею, крепче связать ее с центрами и, главное, развить и расширить ее до размеров, обеспечивающих достаточную частоту собираемых сведений.

Честь предложения компромиссного решения вопроса о форме организации сел.-хоз. текущей статистики, об'единившего большинство с'езда, выпала на долю ныне покойного Р. Д. Семенова Тянь-Шаньского, предложившего использовать оба источника текущих сведений по сел.-хоз. статистике — и добровольных корреспондентов и официальную агентуру, при условии строгого разграничения их функций, полнейшей обособленности добровольных корреспондентов от официальной агентуры, а также независимости их от местной администрации.

Видя в этих условиях необходимые предпосылки к доброкачественности материала, доставляемого добровольными корреспондентами, Р. Д. Семенов Тянь-Шаньский, в целях наилучшего достижения взаимного контроля и пополнения сведений, получаемых из обоих источников, рекомендовал организовать получение их от последних по различно составленным программам.

Так, по его мнению, официальная агентура должна была бы освещать вопросы массового характера: размер посевных площадей, вопросы по скотоводству, торговли сел.-хоз. продуктами, о ценах и т. п.; добровольные же корреспонденты, наоборот, должны были бы, по преимуществу, освещать качественную сторону и регистрировать конкретные данные отдельных хозяйств.

С'езд, признав, что институты и добровольных корреспондентов и официальной агентуры должны существовать и развиваться для дальнейшего времени «в известном организованном взаимодействии», определенного решения не вынес, а передал все организационные и программные вопросы по делу постановки текущей сел.-хоз. статистики на обсуждение комиссии под председательством К. Я. Воробьева, дав ей следующие директивы:

1) основные принципы института добровольных корреспондентов, как они сложились в условиях земской статистики, не должны быть нарушены;

2) корреспондентская сеть, организуя которую необходимо понимать, что не все об'екты статистического наблюдения требуют одинаковой густоты регистрации, должна быть согласована как с количеством населения, так и с величиной территории, приходящейся в различных местностях на одного корреспондента, и

3) собирание сведений об урожае должно исходить из регистрации конкретных показаний хозяев о собранном урожае.

В связи с этим постановлением Первой Статистической Конференцией в октябре того же года, по докладу П. И. Попова о конструкции Губстатбюро, было вынесено постановление об организации в них специальных секций текущей сел.-хоз. статистики, а по докладу Е. В. Пашковского были определены и следующие задания в области той же текущей статистики уездных статистических отделений:

а) подбор сел.-хоз. корреспондентов и организация статистических агентур малого района действия;

б) инструктирование сел.-хоз. корреспондентов и агентов;

в) ведение личных счетов корреспондентов и денежные расчеты с ними;

г) просмотр корреспондентских сообщений и наблюдение за правильным выполнением корреспондентами и агентами возложенных на них обязанностей;

д) рассылка опросных бланков; их получение и отправка губернскому бюро;

е) предварительная разработка части корреспондентских сообщений по указаниям Губстатбюро для срочного осведомления местных учреждений и, в случае надобности, для телеграфной передачи сведений в губернию и в Центральное управление;

ж) руководство переписями и самое производство переписей и анкет для выяснения годовых изменений в области сел.-хоз. промышленности.

Полагаем, что последнее слово «промышленности» — опечатка, а что следует читать «производства» (№ 1 «Вестника Статистики», стр. 197).

Что делала комиссия по текущей сел.-хоз. статистике под председательством К. Я. Воробьева, избранная с'ездом 1918 года, по печатным материалам ЦСУ установить нельзя, так как в них о работе этой комиссии не говорится ни слова, в дальнейшем же законодателем в этой области является исключительно Е. В. Пашковский.

Так, 24 января, в пятом заседании первой сессии Совета по делам статистики при ЦСУ был заслушан его обширный доклад о методах собирания сведений по статистике урожаев.

Основные положения докладчика сводились к следующему:

1) Собирание сведений об урожае должно поступать из регистрации конкретных показаний отдельных хозяйств о собранном урожае.

2) Из каждой волости должны быть получены конкретные указания не менее чем от 5% хозяйств, равномерно распределенных по территории волости.

3) Осуществление такой сети показаний через добровольных корреспондентов в настоящее время едва ли возможно, а потому необходимо озаботиться учреждением волостных статистиков, одной из основных функций которых и будет производство конкретных выборочных переписей урожая (и посевной площади).

4) В качестве временной меры институт добровольных корреспондентов сохраняется повсеместно, а в волостях, где не учреждены волостные статистики, всемерно развивается.

5) Временно в волостях, в которых статистиков не имеется, его функции возлагаются на волостные совдепы, которым и поручается производство необходимых конкретных опросов.

6) В виду весьма распространенного проявления тенденциозности показаний об урожаях последнего времени, необходимо поставить на очередь вопрос о нахождении или новых способов определения урожайности или способов определения степени уклонения массовых показаний от действительности.

7) Один из часто пропагандируемых способов определения урожая путем обмена полос, счета снопов и пробных умолотов по известным случаям не дает ни малейшей уверенности в его применимости.

8) Более приемлемым является выяснение степени уклонения массовых показаний от действительности путем установления соотношений между конкретными показаниями об урожайности и суб'ективной характеристикой последней за ряд предшествующих лет. Этот способ применим только при наличности значительного числа показаний, а следовательно для характеристики урожая более значительных территорий.

9) Для определения урожайности по малым территориям может дать благоприятный результат изучение отдельных показаний ужина и умолота, в связи с их суб'ективной характеристикой.

Доклад этот и, главное, его направление, выраженное в пунктах 3, 4 и 5, вызвал в Совете продолжительные прения, и хотя в заседаниях его не участвовал защитник противоположной точки зрения основным взглядам Е. В. Пашковского на формы организации аппарата сел.-хоз. текущей статистики—П. А. Вихляев, все же Совет не смог не подчеркнуть в своей резолюции по докладу в виде оговорки к п. 4-му, что, одобряя в принципе положения докладчика, он *все же продолжает защищать в отношении к добровольным корреспондентам позицию, занятую с'ездом 1918 года, и полагает, что «метод исследований через добровольных корреспондентов должен получить самое широкое распространение и всемерно усовершенствоваться в тесной связи с вновь создаваемым институтом волостных статистиков».*

С другой стороны, в виду того, что многие из ораторов в общем сходились на мысли, что в отношении установления правильного метода по статистике урожаев необходимо итти различными путями и лишь в длительных опытных работах можно прийти к определенному выводу, Совет постановил:

«Не исключая ни одного из указанных в докладе методов исследования урожаев, внести на предстоящий с'езд статистиков вопрос о целесообразности и применимости каждого из них». («Вестник Статистики» № 2—3 за 1919 г., стр. 165—166.)

На с'езде статистиков, состоявшемся с 25 апреля по 2 мая 1919 г., Е. В. Пашковский выступил вторично со своими тезисами. Его доклад вызвал снова оживленные прения, при чем опять-таки возражения вызвали не основные положения Е. В. Пашковского, относящиеся к методологии вопроса, а его

организационный подход к нему, его отношение к формам организации аппарата текущей сел.-хоз. статистики и взаимоотношениям между институтом добровольных корреспондентов и институтом официальной агентуры.

Ввиду многочисленности и сложности вопросов», выдвинутых докладчиком, с'езд,—согласно официальному отчету ЦСУ, — постановил «избрать особую комиссию в составе: А. А. Кауфмана, Н. М. Кислякова, Е. К. Введенского, П. А. Вихляева, Я. М. Принцева и представителя Наркомзема для детальной разработки доклада и представления с'езду своих соображений по этому вопросу, а также по вопросам, выдвинутым во время прений — о замене сети добровольных корреспондентов институтом волостных статистиков, об организации кадра добровольных корреспондентов для собирания сведений не только в области урожайной статистики, но и по всем вопросам, тесно связанным с сельским хозяйством, и об организации инструкторских курсов для волостных статистиков и добровольных корреспондентов».

Избранная с'ездом комиссия имела в течение сессии с'езда несколько заседаний и 2 мая представила результаты своих работ, которые и были приняты с'ездом в следующем виде (ввиду чрезвычайной принципиальной и методологической важности вынесенных на обсуждение с'езда и принятых им положений, приводим их полностью в редакции «Вестника Статистики», см. № 4 — 7 за апрель — июль 1919 года, стр. 161 — 167. — *Е. В.)*:

I. Организация текущей сел.-хоз. статистики преследует двоякую цель. С одной стороны, организация дает осведомительный материал для практических запросов каждого данного момента, с другой — при ее посредстве из года в год накопляется систематически обрабатываемый материал для изучения взаимоотношений различных факторов в области сельского хозяйства.

II. При многочисленности обособленных сел.-хоз. предприятий и при их территориальной разработанности, достижение поставленных целей требует сложного сотрудничества ряда органов, регистрирующих явления, и органов, обрабатывающих материалы регистрации и публикующих результаты обработки.

Членами ряда органов текущей сел.-хоз. статистики являются:

1) сел.-хоз. корреспонденты,

2) волостные статистики или волостные статистические агенты,

3) уездные статистические отделения,

4) секция текущей сел.-хоз. статистики Губстатбюро,

5) отдел текущей сел.-хоз. статистики ЦСУ.

III. а) Корреспондент текущей сел.-хоз. статистики выполняет исключительно функции регистратора явлений, наблюдаемых им в своем хозяйстве или в кругу хозяйств ближайшей к нему местности, а также явлений природы в данной местности.

б) Чтобы даваемые корреспондентами сведения были пригодны для характеристики территорий, более мелких, чем уезд, сеть корреспондентов должна быть доведена до 5 человек на 1.000 хозяйств или, в среднем, 10 человек на волость.

в) В видах сохранения независимости показаний и возможности взаимного контроля над сведениями, добровольные корреспонденты сносятся непосредственно с уездными статистическими отделениями, *минуя волостных статистиков*.

г) При наличии волостного статистика или волостного агента, опросные программы для корреспондентов значительно упрощаются; в них обязательно сохраняются только вопросы, требующие количественного конкретного ответа: 1) время наступления главнейших вегетационных периодов; 2) начало, конец и продолжительность отдельных сел.-хоз. работ; 3) регистрация посевных площадей текущего и предшествующего года в своем хозяйстве и в хозяйствах трех соседей — высшей, средней и низшей зажиточности; 4) регистрация количества скота и условий его содержания в своем хозяйстве и в хозяйствах трех соседей — высшей, средней и низшей зажиточности, — приуроченная к моментам выпуска на пастбища и к началу стойлового периода; 5) регистрация видов на урожай в определенные вегетационные периоды; 6) регистрация конкретных урожаев и сборов хлебов и трав, огородных овощей и проч. в своем хозяйстве и в хозяйствах трех соседей; 7) регистрация цен на сел.-хоз. продукты скотоводства, птицеводства и др. и на местные продукты лесоводства; 8) регистрация цен

на рабочие руки в сельском и лесном хозяйстве и 9) арендные цены на землю.

IV. На ряду с добровольными корреспондентами Губстатбюро обращается к хозяйственным распорядителям советских имений и коммун, для которых доставление текущих сведений об указанных хозяйствах должно быть обязательным.

V. Комиссия не предвидит возможности быстрой организации сети волостных статистиков на основе «Положения о местных статистических учреждениях», а потому, соглашаясь с мнением докладчика, комиссия полагает, что на ближайшее время для собирания текущих сел.-хоз. сведений должен быть создан особый институт временных статистических агентов.

VI. а) Волостной агент приглашается на должность уездным статистическим отделением из числа коренных жителей волости, связанных с нею хозяйственными или служебными отношениями.

б) Ведет регистрацию наблюдений на территории всей волости по программам, устанавливаемым губернским статистическим бюро и уездным отделением.

Регистрационный материал волостным агентам препровождается в уездные статистические отделения.

в) Волостной статистик обязательно снабжается особым дневником, в котором своевременно, по установленной программе, регистрируется определенный круг явлений. Дневник постоянно хранится у него в руках, а в уездные статистические отделения в определенные сроки препровождаются выборки из него, сделанные по определенной программе.

Кроме ведения дневника и сообщения выборок из него в уездные отделения, волостной статистик обязан сделать от четырех до шести об'ездов волости для собирания конкретных сведений о состоянии посевной площади, о состоянии скотоводства и об урожаях путем переписи 5% хозяйств, равномерно распределенных по территории волости.

г) Первый об'езд производится после посева главнейших яровых хлебов, при котором регистрируются: посев хлебов данного и предшествующего года и количество выпущенного на пастбище скота в данном и предшествующем году. Эти данные послужат для обоснования расчетов о посевной площади и ко-

личестве скота в текущем году, если имелись сведения о тех же элементах за предшествующий год.

В зависимости от местных условий второй об'езд производится:

а) или после жнитва главной части яровых (в южной половине России) для одновременного собирания сведений об урожае трав и сборе сена, о посеве озимых и об урожае озимых и яровых по первым обмолотам и

б) или после уборки и сева озимых (для северных губерний), оставляя яровые на следующий дополнительный об'езд. При этом сведения о посеве озимых собираются за текущий и предшествующий год.

Третий обязательный об'езд производится в конце октября или в начале ноября для регистрации определившегося урожая всех хлебов, а также поставленного на стойло количества скота, за текущий и предшествующий годы. В зависимости от местных условий и специальных условий года, в случае недостаточности этого об'езда для получения полного материала о результатах жатвы, может быть организован дополнительный об'езд в декабре месяце.

Четвертый обязательный об'езд делается в конце зимы для заполнения по хозяйственной карточке, регистрирующей главнейшие черты хозяйственного годового баланса и размеры намечаемой посевной площади.

д) Кроме того, волостной агент в период от начала весенней пашни до начала сбора хлебов, к 1-му и 16-му числу каждого месяца, должен давать сведения о видах на урожай хлебов и трав по пятибалльной системе.

VII. Текущие наблюдения над хозяйственной жизнью связываются с характеристикой метеорологических условий данного года, при чем обычно эта характеристика дается корреспондентами описательно.

Комиссия выразила пожелание, чтобы там, где возможно, этот способ постепенно заменялся точным наблюдением, путем постановки, хотя бы самых простых, метеорологических станций, а пока сеть последних не достигает надлежащего размера, практикующиеся до сих пор описания признано желательным заменять дневниками погоды с ежедневными измерениями тем-

пературы, отметками направления ветра и описательными отметками по балльной системе осадков и других явлений по образцам, применявшимся корреспондентами некоторых губерний.

VIII. Уездные статистические отделения несут функции организационные, исполнительные и осведомительные.

а) В области организационной к обязанностям уездных отделений относится создание сети корреспондентов и кадра волостных статистиков и агентов. Должность постоянных волостных статистиков утверждается губернским статистическим бюро.

б) В отношении сети корреспондентов уездные отделения обязаны:

1) сделать подбор корреспондентов, 2) инструктировать их по заполнению рассылаемых опросных формуляров, 3) следить за правильностью получения ответов, для чего вести личные счета корреспондентов, 4) просматривать присылаемые ответы по существу и, в необходимых случаях, указывать корреспондентам на неправильность ответов или вовсе исключать их из списков и 5) производить все расчеты с корреспондентами по вознаграждению их за труд.

в) В отношении кадров волостных агентов уездные отделения обязаны:

1) сделать подбор волостных статистиков и агентов, 2) ранее назначения их на должность обучить их заполнению дневника, периодических программ и способам опроса хозяев, 3) следить за правильностью ведением дневника и заполнения опросных программ.

г) В области исполнительной на уездные отделения возлагается:

1) рассылка корреспондентам, волостным статистикам и агентам всех опросных формуляров, 2) получение заполненных формуляров, 3) предварительная разработка той части получаемых сведений, которая имеет срочный характер, для телеграфной передачи в губернский или столичный центр и для своевременного осведомления местных исполнительных органов, 4) своевременное препровождение всего регистрационного материала в Губстатбюро.

д) В области осведомительной функции—уездные отделения передают результат обработки срочных сведений местным испол-

нительным органам, консультируют последние по всем отраслям статистики и сосредоточивают у себя, в возможно полном виде, местные статист. издания.

IX. Губернскому статистич. бюро по секции текущей сельско-хозяйственной статистики принадлежит все руководство в этой области в пределах губернии, в соответствии с директивами ЦСУ.

Губстатбюро вырабатывает все опросные программы по наблюдению и собиранию необходимых сведений, устанавливает сроки доставления сведений, делает сводку всех регистрационных (первичных) материалов, дает окончательную обработку собираемого материала и публикует его во всеобщее сведение.

Центральному Статистическому Управлению Губстатбюро, кроме срочных сообщений о видах на урожай и урожаях, дает по установленной программе ряд сведений, подлежащих публикации в изданиях, охватывающих всю территорию республики.

X. Центр. Статистич. Управлению по отделу текущей сел.-хоз. статистики принадлежит общее руководство работами в пределах республики. Оно устанавливает минимум опросных программ, обязательных для исполнения во всех губерниях, устанавливает сроки представления срочных сообщений, сроки представления результатов обработки и программы обработки материалов и публикует их в годовых или периодических выпусках.

По вопросу о регистрации урожайности и способах определения средних урожаев, соглашаясь с докладчиком, комиссия признала, что ввиду весьма распространенного проявления тенденциозности показаний об урожае, в особенности в последнее время, необходимо изыскать или новые способы определения урожайности или же найти и принять подходящие способы определения степени уклонения массовых показаний от действительности... Комиссия высказалась, что получению более или менее удовлетворительного материала по определению урожаев могли бы способствовать следующие меры:

1) Применение рекомендуемого докладчиком приема критики конкретных показаний путем установления соотношений

между этими показаниями и суб'ективной характеристикой урожая за ряд лет (рекомендуется для значительных территорий).

2) Расчлененное собирание данных о пожинах и умолотах, как элементах определения урожая.

3) Сличение двух материалов — корреспондентского и собранного волостным агентом.

4) Статистическая критика материалов об урожайности в связи с главнейшими производственными факторами.

5) Заложение записи в возможно большем числе хозяйств при различных природных, экономических и культурных условиях.

Из числа обычно применяемых способов определения урожаев, комиссия подробно обсудила способ обмера полос с перечетом снопов и пробными умолотами и признала, что в том виде, как это делалось до сих пор, этот способ нецелесообразен. Получение надлежащих результатов при этом способе возможно лишь в обстановке массового наблюдения с правильным распределением об'ектов наблюдения по территории, в соответствии со всеми изменениями природных и экономических условий. Так как те же начала необходимо иметь в виду и при заложении записи (п. V), то само собой подразумевается, что у хозяев, где будут заложены записи, может быть применяем и способ обмера полос и перечеты снопов с пробными умолотами.

При всем этом, само собой подразумевается, что та или иная приближенность конкретных сведений об урожаях к действительности в значительной мере будет зависеть и от состава тех агентов, на которых будет возложена регистрация урожайности. Поэтому выбор этих агентов и надлежащее их инструктирование должны составить одну из существенных забот местных статистических учреждений.

В дополнение к этим постановлениям всероссийского с'езда статистиков весны 1919 года, формулировавшего в окончательной форме всю работу в области методологии в организации текущей сел.-хоз. статистики предыдущих с'ездов, конференций и совещаний, приходится упомянуть также и о дополнительной резолюции к ним по тому же вопросу специальной

конференции при ЦСУ представителей Губстатбюро от 3—4 мая того же года.

В этой резолюции по вопросу об организации уездной статистики, в пункте 2-ом, давалась следующая сжатая программа обязанностей уездных статистиков:—«Уездные статистики работают по заданиям, плану и программам Губстатбюро, при чем основными функциями уездной статистики являются: а) организация сети добровольных корреспондентов в связи с выполнением программы по текущей сел.-хоз. и урожайной статистике; б) сводка текущих сведений в других областях и обработка по программам Губстатбюро срочных сведений по специальным заданиям и в) выполнение заданий местных органов, с *гарантией ненарушения нормального хода основных работ* (см. «Вестник Статистики» № 4—7 за 1919 г., стр. 206).

В дальнейшем вопрос перешел уже всецело в ведение ЦСУ, в заседаниях которого был разрешен, между прочим, по докладу З. И. Кочневой вопрос о форме и содержании поурожайных карточек: а) карточки предварительных данных об урожае и б) карточки, регистрирующей окончательные данные о нем.

Содержание первой карточки должны составлять сведения, относящиеся только к одному хозяйству, по каждому хлебу и растению, засеваемому в губернии, с отметкой о среднем урожае со всей посеянной площади (отличный, хороший, средний, ниже среднего, плохой, урожай погиб), при чем под понятием погибшего урожая значится урожай, при котором не собрано даже на семена.

Редакция второй карточки, как более сложной, прошла сперва через особую комиссию в составе: З. И. Кочневой, В. М. Обухова, П. И. Попова, А. И. Хрящевой, П. И. Лубны-Герцыка, Б. В. Авилова, О. А. Квитки.

Как и первая карточка, эта относится также к одному хозяйству и заполняется сведениями о характере хозяйств (чресполосное, отрубное или хуторское), о системе полеводства (залежное, подсечное, двухпольное, трехпольное и т. д.), о количестве десятин в хозяйстве, о количестве населения в нем, о количестве скота, об удобрении и размерах посева и урожае хлебов и трав.

Затем, по докладу Е. В. Пашковского, конференцией статистиков в январе месяце 1920 года была принята редакция единообразной подробной программы, обязательной для всех государственных органов сел.-хоз. текущей статистики разработки годового цикла сведений по текущей сел.-хоз. статистике, изданной ЦСУ в Москве в 1921 году.

В предисловии к этому изданию дается такая характеристика этой программы и преследуемых ею целей:

«По установлении плана организационного об'единения текущей сел.-хоз. статистики для использования его в общегосударственных целях, необходимо было проведение и программного об'единения. Программное об'единение по всей территории республики с ее бесконечным разнообразием естественных, экономических и бытовых условий не достигалось прямым декретированием опросных программ из центра.

«Такое декретирование, заменяя выработанные многолетним опытом и приспособленные во всех деталях к местным особенностям программы новыми, на практике не опробованными, может, с одной стороны, нарушить сравнимость получаемых выводов во времени, а с другой — неблагоприятно отразиться и на качестве собираемого материала.

«Во избежание такой ломки, вместо общего изменения опросных программ, в целях их об'единения была выработана программа разработки цикла сведений по текущей с.-х. статистике, принятая бывшей в январе 1920 года конференцией статистиков.

«Настоящая программа, как руководящий минимум общегосударственных заданий в области текущей сел.-хоз. статистики, и должна лечь в основание общегосударственного об'единения опросных программ отдельных губерний.

«Губернские бюро, не внося с свои программы резких изменений и сохраняя все особенности, необходимые для познания местных условий, приспособляют и изменяют свои программы, а если нужно, то и способы получения сведений, только в тех частях, которые не могут удовлетворить заданиям общегосударственным.

«Распределение материала в настоящей программе довольно резко отличается от обычного распределения материала в программах погубернских разработок. Погубернские разработки,

тесно связанные с опросными программами, обычно группируют материал по периодам регистрации; здесь же материал, собираемый в различное время, сгруппирован по-предметно: определенный круг явлений описывается последовательно, независимо от времени получения сведений о фактах данного круга.

«В первых 19-ти отделах характеристика метеорологических условий; состояние озимых посевов; время сева и состояние яровых посевов; посадка огородных и бахчевых растений; время сева и состояние озимых посевов; период вегетации хлебов и влияние на нее погоды; рост трав и уборка сенокосов; время и условия уборки хлебов; время уборки огородных и бахчевых растений; время уборки садовых культур, сбор сена в пудах с одной десятины (по суб'ективным показаниям); урожай хлебов по суб'ективным показаниям; скотоводство; птицеводство; пчеловодство; промысловые занятия населения; поденные платы на сел.-хоз. работы; стоимость дневного содержания рабочего и лошади; цены на продукты сельского хозяйства) исчерпывается описание полного сел.-хоз. года, поскольку это описание основывается на непосредственных наблюдениях корреспондента или на записях в дневнике волостного статистика.

«Последние три отдела (результаты разработки весеннего опроса отдельных хозяйств; результаты разработки летнего опроса отдельных хозяйств и результаты разработки осеннего опроса отдельных хозяйств) дают программу разработки главнейших явлений, в большей части повторяющихся в предыдущих отделах, но для более точного выяснения которых применялись выборочные опросы населения».

Что касается содержания отдельных частей этой программы, то относительно его необходимо добавить нижеследующее:

Седьмой и восьмой отделы, дающие программу разработки данных о росте трав, уборке сенокосов, времени уборки хлебов, мало отличаются от аналогичных отделов погубернских программ, так же, как и отделы пятый и шестой о времени сева и состояния озимых посевов, о периоде вегетации хлебов и влиянии на них погоды.

То же самое приходится отметить и в отношении 17, 18 и 19 отделов,—о поденных платах на сел.-хоз. работах, стоимости дневного содержания рабочего и лошади, а также о ценах на

продукты, представляющих трафаретную сводку по губерниям обычных программ.

По отделу 1-му характеристика метеорологических явлений, сравнительно с обычными программами его, расширена помесячной характеристикой погоды за весь период вегетации растений. По отделу 2-му — состояние озимых посевов — введена двойная характеристика состояния посевов: раздельным подсчетом показаний с различной характеристикой — хороший, средний, плохой — и характеристикой баллами. Отдел 3-й — время сева и состояния яровых посевов — построен таким образом: сначала помещены общая характеристика прохождения всего ярового сева, а затем дано определение времени сева и состояния выходов по каждой отдельной культуре. По тому же плану построен отдел 6-й — посадка огородных и бахчевых растений, в значительном большинстве губернских программ отсутствующий.

Кроме того, в нем введены графы, характеризующие изменения посадок, как явления с резким темпом изменений за последние годы. Отделы 9-й и 10-й — время уборки огородных, бахчевых и садовых культур,—отсутствующие почти совершенно в погубернских программах, введены в постоянную программу из соображений о росте интереса к производству этих продуктов. По тем же соображениям введены отделы 14—птицеводство и 15—пчеловодство, редко встречающиеся и мало разработанные в погубернских программах.

В отделе 11-м — сбор сена с 1 дес. по суб'ективным показаниям — дается сводка не только цифрового определения урожаев, но и качественной его характеристики с переводом ее на средние баллы, чего обычно в губернских программах не имеется. Так же построен и отдел 19-й — урожай хлебов по суб'ективным показаниям. В отделе 13-м — скотоводство — введены впервые условия размножения скота и характеристики приплода, а также редко встречающиеся в ежегодных губернских программах характеристики удоя коров, сбора шерсти, расхода кормов.

Что касается отдела 16-го о промысловых занятиях населения, заключающего в себе самую общую характеристику этого явления и изменения его в послевоенный период, то в

отношении его необходимо отметить, что при проектировании программы этого отдела погубернские программы не могли быть приняты за основание, как это было по другим отделам, так как попытки многих губерний применить к регистрации промысловых занятий корреспондентский способ оказались настолько неудачными. что не создали предпосылок к установлению общей программы их изучению таким способом.

Обращаясь, в связи со всем вышесказанным, специально к вопросам урожайной статистики, необходимо отметить, что одним из последствий об'единения работ по текущей сел.-хоз. статистике в едином общегосударственном органе—Центральном Статистическом Управлении и его местных разветлений явилась возможность изучения всех ее материалов за целый ряд лет в общегосударственном масштабе и выявления на почве этих исследований всех тех новых подходов, как к организации дальнейших наблюдений в этой области, так и к оценке их результатов, каковые в прошлом оставались для нее недоступными.

Прежде всего был разрешен вопрос о форме связи между балловой оценкой и фактическим весом урожая.

Материалом к разрешению этого вопроса послужила сводка собранных Губстатбюро сопоставлений балловой оценки урожаев с фактическим их весом. (Цитируем по заметке Б. С. Ястремского в № 48 «Бюллетения ЦСУ» от 29 апреля 1921 г. под заглавием: «Форма связи между балловой оценкой и фактическим весом урожая».)

Вся совокупность имевшихся данных была разбита на две части: а) данные *черноземной* полосы и б) данные *нечерноземной* полосы (сводка была сделана отделом текущей сел.-хоз. статистики ЦСУ—*Е. В.)*.

В пределах каждой из указанных выше двух полос изучалась отдельно указанная связь, при чем это исследование не касалось двух вопросов—*тесноты* связи и выяснения точности предуказаний балловой оценки.

Была выведена следующая формула этой связи:

$$y = a_0 + a_1 x + a_2 x^2,$$

(в порядке применения гипотезы параболической зависимости), где y — вес урожая, x — балловая оценка и a — некоторая постоянная.

Исходя из этой формулы, путем целого ряда математических обоснований ее практического применения, изложенных Б. С. Ястремским на страницах «Вестника статистики», были выведены тем же Б. С. Ястремским формулы значения самого x в отклонениях этого значения от среднего балла 3.

Согласно этим формулам была установлена возможность определения не только формы связи между балловой оценкой и фактическим весом урожая каждой отдельной культуры в черноземной и в нечерноземных полосах Европейской России, но и определения самого веса урожая при любой его цифровой оценке в баллах, независимо от того, будут ли эти баллы выражаться в целых или дробных цифрах.

Полученные цифровые определения для каждого вида культуры в нечерноземной и черноземной полосах Европейской России дали возможность приведения их к таким шкалам: (см. стр. 311—312, табл. I и II.)

Обозревая эти формулы, Б. С. Ястремский отмечает следующее общее свойство всех даваемых ими характеристик: «все почти цифры *черноземной* полосы больше цифр *нечерноземной* полосы». Это значит—согласно Б. С. Ястремскому,—что «не только средняя урожайность черноземной полосы выше по сравнению с нечерноземной, но и шире здесь диапазон колебаний веса урожаев; кроме того, еще и более определенно выражена в этой полосе кривизна связи x и y. Исключением является лишь яровая рожь, которая характеризуется меньшей и притом *отрицательной* кривизной.

Однако, отмечая это последнее явление, Б. С. Ястремский оговаривается в своей неуверенности относительно действительности последнего. «Это исключение,—замечает он,—могло оказаться следствием попросту малого об'ема материала, порожденного, в свою очередь, малой распространенностью этого вида культуры».

Итак, изучение вопроса о форме связи между балловой оценкой и фактическим весом урожая привело к разрешению второй проблемы—проблемы определения самого веса уро-

I. Нечерноземная полоса.

А. Название культуры:	Б. Формула „y“-ка.	В. Баллы. 1.	2.	3.	4.	5.	Примечания.
1) рожь озимая	$52{,}27 \pm 14{,}75x + 0{,}41x^2$	24,4	37,9	52,3	67,4	83,4	Величины в рубрике „В“ изображают вес урожая в пудах; „+“ или „—“ у второго члена формулы в рубрике „Б“ показывают, насколько увеличивается или уменьшается средний урожай при отметке, отличающейся от среднего балла — „3“. Первый член формулы в той же рубрике „Б“ показывает вес урожая при отметке „3“ ($x = 0$); третий член является в результате нарушения арифметической прогрессии и имеет своим назначением запечатлеть степень кривизны связи между y и x.
2) рожь яровая . . .	$30{,}79 \pm 9{,}36x + 0{,}79x^2$	15,2	22,2	30,8	40,9	52,7	
3) пшеница озимая . .	$50{,}25 \pm 15{,}24x + 0{,}99x^2$	23,7	36,0	50,3	66,5	84,7	
4) пшеница яровая . .	$48{,}79 \pm 14{,}52x + 0{,}41x^2$	21,4	34,7	48,8	63,7	79,5	
5) ячмень	$54{,}33 \pm 18{,}62x + 0{,}94x^2$	20,9	36,7	54,3	73,9	95,3	
6) овес	$52{,}24 \pm 14{,}75x$	22,7	37,5	52,2	67,0	81,7	
7) просо	$38{,}76 + 8{,}74x + 0{,}57x^2$	23,6	30,6	38,8	48,1	58,5	
3) гречиха	$28{,}94 + 8{,}84x + 0{,}57x^2$	13,5	20,7	28,9	38,4	48,9	
9) горох	$42{,}93 + 15{,}94x + 1{,}16x^2$	15,7	28,2	42,9	60,0	79,5	
10) чечевица	$40{,}43 + 12{,}92x + 0{,}91x^2$	18,2	28,4	40,4	54,3	69,9	

II. Черноземная полоса.

А. Название культуры:	Б. Формулы „y“-на.	В. Баллы. 1.	2.	3.	4.	5.	Примечания.
1) рожь озимая	$56,92 + 22,47x + 2,58x^2$	22,3	37,0	56,9	82,0	112,2	Величины в рубрике „В“ изображают вес урожая в пудах; „+“ или „—“ у второго члена формулы в рубрике „Б“ показывает, насколько увеличивается или уменьшается средний урожай при отметке, отличающейся от среднего балла — „3“. Первый член формулы в той же рубрике „Б“ показывает вес урожая при отметке „3“ ($x = 0$); третий член является в результате нарушения арифметической прогрессии и имеет своим назначением запечатлеть степень кривизны связи между y и x.
2) рожь яровая	$45,40 + 14,70x - 0,50x^2$	14,0	30,2	45,4	59,6	72,8	
3) пшеница озимая . .	$68,56 + 26,44x + 1,90x^2$	23,3	44,0	68,6	96,9	129,0	
4) пшеница яровая . .	$50,87 + 20,12x + 2,44x^2$	20,4	33,2	50,9	73,4	100,9	
5) ячмень	$52,08 + 21,33x + 2,32x^2$	18,7	33,1	52,1	75,7	104,0	
6) овес	$54,48 + 20,46x + 1,87x^2$	21,0	35,9	54,5	76,8	102,9	
7) просо	$51,83 + 20,87x + 2,29x^2$	19,3	33,3	51,8	75,0	102,7	
8) гречиха	$38,40 + 14,40x + 0,80x^2$	12,8	24,8	38,4	53,6	70,4	
9) горох	$48,43 + 21,20x + 2,41x^2$	15,7	29,6	48,4	72,0	100,5	
10) чечевица	$39,40 + 16,37x + 2,28x^2$	15,9	25,3	39,4	58,1	81,3	

жая при любой его цифровой оценке в баллах и построения приведенных выше шкал урожайности[1]). Третьим вопросом, выдвинутым тем же Б. С. Ястремским, в связи с установлением им этих шкал, явился вопрос «об исчислении вероятного урожая — в пудах — на основании предварительной оценки видов на урожай» (тезисы Б. С. Ястремского) или «о предвидении урожая» на основании изучения движения периодических волн чередующихся урожайных и неурожайных лет в связи с периодическими же изменениями климата (тезисы Н. Четверикова, В. Г. Михайловского и Б. С. Ястремского.—*Е. В.*). Отсюда вытекла четвертая тема—изучение периодичности русских урожаев и анализ колеблемости их средних уровней.

И, наконец, поставлена была на очередь пятая тема — определение *точности* предсказания урожая на основании состояния посевов в разные периоды роста растений и выявление меры коллективных погрешностей корреспондентских характеристик самих видов на урожай. (См. работу В. М. Обухова в № 1—4 «Вестника Статистики» за 1921 год под заглавием: «К вопросу об определении ожидаемого урожая». Что же касается тезисов Н. С. Четверикова, В. Г. Михайловского и Б. С. Ястремского, упомянутых выше, то они опубликованы в № 50 «Бюллетеня ЦСУ» от 8 июля 1921 года.—*Е. В.*)

Основной чертой всех указанных выше работ по урожайной статистике, об'единяющей их в один цикл и характеризующей их общее направление, является стремление перейти в исследованиях ее материала от методов элементарно-эмпиной балловой оценки видов на урожай» выдвигаются следующие положения:
рических к методам математическим.

Так, в тезисах доклада Б. С. Ястремского «Об исчислении вероятного урожая — в пудах — на основании предваритель-

---

[1]) К этим шкалам в № 50 „Бюллетеня ЦСУ" дается следующее „необходимое примечание„: при составлении шкалы черноземной полосы были использованы материалы лишь по центрально-земледельческому району. Таким образом в данную полосу не вошли ни степные—волжские, ни юго-восточные, ни южные губернии. При исчислении, вероятно, урожая в этих губерниях необходимо пользоваться иными шкалами". *Е. В.*

1. Решение задачи достаточно удовлетворительного предсказания урожая — в пудах — распадается на две отдельные задачи: а) построения «шкалы урожайности» (пример которой был дан выше.—*Е. В.*) и б) установления степени достоверности вычисленного согласно «шкале» урожая.

2. Обе вышеупомянутые задачи могут быть разрешены путем приложения теории корреляции к исследованию взаимоотношений двух рядов чисел: а) средние оценки видов на урожай в баллах за ряд лет, погодно, в поуездном и погубернском масштабе и б) фактические средние сборы хлебов — в пудах — за ряд лет, погодно, в тех же масштабах.

3. Сопоставление обоих рядов дает, с одной стороны, «шкалу урожайности» (которая в данном случае определится в терминах теории корреляции, как линии регрессии), а с другой стороны, позволит исчислить вероятные ошибки предсказаний путем сравнения вычисленных и фактических урожаев за ряд лет, погодно.

4. Построенные указанным методом «шкалы урожайности» дали бы возможность критически отнестись к построенным уже отдельными губстатбюро шкалам урожайности.

5. Числовая оценка вероятных ошибок предсказаний урожаев — в пудах — как для отдельных территориальных единиц, так и для их совокупностей дала бы возможность составить такие районы, для которых вероятные ошибки предсказаний оказывались бы минимальными.

Самый анализ колеблемости среднего уровня урожаев «сам» на крестьянских надельных землях по губерниям центрально-земледельческого района Евр. России за время с 1883 по 1915 г., по данным Центр. Стат. К-та легший в основу установленных Б. С. Ястремским вышеприведенных «шкал урожайности», произведен им при помощи им же предложенного «косвенного метода определения изменяемости статистических рядов, основанного на теориях дисперсии и корреляции».

Тем же методом Б. С. Ястремским исследованы колебания среднего уровня урожаев «сам» озимой ржи по 11 губерниям за тот же период в целях выяснения циклов периодичности русских урожаев.

С другой стороны, и В. М. Обухов в своей вышеупомянутой работе применяет метод корреляции к установлению зависимостей урожаев от целого ряда метеорологических и климатических явлений (в частности от совместного действия осадков и температуры) и, кроме того, при установлении методов определения ожидаемого урожая, применяет способ наименьших квадратов.

При этом необходимо отметить, что в то время, как сам Б. С. Ястремский считает свои «шкалы урожайности» лишь предварительными, вместе с В. Г. Михайловским вполне искренно сознаваясь, что «все изложенные выше тезисы опираются на недостаточно прочный фундамент», В. М. Обухов, в свою очередь, характеризует свою работу лишь как «пробную», а Н. С. Четвериков в своей статье «О предвидении урожая», признавая, с одной стороны, что «установить критический период можно лишь выяснив степень зависимости (при помощи коэффициентов корреляции) урожая от факторов погоды...», с другой—с крайним скептицизмом относится к качеству и пригодности для приложения такого рода методов тех материалов, которыми в данное время урожайная статистика и связанные с предметом ее наблюдения отрасли знания (метеорология) располагают.

Он указывает на то, что «целесообразный выбор признаков погоды сталкивается... с необходимостью считаться с существующими формами наблюдения, разработки и опубликования статистических и метеорологических сведений, приноровленных к данной специальной задаче... Этот естественный консерватизм статистической работы насильственно навязывает ее приемам формы, предопределенные наличными источниками сведений; изменить их можно лишь в далеком будущем, когда собранный по измененным программам материал позволит перестроить методы исследования... С вышеуказанными оговорками все же возможно установить формулы с числовыми коэффициентами, которые позволят по наблюденным отклонениям погоды данного года от климатической нормы судить о вероятном отклонении урожая от его «уровня». Но этот уровень, как уже указано выше, не является чем-то неподвижным, его приходится рассчитывать как то

состояние, к которому в данном году линия урожаев должна притти под влиянием ее общих эволюторных и периодических тенденций; оно экстраполируется на основании наблюдений за предыдущие годы и в предположении, что эволюция урожаев носит характер плавной постепенности. И здесь действительность выдвигает перед исследователем едва разрешимую задачу: плавность и непрерывность статистических рядов нарушена, с одной стороны, реальными, внезапными, глубоко взбороздившими хозяйственную жизнь народа пертурбациями революционной эпохи, а с другой стороны, резким перерывом традиционной статистической работы, переходом к новым формам наблюдения и иному контингенту наблюдателей. Тем самым уничтожается законность экстраполяции, создается необходимость огульных поправок «на глаз», которые в конечном счете могут уничтожить всю ценность тонких, методологически стройно разработанных вычислений...»

Основная работа Б. С. Ястремского с изложением его «косвенного метода определения изменяемости статистических рядов» и применение последнего к анализу сведений по урожайной статистике относятся к 1920 году; работа В. М. Обухова, развивающая его положения и применяющая метод корреляции к установлению числовых взаимоотношений между урожаями и совместным действием на них осадков и температуры, относится, повидимому, к тому же периоду, ибо она была подготовлена к печати и опубликована в январь-апрельском номере «Вестника Статистики» за 1921 год.

Статья же Н. С. Четверикова, выдержки из которой мы привели выше, появилась в № 50 «Бюллетеня ЦСУ» от 8 июля того же года и посему может считаться критическим ответом Н. Четверикова на указанные опыты обоих авторов — и Ястремского и Обухова. (О работе по изучению урожаев России, или, вернее, материалов о них, чуть ли не за 110 лет, В. Г. Михайловского в данном случае говорить не приходится, так как это работа дает лишь сводку и сопоставления указанных материалов вне всяких попыток применения к их анализу сложных и громоздких математических приемов. *Е. В.*).

Продолжение и развитие этих работ мы находим у тех же авторов в ряде их докладов, частично опубликованных в органе ЦСУ «Вестник Статистики» и заслушанных на Всероссийских статистических конференциях 1921—1922 г.г., а также на последнем 3-м Всероссийском Статистическом С'езде, состоявшемся 3 — 13 ноября 1922 г.

Особый интерес представляет работа В. М. Обухова, задавшегося целью на уже собранных многочисленных материалах дореволюционной аграрно-экономической текущей статистики проверить возможность применения к анализу связей между урожаем, состоянием посевов и сборами урожаев и явлениями погоды (температуры и осадков) наиболее сложных методов математической статистики — методы нахождения уравнений регрессии и методы исчисления коэффициентов корреляции — и, если не установить, то хотя бы наметить полную и стройную теорию применения этих обоих методов к исследованию форм и характера этих связей, знание которых позволило бы в дальнейшем определять с достаточной мерой вероятности размеры и качества предстоящих урожаев.

Подвергая чисто опытным методом в своих работах детальному рассмотрению все возможности применения указанных методов к анализу соответствующих материалов бывш. Центрального Статистического Комитета, В. М. Обухов пришел к выводу, что соотношения, получаемые в результате применения каждого метода порознь к исследованию определенных статистических рядов, дают большие невязки, но, с другой стороны, обнаруживаемые углубленным рассмотрением свойства этих невязок, поскольку они не являются следствием случайных причин, ошибок в первичном наблюдении, суб'ективизма в группировках и проч., показывают полную пригодность каждого метода в отдельности эти свойства открывать и устанавливать идущие по разным направлениям взаимозависимости, степень их истинности или ложности и проч. Таким образом, оба метода, несмотря на целый ряд методологических вопросов, остающихся еще не выясненными, оказываются равно необходимыми и пригодными служить той цели, которую имелось в виду достичь их применением к анализу материалов текущей аграрно-экономической статистики; од-

нако в своем приложении к последнему они должны быть об'единены в одну систему, ибо у каждого из них различные, взаимно дополняющие сферы приложения.

«Только совместное пользование коэффициентом регрессии и способом корреляции различных степеней дает прочную основу, во-первых, для нахождения соответствующего уровня регрессии и, во-вторых, для установления формулы уклонения самого коэффициента корреляции различных степеней».

В результате чрезвычайно скрупулезных изысканий, В. М. Обуховым были предложены 3-му Всероссийскому Статистическому С'езду следующие основы: «методы определения ожидаемого урожая по состоянию посевов в начале цветения и по ходу погоды во время цветения, налива, созревания и уборки хлебов».

1. Материал бывш. Центрального Статистического Комитета обнаруживает большую связь фактического урожая с оценкой состояния посевов в начале цветения, исчисленным по способу бывш. Центрального Статистического Комитета [1]).

2. Связь урожая соломы с теми же оценками оказывается еще более тесной.

3. Расхождение между фактическим и ожидаемым в начале цветения урожаем, с одной стороны, определяется течением погоды от начала цветения и до окончания уборки и возки хлебов, а с другой — ошибками в определении урожая и в оценках состояния посевов в начале цветения.

4. Сопоставление этих расхождений с относительным урожаем зерна на 100 пуд. соломы обнаруживает большой парал-

---

[1]) Техника этого исчисления состояла в следующем: средние баллы по уезду или губернии умножались на соответствующие коэффициенты, равные одной трети среднего за предшествующее 10-летие сбора данного хлеба с десятины. Получаемые в таком порядке показатели вероятного сбора в пудах с десятины предстоящего урожая были, в качестве таковых показателей, постоянно ошибочны, с тенденцией на значительное понижение, однако они оказываются чрезвычайно правильными, если их рассматривать в качестве показателей той или иной степени соответствия между характеристикой состояния посевов в начале цветения и фактическим урожаем. Данными бывш. Центрального Статистического Комитета как раз и устанавливается вполне отчетливо эта степень параллелизма указанных явлений.—*Е. Р.*

лелизм между ними, что указывает на то, что в главной своей массе несовпадения ожидаемого и фактического урожая должны быть отнесены на счет течения погоды в период цветения налива и созревания.

5. Зависимость расхождения ожидаемого и фактического урожая от хода погоды с момента цветения может быть установлена по двум способам: а) на основании корреспондентских характеристик течения процессов цветения, налива, созревании и возки хлебов, и б) на основании об'ективных наблюдений метереологических станций относительно температуры и осадков.

6. Каждый из этих способов имеет свои достоинства и недостатки и поэтому пользование обоими является необходимым условием достижения наиболее точных результатов.

7. Разработка материала по шести восточным и юго-восточным губерниям, в которых расхождения между ожидаемым и фактическим урожаем достигают наибольших размеров, показывают, что:

а) коэффициенты корреляции между расхождениями ожидаемых и фактических урожаев и корреспондентскими характеристиками течения процессов цветения и в особенности налива весьма высоки, б) что зависимость этих расхождений от об'ективных наблюдений метеорологических станций также характеризуется высокими коэффициентами корреляции и в) что поэтому эти расхождения могут быть в весьма значительной мере исчерпаны и сведены к минимуму путем нахождения уравнения регрессии, определяющего их как функцию течения погоды с момента цветения.

8. В результате можно считать доказанным, что ожидаемый урожай может быть определен способом применения оценок состояния посевов в начале цветения и по ходу метеорологических элементов за тот сравнительно небольшой промежуток времени, который отделяет цветение от уборки.

9. Для уточнения результатов следует перейти от шкалы балловых оценок бывш. Центрального Статистического Комитета к шкале балловых оценок, разработанной в Отделе научной методологии ЦСУ Б. С. Ястремским (приведенной выше).

(См. *В. М. Обухов:* «К вопросу о нахождении уравнения регрессии, удовлетворяющего эмпирическому статистическому ряду» в «Вестнике Статистики» в кн. № 5 — 8 за 1921 г. и в кн. X, № 1—4, за 1922 г., «Связь урожаев ржи с оценкой ее состояния в начале цветения»—там же, кн. XI за № 5 — 8 за 1922 г., «Методы определения ожидаемого урожая по состоянию посевов в начале цветения и по ходу погоды во время цветения, налива, созревания и уборки хлебов». — «Всероссийский Статистический С'езд 3 — 13 ноября 1922 г. — тезисы докладов» изд. ЦСУ. Москва 1923 г., стр. 9 — 10).

Поскольку метод суб'ективных корреспондентских оценок фактического урожая, как и урожая ожидаемого (по состоянию посевов в периоды цветения, налива и созревания), оказывался положенным в основу исследования этих явлений сельско - хозяйственной действительности, постольку явилась необходимость выяснить форму и тесноту связи между количественным определением урожая и его суб'ективной характеристикой в корреспондентских оценках.

Эту задачу взял на себя в своем докладе 3-му Всероссийскому Статистическому С'езду на тему «Количественное выражение суб'ективной характеристики урожая» Б. С. Ястремский. (Его доклад под тем же заглавием опубликован до С'езда в кн. XI «Вестника Статистики», № 5 — 8 за 1922 г.)

Свое исследование Б. С. Ястремский обосновал следующими материалами: 1. Погодным сопоставлением за ряд лет по земским и статбюро материалам — а) фактического урожая в пудах с балловой его оценкой *по видам на урожай,* приуроченным ко времени, непосредственно предшествующему уборке хлебов, б) фактического урожая — с балловой оценкой *собранного уже урожая.* 2. Средней колеблемостью — средним квадратным отклонением урожаев по данным бывшего Центрального Статистического Комитета за 1883 — 1915 г.г. и 3. Построенными отдельными Губстатбюро шкалами урожайности. Доклад распадается на две части: в первой дается общая характеристика материалов погодных сопоставлений, а также методы обработки их и главнейшие выводы; во второй дается построение шкалы урожайности, основанной на указанных материалах.

Сопоставление средних баллов как по видам на урожай, так и по оценке сбора, с количеством пудов сбора с десятины производилось Б. С. Ястремским при помощи применения методов теории корреляции в направлении разрешения следующих задач: а) измерения тесноты связи между баллами и урожаем, б) установления степени шаткости этой связи, в) определения степени достоверности измерения сбора хлебов на основании суб'ективной характеристики урожаев и г) установления самой формы связи между баллами и урожаем, именуемой в статистической практике шкалой урожайности.

Для спределения тесноты связи между видами на урожай и сбором, или, иными словами, для определения их коэффициента корреляции, послужила следующая формула:

$$r = \frac{z\ \Sigma xy - \Sigma x \cdot \Sigma y}{\sqrt{[z\,\Sigma x^2 - (\Sigma x)^2] \cdot [z\Sigma y^2 - (\Sigma y)^2]}}, \qquad (1)$$

где r — искомый коэффициент корреляции; z — число лет периода, за который сравниваются погодные материалы; Σx — сумма средних баллов за тот же период; Σy — сумма средних сборов; $(\Sigma x)^2$ — сумма квадратов средних баллов; $(\Sigma y)^2$ — сумма квадратов сборов; $\Sigma \cdot xy$ — сумма произведений баллов на соответствующие сборы.

Что касается формы связи, то таковая предполагалась в первом приближении *линейной*, т.-е. имеющей такой вид:

$$y = a_0 + a_1 x \qquad (2)$$

где y — сбор, x — балл, a_0 и a_1 — постоянные величины, периметры, значение которых определялось по системе двух уравнений:

$$a_0 \cdot z + a_1 \cdot \Sigma x = \Sigma y,$$
$$a_0 \cdot \Sigma x + a_1\,\Sigma x^2 = \Sigma yx;$$

или

$$a_0 = \frac{\Sigma y \cdot \Sigma x^2 - \Sigma x \cdot \Sigma yx}{z \cdot \Sigma x^2 - (\Sigma x)^2},$$

$$a_1 = \frac{z \cdot \Sigma xy - \Sigma x \cdot \Sigma y}{z \cdot \Sigma x^2 - (\Sigma x)^2}.$$

При втором приближении определения уже не линейной, а *параболической, криволинейной* формы связи, последняя как мы видели выше, выразилась в более сложной формуле:

$$y = a_0 + a_1 x + a_2 x^2. \qquad (3)$$

Исходя из величин коэффициентов корреляции между баллами и урожаями и самый коэффициент корреляции исчисляя по другой формуле:

$$r^2 = \frac{a_0^2 - a_1^2}{a_0^2} \qquad (4)$$

где a_0 есть среднее отклонение от среднего уровня, a_1 — средняя ошибка в определении урожая, мы получаем величины отклонений фактических урожаев от урожаев, исчисленных либо по «видовой» либо по «оценочной» шкале. При этом, как правило, получается, что количественное отображение «оценочного» балла — «тройки» — выше количественного отображения «видового» среднего балла.

Выражая среднюю ошибку в определении урожая равной произведению среднего отклонения на дробь, числителем которой стоит количественное выражение самой средней ошибки, а знаменателем — среднее отклонение от среднего уровня: $a_1 = \frac{a_1}{a_0} . a_0$ и подставляя вместо $a_1 : a_0$ символ ϑ, последнее выражение преобразуем в равенство: $a_1 = \vartheta a_0$ Введя же это последнее выражение в формулу $r^2 = \frac{a_0^2 - a_1^2}{a_0^2}$, мы оказываемся в состоянии придать ей только такой вид —

$$r^2 = \frac{a_1^2 - \vartheta^2 a_0^2}{a_0^2} \quad \text{или проще} \quad \frac{a_0^2 (1 - \vartheta^2)}{a_0^2}$$

откуда получаем значение для $r^2 = 1 - \tau^2$, а для искомого соотношения между средней ошибкой в определении урожая и средним отклонением от среднего уровня:

$$\vartheta = \sqrt{1 - r^2}, \qquad (5)$$

что уже на основании данного значения r даст возможность исчислить количественное выражение.

Если в 1920 году, устанавливая «предварительные шкалы» урожайности, Б. С. Ястремский не касался еще двух вопросов — тесноты связи и выяснения точности предуказанной балловой оценки, то в 1922 году он не только подвергает детальному рассмотрению эти две проблемы, но и дополняет их рассмотрением еще одного, чрезвычайно важного и злободневного в аграрно-экономической статистике наших дней вопроса — вопроса исчисления периметров шкал. Трудность и в то же время злободневность этого вопроса состояла в следующем:

«Суждение о размере урожая, отвечающего той или иной его характеристике, опирается на известное число наблюдений. Ясно, что числа наблюдений по каждой характеристике неравномерно распределяются по баллам. Если расположить возможные, какие только наблюдались, размеры урожая в порядке, положим, возрастания их величин, то получится та же картина, какая наблюдается, например, в строю солдат. Сначала низкорослые довольно быстро сменяются их более высокими товарищами, но затем увеличение роста замедляется; совсем медленно изменяется рост около среднего; наконец, с приближением к самому высокому солдату происходит ускорение смены роста. Точно так же и в урожаях». Изменение количества сбора проходит быстрым темпом, пока урожай «плох», затем, при трех следующих характеристических («нижесредний», «средний», и «вышесредний»), изменение задерживается и, наконец, при «хорошем» урожае опять возникает быстрая смена чисел.

Диаграмма таких изменений именуется в теории статистики «огивой Гальтона».

И подобно тому, как представление о росте *среднего* человека отличается большей определенностью, чем представление о росте великана или карлика, так же точно количественное отображение трех средних должно быть более определенным, чем количественное выражение двух крайних баллов.

Если, следовательно, точность определения урожая только в «среднем» может быть доведена до 2-х пудов с десятины

как до некоторого идеала, то нельзя достигнуть такой же точности для крайних баллов.

И балл «единица» оказывается в особо скверных условиях, ибо при плохом урожае каждый пуд имеет серьезное экономическое значение, тогда как при хорошем урожае неточность в пять пудов, и даже больше, не делает существенной разницы в оценке «кон'юнктуры».

Еще хуже и сложнее обстоит дело с нулевой характеристикой «гибели посевов», понятия, как известно, особо растяжимого:

«На севере России говорят о «гибели посевов» даже тогда, когда жатва возвращает семена; на юге же, и в особенности в Нижнем Поволжьи и Заволжьи, «гибель посевов» обозначает «урожай» в 1, 2, 3 пуда с десятины».

Такая относительно малая определенность крайних баллов характеристик об урожае лишает исследователя возможности сколько-нибудь точно определить *меры кривизны* той параболы, по которой должны проходить показание и смена роста урожаев, иными словами, величины параметра «a». Это побуждает Б. С. Ястремского выдвинуть особый метод «приблизительного определения» последней, сущность которого им излагается в следующих словах:

«Сравнение сводок по нечерноземной полосе и центрально-земледельческому району показывает, что кривизна больше там, где шире колеблются урожаи. Значит, параметр «a_2» растет вместе с величиной φ (средней изменяемостью урожая на один балл). А так как изменение φ пропорционально изменению параметра «a», то отсюда следует, что параметр «a_2» растет вместе с «a». Б. С. Ястремский допускает при этом только одну возможную гипотезу о том, что параметр a_2 должен равномерно изменяться с равномерным изменением «a», и на этом основании выводит свою примерную систему парабол для шкал, постепенно изменяющихся с ростом «a_1» и «a_2», имеющую такой вид:

$$x_1 = 100 + 25\,x,$$
$$x_2 = 100 + 30\,x + 1{,}2\,x^2,$$
$$x_3 = 100 + 35\,x + 2{,}4\,x^2,$$

$$x_4 = 100 + 40\,x + 3{,}6\,x^2,$$
$$x_5 = 100 + 45\,x + 4{,}8\,x^2,$$
$$x_6 = 100 + 50\,x + 6{,}0\,x^2\ ^{1)}.$$

В этой системе Б. С. Ястремского урожай, соответствующий баллу «тройке», им принят за 100; количественные же выражения остальных баллов определяются путем придания «x» разности между данным баллом и «тройкой»; так что «x» может принимать следующие значения:

при балле «единица» . . . . . . — 2,
» «двойка» . . . . — 1,
» «тройка» 0,
» «четверка» . . . . . + 1,
» «пятерка» . . . . . . + 2.

Приведенная выше система парабол отмечает не только характерные этапы в постоянном видоизменении шкал в их переходах от самой умеренной до самой размашистой. Она отмечает также характерные свойства понятия «гибель посевов», если считать эту «гибель посевов», соответствующую баллу 0, при котором $x = -3$.

Беря из шкалы парабол первое и последнее уравнения, мы получаем для каждой из них следующие значения «гибели посевов»:

Для первого уравнения $y\Big|_{x=-3} = 100 - 25\,.\,3 = 25,$

т.-е. «гибель посевов» измеряется в 25%, а таковой сбор как раз и обозначает «возврат семян», каковой расценивается в Центральной России, как «гибель посевов» (при среднем урожае сам-четыре—четвертая часть урожая равняется высеву).

Для последнего уравнения: $y\Big|_{x=-3} = 100 - 50\,.\,3 + 6\,.\,9 = 4,$

[1]) Б. С. Ястремский принимает колебания минимального и максимального значения согласно сводкам материала по губерниям черноземной и нечерноземной полос Евр. России от 25 до 40%, при которых a от значения, близкого к нулю, подымается до значения, равного примерно 3—4% среднего урожая —*Е. В.*

т.-е. в данном случае «гибель посевов» определяется сбором всего в 4% среднего урожая, что для среднего поволжья соответствует примерно $1^1/_2$ пудам с десятины, а для Астраханского края — $^1/_2$ пуда.

Выявляемое, хотя бы в этом примере, процентное изменение урожая на единицу балла, символизируемое в аграрно-экономической статистике знаком φ, растет вместе с увеличением колеблемости урожаев в направлении с северо-запада на юго-восток, кривизна же шкалы увеличивается с ростом процентного изменения урожая на единицу балла, т.-е. опять таки вместе с увеличением колеблемости урожаев.

Таким образом, основным определителем типа шкалы является колеблемость урожаев. Путем анализа соотношений между φ — процентным изменением урожая на единицу балла и значениями σ — средних квадратных отклонений урожаев, выраженных в единицах урожая «сам», с одной стороны, и с другой — выявления отклонений фактических урожаев «сам» от среднего уровня их, отображающего вековое эволюторное движение урожайности, Б. С. Ястремский установил наличность отличия даже в пределах одной губернии от другой величин φ для отдельных хлебов, при чем форма связи этих отличий в значениях φ с изменением в сторону роста с северо-запада на юго-восток значений σ была им выявлена как чисто корреляционная, не функциональная зависимость между φ и σ. Однако по чисто практическим соображениям он предложил для всех хлебов и корнеплодов принять систему параболических шкал, аналогичных «x»-овым, для определения средней погубернской величины φ, понимаемой им как выражение «веса урожая».

В своем исследовании о «Связи урожаев ржи с оценкой ее состояния в начале цветения» В. М. Обухов пришел к определенному выводу, что «расхождения между ожидаемыми сборами, определяемыми по уравнениям регрессии на основании состояния посевов в начале цветения, и действительными урожаями не могут быть отнесены, в главной своей части, на счет недоброкачественности показаний населения о состоянии хлебов»... «Мы можем совершенно категорически доказать,—

— —

говорит он, — что расхождения между ожидаемым урожаем, определенным по уравнениям регрессии, и фактическим сбором, главным образом, об'ясняются *условиями жизни* растения в период между началом цветения и жнивом».

Среди этих «условий жизни растений» важнейшим является комплекс метеорологических явлений, обозначаемых в просто речьи общим понятием—«погода».

Определению форм и характера связи между урожаем и погодой посвятил особое внимание научный отдел Статистической методологии ЦСУ, проведя за истекшее пятилетие разработку материалов двадцатидвухлетних наблюдений, произведенных более чем в 30 губерниях и распределенных равномерно по территории Европейской России.

На III Всероссийском Статистическом С'езде докладчиком от Отдела о результатах его работы в указанном направлении выступил Н. С. Четвериков, в методологической части своего доклада характеризовавший формы и характер зависимости урожая от погоды в таких положениях:

1. Коэффициенты корреляции между урожаем и погодой обнаруживают значительное сходство в различных губерниях. Однако это еще не служит доказательством их реальности, если сравниваемые губернии входят в один и тот же район, установленный по согласованности колебаний урожаев.

2. Решающее значение имеют те различия между циклами коэффициента корреляции в различных губерниях, которые хорошо согласуются со взаимным географическим положением губернии (сравнение юга с севером и запада с востоком) и дают постепенно закономерные изменения картины связи урожаев с погодой при переходе от одной губернии к другой.

3. Зависимость урожая от осадков может заменяться его зависимостью от температуры и связью температуры с осадками. Вопрос выясняется вычислением частных коэффициентов корреляции.

4. Зависимость урожая от осадков (температуры) за определенный период времени затемняется зависимостью его осадков (температуры) за другие периоды, связанные в ходе погоды с первым периодом. Необходимо дополнить исследование выяснением связи между погодой в различные периоды года.

5. Закон зависимости урожая от метеорологических условий не всегда носит характер прямой или обратной простой пропорциональности отклонений того или другого явления от нормы. Криволинейный характер регрессии мешает пользованию обычными коэффициентами корреляции, вместе с тем малочисленность наблюдений затрудняет выяснение истинной формы зависимости урожая от метеорологических условий.

6. Зависимость урожаев озимой ржи от осадков и температуры складывается различно в разных районах России. Исследование позволило наметить следующие полосы:

а) Северо-западный район (Олонецкая, Новгородская, Тверская, Псковская, Минская, Смоленская, Калужская, Вологодская). Осенние осадки обнаруживают слабую положительную связь с урожаем следующего года. Весенние и летние осадки сильно вредят урожаю. В северной части полосы теплое лето благоприятно урожаю; в южной же части (Минской губ.) хорошие урожаи получаются при прохладном лете.

б) Центральный нечерноземный район (Владимирская, Костромская губернии). Осенние осадки оказывают отрицательное влияние на урожай. Слабое отрицательное значение имеют и осадки ранней весны (март, начало апреля), которое сменяется положительным для мая. Прохладное лето благоприятствует урожаю.

в) Восточный район (Пермская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Симбирская, Самарская, Уфимская, Саратовская, Тамбовская, Рязанская губ.). Осенние осадки сравнительно слабо благоприятствуют урожаю. Решающее значение имеют осадки мая и июня. Температура в течение летних месяцев должна быть умеренной, зависимость от нее урожаев выражена чрезвычайно резко даже для северной части района (Пермской, Вятской губ.).

г) Украинский район (Обл. Войска Донского, Воронежская, Екатеринославская, Харьковская, Полтавская, Киевская, Курская, Орловская губ.). Влияние осадков особенно сильно в осенние месяцы и слабее выражено для мая, лишь в западной части района значение того и другого периода сравнивается. Отчетливо выявляется положительное влияние умеренной температуры в течение лета.

д) Волынский район (Волынская, отчасти Черниговская губернии). Осенние осадки приносят значительный вред (конец августа и сентябрь), значение майских осадков невелико и круто обрывается в июне.

е) Южный район (Тавр., Херсон. губернии). Район характеризуется крайней нуждой во влаге. Необходимость осенних осадков отчасти выявляется для Херсонской губ. и неясна для Таврической. Осадки ранней весны обнаруживают резко отрицательное влияние на урожай. Положительное же значение осадков начинает сказываться с конца апреля и ярко проявляется в майских коэффициентах корреляции. Температура весны и лета должна быть умеренной, отрицательная связь ее с урожаем выражается весьма определенно.

7. Для восточного и южного районов как для озимых, так и для яровых хлебов обнаружена устойчивая, проявляющаяся отрицательно, связь урожаев с осадками ранней весны (ср. исследование Харизоменова для Саратовской губ.).

8. Для восточных, а частью и южных губерний, в противоположность выводам проф. Броунова, устанавливается преобладающее значение майских и июньских осадков по сравнению с осенними. Возможно, что это расхождение результатов об'ясняется следующими соображениями:

а) Проф. Броунов пользовался данными сельско-хозяйственных метеорологических станций, тогда как работа ЦСУ ведется по данным об урожае на крестьянских землях, где осенний высев производится весьма поздно.

б) Принятая в работе ЦСУ продолжительность периода для учета метеорологических факторов, а именно один месяц,— оказалась вполне целесообразной для весны и лета, но слишком краткой для осеннего сева, растягивающегося на два и даже на три месяца (в южных губерниях) и сильно колеблющегося от года к году.

9. Частные коэффициенты корреляции для восточных, южных и юго-западных губерний устанавливают тот факт, что влияние осадков ограничивается, главным образом, первой половиной лета (до начала налива зерна), тогда как во вторую половину лета на первый план выдвигается значение температуры.

10. Влияние температуры на урожай проса резко различно для западной и юго-западной России, с одной стороны, и для восточной и центрально-черноземной России—с другой стороны. В первой полосе хорошие урожаи проса получаются при теплом лете, тогда как для второй полосы при холодном.

11. Несмотря на то, что коэффициент корреляции урожая с температурой значительно выше, чем с осадками, все же следует воздержаться от заключения, что температура влияет на урожай сильнее, чем осадки; осадки регистрируются с большими ошибками наблюдения, благодаря чему коэффициенты корреляции понижаются.

12. При сравнении циклов корреляции, вычисленных для различных хлебов, выясняется в общем и целом, что наибольшую зависимость от погоды обнаруживают урожаи овса и проса, за которыми следует рожь и ячмень, тогда как зависимость от метеорологических факторов яровой пшеницы выясняется в общем слабее.

Интересно, что в то время, как Н. С. Четвериков устанавливает сельско-хозяйственное деление территории Евр. России на районы по шкале зависимости урожаев от осадков и температуры, Б. С. Ястремский, в своем цитированном нами выше исследовании, подходит к разбивке сельско-хозяйственных районов по типу параболических шкал урожайности, т.-е. по шкалам значений для различных территорий коэффициента колеблемости урожая, устанавливая соответствие таким образом выделенных районов с известной Докучаевской почвенной картой, устанавливая яркий параллелизм почвенных условий и «веса» урожая. В дальнейшем Б. С. Ястремский дает синтез этих двух подходов к проблеме районирования по комбинированию указанных выше условий и зависимостей, развивая в своем втором докладе III Всероссийскому Статистическоми С'езду, на тему «Учет периодичности урожаев», следующие положения:

А. Можно считать установленным, что

а) периодические колебания—того же происхождения, что и прихотливые изломы кривой урожайности, т.-е. порождаются погодой, но не культурой, которая находит свое доста-

точное выражение в гладком уровне вековой эволюции урожаев.

б) несмотря на то, что сопоставление высот волн в ходе изменения урожайности указывает на незначительную высоту их в некоторых случаях, сама по себе периодичность урожаев выражена в общем настолько слабо, что учет ее не приносит никакой выгоды *в деле предвычисления будущих урожаев;* тем не менее изучением периодичности урожаев пренебречь нельзя, так как *ее значение неоспоримо при отыскании общих причин колеблемости урожаев.*

в) На существование таких общих причин колеблемости урожаев указывает обратность порядка расположения периодических волн этой колеблемости черноземной полосы Евр. России по отношению к порядку их расположения в нечерноземной полосе, вызывающей в этих полосах различный по знаку эффект.

Б. По продолжительности периода волн колеблемости урожаев намечается четыре района в пределах Европейской части РСФСР:

а) первый район с 8-летней волной—Восточный (восточная часть Черноземной полосы);

б) второй район с 8—9-летней волной—Украинский (западная часть Черноземной полосы);

в) второй район с 10—12-летней волной—Северо-Западно-Центральный (большая часть Нечерноземной полосы) и

г) четвертый район — без заметных волн—Белорусский (крайняя западная часть Нечерноземной полосы).

Наконец, в третьем, совместном докладе С'езду Н. С. Четверикова и Б. С. Ястремского, на тему «Районы согласованных колебаний урожаев озимой ржи в Евр. России», оба докладчика указанные выше районы-полосы разбивают на 7 более компактных районов с 9-ю подрайонами, устанавливая их по коэффициентам корреляции между колебаниями урожаев ржи в одной губернии и колебаниями их в каждой из остальных губерний (по материалам бывш. Центрального Статистического Комитета).

Кроме того, докладом устанавливается методика дробного, внутригубернского распределения территории на «районы со-

гласных колебаний урожаев озимой ржи», сущность которой передается в следующих тезисах:

1. Для статистических исследований изменчивости урожаев или же влияний их колебаний на различные стороны народной жизни представляется существенной задачей наметить районы согласных колебаний урожаев.

2. Районы согласных колебаний урожаев являются, вместе с тем, и районами сходной изменчивости тех факторов (главным образом, метеорологических), от которых колебания урожаев зависят.

3. Сходство в колебаниях урожаев на различных территориальных единицах (губерниях, уездах) выясняется путем вычисления коэффициентов корреляции между отклонениями урожаев от нормы. Норма может в течение изучаемого периода (1883—1915 г.г.) эволюционировать.

4. Однородность или «плотность» района характеризуется средней величиной коэффициентов корреляции между колебаниями урожаев в тех губерниях (уездах), которые входят в состав района.

Сила связи существенно зависит от географической близости сопоставляемых территорий; поэтому плотность района стоит в обратной зависимости от его размера.

5. Некоторый произвол в установлении границ, неизбежный при районировании, обычно усугубляется непреодолимостью и суб'ективностью оценок степени сходства. Последний недостаток может быть до известной степени устранен, так как коэффициент корреляции дает твердую опору нашему суждению близости двух губерний (уездов) по выбранному признаку (изменяющемуся во времени).

6. Сравнительная однородность урожайных данных бывш. Центрального Статистического Комитета сообщает статистическим рядам одинаковую достоверность (благодаря чему коэффициенты корреляции, вычисленные для различных губерний, хорошо сравнимы друг с другом и позволяют улавливать даже небольшие различия в степени сходства урожайных рядов).

7. В пределах района намечается подразделение на корпус района и подрайоны, тяготеющие к корпусу района, но мало связанные между собою.

8. Опыт применения корреляции к поуездному районированию в пределах губернии показал, что и здесь, как и при губернском районировании, результаты получаются достаточно отчетливые; это может послужить указанием на то, что поуездные урожайные данные ЦСК заслуживают доверия.

9. При поуездном районировании в пределах губернии весьма важно выяснить не только связь между собою колебаний урожаев в различных уездах, но и тяготение их к соседним губерниям.

10. Установленные районы согласных колебаний урожаев имеют следующее значение для статистических исследований урожайности:

а) Указанные районы пригодны для сводки сведений об урожаях (а также о видах на урожай), когда эти сведения получаются по разбросанным по территории пунктам, и

б) При изучении связи между урожаями и другими явлениями народной жизни, а также и при выяснении периодичности в урожайных рядах, нельзя придавать чрезмерно большое значение тому, что результаты исследования по одной губернии подтверждаются для другой, взятой из того же района, так как даже случайные совпадения и кажущиеся закономерности могут легко повторяться в губерниях одного района, поскольку эти губернии обнаруживают сходство в основных рядах урожайных данных [1]).

---

[1]) Рассмотрению в нашей книге не подверглись труды по текущей сел.-хоз. статистике 5-ой Статистической Всероссийской Конференции, заседавшей 25—28 янв. 1923 года, материалы которой опубликованы в кн. XIII, № 1—4 за 1923 г. „Вестника Статистики". *Е. В.*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

УЧЕТ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКЕ И РАЗРАБОТКА МАТЕРИАЛОВ ЭТОГО УЧЕТА.

Если, описывая состояние и методы аграрно-экономической статистики дореволюционного времени, мы могли подразделять в ней два определенных направления по способу подхода к изучению устойчивых — «основных» и быстро изменяющихся—«текущих» элементов сельского хозяйства, сообразно с чем вполне естественным являлось ее деление на «основную» и «текущую» статистику, то для современной нам государственной аграрно - экономической статистики такое подразделение является уже в значительной мере анахронизмом. Область собственно «текущей» статистики в ней сузилась по об'ему изучения за счет углубления и расширения самого изучения последнего до пределов «урожайной статистики», все же остальные элементы сельского хозяйства стали в одинаковой мере служить об'ектом не только основных единовременных исследований, но и периодически производимых, с постоянно сокращаемым промежутком времени, наблюдений повторного характера по программам все более и более детализируемым в отдельных моментах, часто, как в бюджетных исследованиях, исследованиях питания сельского населения и пр., привязывающимся к «основным» исследованиям только в базисных отправных пунктах программы и ограничивающим предмет своего изучения одними этими отдельными моментами. Причины этого явления прекрасно выявлены в вводных строках введения Г. И. Баскина к выпуску первому «Вестника Самарского губернского статистического бюро» за ноябрь—декабрь 1920 года:

«Мы не думаем, — говорит он в этом введении, — чтобы... (такое изменение) зависело только и исключительно от неблагоприятных внешних условий... Причины лежат глубже и сводятся они, по нашему мнению, не к затруднениям технического свойства, а *к изменению самого темпа нашей жизни...* Об'емистый статистический том (основных материалов) слишком тяжел, чтобы угнаться за теми самыми разнообразными запросами, которые при современных условиях пред'являются различными учреждениями к местным статистическим бюро, чтобы иметь возможность быстро реагировать на них и своевременно давать ответы на те требования, с которыми подходит к статистике современная действительность».

В связи с этими «современными условиями» и «требованиями современной действительности» в жизни нашей государственной аграрно-экономической статистики революционного времени можно различить два периода:

Первый—период времен «военного коммунизма», в который программа работ статистических органов Республики строилась на идее строгого централизованного всеоб'емлющего, всестороннего и самого детального охвата всего комплекса явлений социализированного в принципе сельского хозяйства. Второй — период новой экономической политики советской государственности, период сокращения, с одной стороны, сферы государственной централизации, а с другой—нарастания самостоятельных интересов местной жизни, вызывающий необходимость решительного сокращения заданий государственной статистики за счет направления ее внимания в сторону изучения главных, основных элементов сельского хозяйства с дополнением их изучения некоторыми основными заданиями по изучению стихийной игры народо-хозяйственных сил, вызванных возрождением рыночных отношений и признанием советской государственностью хозяйственной автономии массового мелкого производителя в сельском хозяйстве.

Обозревая пятилетие существования государственной статистики РСФСР и сравнивая ее положение и ее задачи со статистикой дореволюционной, А. М. Стопани, в своем докладе III Всероссийскому Статистическому С'езду на тему—«Неко-

торые больные вопросы государственной статистики», в таких словах охарактеризовал происшедшие в этом направлении изменения:

«Не подлежит—говорил А. М. Стопани—никакому сомнению, что об'ективность условий, в общем и целом, для нашей статистики (по сравнению с дореволюционным) неизмеримо улучшилась; вместе с отжившим свой век помещичьи-капиталистическим государством отошло в область предания и все то отрицательное, что определенно тормозило работу земской статистики... С огосударствлением всей нашей статистики, при ее организационном единстве, исчез тот параллелизм, что имел место раньше. Из гонимого пасынка прежняя земская статистика превратилась в научную организацию, пользующуюся всемерной поддержкой рабоче-крестьянского государства, обладающую возможностью осуществлять быстро и точно сложнейшие задания, выдвигаемые жизнью. Получив полную возможность работы в интересах широких слоев трудящихся, всецело совпадающих с интересами рабоче-крестьянской власти, современные статистики, если только они не враги этих трудящихся, не станут в те противоречия, в какие нередко приходилось им становиться в условиях работы в хозяйски-классовых земствах (и ведомственных органах самодержавия).

Наше социалистическое государство, регулируя все важнейшие стороны народно-хозяйственной жизни, больше, чем всякое другое, нуждается в мощном статистическом аппарате, который, работая быстро, откликался бы на все сложнейшие запросы государства—строителя новых лучших форм жизни трудящихся. Наше государство хочет знать от статистических цифр только одну правду. Этим наша государственная статистика и должна отличаться от статистики капиталистических стран, допускающих всяческую тенденциозность или, где нужно, замалчивание в интересах наиуспешной эксплоатации большинства меньшинством».

Отсюда, первый лозунг: долой сухой академизм лишь внешне об'ективных цифр старого времени. Каждая статистическая цифра должна дышать жизнью и правдиво, искренне освещать эту жизнь, как бы она ни была неустроена и темна

в отдельных своих частях, в условиях переходного времени от старого строя к лучшим формам жизни. Правдивость. быстрота реагирования, мощность охвата изучаемого целого, умение схватить в порядке самого первичного наблюдения основные черты явления, самые скрытые черты тенденций его эволюции, совершающихся в нем, в условиях перестройки социального строя, динамических процессов; уловить связи и причинозависимости отдельных явлений со всем комплексом народно-хозяйственного целого; предугадать дальнейшее движение процессов и дать тем самым в руки государства-строителя орудие сознательного творчества новых форм трудящихся—вот те «требования современности», которые поставлены нашей государственной вообще и аграрно-экономической в частности статистике условиям ее огосударствления. самим фактом существования государства трудящихся.

Именно этими условиями об'ясняется тот факт, что в области не только местных, но и общегосударственного значения статистических обследований последнего времени, исчерпывающие сплошные переписи все более и более заменяются подвижными легкими формами статистического наблюдения. Именно этим об'ясняется то, что «никогда еще,—как отмечает Г. И. Баскин,— текущая регистрация, охватывающая самые разнообразные стороны жизни, не играла в статистике нашей такой роли, которая отводится ей в современной постановке статистических работ».

Это не стоит ни в малейшем противоречии с выполненными за последние годы сплошными и выборочными переписями основного, в старом земском смысле, порядка.

— «Эти переписи являлись безусловной необходимостью. Они были необходимы потому, что прошлое не оставило нам тех именно материалов, нужда в которых чувствовалась на каждом шагу. В настоящее время эта потребность (на некоторое время) удовлетворена... Собранные ныне обширные материалы представляют собой величайшую ценность. В течение многих лет они явятся тем источником, из которого будут черпаться... необходимые цифровые и фактические данные. Нужно только ежегодно освежать и корректировать эти данные путем анкеты или путем выборочной регистрации, охва-

тывающей определенный круг явлений и фактов». (Там же— Г. И. Баскин.)

Итак, вопрос о выполнении новых, дополняющих «старый» материал сплошных переписях—это было первой заботой огосударствленной аграрно-экономической статистики РСФСР, особенно, когда выяснилось, что и перепись 1917 года, имевшая в своем задании главной целью изучить условия крестьянского хозяйства, не смогла дать исчерпывающего материала в этом направлении, так как момент ее производства оказался для этого слишком неблагоприятным. Он совпал с критическим моментом революционного перелома 1917 года, моментом стихийного крестьянского движения против помещичьих усадеб, т.-е. моментом, когда дореволюционные отношения крупного и мелкого хозяйства рушились, и когда не создавалось никаких предпосылок к об'ективному их изучению.

Но все же, прежде чем поднять вопрос о новых переписях и способах их осуществления, государственная статистика России не смогла не отдать должного внимания и вопросам изучения материалов переписи 1917 года и направлению их разработки. В связи с этим выдвинулся и целый ряд методологических вопросов. Так, Г. И. Баскиным в его, изданной в 1917 году в Самаре, работе—«Метод вторичной количественной группировки в приложении к разработке всероссийской сел.-хоз. переписи», был предложен способ упрощения комбинационной сводки переписанных материалов. Произведя, согласно рекомендуемому им способу, опыт на материале переписи 1916 года по Самарской губернии, автор стремится доказать возможность сокращения счетных единиц при разработке материалов сплошных обследований путем принятия за первичные счетные единицы не индивидуальные хозяйства, а представляющие некоторое единство их совокупности,—например, селения, волости и т. д.,—без всякого ущерба для основательности самых выводов.

Основной мыслью автора является то положение, доказываемое им соответствующими цифровыми иллюстрациями, что и селения, взятые, как единицы, не меньше отражают хозяйственные различия, наблюдаемые в общем в пределах той или другой области и обусловливаемые различиями в индивидуаль-

ных хозяйствах, чем и эти самые хозяйства, если только принять за группировочный признак этих селений—их расстояние от места сбыта сел.-хоз. продуктов, каковой признак в одном и том же направлении, хотя, быть может, и с различной силой, влияет на все хозяйства, входящие в соответствующие селения.

Обоснование более подробное этому положению Г. И. Баскин дает, во-первых, во второй главе своей другой работы, опубликованной в том же 1917 году, — «Критическая оценка материалов всероссийской сел.-хоз. переписи и система ее разработки», под заглавием «Основной принцип группировки крестьянских и частновладельческих хозяйств при построении комбинационных таблиц», а также в статье, опубликованной им в 1920 году, в № 1 «Вестника Сам. губ. стат. бюро» под заглавием — «Районирование территории, как необходимая предпосылка и твердая основа экономического строительства».

Что касается текущей работы по разработке материалов переписей вообще и переписи 1917 года в частности, то с момента утверждения «Положения о государственной статистике» она всецело сосредоточилась в отделе переписей ЦСУ, при чем Всероссийским С'ездом Статистиков, состоявшимся в июне 1918 г. по вопросу об окончательной разработке материалов переписи 1917 года, по докладу Исполнительной Комиссии расширенного состава статистического с'езда было принято следующее постановление по программе декабрьского с'езда статистиков 1917 года:

А. По учету размеров и состава общего и колонизационного земельного фонда.

1) Подсчет поуездных итогов, развернутых по категориям владения, обязательно производится по уездам в составе той территории, которая существовала в 1916 году.

Примечание: итоги по уездам в новых границах даются особо.

2) Подсчет волостных итогов землевладения, как и составление инвентарей и списка владений, является работой, не необходимой для центра, и выполнение ее предоставляется согла-

шению губ. стат. бюро с учреждениями, ведающими земельным делом губернии...

3) Подсчет поуездных итогов для отдела переписи относится к работам первой очереди, при чем в основание земельного учета можно положить учет земель прежних, не устаревших, по мнению стат. бюро, исследований, с внесением в них тех изменений, которые потребуются, с одной стороны — единством общегосударственной программы, с другой — приближением к составу землевладения 1917 года.

4) При распределении земли по угодьям в губерниях, где сохранить принятую общую программу состава угодий невозможно, предоставляется по соглашению местного стат. бюро с отделом переписи эту программу изменить.

5) В программу поуездного подсчета землевладения, утвержденную декабрьским с'ездом 1917 года (стр. 217), вносятся следующие изменения:

а) Земли частного владения подсчитываются по угодьям и размерам землевладения, при чем дополнительно вносится рубрика «количество земель, не распределенных по размерам владений»;

б) Хуторские владения — на надельной земле, на земле крестьянского банка и проч. — соединяются в один итог, сохраняя разделение на: 1) земли хуторов поселкового типа и 2) на земли хуторов изолированно-разбросанных.

в) Землевладение поселенного группового типа—надельное—разделяется на три категории: 1) надельно-общинное, 2) надельно-подворно-наследственное и 3) надельное смешанное, общинно-подворное, при чем в последней категории земля общинная отделяется от земли подворно-наследственной. Разделение надельных земель на отрубные, чересполосные и укрепленные не производится.

г) Купчее крестьянское землевладение делится на три категории: 1) единоличное, связанное с наделом, 2) товарищеско-общинное, связанное с наделом и 3) землевладение крестьянских поселков на купчей земле и поселков городского типа других сословий.

д) Землевладение государственных и публично-общественных учреждений разбивается на категории, полный список ко-

торых поручается выработать отделу переписей и, по одобрении его президиумом Исполнительной Комиссии, разослать на места.

е) Категории землевладения, не входящие ни в одну из указанных рубрик, имеют особые итоги с точным указанием характера владений.

Б. О выработке земельных норм.

1) Трудовые нормы по конструктивно-теоретическому методу устанавливаются по схеме, принятой декабрьским с'ездом статистиков (протоколы с'езда стр. 199).

2) Трудовые нормы по эмпирико-статистическому методу (стр. 200) устанавливаются по группам волостей, об'единенных по районам, образованным по признакам, указанным в докладе (стр. 199).

Примечание. Группировка хозяйств (стр. 201) по размерам землевладения производится в пределах района.

В. О контингенте хозяйств и населения.

Поселки городского типа (фабричные, приисковые и др.) в таблицах А, Б и В контингента хозяйств и населения (стр. 226 — 228) выделяются в особую категорию.

Опубликование итогов всероссийской сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года по губерниям до сего времени не осуществилось полностью [1]). Выпущенные, было, в 1918—1919 годах «предварительные итоги» ее, в виду обнаружения многих неточностей и ошибок, из распространения были из'яты. Лишь в конце 1921 года вышел первый выпуск окончательных итогов по 52 губерниям и областям в издании «Трудов

---

[1]) Уже после сдачи рукописи настоящего издания в набор из печати в издании ЦСУ, вышли „Поуездные итоги“ по 57 губерниям и волостям. О них говорится в послесловии при разборе возражений А. И. Хрящевой на наш труд. *Е. В.*

Центрального Статистического Управления», как выпуск первый их пятого тома.

В числе главнейших условий запоздания выпуска итогов этой переписи в предисловии к указанному изданию отмечаются следующие:

1 марта 1917 года, уже при временном правительстве, отчет переписи при управлении делами Особого совещания по продовольствию перешел в ведение лица из среды земских статистиков — членов Исполнительной Комиссии статистических с'ездов.

Первым шагом реорганизованного отдела переписи был созыв нового с'езда статистиков в Москве на 18-е апреля 1917 г., каковым с'ездом, как говорилось в одной из предыдущих глав, были рассмотрены и утверждены представленные ему отделом переписи программы, по которым и осуществлялась всероссийская сельско-хозяйственная и поземельная перепись 1917 года.

Тотчас же после с'езда отдел переписи отпечатал и разослал на места программы и инструкции к переписи. Таким образом местные статистические организации могли уже в мае месяце приступить к самому производству переписи.

Происходившее весной и летом 1917 года почти во всех губерниях аграрное движение настолько повлияло на правильный ход работ по переписи, что в некоторых местах не удалось совсем получить никаких сведений; но такого рода пропуски имели место в большинстве случаев по отношению к отдельным селениям и дворам и очень редко к целым волостям. Особенно пострадала полнота охваченных переписью об'емов по отношению к частновладельческим имениям.

В июне месяце 1917 года отдел переписи выработал и разослал программу и инструкции для предварительной разработки материалов переписи.

Сравнительно сложная схема и программа итогов уже сама по себе требовала тщательной работы и не могла быть выполнена быстро.

Особенные трудности представляет собой учет земельных площадей в тех губерниях, где раньше не производилось никаких земельных обследований, и, следовательно, не было никакого руководящего материала. В таких условиях находились

губернии Архангельская, Астраханская, большинство сибирских губерний и некоторые из юго-западных.

Октябрьская революция и последовавшая за ней социальная перестройка не могли, в свою очередь, не повлиять на ход статистических работ.

При конструировании советских учреждений в провинции статистические отделы бывших земских и городских управ оказывались в разных местностях в ведении различных комиссариатов; в одном случае статистический отдел становился под'отделом губ- или уземотдела, в другом—продкома, в третьем—совнархоза или комиссариата внутренних дел и т. п. Каждый комиссариат, всякое ведомство стремились использовать статистический аппарат вообще и материалы переписи в частности, прежде всего, а иногда — исключительно, в своих узких прикладных ведомственных целях и интересах. Стремления эти, вполне понятные сами по себе, создавали опасность нарушения плана общегосударственной разработки материалов переписи 1917 года, так как цели и интересы у различных ведомств были различны и носили каждый раз чисто местный характер.

Отвлечение материала на удовлетворение частичных разрозненных целей сильно тормозило работу по получению итогов переписи 1917 года..

Эвакуация всех центральных советских учреждений из Петрограда в Москву в марте месяце 1918 года произвела на значительное время остановку всех работ по материалам переписи, а отсутствие в Москве надлежащего помещения не дало отделу переписи развернуть эти работы в мае месяце того же года.

В связи с этим Центральное Статистическое Управление, как орган государственной статистики Республики, начало организацию своих работ лишь в июне 1918 года и тогда же было приступлено к приготовлению итогов переписи 1917 года, окончательная редакция программы разработки которых была, как было сказано выше, принята Всероссийским С'ездом Статистиков, созванном в том же июне месяце 1918 года в Москве.

Предисловие к «Итогам всероссийской сельско-хозяйственной и поземельной переписи по 52 губерниям и областям» ни словом не упоминает о судьбе упомянутого нами выше неудачного издания предварительных итогов, опубликование которых

было опротестовано П. А. Вихляевым; оно обходит молчанием наличность тех разногласий, которые уже обнаружились к тому времени в руководящих статистических кругах в вопросах оценки как практического значения произведений переписи, так и методов построения программ разработки ее материалов.

Как говорит предисловие к другому изданию ЦСУ к «Итогам всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1920 года». (Труды ЦСУ том II, вып. 1, 2 и 3, 1921—22 г.г.), уже с 1918 года чувствовалась необходимость новой и уже не только сельско-хозяйственной, но всеоб'емлющей всероссийской переписи. Условия гражданской войны долго не позволяли осуществить этого мероприятия и только в 1920 году оказалось возможным, хотя и с громадными трудностями, его организовать во исполнение постановления о производстве его Всероссийского С'езда Статистиков в августе 1919 года. Это постановление провести в самом 1918 году удалось лишь частично—в форме утвержденного тем же с'ездом 10%-го выборочного обследования крестьянских хозяйств с одновременным производством переписи сел.-хоз. коммун и советских хозяйств, в целях выяснения состава и происхождения этих образований революционного времени, а также мероприятий описаний отдельных хозяйств по программе, предложенной тому же с'езду П. И. Поповым.

Это 10%-е выборочное обследование, согласно постановлению с'езда, производилось не по отдельным дворам и даже не по отдельным селениям, а по «гнездам» этих селений или даже волостей, естественно об'единенных в типичные группы определенными естественно-историческими и экономическими условиями района.

При этом, в интересах установления связи этого обследования 1919 года с данными предшествовавших переписей при выборной регистрации крестьянских хозяйств, непременным условием ставилось принятие всех мер к получению возможности проверки, контроля данных ее по материалам переписи 1917 года и выяснения, путем сопоставления, могущих встретиться расхождений. В этих целях, регистраторам, производящим обследование 1919 года, были выданы на руки выборки из

материалов переписи 1917 года необходимых элементов для сравнения условий землепользования и других происшедших изменений в условиях сел.-хоз. действительности.

Практически работа по обследованию производилась в таком порядке: «Намечались в каждом районе или уезде ряд селений смежной территории, с таким расчетом, чтобы число хозяйств по переписи 1917 года составляло не менее 5% всех крестьянских хозяйств района или уезда, и здесь описывались все хозяйства сплошь. Затем получались итоги числа хозяйств, поселения, скота и посевов по этим описанным гнездам по материалу переписи 1917 и 1919 г.г.; при сравнении их получался коэффициент разницы, который, будучи применен к поуездным итогам переписи 1917 года, давал итоги переписи 1919 года по уезду и затем по губернии» (см. «О работах отдела с.-х. переписей», «Вестник статистики» № 1—4 за 1920 г., стр. 181).

Дальнейшая разработка материалов 1919 года производилась в Губстатбюро и заключалась в группировке крестьянских хозяйств по различным экономическим факторам, аналогично с такого же типа группировками материала переписи 1918 года — по площади посева, по числу рабочих лошадей, числу коров и по величине семьи.

При переписи же 1919 года предполагалось осуществить начало правильных периодических (ежегодных или 2—3-годичных) переписей отдельных местностей с целью определения характера и направления развития земледельческого хозяйства — динамического исследования крестьянских хозяйств,— но за недостатком времени и средств оно было отложено.

Что касается производившихся в том же году описаний советских хозяйств, коммун, артелей и бюджетов, то разработка материалов по этим обследованиям отложена до окончания предварительной тщательной проверки его и соответствующей квалификации его отдельных частей.

На состоявшейся 23 — 30 января 1920 года Второй Всероссийской статистической конференции при ЦСУ были в окончательной форме приняты программы разработки всех указанных выше обследований 1919 года и сформулированы основные положения организационного плана об'единенной сел.-хозяйственной, демократической и профессиональной переписи

1920 года. В дальнейшем на состоявшейся 15 — 20 июня 1920 года инструкторской конференции при ЦСУ, созванной для обсуждения всего комплекса программных и организационных вопросов, связанных с переписями, задачи этих переписей во вступительном слове П. И. Попова были очерчены так:

«Сплошная демографическо-профессиональная, сельско-хозяйственная и промышленная перепись, как средство изучить хозяйственно-экономическую жизнь страны в определенный момент и строение социальной массы государства, является особенно необходимой теперь, после ряда лет происходивших, происходящих и теперь глубочайших изменений в хозяйственной и социальной жизни страны. Взаимоотношения города и деревни в отношении классового и профессионального состава претерпели катастрофические изменения, как и в отношении организации промышленности и труда сельского хозяйства; намечаются новые, отличные от прежних методы, построенные не на частноправовых основаниях, а на принципе государственного строительства по единому организационному плану.

«Производством переписей государственная статистика берет на себя обязанность дать ясно выраженную картину народно-хозяйственной жизни в определенный момент, вскрыть классовые строения современной социальной массы и дать цифровые обоснования дальнейшим планам государственного и общественного строительства. И нет сомнения, что если в прежнее время статистики по своей инициативе производили исследования для познания экономической и социальной жизни, то и теперь, по призыву государства, статистики с неменьшим успехом выполнят свое назначение».

Далее П. И. Попов коснулся основ организационного плана и указал, что главнейшей характерной чертой его является строгое единство в проведении той сложной статистической операции, каковой является перепись. — «Единство программ, плана, руководства и организации по всей территории — есть залог успеха».

Что касается самой сел.-хоз. переписи, то в опубликованном затем «Общем положении о переписях» план ее обрисовывался в таких чертах: прежде всего устанавливалась и подчеркивалась организационная связь ее с переписью демографи-

чески-профессиональной—обе переписи должны были начаться одновременно и производиться под руководством одних и тех же инструкторов, с тем, чтобы и учет в сельских местностях промышленных заведений производился одновременно с переписью сельских хозяйств.

Со своей стороны, сел.-хоз. перепись должна была охватить все крестьянские общества, сел.-хоз. коллективы (коммуны, артели, совхозы и прочие сел.-хоз. об'единения), изолированные (одиночно расположенные) хозяйства, и притом не только сельские хозяйства в собственном смысле, но и хозяйства промышленного и потребительного характера, как-то: лесные и промысловые заимки, почтовые станции, сторожевые кордоны, будки полевых сторожей и стрелочников, лесные сторожки и проч., с параллельным охватом карточками сел.-хоз. переписи, составляющимися на всех домохозяев, поселений городского типа, включающих в свой состав сельских и других наименований общества, имеющие разверсточную землю, независимо от того, пользуются ли члены этих обществ своей землей, имеют ли они посевы или нет. Длу получения же сравнительных данных по переписям 1920 года и 1917 года для сельск.-хоз. переписи 1920 года выбирались на особые карточки по каждому населенному пункту следующие данные в итогах по селениям по переписи 1917 года, если данных переписи 1917 года нет—по переписи 1916 года: а) население — мужчин, женщин и обоего пола; б) скот—число лошадей старше 4-х лет и до 4-х лет; отдельно — число рабочих волов, коров, овец взрослых, свиней всех возрастов; в) общая площадь пашни, пара и посевов отдельно и г) посева каждой культуры.

Параллельно с переписью 1920 года была осуществлена и закладка гнезд для динамического исследования, но об этом, как и о новых целях бюджетных исследований, мы скажем ниже.

На Всероссийской третьей конференции статистиков от 20 по 27 января 1921 года общая программа комбинационной разработки материалов переписи 1920 года, выработанная в виде инструкции Губстатбюро, была несколько дифференцирована и из нее были выделены элементы, подлежащие разработке в первую очередь по группе «крестьянскœе хозяйство».

Согласно тезисам доклада А. И. Хрящевой, легшим в основу этой программы первой очереди, эта «разработка хозяйств крестьянского типа в первую очередь диктуется необходимостью иметь ясное представление о социально-экономическом составе крестьянских хозяйств, в каковом составе, поскольку на этот вопрос бросает свет выборочная перепись 1919 года, произошли большие изменения. Между тем ни перепись 1916 года ни перепись 1917 года не дали такого рода разработки во всероссийском масштабе, и мы не имеем представления о характере экономических отношений деревни».

А. И. Хрящева делит «об'екты разработки» — по условиям среды и условиям внешним—на два типа расселений, обусловливающих характер организации самого хозяйства,—на тип изолированного земледельческого хозяйства и на тип хозяйства, живущего в селении, а по характеру самого хозяйства—на две категории — с наемными рабочими и без наемных рабочих. Кроме того, группу хозяйств, живущих в селении, приходится делить еще по признаку промысловости, «так как промысловость делает отличие в характере хозяйства этого типа и во взаимоотношении его элементов», на две подгруппы — с промыслами и без промыслов, и, наконец, в пределах каждого из намеченных типов крестьянского хозяйства производится группировка по размеру посева и по размеру семьи, каковые признаки составляют «подлежащие» группировочных таблиц, — «для определения характера экономических типов хозяйств в сочетании с теми 181 признаками, которые содержатся в «сказуемом» таблиц.

Кроме того, в тех губерниях, «где в силу местных условий Губстатбюро найдет необходимым получить отдельные групповые итоги для различных категорий населения, резко отличающегося по своим юридически-историческим или бытовым условиям (например, в Сибири—старожилы и новоселы), доклад предвидит возможность допускать и такую группировку, но только при одном условии: «в каждом отдельном случае по соглашению с ЦСУ и при непременном условии, чтобы эти частично групповые итоги были сведены в общие без различия категории населения группы и чтобы эти новые итоги не нарушили установленные ЦСУ сроки разработки материалов».

Группировку хозяйств доклад предвидит «по крупным районам или целым губерниям для общинников, а для изолированных хозяйств—по губерниям, при чем число хозяйств подсчитывается по всем комбинациям по уездам сплошь, а характеристики — только по районам. Что касается об'ема разработки и способа отбора общинных хозяйств, то доклад предлагает изолированные хозяйства разрабатывать все сплошь, а общинные—в размере 25%, при механическом отборе их *не по дворам, а по трем типам селений*—крупных, средних и мелких, в общем в 25% хозяйств с каждой волости.

Эти тезисы доклада А. И. Хрящевой были приняты 3-й Всероссийской Конференцией Статистиков 1921 года и легли, как сказано выше, в основу Программы экономической разработки материалов сельско-хозяйственной переписи 1920 года первой очереди (крестьянское хозяйство).

Сущность этой программы, по первой части доклада А. И. Хрящевой, выражается в следующих тезисах, принятых Конференцией:

1. Комбинационная разработка признается необходимой.

2. В основу группировок должны быть положены: размер посева, размер семьи, наличие промыслов и факт найма годовых или сроковых рабочих.

3. Обработке подвергается 25% всех хозяйств волости. В особых случаях возможно повышение % отбора, по соглашению с ЦСУ.

4. Обзор хозяйств для разработки производится не по отдельным дворам, а по селениям.

5. Единицей разработки признается район. Число хозяйств подсчитывается по уездам после окончания разработки 25%, а характеристики — по районам.

> Примечание. При установлении районов должны быть приняты во внимание все естественно - исторические и экономические факторы, влияющие на развитие хозяйства, в частности степень влияния войны в районах, затронутых войною.

6. При группировках по размерам посева и по размерам семьи принимаются интервалы, предложенные в докладе.

По второй части доклада А. И. Хрящевой о динамике земледельческого хозяйства (по переписям 1917 и 1920 г.г.) Конференцией были приняты следующие основные положения, выдвинутые докладчицей:

I. В отличие от метода простого сопоставления результатов разновременных переписей той или другой территории метод связанного исследования преследует цель изучения *классовой* динамики хозяйства, что обусловливает необходимость идентичности наблюдаемых социальных масс.

II. Метод связанных переписей земледельческого крестьянского хозяйства, примененный к части территории каждой губернии, в 1920 году должен быть использован с максимальными результатами, а именно: к разработке должен быть применен метод, связующий идентичные массы, т.-е. связь моментов переписи должна быть осуществлена не только в единицах материала, но и в их статистических совокупностях.

III. Из прежнего опыта выяснилось, что земледельческое хозяйство в своем развитии переживает два рода процессов: а) социально-органические, т.-е. такие, которые своими действиями или совершенно реорганизуют отдельные хозяйства или переносят их целиком в другую среду, и б) экономические, которые проявляются непосредственно в изменении лишь отдельных факторов или элементов хозяйства и воздействие которых на хозяйство, как на целое, может ощущаться лишь в результате длительного процесса.

IV. Но так как и те и другие из указанных процессов стоят в тесной связи друг с другом, то и изучение их должно быть взаимно связанным, при разделении, однако, их функции воздействия на земледельческое хозяйство.

V. Так как поле наблюдения ограничено периодом времени между переписями 1917 — 1920 г. г., то при построении программы разработки мы имеем три главные момента:

а) состояние экономики в момент переписи 1917 г.,

б) социально-органические изменения в различных экономических группах за указанный период времени и

в) разность экономической эволюции к моменту переписи 1920 г. у различных категорий хозяйств, при чем категории определяются по роду социально-органических изменений, про-

исшедших с хозяйствами. Категорий, определяемых сущностью социально-органических изменений, всего 12 (см. схему).

VI. Важнейшим моментом, предшествующим всем другим работам, является восстановление связи моментов переписи в единицах социальной массы и классификации этой массы по роду социально-органических процессов. Этот момент определяет правильный ход всей дальнейшей работы и потому должен сосредоточить на себе главное внимание статистиков. Только после выполнения этой работы возможно осуществление связи моментов переписей в статистических совокупностях (группах, категориях).

VII. Следующей операцией будет переписка данных с карточек 1917 и 1920 годов в одну историческую рабочую карточку [1]). Операция эта необходима для того, чтобы на все время разработки не нарушалась связь моментов переписи в единицах материала, а также для того, чтобы освободить подлинный материал переписи 1917 и 1920 годов.

В дальнейшем разработке подвергаются лишь эти рабочие карточки.

VIII. В основу группировки подлежащего полагаются площадь посева и размер семьи с теми же интервалами и по тем же соображениям, что и при разработке материала переписи 1920 г.

IX. Таблицы строятся так: берется группа 1917 года с подробными характеристиками ее в вертикалях и вслед за этим в вертикалях же развертывается группа за группой по данным 1920 г., каждая с краткой характеристикой.

Подробной характеристикой сопровождаются лишь группы исходного момента и конечного, т.-е. группы 1917 г., с точки зрения их положения в 1917 и в 1920 годах. Каждая из групп, образовавшихся к 1920 году из данной группы 1917 г., характеризуется более кратко. Напр., экономическая группа имела в 1917 году характеристику *А*, а в 1920 г. ее характеристика вы-

---

[1]) Содержание этой карточки определяется содержанием подворной карточки 1917 г. в той ее части, которая совпадает с содержанием карточки 1920 г. Все остальное (не совпадающее) в той и другой карточке в историческую карточку не попадает.

ражается как *Б*, но *А*, переходя в *Б*, образовала ряд групп: *а, б, в, г* и т. д., каждая из которых характеризуется кратко.

Подробно характеризуется только *А* и *Б*.

X. Все работы сводятся к следующим операциям:

1. Восстановление связи переписей в единицах материала и классификация их на основные 12 категорий.

2. Переписывание данных обеих переписей на одну историческую карточку.

3. Проверка переписки, группировка и разметка карточек.

4. Подсчет их и сводка в итоговые таблицы.

XI. Деление карточек на основные категории производится в пределах каждого описанного гнезда.

XII. Разработка по экономическим группам — по районам более широкого масштаба, границы которых укажет 1-я таблица (см. пункт XI).

XIII. Работы производятся на местах по инструкции, изданной центром.

Разработка должна производиться во вторую очередь по следующей схеме и программам (схему см. на стр. 353).

Бланк А. Органические изменения по гнездам.

Подлежащее. Группы хозяйств 1917 г. по посеву и семье — в комбинации.

Сказуемое. Число наличных и отсутствующих хозяйств в 1917 г., из них к 1920 г.—число хозяйств, изменившихся по основным видам процессов, согласно схемы классификации.

Бланк Б. Органические изменения в хозяйствах 1917 г.— по годам совершения изменений. Разработка по районам (сумма гнезд бланка *А*).

Подлежащее. Группы хозяйств 1917 г. по посеву и семье—в комбинации.

Сказуемое. Число наличных и отсутствующих в 1917 г. хозяйств. Из них к 1920 году — изменившихся хозяйств по видам процессов и годам изменения.

Бланк В. Образование категории хозяйств 1920 года. Разработка по районам.

Подлежащее. Группы хоз. 1917 г. по посеву и семье — в комбинации.

Схема классификации по характеру общественно-органических процессов.

Название категорий по характеру органических изменений, происшедших в хозяйствах за период с 1917 до 1920 года.	Название категорий по характеру образованных к 1920 г. хозяйств.	Разработка производится за годы.
А. Бывшие в 1917 году.	***Наличные.***	
I. Без органических изменений.	Наличные.	1917—1920
II. Выселившиеся.	Отсутствующие.	1917
III. Ликвидировавшиеся.	—	1917
IV. Разделившиеся на 2 хозяйства.		
V. Разделившиеся на 3 хозяйства.	Образовали:	
VI. Разделившиеся на 4 и больше хозяйств.	a) наличные.	1917—1920
	b) выселившиеся.	1917
VII. Соединившиеся хозяйства.	c) ликвидировавшиеся	—
VIII. Соединившиеся и делившиеся.		
IX. Вновь образовавшиеся (вселившиеся).	a) наличные.	1920
	c) выселившиеся.	—
Б. Отсутствовавшие в 1917 году.		
X. Остались отсутствующими:	Отсутствующие.	—
XI. Возвратились:	Наличные.	1920
	a) Не участвовавшие в разделах и соединениях.	—
	b) участвовали в разделах.	—
	c) участвовали в соединениях, образовали.	1920
XII. Ликвидировались.	—	—

Примечание 1) Категория III при разработке делится по роду ликвидации: вымершие, исключенные из общества, переселившиеся в города, переселившиеся на другие земли, неизвестно.

2) Категория II также делится по месту выселения и по целям: в город на фабрику, на хутор, в другое село и т. д.

3) Все категории, кроме I, X и XII, группируются по годам, когда совершилось изменение: в 1917, 1918, 1919 и 1920.

Сказуемое. Наличные хозяйства 1920 года: без органических изменений соединившиеся и делившиеся; возвратившиеся—по годам возвращения, вселившиеся — по годам вселения.

Бланк Г. Комбинационный подсчет динамического материала:

Подлежащее. Группа хозяйств по посеву и семье в комбинации.

Сказуемое. Число хозяйств. Население, с выделением рабочего и полурабочего возрастов.

Нетрудоспособные в рабочем возрасте. Отсутствующие в рабочем возрасте. Распределение хозяйств по числу работников; промыслы: число хозяйств и число промышленников — по социальному положению и области приложения труда.

Число промышленных заведений. Наем сроковых рабочих: число хозяйств и рабочих.

Скотовладение: число хозяйств, имеющих скот главнейших видов, и количество скота. Инвентарь: число хозяйств без усовершенствованного инвентаря и число орудий.

Посевы: общая посевная площадь в поле и на усадьбе, число хозяйств с посевом льна, конопли, картофеля, кормовых трав, свеклы, прочих интенсивных культур и площади указанных культур. Недосевы.

Площадь пашни.

Историческая карточка. Содержание ее одинаково с содержанием комбинационной формы *Г.*, за исключением лишь граф, указывающих число хозяйств по различным признакам.

Что же касается программы разработки тех материалов переписи 1920 года, которые относятся к коллективным и советским хозяйствам, то в отношении ее, по докладу П. И. Попова, Конференция принимает следующие положения, предложенные докладом, дополняя их некоторыми штрихами:

А. По коллективным хозяйствам:

1. Колхозы разделяются на два основных типа по степени обобществления. Первая группа колхозов обобществляет полностью земли, инвентарь и скот, во второй же группе неполное обобществление земель, скота и инвентаря.

2. Колхозы с полным обобществлением делятся на две группы: без индивидуального пользования землей и с индивидуальным пользованием землей.

Таким образом всего получается три группы.

3. В пределах этих трех групп колхозы определяются по размеру числа лиц, в них участвующих, разбиваясь на две подгруппы — колхозов до 50 и свыше 50 человек.

4. Особо выдающиеся: а) колхозы городского типа и б) колхозы, члены которых имеют хозяйство в селении и там проживают.

Таково «подлежащее» по разработке данных о колхозах. Что же касается «сказуемого», то в число его, по предложению докладчика, были введены следующие рубрики: а) число колхозов с числом семей по количеству наличных членов и отсутствующих, подрубрики—деление членов семей колхозов по возрасту; обозначение групп трудоспособных отсутствующих (в том числе и в армии) членов колхозов; б) число хозяйств с индивидуальными посевами, с индивидуальными огородами, индивидуальными садами; в) площадь коллективных посевов; г) площадь коллективных огородов; д) площадь коллективного пара; е) площадь коллективной залежи; ж) площадь пустующей земли; з) площадь недосева; и) количество коллективного скота; к) число общественных построек; л) площадь общественного сенокоса (возов, пудов сена); м) количество общественной птицы; н) количество общественных ульев.

Кроме того, Конференция высказывает пожелание, чтобы «в тех случаях, когда позволит материал, производить разработку, комбинируя полное обобществление средств производства с неполным».

Б. По советским хозяйствам:

1. П о д л е ж а щ е е   с о в х о з о в:

А) Находящиеся в ведении земотделов:
I. Культурно-показательные.
II. Производственные.
Б) Находящиеся в ведении профсоюзов, главков и центров:
I. Культурно-показательные.
II. Производственные.

С) Прочие совхозы (находящиеся в ведении других ведомств):

I. Культурно-показательные.

II. Производственные.

Производственные делятся на:

I) Совхозы без хозяйственного центра и II) совхозы с хозяйственным центром.

Последние делятся на типы:

1. Высокоинтенсивных культур (огородничество и садоводство).

2. Технической переработки (с заводами свекло-сахарными, винокуренными, крахмало-паточными).

3. Животноводства: а) молочное хозяйство, б) прочие виды скотоводства.

4. Зерновые хозяйства.

Совхозы без хозяйственного центра дальнейшим перегруппировкам не подвергаются:

2) Сказуемое совхозов:

1. Количество посева.
2. Число рабочих.
3. Площадь огородов.
4. » пара.
5. » залежи.
6. » недосева.
7. Количество скота.
8. Число общественных построек.
9. Площадь общественного сенокоса (возов, пудов сена).
10. Количество общественной птицы.
11. Количество общественных ульев.

Резюмируя достижения, полученные в результате переписей 1917, 1919 и 1920 г.г., в докладе 3-му Всероссийскому Статистическому С'езду 1922 года, А. И. Хрящева охарактеризовала их в следующих положениях:

1. Методология сельско-хозяйственных переписей 1917, 1919 и 1920 годов основывалась на тех же принципах, что и дореволюционные земские переписи в той части своих программ, которая касается регистрации населения, промыслов,

найма сроковых рабочих, скота, посевов и с.-х. инвентаря. В этом их отличие от переписи 1916 года, которая регистрировала население наличное, следовательно, не учитывала ни промышленников на стороне, ни взятых в войска работников.

2. Перепись 1917 года учитывала также и землю по угодьям, но это не был кадастр в собственном смысле. Это был упрощенный способ учета угодий, путем сопоставлепия с документальными данными, где они были, и с окладными книгами,—где не было других источников.

3. Перепись 1920 г. момент учета угодий совершенно исключала, регистрируя только посевы, как один из элементов в целом ряде других. Сельско-хозяйственная перепись, как таковая (а не земельная), имеет дело лишь с элементами производства, при чем регистрирует их в каждом отдельном хозяйстве. Метод ее экспедиционный—путем опроса населения.

4. На качество материалов переписи влияют многие условия. Общие — это степень культурности населения, подготовленность статистиков, удобство программы и другие. Специальные — это условие места, момента, заинтересованность населения, порожденная какими-либо сопутствующими фактами. Напр., для переписей 1916 — 1917 г.г. такими были — реквизиция хлеба и скота для армии; продразверстка — для переписей 1919 и 1920 годов. Кроме того, надо иметь в виду, что переписи 1919 и 1920 годов текли в условиях величайшей социальной революции, захватившей все слои населения и проникшей во все поры народного хозяйства.

5. Программа территориальных итогов переписи 1917 г. была настолько обширна и сложна, что не могла быть закончена скоро во всех своих частях. Чем сложнее программа, тем больше она требует проверки, не только формальной, но и внутренней; в этом лежит одна из главных причин запоздания итогов.

Кроме того, целый ряд других причин повлиял на несвоевременность и качество разработки материалов переписи 1917 г.: неправильное финансирование отделов с осени 1917 г. до весны 1918 г.; смена руководителей работ, продолжавшаяся все время; плохая связь центра с отдаленными провинциями.

6. Декабрьским с'ездом 1917 года была утверждена программа дальнейшей разработки материалов переписи. Про-

грамма эта была построена с точки зрения разрешения аграрных реформ при временном правительстве, т.-е. имела в виду учет общего и колонизационного земельного фонда, установление норм наделения, а также определение того контингента населения, которое должно было, с точки зрения реформы временного правительства, получить землю. В первую очередь после окончания итогов должны были производиться параллельно три работы: 1) определение земельного фонда волости, уезда, губернии с распределением на категории владельцев и угодья; 2) определение контингента населения, долженствующего быть наделенным землей, и 3) определение нормы землепользования двумя методами: эмпирико-статистическими и конструктивно-теоретическими.

Во вторую очередь ставилась разработка материала по экономическим группам и типам хозяйств. (См. «О системе и программе разработки материалов переписи 1917 г.».)

7. Земельный вопрос был решен Октябрьской революцией в порядке социализации земли. Земельная собственность была уничтожена, землею мог пользоваться всякий, кто хотел ее обрабатывать. Поэтому вполне понятно, что программы с'езда, относящиеся к разрешению аграрного вопроса, в целом утратили свое актуальное значение, и финансировать в полном об'еме разработку их являлось нецелесообразным.

8. Определение земельного фонда и норм трудового землепользования, утратив актуальное значение для реформы, сохранили, однако, свое значение, как характеристика момента перед Октябрьской революцией. Поэтому те Губстатбюро, где работа продвинулась вперед значительно, имели возможность ее закончить. Таблицы земельного фонда были составлены в 20-ти губерниях. Нормы землепользования определены эмпирико-статистическим методом в 32-х губерниях. Конструктивно-теоретический метод определения трудовых норм не применялся. Таблицы о контингенте не закончены ни одним губстатбюро.

9. Работа второй очереди — комбинационная группировка по типам и категориям хозяйств—осталась невыполненной в силу следующих причин:

а) сложности программы;

б) в силу того, что даже первоочередные работы не были выполнены (определением трудовых норм по конструктивно-теоретическому методу);

с) в силу отвлечения средств и сил на новые работы, выдвинутые моментом.

10. Однако ЦСУ не отказалось от разработки материалов переписи 1917 года в целях определения экономического расслоения крестьянства.

Комбинационную разработку материала переписи 1917 года ЦСУ поставило в другую плоскость, именно, в связи с разработкой динамического материала при переписи 1922 года, по программе, утвержденной с'ездом 1919 года и III конференцией.

Крестьянские хозяйства будут разработаны по группам посева в комбинации с семьей по схеме программы. Кроме того, при группировке материалов 1-ой переписи 1919 года, параллельно была проведена и группировка дворов этих гнезд по переписи 1917 года.

11. Всероссийский С'езд статистиков в апреле 1919 года обсудил и принял программы сплошной сельско-хозяйственной переписи, которая должна была быть произведена в 1919 году. В силу причин, вытекающих из политического момента, сплошную перепись произвести оказалось невозможным, но была произведена 10%-я выборочная перепись в 34-х губерниях РСФСР.

12. Перепись 1919 г. была выборочной, при чем способ выбора был совершенно новый в силу необходимости. Отбирались для переписи не механически отдельные дворы, а отбирались гнезда селений (обычно волости), типичные для района, при чем районы устанавливало Губстатбюро с таким расчетом, чтобы переписанные гнезда могли явиться репрезентативными для уезда. Процент переписанных хозяйств равнялся в разных губерниях от 5 до 16 процентов.

13. Разработка этой переписи ограничилась территориальными итогами главных элементов хозяйства и производством группировки хозяйств по описанным гнездам за 1917 и 1919 г.г. по посеву, семье, рабочему скоту и коровам. Так как перепись производилась осенью, то Губстатбюро только справилось с этой работой до подготовки к сплошной переписи 1920 года. Некоторые Губстатбюро не успели даже сделать группировок (напр.,

Псковское, Уфимское, Орловское, Нижегородское и Марксштадтское).

14. В переписи 1919 года интерес представляет метод выборки, применяемый впервые в широком масштабе. Судя по средним показателем большинства губерний, он оказался довольно удачным, но, вообще говоря, этот метод можно применять только в случаях невозможности применения механического отбора дворов из всей массы хозяйств. Во всяком случае вопрос об удовлетворительности этого метода не только не решен, но и не обсужден еще в статистической литературе.

Неудобства его заключаются в трудности равномерно и полно представлять все разнообразные районы губернии, ибо трудно при гнездовом отборе соблюсти пропорцию представительства, да и само определение районов, их квалификация — вещь довольно трудная и потому опасная[1]).

15. Результаты 10%-й переписи 1919 г. имели большое значение. Они дали материал для суждения об изменении посевов, скота, населения со времени 1917 г. Группировка же по посеву и скоту открыла факт огромной социальной важности: воздействие революции на классовый состав деревни.

Выяснилось, что при всем том притоке населения в деревне из городов, какое наблюдалось в 1919 году, число беспосевных дворов сильно сократилось также, как и число крупнопосевщиков свыше 6 дес. в районах мелкого хозяйства и свыше 10 десятин — в районах крупного хозяйства.

Совершенно аналогичную картину являет и группировка по рабочему скоту и коровам. Произошло крушение классовой структуры крестьянства, его нивелировка, равнение земли по населению.

В виду производства в 1920 г. сплошной переписи, материалы 1919 г. дальнейшей разработке не подвергались.

16. Сельско-хозяйственная перепись 1920 г., хотя происходила на ряду с демографической и учетом промышленных заве-

---

[1]) В 1919 году перепись производилась в среднеевропейских губерниях, где условия менее разнообразны, чем в Сибири, Кавказе, Киргизии или в Крыму. Может быть, этим об'ясняется удачное применение выборки гнезд и, может быть, результаты были бы другие там, где существует разнообразие условий.

дений, но имела свою особую программную и организационную схему, утвержденную еще с'ездом 1919 года. Задачи ее распадались на 3 части:

а) Произвести сплошную перепись хозяйства и предприятий со всеми главными элементами сельско-хозяйственного производства.

б) В намеченных по схеме, утвержденной с'ездом 1919 г., гнездах произвести связь переписи 1920 г. с переписью 1917 г. для определения процессов, происходивших в земледельческом хозяйстве за этот период.

в) Положить основание производства ежегодных записей в этих гнездах для наблюдения за изменениями не только в хозяйствах, но и в их отдельных элементах из года в год.

17. Сообразно этим целям программа переписи в гнездах наблюдения динамики земледельческого хозяйства имела несколько больший круг вопросов, чем общая подворная карточка. Эта последняя содержала в себе обычный для сельскохозяйственных переписей круг вопросов о главнейших элементах сельско-хозяйственного производства, кроме общего землепользования, сдачи и аренды.

В карточке динамического обследования содержались, кроме того, отделы об аренде пашни и сенокоса, о сборе сена по категориям сенокоса, об участии в общественных работах и сборе хлебов.

18. Трудность условий, при которых происходила перепись — недостаток продовольствия, транспортных средств, бандитизм — не могла не повлиять на полноту собранного материала, и многие губернии имеют территориальные пробелы, где перепись произвести нельзя было. Эти же условия и целый ряд других могли повлиять и на качество материалов переписи.

19. Качество собранных материалов переписи получает свою характеристику путем критики самого материала и Губстатбюро и путем научного анализа массовой разработки его и сопоставления с аналогичными данными предыдущих переписей.

Оценку материала, относящегося к различным отделам подворной карточки, дали 19 Губстатбюро из разных районов,

которые сообщали свои мнения на этот счет. Наибольшей достоверностью обладают, по мнению этих Губстатбюро, данные, относящиеся к населению, инвентарю и отчасти скоту; менее полны сведения о промыслах, частью о молодняке крупного рогатого и мелкого скота. Что касается посева, то на *достоверность* его указывают *5 губерний* из 19-ти; 2 губернии дали отзывы о фактическом уменьшении посевов и 12 губерний, не отрицая фактического уменьшения посевов, указывают на тенденцию населения к преуменьшению посевов.

20. Вопроса о том, насколько посевы уменьшились фактически и насколько они преуменьшены при показаниях — просто и точно решить нельзя; только путем всесторонних исследований, сопоставлений и анализа можно подойти к выяснению того, насколько ошибки регистрации искажают и искажают ли статистические закономерности.

21. Результаты комбинационной разработки, законченные уже по значительному числу губерний, дают впервые материалы о групповой структуре крестьянства. Анализ этого материала (пока еще по отдельным губерниям) показывает, что характеристика, делающая различие в группах, имеет место и в 1920 году, с тою только разницей, что важнейшие элементы сельско-хозяйственного производства пришли в 1920 году в большее соответствие, чем это наблюдалось раньше. Уравнительные процессы продолжали действовать и в 1920 году.

22. Результаты разработки по типам хозяйств — промысловые с наймом рабочих, чисто земледельческие без найма — дают новый материал для определения характерных черт этих типов и их отличительных свойств.

23. Громадное значение переписи 1920 года заключается в том, что она дает впервые однородный для всей Республики материал для суждения об экономике крестьянского хозяйства в момент социальной революции. Будучи сопоставлен с переписью 1917 г. (что дается динамическою разработкой), он обрисует великий рубеж между старым крестьянством и новым. И, может быть, теория крестьянского хозяйства приобретет большую ясность и определенность, чем это было до сих пор.

Еще на конференции 1921 года по докладу А. И. Хрящевой об экономической разработке материалов сельского хозяйства переписи 1920 года возникли жаркие прения в связи

с вопросом о достоверности и соответствии действительности собранных в порядке этой переписи материалов о посевной площади.

Так, представитель Новгородского Статбюро Д. В. Верхопятницкий остановил внимание конференции на колоссальных расхождениях по Новгородской губ. между материалами о размерах посевной площади переписи 1920 г. и материалами, с одной стороны, текущей статистики и с другой — переписи 1917 года:

«Полученные по Новгородской губ. сведения о посевах, — констатировал Д. В. Верхопятницкий, — не дают возможности сделать выводы не только об общей величине посевной площади, но они не дают даже картины распределения посевов. Факты показывают, что нынче перепись и регистрация посевов (под влиянием продразверстки) происходила в невероятных условиях», и т. д. По мнению Д. В. Верхопятницкого, материалы переписи 1920 г. о посевных площадях дали, в общем, преуменьшение на 35 — 40 %% против действительности и он требовал, исходя из этого, их тщательной проверки и корректуры.

Необходимость проверки этих данных, и не только этих, но и данных о живом и мертвом инвентаре и рабочей силе в каждом хозяйстве, почувствовала и центральная государственная власть, в связи с наметившимся переходом от продразверстки к продналогу. В этом направлении постановлениями созванного при ВЦИК Особого Комитета по укреплению и развитию сельского хозяйства на государственную статистику, в лице ее местных органов, возлагалась ответственная задача, — разработав для сельских комитетов по борьбе с сокрытием посевов форму учета недосевов и основных элементов сельского хозяйства, или вернее — крестьянского двора, — установить практику ежегодной их регистрации и проверку списков после нее.

Положение создавалось, в связи с этим поручением, настолько серьезным для государственной статистики, что руководитель ее П. И. Попов должен был в своем докладе конференции охарактеризовать его в таких словах:

«В будущем году статистики должны будут взять на себя проверку списков ежегодной регистрации скота и посевов. Если государство поставило себе задачей урегулировать крестьянский двор, то мы должны дать ему все необходимые для этого сведения. Если мы этого не сделаем, то мы сами выдадим себе свидетельство о нашем статистическом бессилии и о нашей неспособности ориентироваться в современных условиях. Если мы этого не сделаем, то жизнь пойдет мимо нас, а те, кого жизнь перегоняет, умирают».

В результате развернувшихся по докладу прений конференция приняла следующие положения:

1. Конференция признает необходимым, чтобы учет посевной площади, рабочей силы, живого и мертвого инвентаря в каждом хозяйстве, который будет проводиться государственными органами согласно постановлению ВЦИК от 18 января 1921 г., производился по однородной программе типа переписей. Для указанной цели ЦСУ надлежит выработать формуляр по списочной системе и организационный план производства этого учета.

II. Конференция признает необходимым произвести через селькомы перепись недосеянных полос и пустующей пашни в озимом и яровом клинах, если это окажется возможным.

III. Конференция признает необходимым произвести в 1921 г. выборочную перепись в целях выяснения точности произведенного сельскомами учета и рекомендовать Губстатбюро использовать при этом работы Землеустроительных Отделов.

Проведенное в 1921 и 1922 годах, в порядке текущей регистрации, тридцатидворное обследование в крестьянском хозяйстве состояния посевных площадей, однако, не оказалось по результатам удовлетворительным и дало материал, мало сравниваемый с материалом основных обследований, несмотря на установленную однородность их программ.

В связи с этим программа организации периодического ежегодного учета текущих изменений в посевной площади прежде всего и затем во всех остальных основных элементах сельского хозяйства стала вновь во весь рост перед государственной статистикой на 3-м Всероссийском Статистическом С'езде.

С критикой методологии учета пашни и посевов выступил Н. М. Вишневский. А. И. Хрящева охарактеризовала условия «относительности» применения к этому учету всех известных русской аграрно-экономической статистике методов, а Н. И. Дубенецкий обосновал программу пересмотра плана и организации весеннего 30-дворового обследования и развил одобренный С'ездом «план ежегодных работ по определению текущих изменений в основных элементах сельского хозяйства».

Указания Н. М. Вишневского, автора чрезвычайно острой статьи, опубликованной в приложении к № 9 — 10 органа НКЗ «Сельское и лесное хозяйство» за 1922 г. под заглавием «Статистика и сельско-хозяйственная действительность [1])», сводились к утверждению, подкрепленному богатым цифровым материалом, что «картина состояния посевной площади России, даваемая сравнением непосредственных данных переписей 1916—1921 г.г., отражает не только процессы, происходящие в действительности, *но и в сильнейшей степени является результатом применения различных методов выяснения пашни и посевов* (или только посевов). Отсюда — «сравнение между собой количеств пашни и посевов, добытых различными методами, в применении к различным об'ектам учета и в различных общих условиях, без учета влияния всех этих факторов, методологически недопустимо, а материально влечет за собой искажение реальных процессов, совершающихся в сельском хозяйстве».

Отвечая Н. М. Вишневскому, А. И. Хрящева обрисовала историю вопроса и наметила основные вехи к его разрешению путем призыва к С'езду, в виду малой пригодности в новых условиях всех испытанных уже государственной статистикой методов учета посевов, «немедленно поставить на практическую почву вопрос об исследовании пригодности для этого учета и регистрации ежегодного колебания посевов метода гнездового отбора при выборочных переписях».

---

[1]) Изложение основных мыслей этой статьи читатель найдет в послесловии к настоящему изданию.

В общем тезисы А. И. Хрящевой по этому вопросу сводились к следующему:

1. Учет посевных площадей, как и каждого из других элементов земледельческого хозяйства, производится несколькими методами; из них основными являются три:

а) Статистическая сплошная исчерпывающая перепись экспедиционная.

б) Выборочная перепись при наличии сплошной, экспедиционной.

в) Анкета через корреспондентов, волстатистиков или административно-хозяйственные органы.

2. Самым совершенным статистика считает метод сплошной регистрации об'ектов и явлений, т.-е. в данном случае всех отдельных хозяйств и их главнейших элементов. Все остальные методы опираются в использовании своих результатов на эти сплошные переписи и только при наличии их могут более или менее отразить действительность.

3. Выборочный метод учета посевов, как и других элементов, требует хорошо обоснованного способа отбора об'ектов.

Самым совершенным и испытанным из выборочных методов является механический отбор об'ектов из всей их массы, при строгом соблюдении правильности интервалов между нумерами отбираемых. Неудобство этого метода заключается в его дороговизне, ибо он требует почти одинаковых организационных расходов с переписью сплошной.

4. Второй метод — отбор не хозяйств, а целых частей (гнезд) из общей массы—требует меньших организационных затрат, но пред'являет большие требования со стороны правильности выбора гнезд. Так как целью всякого выборочного исследования является достижение наибольшей репрезентативности, то выбор гнезд должен быть сделан очень тщательно, считаясь с районностью и с пропорцией территории каждого района. Здесь все зависит от тщательного отношения при определении свойств районов и их границ.

5. Третий способ отбора — типический. Для выработки требуется установление соотношения типов хозяйств по ближайшей сплошной переписи и соблюдение пропорции типов при выборе хозяйств. Он трудно осуществим по следующим при-

чинам: 1) к каждой мелкой единице местности пришлось бы применять свою пропорцию выборки, 2) невозможность считаться с изменением в пропорции типов, которое наступает очень быстро в периоды изменчивости хозяйственных отношений, 3) стоимость производства почти равна стоимости сплошной переписи.

6. Даже самый совершенный из методов — сплошные сельско-хозяйственные переписи—точно учесть посевную площадь не мог при максимальной полноте всех благоприятных условий. Вообще же точность эта всегда относительна.

7. Общие всем временам и странам условия, влияющие на точность регистрации, заключаются: 1) в степени подготовки статистического персонала, 2) в степени культурности населения, 3) в растяженности времени производства переписи, 4) в количестве материалов прежних переписей, на которые опирается регистратор при критике собранного им материала.

8. Ряд следующих специальных условий, свойственных данному месту и моменту, имели место при всех переписях РСФСР:

а) незнание населением меры земли и необходимости применения норм высева,

б) психология населения, сложившаяся под давлением реквизиций во времена войны и продразверсток позднейшего времени, и

в) невозможность в настоящее время иметь, как исходный материал, площадь землепользования *для каждого общества* (в виду незаконченности землеустроительных работ).

9. Наконец ограничивающие условия имеются и в самом методе переписи: сельско - хозяйственная перепись регистрирует посевную площадь, как один из многих элементов земледельческого хозяйства. Так как все другие элементы (да и посевная площадь) *связаны с хозяйствами*, то самая перепись может быть только *хозяйственной*. Из ее поля зрения выпадают земли фондовые, неудобные для пользования общественные земли (межники, дороги, овраги). Поэтому требовать от сельско-хозяйственной переписи полного учета пашни— нельзя. Эта цель достигается совершенно другими методами.

10. При всей относительности учета посева сплошными сельско-хозяйственными переписями, это все же единственно правильный метод как изучения строения земледельческого хозяйства, так и наиболее полного учета элементов сельского хозяйства. Но так как ежегодно производить не только сплошные, но и выборочные переписи невозможно, то для определения посевных площадей *ежегодно* должны быть изысканы особые средства и способы.

11. В 1919 г. был применен впервые в широких размерах гнездовой способ отбора, при чем результаты оказались довольно удовлетворительные. Но насколько это имело бы место в других более разнообразных условиях,—это сказать трудно. Вопрос о том, насколько каждый из названных выборочных методов учета элементов сельско-хозяйственного производства предпочтительнее другого, стоит открытым. Во всяком случае предпочтительнее механический отбор, который признан методологически правильным.

12. Анкетный метод отличается от статистического тем, что здесь площадь (или другие элементы хозяйства) определяются не статистическим, а экспертным путем и определяются не в каждом хозяйстве, а в совокупности их (селении, волости).

13. Практика последнего времени выдвинула на сцену и другие методы. К таким относится опыт текущей сельско-хозяйственной статистики ЦСУ, которая производит экспедиционным путем опрос 30-ти дворов в каждой волости о посевных площадях за 2 года — за настоящий и предыдущий. Этот метод имеет следующие неудобства:

1) Малый процент выборки (от 3 до 5%).

2) Невозможность при таком проценте соблюсти техничность выбора, а, тем более,—типичность.

3) Зависимость результатов от приемов исчисления целого, исходя из полученных частей.

14. Чтобы ввести в практику применение выборочных методов исчисления, необходимы наиболее дешевые из них и в то же время обеспечивающие максимальное приближение к действительности.

15. Необходимо немедленно поставить на практическую почву вопрос об исследовании степени пригодности метода

гнездового отбора при выборочных переписях, т.-е. разрешить его опытным путем на статистическом материале. При этом надо поставить в двух плоскостях: а) способ отбора крупных гнезд из целых районов, б) механический способ отбора селений.

16. Исследовать вопрос о способах исчисления целого при выборочных переписях, если сплошные переписи будут производиться через каждые 10 лет, когда, следовательно, момент опоры для выборочной переписи может отдалиться значительно во времени.

Развивая положения А. И. Хрящевой, Н. И. Дубенецкий в своем докладе остановился еще более подробно на недостатках применявшегося в 1921 — 1922 г.г. десятидворного учета и наметил самую программу ежегодных выборочных обследований по определению изменений в основных элементах, развив свои предложения в следующих положениях:

I. Основным источником определения абсолютных размеров главнейших элементов сельского хозяйства — посевной площади, количества скота и т. д.—должны и могут быть только материалы сплошных сельско-хозяйственных переписей. Но ежегодное производство таких переписей невозможно; самое большее, что можно пожелать и к чему следует стремиться,— это производство таких переписей через определенные, точно установленные сроки. Отсюда возникает вопрос о способах учета этих элементов в годы, промежуточные между двумя очередными переписями.

II. ЦСУ по плану работ годового цикла Отдела текущей сельско-хозяйственной статистики и предполагало определять посевную площадь для промежуточных между переписями лет, исходя из данных переписи 1920 года и внося в них последовательно от года к году поправки по материалам так называемых весенних тридцатидворных опросов.

Опыт работ 1921 и 1922 г.г. заставляет пересмотреть принятую программу. При оценке тридцатидворного опроса, как материала для суждения о текущих изменениях в сельском хозяйстве, надлежит различать два вопроса: а) дает ли он правильное определение общего направления изменений в хозяйстве и б) насколько точно определяет самые размеры этих изменений, коэффициенты изменения.

Направление изменения в хозяйстве тридцатидворное обследование улавливает в общем удовлетворительно. Не столь удовлетворительный ответ дает тридцатидворное обследование на второй вопрос.

III. Неточности коэффициентов изменения, устанавливаемых тридцатидворным обследованием, имеют двоякого рода происхождение: они проистекают, во-первых, из самой природы программы вопросов за два года—текущий и прошлый, и, во-вторых, они могут быть следствием нерепрезентативности подвергшихся опросу хозяйств, повышенности их типа против общей массы хозяйств.

III. Неточности коэффициентов изменения, устанавливаемых тридцатидворным обследованием, в конечном счете имеет тенденцию уменьшать показатели роста и улучшения хозяйства и увеличивать показатели отрицательных явлений—сокращения посевной площади, количества скота и т. д.

Поэтому тридцатидворное обследование, как метод исчисления абсолютных размеров посевной площади, количества скота и т. д. по коэффициентам годичных изменений, более или менее прочным основанием может быть лишь для одного—двух лет, непосредственно следующих за сплошной переписью, и только для районов, не затронутых каким либо катастрофическим или панически действующим на население явлением. В результате более продолжительного применения его, нагромождение годичных ошибок может сильно исказить действительность.

V. Из рассмотрения источников ошибок тридцатидворного опроса явствует, что центр тяжести должен быть перенесен с задачи определения коэффициентов годичных изменений к задаче определения размера средних признаков среднего для губернии хозяйства, т.-е. необходимо превращение тридцатидворного опроса в правильно постановленное выборочное обследование, с учетом общего числа хозяйств губернии (последнее для перехода от этих средних признаков к абсолютным размерам их для общей массы хозяйств).

VI. В итоге программа и организация ежегодных выборочных обследований по определению изменений в основных элементах должны быть следующие:

1. Обследование ведется по двум формулярам: похозяйственная карточка выборочного обследования и список домохозяев волости.

2. В карточку похозяйственного опроса входят отделы:

а) население—мужчин, женщин, итого душ обоего пола;

б) посевная площадь по культурам на полевых и отдельно усадебных землях с учетом отдельно площади погибших озимых и озимых, пересеянных на яровые;

в) скот и птицы—в подразделении по видам, принятым всероссийскими с.-х. переписями;

г) главнейший с.-х. инвентарь.

По всем отделам запись делается за два года—год опроса и прошлый год.

3. По похозяйственной карточке в каждой волости опрашивается 5% дворов, отобранных из общей массы дворов волости по механическому началу.

4. В случае невозможности выборки из общей массы хозяйств волости, она производится из числа дворов не всех селений волости, а части их, но при непременном условии, чтобы число этих селений было не менее трети селений волости и чтобы сами селения были расположены по маршруту, по возможности равномерно захватывающему всю территорию волости. (Отбор селений по признаку типичности безусловно отвергается.) В этом случае процент выборки обследуемых селений должен быть повышен так, чтобы в среднем по волости была выдержана 5%-я норма.

5. Подлежащие опросу дворы должны быть заранее намечены по общему списку домохозяев (см. ниже п. 7) обследуемых селений, считая первым в этом списке первый двор в первом по маршруту селении, а последним—последний двор в последнем по маршруту селении. В случае невозможности опроса намеченного двора, в списке делается отметка причины этой невозможности; замена же его соседом или следующим номером не допускается.

6. Похозяйственный опрос производится, как правило, через волстатистиков, а где их нет—через секретарей волисполкомов или других местных лиц, способных заменить их. Применение экспедиционного метода допускается лишь в случае крайней

необходимости. Работа волстатистиков должна вестись под контролем устатбюро.

7. Список домохозяев волости составляется по селениям и обязательно на все дворы волости. В списке домохозяева располагаются по селениям, и против каждого двора делается отметка: имеет ли он посев в 1923 году или нет.

8. Список домохозяев составляется волстатистиком или лицами волостной администрации. При составлении его должны быть использованы имеющиеся уже в волостях списки домохозяев, составленные в связи с продналоговым обложением, а также и для других целей (трудгужналог, военно-конский учет и т. д.).

9. Список домохозяев должен служить: а) основой для механического отбора хозяйств (см. п. 5), а также и для последующего контроля правильного производства выборки, поэтому он должен быть в волости составлен до начала похозяйственного опроса и по окончании опроса вместе с похозяйственными карточками доставлен в статбюро; б) основой для определения, исходя из средних признаков среднего для губерний или областей хозяйства, валовых размеров основных элементов для общей массы хозяйств. На правильность составления его надлежит обратить особое внимание.

10. Все работы по обследованию волости с пересчетом абсолютных размеров основных элементов должны быть закончены и результаты их сообщены в ЦСУ ко времени начала уборки главных хлебов. Формуляры обследования и разработки заготовляются в ЦСУ.

VII. Предлагаемый план работ имеет значительные преимущества перед практиковавшимся до сего времени:

а) подход к разрешению вопроса построен методологически правильно;

б) позволяет определить искомые величины, минуя недоучеты материалов переписи 1920 года и ошибок весенних опросов 1921 и 1922 г.г.

Являясь по существу упорядочением тридцатидворного опроса, он сохраняет и в своей новой форме все черты жизненности последнего, который в 1922 году, несмотря на затруднен-

ные финансовые условия этой работы и наличие более срочных заданий, был заключен в срок.

VIII. Тридцатидворное обследование в предполагаемом виде должно входить в обязательный цикл годовых работ по текущей сельско-хозяйственной статистике.

Для успешного своего выполнения оно требует укрепления постоянной статистической агентуры на местах в волостях, выучки и повторения этой работы из года в год одними и теми же лицами, а не случайным для каждого года новым и необученным персоналом.

В двух докладах—«О подворных списках волисполкомов и сельсоветов, как способах собирания первичных данных», и «Об участии органов государственной статистики в предстоящих работах оценочно-кадастрового характера — М. П. Красильников поставил перед с'ездом два вопроса, связанных с учетом изменений в основных элементах крестьянского двора:

1) вопрос о необходимости в настоящее время, когда финансовые возможности не позволяют поставить на должную высоту органы первичного наблюдения (волстатистиков, добровольных корреспондентов), использовать подворные списки, составляемые волисполкомами и сельсоветами для удовлетворения целого ряда потребностей местной административной и хозяйственной жизни, изучить способы их составления и их формы, на основании этого изучения внести программное единообразие для волостных похозяйственных списков, направить эту работу волисполкомов и сельсоветов в должное русло и взять на себя руководство ею;

2) вопрос о том, как использовать возврат Республики к формам денежного обложения подворным налогом сельского хозяйства и снова взять в руки государственной статистики все дело оценочно-кадастровой работы в деревне, дабы тем самым, на ряду с выработкой оснований раскладки прямых денежных налогов и получений для государства реальных данных об об'ектах обложения, получить для аграрно-экономической статистики сплошной подворный материал, ежегодно дополняемый, об основных элементах сельского хозяйства—пашни, сенокоса, посева, скота, рабочего и продуктового, наличности промысловых и кустарных занятий, которым предстоит в той или иной

мере служить мерилом экономической мощи и доходности крестьянского двора.

При этом практически М. П. Красильников предлагал использовать для указанных работ оценочную методологию бывшей земской статистики, которая позволяла статистически изучить все эти элементы, необходимые при установлении оценочных норм не только для доходности земель, но и доходности различного типа хозяйств в целом — с одной стороны, а с другой — устанавливать более или менее близко к действительности посевную площадь и численность стад.

К циклу докладов по вопросу о порядке статистического изучения текущих изменений в основных элементах сельского хозяйства путем производства ежегодных выборочных обследований и метода распространения выводов из их материалов на всю сумму хозяйств определенного типа и района необходимо отнести еще один, читанный 3-му Всероссийскому Статистическому С'езду, доклад И. А. Коган на тему «О методе исчисления распространенных абсолютных данных, производимых на основании материалов опросов сельских хозяйств, и о необходимых коррективах к нему».

Докладчик указывает на три основных причины обычной неточности, исчисленных по материалам опроса результатов— это:

а) неточность исходных данных за предыдущие годы (прошлых исчислений и переписей),

б) методологические ошибки, допускаемые в некоторых случаях при самом исчислении, и

в) неправильности, зависящие от самого материала опроса, обусловленные неточностью в показаниях населения при опросе (утайки и проч.).

И. А. Коган предлагает при последующих исчислениях вносить в итоги, исчисленные по материалам опроса: во-первых, поправки методологического характера — на нетипичность опрошенных хозяйств, на изменение в числе хозяйств и т. д., и, во-вторых—фактические поправки на неточность материалов — определение % недоучета на основании разного рода контрольных данных и учет степени влияния на исчисленные итоги недоучета при выборочном обследовании.

К такого рода контрольному материалу он относит материал одновременных с подворным выборочным исследованием анкетных поселенных данных в отношении основных элементов сельского хозяйства в пунктах, где производилось выборочное исследование, а также официальные и неофициальные источники тех же данных, могущих дополнять и корректировать выборочный опрос.

Почти все предложения, развитые докладчиками в их сообщениях о методах учета основных элементов сельского хозяйства и полной смычки в этом вопросе методов и материалов основной статистики с текущей, были с'ездом приняты и переданы для окончательного редактирования в целый ряд комиссий, постановления которых в дальнейшем были утверждены коллегией ЦСУ.

В частности, в комиссию по вопросу выяснения степени точности учета посевных площадей сел.-хоз. переписями вошли—А. И. Хрящева, Е. В. Пашковский, Я. В. Бляхер, О. А. Квиткин, В. М. Обухов, А. Е. Лосицкий и Н. И. Дубенецкий; в комиссию по составлению программы и организационного плана погодного выборочного обследования основных элементов сельского хозяйства, с дополнением к нему обследования районов его огородничества и садоводства, вошли П. И. Попов, А. И. Хрящева и Н. И. Дубенецкий; вопросы о проценте отбора и способах отбора дворов, а также метода пересчета всех элементов, получаемых при обследовании, были поручены рассмотрением Отделу статистической методологии ЦСУ; по земельной статистике и вопросу определения об'ема намеченного земельного обследования была организована комиссия в составе Я. В. Бляхера, М. П. Красильникова и Е. В. Пашковского; кроме того, Отделу сел.-хоз. переписи совместно с Отделом статистической методологии было поручено поставить опытные работы для выяснения вопросов о методах гнездовой выборки об'ектов описания, а отдельно на Отдел статистической методологии было еще возложено выяснить точность результатов механической выборки, если ее произвести подворно и если ее произвести по селениям.

Далее было постановлено организовать при ЦСУ междуведомственное совещание по вопросам районирования под пред-

седательством В. Г. Михайловского и специальную комиссию по установлению районов для подсчета материалов по сел.-хоз. статистике под председательством Н. И. Дубенецкого.

По докладу Н. И. Дубенецкого о работах этой последней комиссии коллегией ЦСУ была утверждена следующая схема районирования:

1. *Район Северный:* Архангельская губ., автономная область Коми, Северо-Двинская, Вологодская (пропущена Мурманская губ.).

2. *Приозерный:* Корельская Коммуна, Олонецкая губ. (ныне ликвидированная), Петроградская, Череповецкая и Псковская.

3. *Белорусский:* Витебская, Белорусская ССР, Гомельская.

4. *Московский промышленный:* Костромская, Иваново-Вознесенская, Рыбинская, Ярославская, Тверская, Владимирская, Московская, Смоленская, Калужская, Брянская.

5. *Волжско-Камский:* Вятская, Вотская обл., Татарская ССР, Марийская автономная область, Чувашская автономная область, Нижегородская.

6. *Уральксий:* *А* — Пермская, Екатеринбургская, *Б* — Тюменская, Челябинская.

7. Башкирская ССР.

8. *Центрально - земледельческий:* Рязанская, Тульская, Тамбовская, Орловская, Курская, Воронежская.

9. *Средне - Волжский:* Пензенская, Симбирская, Саратовская.

10. *Нижне - Волжский:* *А* — Самарская, Немкоммуна, Царицынская; *Б* — Астраханская, Калмыцкая область.

11. *Юго-Восток:* *А* — Донецкая, Ставропольская, Кубанско-Черноморская, Терская; *Б* — Горские республики и области: Карачаевская, Кабардинская, Горская ССР, Дагестанская ССР.

12. *Киргизский ССР:* *А* — Западная КССР: Оренбургская, Актюбинская, Кустанайская, Уральская, Букеевская; *Б* — Восточная ССР, Акмолинская, Семипалатинская.

13. *Сибирь:* *А*. Западный — Омская, Новониколаевская, Алтайская: *Б*. Восточный — Томская, Енисейская, Иркутская, Якутская ССР.

14. *Дальний Восток:* Забайкальская, Амурская, Приморская.

15. *Украина: А.* Левобережный — Волынская, Киевская, Подольская; *Б.* Правобережный — Черниговская, Полтавская, Харьковская, Кременчугская; *В.* Донецкий — Екатеринославская, Донецкая; Г. Южный степной—Одесская, Николаевская, Запорожская.

16. *Крымская ССР.*

Как мы говорили выше, обследование 1919 года сопровождалось обследованием бюджетного типа рода хозяйств, а перепись 1920 года установлением и описанием «гнезд» для динамического изучения крестьянского хозяйства. Обеим этим операциям предшествовала программная методологическая и организационная разработка вопросов, к которой мы теперь и возвратимся.

Необходимость тесной связи этих двух видов исследования крестьянского хозяйства с особой силой подчеркивает в своей статье «Одна из задач бюджетных исследований», опубликованной в «Вестнике Статистики» № 47 за 1919 год, Л. Литошенко, говоря в заключительных своих словах к ней, что «для достижения намеченной цели — познания законов сельско-хозяйственного процесса необходимо расширить проектируемые непрерывные наблюдения над элементами земледельческого хозяйства до масштаба довольно полных бюджетных исследований», ибо:

«Если бюджетные исследования должны сделаться одним из важнейших ориентирующих средств экономической политики, то они должны быть поставлены достаточно широко, чтобы уловить тенденции развития дохода в каждом районе, имеющем самостоятельное экономическое значение.

«Масштаб гнездовых исследований, предложенный А. И. Хрящевой и опирающийся на производственные работы по районированию России, представляется наиболее подходящим и для исследований бюджетного типа... К бюджетным исследованиям подходили до сих пор большей частью со стороны анализа личного потребления в крестьянском хозяйстве», в чем, по мнению автора, *основной дефект* бюджетных исследований земской статистики, ибо:

«При широком уровне личных потребностей деревенского населения и господства обычая здесь легко было уловить искомые закономерности и на ограниченном числе наблюдений. *Анализ производственной стороны бюджета* (являющийся, по мнению Л. Литошенко, *основной задачей бюджетного исследования* сельского земледельческого хозяйства для настоящего времени.—*Е. В.) требует, конечно, совершенно иного масштаба исследований... Это должны быть не единовременные статистические учеты, а постоянное наблюдение элементов и результатов хозяйственной деятельности определенной группы хозяйств...* Для тех специальных требований, которые мы пред'являем к бюджетным исследованиям, метод непрерывного наблюдения представляется совершенно необходимым. Только таким способом можно проследить эволюцию категории дохода в крестьянском хозяйстве, законы его нарастания, как и какими путями происходит переход дохода от служебной роли по отношению к домашнему хозяйству к роли самостоятельного фактора, оказывающего решающее влияние на всю структуру крестьянского хозяйства. Только этим путем можно, далее, ответить на *коренной* вопрос сел.-хоз. эволюции — *о соотношении между ростом населения и благосостоянием.* Только непрерывным наблюдением над доходом можно, наконец, проверить теорию нормального роста семьи и определить, когда и при каких условиях происходят семейные разделы и являются ли они нормальным явлением или признаком болезненного состояния хозяйственных единиц.

«Если приведенные соображения достаточно убеждают в необходимости непрерывных бюджетных наблюдений, то остается только решить вопрос об об'еме этих наблюдений.

«Трудность составления монографических бюджетов и потребность в массовом материале заставляют подумать о сокращении программы собирания сведений.

«Однако для наблюдения эволюции дохода в крестьянском хозяйстве необходим регулярный учет следующих элементов:

1) Валовой сбор всех продуктов хозяйства по родам и видам их, при чем должен быть учтен в приходе и естественный прирост ценности имущества органического происхождения.

2) Денежные доходы хозяйства с разделением по источникам.

3) Хозяйственные расходы натурой по важнейшим статьям.

4) Денежные расходы на наличные и хозяйственные потребности.

5) Остатки от бюджетного года деньгами и натурой.

6) Учет рабочих сил: общего запаса и использованных.

«В общем сокращение может быть достигнуто только за счет кропотливого учета личного потребления. Однако и здесь войной и революцией внесены такие изменения в характере потребления, что необходимо массовое изучение для определения нового уровня потребностей. Самое большее, экономия могла бы быть достигнута на некотором сокращении об'ема регистрируемых явлений по прошествии двух-трех лет полного наблюдения и не менее удобном, но не менее полном учете статей расхода и прихода».

Несколько с иной точки зрения взглянула на задачи и направление бюджетных обследований крестьянского хозяйства образованная при ЦСУ особая бюджетная комиссия, от имени которой П. И. Поповым был представлен доклад с'езду статистиков 1919 года.

Эта комиссия признала в условиях настоящего времени возможным ограничиться лишь единовременным обследованием сравнительно небольшого количества бюджетов — в среднем до 300 на губернию или 12.000 на всю Россию — и их разработкой по районам, находящимся в различных экономических, социальных и естественно-исторических условиях.

Задачей этого исследования она поставила *не эволюцию категории дохода в крестьянском хозяйстве, а раскрытие взаимоотношений отдельных элементов хозяйства и природы организационного плана современных крестьянских хозяйств* (курсив наш.—*Е. В.).*

В соответствии с этим комиссия установила следующие основные положения по вопросу о бюджетном исследовании крестьянских хозяйств:

1) бюджеты должны быть равномерно распределены по всей территории исследования.

2) Расценка статей прихода и расхода устанавливается:

а) по ценам довоенного времени,
б) по ценам военного времени и
в) по современной фактической оценке.

3) Бюджет должен быть производительно-потребительного типа, т.-е. учитывать, с одной стороны, всю производственную деятельность хозяйства, а с другой — всю организацию и потребление (тип бюджетов земской статистики — Вологодской, Костромской, Тульской и Пензенской губ., с поправками, вытекающими из современных условий).

В связи с установленным типом бюджет должен иметь следующие главнейшие разделы: 1) историко-описательная часть; 2) население с учетом персональным, продовольственным и промысловым; 3) организация отдельных отраслей хозяйства; 4) организация труда в хозяйстве (с учетом баланса); 5) организация производства и 6) общий отдел баланса.

Ввиду выявившихся во время прений по докладу П. И. Попова новых точек зрения на задачи и об'ем бюджетных исследований, потребовавших, с одной стороны, на ряду с углубленным обследованием небольшого числа хозяйств поставить массовое выборочное обследование по расширенной программе, приурочив то и другое к производству сел.-хоз. переписи (В. Г. Михайловский), а с другой — согласовать постановку обследования бюджетов с исследованиями динамики земледельческого хозяйства (предложение, аналогичное развитому выше мнению Л. Литошенко), с'езд постановил передать рассмотрение всех этих вопросов в особую комиссию в составе А. А. Кауфмана, Н. М. Кислякова, Осипова, П. А. Вихляева и В. Г. Громана, предложив ей слиться с бюджетной комиссией ЦСУ.

Немедленно вслед за докладом бюджетной комиссии ЦСУ с'ездом был заслушан доклад А. И. Хрящевой о постановке исследования динамики земледельческого хозяйства, содержания и прений по которому мы коснемся ниже. Этот доклад, тоже для обсуждения, был передан с'ездом в особую комиссию в составе А. И. Хрящевой, П. А. Вихляева, А. А. Кауфмана, А. Е. Лосицкого, Н. М. Кислякова, В. Г. Громана и В. Г. Михайловского. Обе избранные комиссии имели несколько

заседаний, при чем по вопросу о принципах выбора об'ектов бюджетных и динамических исследований было признано обсудить этот вопрос в совместном заседании обеих комиссий.

Результат работ комиссий был доложен с'езду, и по вопросу о принципах выбора об'ектов при бюджетных и динамических исследованиях с'езд, по докладу председателя соединенного заседания обеих комиссий В. Г. Громана, вынес следующие постановления:

1) При организации производства бюджетных и динамических исследований предварительно намечаются крупные районы (в пределах губернии), отличающиеся по всей совокупности естественно-исторических и социально-экономических признаков.

2) В пределах этих крупных районов намечаются более мелкие районы по тому же принципу, что и крупные районы. Далее намечаются группы (или крупные имения) однородных селений («гнезда»), охватывающие в совокупости 10—12 тысяч хозяйств губернии, при чем, в среднем, группа — «гнездо»—охватывает до 1.000 дворов; в каждом же мелком районе в среднем намечается три группы (гнезда).

3) Исследование динамики земледельческого хозяйства производится в одном из намеченных гнезд губернии.

4) Бюджетное исследование, охватывающее в среднем 300 хозяйств в губернии, производится на $^2/_3$ (т.-е. 200 хозяйств) в районах динамического исследования и на $^1/_3$ (т.-е. 100 хозяйств) всех этих районов.

5) Гнезда выбираются в зависимости: 1) от расстояния от промышленного центра, 2) от железных дорог, 3) от губернских и уездных центров и по всей совокупности основных условий, влияющих на организацию и строй хозяйства.

6) Деление губернии на районы и выбор гнезд производится местными стат. бюро с последующим представлением на утвеждение ЦСУ.

7) Признать связь данного исследования с переписью 1917 года за основную; вместе с тем установить, где это возможно, связь с переписью 1916 года и со старыми земскими переписями.

8) В намеченных местностях производится сплошное подворное обследование по програме переписи 1919 года, в которую включены в качестве добавочных вопросов—сбор всех хлебов, сбыт, покупка и получение продуктов, утилизация для общественных работ индивидуального инвентаря и скота, сведения о площади землепользования главных угодий (пашни, сенокосов, удобной), учет задолженности и заработка от промыслов.

9) Кроме того, в каждом населенном пункте подлежат описанию условия и факты, относящиеся одинаково ко всем хозяйствам данного селения (общинный бланк).

Этот общинный бланк пересматривается и пополняется через каждые пять лет.

10) В первый же год обследования на некоторую часть хозяйства составляются бюджеты, которые возобновляются ежегодно путем опроса или выборки из записей, если таковые заведены в хозяйстве.

11) Списки домохозяев составляются регистраторами на местах на основании списков переписи 1917 года. Такие списки составляются ежегодно, так как каждый из них служит исходным для работ будущего года. Номера домохозяев нового списка проставляются в списки предыдущего года с отметкой, когда произошел раздел, соединение, выселение, ликвидация. В новом списке отмечается год образования новых хозяйств.

12) Подворные карточки составляются в двух экземплярах: один остается в Губстатбюро, а другим пользуются при ежегодных переписях.

13) В карточку заносятся сведения за два года. На третий год при составлении карточки регистратор должен иметь перед собой сведения (карточку) предыдущего года.

14) Для исследования динамики желательно, чтобы каждый населенный пункт был поручен наблюдению одного лица, и только в случае наличия крупных селений работа должна разделяться.

Таковы постановления с'езда статистиков 1919 года по общей постановке бюджетных исследований в связи с изучением динамики сел. хозяйства и выбора «гнезд» для исследования.

Что касается специальной работы в этой области в связи с переписью 1919 года, то в отношении ее с'езд постановил принять следующие постановления им выбранной бюджетной комиссии:

1) Принять основные положения о принципах бюджетного обследования, выработаные комиссией ЦСУ.

2) В основу бюджетного бланка принять тульский бюджет.

3) Учесть историю хозяйства за последние 10—15 лет, а с момента войны все изменения и причины этих изменений в населении, количестве скота, посевах и промысловой деятельности.

Для времени за 1914 год дать более или менее полное содержание подворной карточки сел.-хоз. переписи.

4) Учет землевладения и землепользования вести по отдельным участкам, по основанию распоряжения землей.

5) По вопросу об учете посева и сбора хлебов поставить вопросы по каждой культуре: а) после какого хлеба, б) по пару, в) по залежи, г) по удобрению, д) без удобрения — для вывода конкретной характеристики системы полеводства и севооборота.

6) Учет работ в полевом хозяйстве производить не по отдельным работам, а суммарно.

7) При учете скотовладения — учесть переход скота из одного возраста в другой, а также учитывать живой вес скота по опросу.

8) В разделе о лесном хозяйстве — отказаться от учета возрастов деревьев.

9) Принять следующие общие положения, относящиеся по всем разделам бюджета:

а) во всех графах всех разделов изменить редакцию, внести дополнения и изменения в соответствии с современными условиями жизни и хозяйствами крестьян;

б) во всех сел.-хоз. разделах ввести учет изменений в технике организации данной отрасли хозяйства.

10) По вопросу об оценке и ценах—признать необходимым в целях всесторонней разработки: а) произвести оценку по ценам довоенного времени, б) учесть отдельные случаи покупки и продажи за время с 1914 года и за бюджетный год,

с указанием цены, точного названия и меры предмета, а также точного времени продажи или покупки и в) дать в бюджетном бланке денежный баланс к определенному моменту времени.

В связи с принятыми предложениями с'езд заслушал и принял к сведению особое мнение А. А. Кауфмана по вопросу об оценках, которое сводится к следующему: «Денежного баланса, как и вообще оценки, учитывать не представляется целесообразным, ибо это не имеет реального значения. Необходимо лишь учесть тем или иным способом основания хозяйственных расчетов отдельных хозяев, для чего достаточно учесть отдельные немногочисленные случаи покупок и продажи, с указанием цены и точного времени».

(«Вестн. статистики» № 4—7 за 1919 г., стр. 173—179.)

Основные программные и методологические Standpunkten в вопросе о постановке изучения динамики сельского земледельческого хозяйства в условиях новой обстановки для работ государственной статистики, определившейся после 1917 года, впервые были сформулированы в статье А. И. Хрящевой, опубликованной в № 1 «Вестника статистики» за 1919 год под заглавием: «К вопросу об организации отдела динамики земледельческого хозяйства при ЦСУ».

А. И. Хрящева в таких положениях устанавливает задачи отдела:

«Как всякое другое явление, земледельческое хозяйство должно рассматриваться и изучаться в исторической перспективе его развития, чтобы можно было не только наметить, но и ясно определить законы, управляющие его эволюцией... Поэтому изучению динамики земледельческого хозяйства, как такового, должно быть посвящено особое внимание. При исследовании развития земледельческого хозяйства мы имеем дело не только с самим хозяйством — этим сложным комплексом явлений, но еще и с той средой, где живет это хозяйство — с внешними условиями...

«Из свойств исследуемых об'ектов (внешней среды) вытекают и методы их исследования... К факторам различного порядка применяется различная по частости периодичность их регистрации. Кроме того, динамика самого земледельческого

хозяйства может исследоваться различными методами в зависимости от целей, которые при этом имеются в виду... Для изучения процессов и изменений, вытекающих из свойств типа хозяйств, недостаточно сравнения лишь итогов периодических переписей, чего было бы достаточно для того, чтобы проследить эволюцию отдельных сторон земледельческого хозяйства данной местности. Для этого требуется одно непременное условие—идентичность составных частей наблюдаемой массы».

Таким образом должно иметь в виду как метод сравнения состояния всей массы хозяйств «об'единенных территорий», при чем эта масса не идентична, так и метод определения характера изменений и процессов, происходящих в каждой отдельной единице наблюдаемой массы, а также и в целых социально-экономических группах, где хозяйства идентичны. Первый метод дает возможность уловить количественные изменения отдельных сторон хозяйства и внешние изменения в численности населения данной местности. Второй — прослеживает внутренний характер самих изменений в связи с особенностями того или другого типа хозяйства, т.-е. изменения, вытекающие из свойства типа, из внутрихозяйственных особенностей.

Требования первого метода вполне удовлетворяют периодические сплошные переписи. Для достижения же второй цели применяется прием связанного повторного исследования, при котором моменты переписи связываются в описании каждого хозяйства посредством отметок об изменениях в списке исследуемых хозяйств.

Кроме этих двух приемов исследований, применяемых к изучению динамики земледельческого хозяйства, должен быть к тому же изучению применен еще и третий прием—прием ежегодных переписей хозяйств одной и той же территории, с регистрацией всех изменений, совершающихся в каждом хозяйстве.

Последний прием, охватывающий все хозяйства данной, хотя бы и очень небольшой, территории, на протяжении нескольких десятков лет непрерывно дает материал для определения направления и сущности эволюции как отдельных земледель-

ческих хозяйств, так и целых их экономических групп и хозяйственных центров; он дает возможность проникнуть в логическую связь изменений, в причины, обусловливающие характер и интенсивность тех или других процессов.

Кроме того, самые условия, в которых живет хозяйство, разделяются по своему характеру на такие, влияние коих на хозяйство изменчиво, и такие, влияние которых одинаково, более или менее постоянно, неизменно.

Сообразно этому схема работ отдела динамики строится под углом тех требований, какие пред'являет ему методология, в виду различия свойств изучаемых об'ектов, и сообразно им определяются задачи этих работ, резюмируемые в следующих положениях. Отдел динамики исследует:

1) закономерности эволюции как отдельных сторон и условий земледельческого хозяйства различных местностей, так и закономерности эволюции отдельных хозяйств и их социально-экономических групп, а также производственный и потребительный бюджет хозяйств различного типа;

2) условия, влияющие на всю совокупность хозяйств данной местности, описывающиеся в особом бланке, сведения о которых ежегодно проверяются и, если нужно, дополняются на местах;

3) отдельные хозяйства, исследуемые также ежегодно в целях фиксации текущих изменений, происходящих в них;

4) подробный бюджет намечаемого из общей массы сплошь описываемых ежегодно хозяйств известного их процента, который, в свою очередь, затем ежегодно дополняется и исправляется на месте;

5) влияние отдельных факторов на земледельческое хозяйство и его эволюцию, а также те изменения, какие происходят в хозяйстве под влиянием эволюции самого влияющего фактора, что должно быть предметом особого изучения.

Кроме того, в интересах преемственной связи материалов и работ отдела с прошлыми статистическими исследованиями, отделом организуются на местах работы по выборкам необходимых данных из прежних переписей и производится сопоставление их там, где оно еще не сделано. В интересах же получения к выводам Отдела контрольного материала им,

при организации общих переписей, в порядке их работ, организуются связные описания хозяйств отдельных местностей, но не тех, где уже производится ежегодная регистрация.

Основные положения этой своей статьи А. И. Хрящева выдвигает в виде тезисов к своему докладу с'езду статистиков 1919 года «*О постановке исследования динамики земледельческого хозяйства*», дополняя их пунктом о средствах исследования, гласящим, что «в каждом уезде или районе (по указанию местных статистических бюро) берется под наблюдение, т.-е. ежегодно переписывается сплошь целая волость или несколько селений, лежащих рядом, при чем подворная карточка на них составляется в первый год, а в дальнейшем ежегодно, дополнительно к ней, отмечаются лишь изменения в промыслах, в численности населения, скота, посевов и инвентаря», а также пунктом о ежегодных или монографических описаниях в следующей редакции:

«Так как ежегодное наблюдение всей массы хозяйств производится по сравнительно краткой програме, то из этой массы выбирается известный процент хозяйств, в которых ежегодно возобновляется бюджетное или монографическое описание, чтобы наблюдать эволюцию бюджета в целом, а не только в главнейших элементах хозяйствования». (См. «Вестник Статистики» № 4—7, за апрель—июнь 1919 года, стр. 173—174.)

В прениях по этому докладу на с'езде все высказывавшиеся сходились на принципиальном положении о признании за динамическим исследованием, в отличие от сравнительного изучения групп хозяйств в различные периоды, самостоятельной задачи чрезвычайно важного значения.

Говорившие лишь расходились в формулировке существа этой работы. Так, А. А. Кауфман указал, что, очевидно, динамическое исследование, не меняя нашего представления о законах эволюции крестьянского хозяйства, стремится изучить совокупность случайных причин, молекулярных процессов, дающих в результате определенную равнодействующую.

С другой стороны, В. Г. Громан, Н. А. Каблукова и П. И. Попов высказывали мнение, что динамическое изучение, в отличие от изучения в общественных и экономических процес-

сах в целом, вскрывает самую сущность, происхождение процесса.

П. А. Вихляевым же было указано на исключительное значение, при динамических исследованиях, изучения той среды, в которой совершается движение отдельных хозяйственных молекул, об'единенных в отдельные группы.

В этом отношении П. А. Вихляев настаивал на необходимости еще более уяснить методы и приемы изучения именно этой среды.

В заключение с'езд постановил, как говорилось выше, передать доклад А. И. Хрящевой в особую комиссию в составе А. И. Хрящевой, П. А. Вихляева, А. А. Кауфмана, А. Е. Лосицкого, Н. М. Кислякова, В. Г. Громана и В. Г. Михайловского, по докладу которой, в связи с докладом бюджетной комиссии с'езда и председателя соединенного заседания обеих комиссий В. Г. Громана, была вынесена приведенная нами выше подробная, об'единяющая оба типа исследований—динамического и бюджетного — общая программа.

Как стояли вопросы изучения бюджетов и динамики сельского хозяйства в порядке производства всероссийской сел.-хоз. переписи 1920 года, в связи с результатами заложения основ «гнездового описания» во время выборочной переписи 1919 года, мы видели выше в отчетном материале о результатах разработки материалов этих переписей. Полную картину развития методики этого вопроса, начиная с 1919 г. вплоть до настоящих дней, и перспективу дальнейшего направления работ в том же направлении дает доклад А. И. Хрящевой на 3-м Всероссийском статистическом с'езде конца 1922 года.

Суть ее доклада, выраженная в логически неразрывной связи тезисов сперва общего теоретического, а затем чисто практического «рабочего» характера, излагает вопрос в следующих положениях:

1. Исследование динамических процессов требует прежде всего точного установления об'екта исследования и его идентичности. Правильность исследования нарушается, если об'ект наблюдался пространственно или в своем составе изменяется. По отношению к исследованию сельского хозяйства также

необходимым является установление об'екта наблюдения, его категории. Сообразно расширению или углублению наблюдения, расширения или с'ужения круга изучаемых явлений — изменяются и методы наблюдения.

2. Различаются 3 стадии или три метода наблюдения.

Метод сопоставления количеств, относящихся к известной территории в разные моменты ее существования. При этом идентичным об'ектом является территория (губерния, район, государство). Необходимым условием правильности наблюдения является одинаковость границ сравниваемой территории. Процессы, происходившие здесь за известный период, улавливаются лишь в их результатах, а не в своем существе.

Характер процессов, приведших к тому или иному изменению показателей земледелия на данной территории, остается невыясненным.

3. Для того, чтобы определить сущность самых процессов и их воздействие на земледелие, необходимо применить другой метод наблюдения, именно метод, требующий идентичности составных частей социальной массы, населяющей земледельческую территорию, т.-е. хозяйств.

4. Метод периодических связных переписей улавливает не только экономические изменения в отдельных хозяйствах и их совокупностях, но он дает возможность наблюдать и социально-органические процессы, происходящие с хозяйствами, т.-е. разделы, соединения—как органические процессы, и выселение, ликвидацию и возвращение — как процессы социальные.

В результате применения этого метода получается возможность не только выяснить характер изменения в сельском хозяйстве, но и установить особенности и направление процессов в зависимости от экономической среды, где они развиваются.

5. Для правильного применения метода связных периодических переписей требуется соблюдение следующих условий:

1) идентичность об'ектов (связь моментов в единицах);

2) целость исследуемой массы по отношению к описываемой территории и

3) ограниченность периодов между переписями.

При неисполнении одного из этих условий нарушается правильность наблюдения, и теряется его смысл.

6. Идентичность наблюдаемых единиц и их совокупностей достигается той связью моментов переписей, которая осуществляется в каждом хозяйстве текущей переписью с предыдущей — посредством особых связующих списков. В процессе этой связи регистрируются общественно-органические процессы, и тем самым устанавливаются категории хозяйств, их совокупности, различающиеся между собою характером пережитых ими изменений, а следовательно, и экономической структурой. Величина состава каждой получившейся категории хозяйств зависит от длины периода между переписями и от интенсивности происходящих процессов.

7. Так как экономическая эволюция определяется характером социально-органических процессов, то она должна изучаться под углом категорий, образуемых на основе социально-органических изменений. Деление на категории, как и всякая группировка материала, — условно. Условность ее заключается в том, что все процессы рассматриваются с точки зрения периода времени между двумя переписями.

Условность заключается также и в невозможности, при этом методе, исходить из экономики, которая была *тотчас* после социально-органических процессов и *перед* их совершением. Поэтому исходным моментом эволюции считается момент первой переписи, а конечным — момент второй.

8. Целость наблюдаемой массы необходима для полноты и достоверности регистрируемых изменений, а также для определения интенсивности происшедших изменений. При нарушении целости массы исчезает возможность определения внутреннего соотношения различных процессов, а отсюда вытекает неправильность соотношений категорий и групп.

9. Ограниченность периода времени между переписями необходима для удобства наблюдения. Слишком длинный период времени между переписями ведет к упущению из поля наблюдения тех процессов и событий, которые уже заменились другими, что затушевывает результаты происшедших изменений и лишает ясности выводы.

Слишком короткий период 1—3 года не даст перспективы для уяснения интенсивности и направления процессов. Поэтому периоды не должны быть короче 5 и длиннее 10 лет.

До сих пор этот метод находил себе осуществление в частичных исследованиях уездов или частей уездов.

В 1920 году он был проведен в большинстве губерний РСФСР, но применялся не сплошь ко всей территории, а к частям ее, представляющим различные районы губернии.

10. В 1920 году было положено основание в тех же уездах, где производилась связная перепись 1917—1920 годов, производству ежегодных записей изменений каждого из явлений и элементов, составляющих хозяйство. Этот опыт является углублением предшествующего метода.

11. Метод ежегодных записей на протяжении 5 — 10 лет, охватывающей все хозяйства данной, хотя бы и небольшой, территории, дает возможность не только определять направление и характер процессов, но и проникнуть в логическую связь изменений, в самые причины, обусловливающие характер эволюции.

Здесь исследователь связывает в процессе наблюдения не только отдельные хозяйства, но и отдельные явления для того, чтобы на основании *изменения частей* об'яснить *изменение целого.*

Метод ежегодных переписей по своим результатам идет дальше предыдущих, давая, в то же время, ответ на все те запросы, которые пред'являются к методу 1-му и 2-му.

12. В результате применения метода связных переписей получилось совершенно новое освещение жизни деревни, дотоле представлявшейся в схемах элементарных, в своем существе не соответствующих внутреннему характеру эволюции крестьянства.

Выступили на сцену вопросы не только о классовом строении крестьянства, но и вопросы о разности эволюции каждого из классов.

13. Метод связных переписей, примененный с соблюдением всех свойственных ему условий, раскрыл главные закономерности в жизни и эволюции различных экономических слоев деревни и связь между социально-органическими процессами

и той экономической средой, где они развиваются. Он раскрыл два главные условия развития крестьянского хозяйства: его изменчивость и подвижность.

14. В результате этого были опрокинуты представления о самодовлеемости процессов, о внутриобщинности их, и установлен факт отслоения хозяйств за пределы деревни.

Это выдвинуло на сцену связь эволюции классов деревни с общей ситуацией народного хозяйства. Развитие или упадок промышленности сильнейшим образом влияет на интенсивность развития социально-органических процессов в деревне. Отныне земледельческое крестьянское хозяйство должно рассматриваться под углом общих условий народного хозяйства, а не только условий данного земельного общества.

15. На эту почву и стал с'езд 1919 года, поставив исследование динамики земледельческого хозяйства путем ежегодных переписей. Для исследования динамики были взяты местности, находящиеся в различных условиях по отношению к промышленным центрам и городам, с целью раскрыть характер воздействия внешних условий на эволюцию деревни.

16. Программа разработки данных о динамике крестьянского хозяйства в своем построении зависит от свойства самого метода исследования. Поскольку результаты связной переписи могут быть разработаны одновременно, постольку при ежегодных записях целесообразнее разделить схему разработки на 2 части: 1) итоги более или менее широкого круга вопросов и явлений должны быть даны ежегодно и 2) основная разработка — периодически.

17. Прежде всего ежегодно должны даваться *территориальные итоги.* Они имеют целью сопоставить итоги настоящего года с предыдущими для суждения об общем состоянии хозяйства, о посевных площадях, скотоводстве, птицеводстве и других отраслях хозяйства исследуемой территории.

Социально-органические изменения разрабатываются также ежегодно. Важнейшие из категорий хозяйств, именно: разделившиеся, соединившиеся, выселившиеся, ликвидировавшиеся и возвратившиеся получают самую краткую характеристику населения, посева и коров.

В этой части ежегодных разработок улавливается темп органических процессов и их влияние на экономику хозяйств в целом.

18. Дальнейшее использование материалов ежегодных переписей может быть очень широким и глубоким, так как содержит все элементы для постановки изучения эволюции любого из отдельных элементов хозяйства — движение населения, движение скота, инвентаря и других элементов, — любой группы хозяйств и любой совокупности этих групп.

19. Изучение эволюции *типов хозяйств*, достигаемое при других условиях методом связанных переписей, здесь требует другой схемы и другой очередности. Нет надобности и даже нельзя для наблюдения эволюции типов разрабатывать материал *ежегодно*.

Для определения характера эволюции типов хозяйств необходимо, чтобы прошел известный период времени, который был бы достаточен для того, чтобы уловить закономерность в повторяемости причин и следствий. Поэтому разработка в целях изучения эволюции *типов хозяйств производится периодически*.

20. В схеме разработки ежегодных переписей за целый период выступает на первых план группировка материала: 1) по характеру и времени воздействия на хозяйство социально-органических процессов, 2) по главнейшим причинам, вызвавшим изменение в экономическом строе хозяйств и 3) по глубине воздействия этих причин, т.-е. по следствиям.

В качестве признака группировки при этом могут выступить *частоты* тех или других основных причин изменяемости явлений, *совокупности или категории* причин, более или менее однородных по своему воздействию.

21. Основная разработка ежегодных переписей предполагается в 1925 году. Подробная схема ее будет представлена на обсуждение одного из ближайших с'ездов или конференций.

Что касается методики бюджетных исследований, то на конференции 1921 года он был подвергнут основательному пересмотру в специальной комиссии под председательством А. В. Пешехонова, в связи с постановлением Совнаркома про-

изводить ежегодно бюджетные описания хотя бы ограниченного числа хозяйств. По докладу Л. Н. Литошенко конференцией было постановлено произвести в 1921 году, в течение ближайших трех месяцев, бюджетное отчисление 25 хозяйств на губернию по бланкам исследования 1919 года с некоторыми сокращениями их программы, и зафиксированы следующие методологические основы бюджетных исследований и цели их, разделив эти исследования на общие и частичные по об'ему содержания:

1. В настоящее время бюджетные исследования крестьянского хозяйства необходимы: а) для определения производственных заданий общегосударственного плана, б) для организации труда, в) для организации сельского хозяйства и г) для выяснения влияния экономической политики на крестьянское хозяйство.

2. Основным методом бюджетных исследований должно быть заложение во всех экономических районах достаточного количества бюджетных книжек, ведущихся из года в год самими хозяевами под наблюдением статистического и агрономического персонала.

3. Формы этих книжек для бюджетных записей должны быть изготовлены в возможно скором времени самим ЦСУ.

4. В целях возбуждения интереса к ведению хозяйственных записей и в виду большой затраты времени, требуемого подобного рода работой, желательно освобождение от трудовых повинностей лиц, регулярно ведущих хозяйственные записи по установленным ЦСУ формам, и снабжение их письменными принадлежностями.

5. Необходимо войти в соглашение с Наркомземом, чтобы условием признания крестьянских хозяйств образцовыми и подлежащими премированию было ведение этими хозяйствами регулярных записей по установленным ЦСУ формам.

6. Для текущих надобностей экономической политики необходима срочная организация исследования отдельных сторон крестьянских бюджетов по методам, близким к исследованию питания, проводимому Отделом статистики потребления ЦСУ.

7. Первоочередными темами подобных частичных бюджетно-производственных исследований должны быть: 1) описание систем полеводства в крестьянском хозяйстве, 2) выяснение норм и организации кормления скота.

8. В целях использования бюджетных работ текущего сезона необходимо произвести в течение ближайших 3-х месяцев бюджетное описание 25-ти хозяйств на губернию по бланкам, выработанным ЦСУ, для чего использовать наличные запасы бланков исследования 1919 г. с соответствующими сокращениями и поручить ЦСУ выработать инструкцию пользования этими бланками.

Исследование 1921 года по программе должно было описывать 25 хозяйств на губернию. Инструкция указывала выбирать для описания хозяйства с господствующими в данном районе типами организации полеводства, скотоводства и промыслов, с разным уравнем благосостояния и с разделением на пригородные и удаленные от города хозяйства. При распределении описываемых хозяйств на территории губернии должна была приниматься во внимание группировка по посевам, применительно к данным переписей 1917 и 1919 г.г. Здесь был достаточно подчеркнут и определен чрезвычайно важный момент выбора типических хозяйств, который в инструкции к исследованию 1919 года совсем обойден молчанием, и потому тогда, повидимому, типичность описываемых хозяйств устанавливаясь в значительной степени интуитивно. Однако исключительная важность динамического применения бюджетного анализа заставила исследование 1921 года обязазательно связывать по выборным хозяйствам с исследованием 1919 года, хотя бы выбор хозяйств в этом последнем и был сделан не совсем удачно.

В основу исследования 1921 года был положен прежний бланк 1919 г., однако, с значительными сокращениями, имевшими целью, во-первых, выбросить из программы исследования все неудавшиеся вопросы, во-вторых, вообще упростить чрезвычайно сложную работу заполнения бланка.

Были выпущены в значительной степени описательная часть программы, довоенные и современные оценки и ряд мелких деталей.

Бюджетный год считался к концу апреля 1921 года.

Исследование охватило до 600 хозяйств по 32-м губерниям Евр. России и Сибири. По 16-ти из этих губерний материал был доставлен в ЦСУ и подвергнут в нем разработке; по остальным губерниям ЦСУ имеет выборки, сделанные по его указанию в целях изучения влияния продналога на организацию крестьянского хозяйства и определения избытков и недостатков важнейших продовольственных и сырьевых продуктов. Таблица этой выборки содержит следующие рубрики: 1. Число описанных хозяйств. 2. Население в 1914 г. и 1920 г. 3. Землепользование в 1914 г. и в 1920 г. 4. Посев в 1914 г. и 1920 г. 5. Скот в 1914 г. и в 1920 г. 6. Сельско-хозяйственный инвентарь в 1914 г. и в 1920 г. Оборот продуктов полеводства. 8. Оборот продуктов скотоводства.

Исследование 1921 года превосходит по качеству материала первое исследование вследствие накопившегося опыта, давшего возможность сократить программу и сосредоточиться на наиболее доступных сейчас бюджетных элементах.

В общем же, оба организованные ЦСУ бюджетные исследования, отразив в себе недостатки статистики революционного периода, все-таки дали достаточно ценный результат и показали полную пригодность такого типа бюджетных исследований, организуемых центральным статистическим аппаратом и выполняемых местными силами в государственном масштабе.

Однако до сего времени материалы бюджетных исследований ЦСУ не получили еще сколько-нибудь обширного применения и глубокой научной разработки. В бюджетном подотделе над ними производились следующие работы:

1. Изучался процесс натурализации крестьянского хозяйства путем исчисления баланса отчуждений и поступлений продуктов в %% к валовому сбору, в среднем на 1 душу населения и на 1 десятину посева (по новым и для сравнения по старым бюджетам).

2. Устанавливались нормы потребления продовольственных хлебов, овса и картофеля для каждой губернии по группам землепользования, в среднем на душу населения с раз-

делением семенной потребности, корма скоту и личного потребления.

3. Составлялись натуральные балансы и определялось строение крестьянских бюджетов в золотой валюте с целью обоснования рациональной системы единого натурналога.

Бюджетный материал находил себе и другое применение в практической работе разных ведомств.

Работы государственной бюджетной статистики на 1922 год продолжались. Было организовано очередное, третье по счету, бюджетное исследование крестьянского хозяйства во всероссийском масштабе, с описанием хозяйств на губернию, силами Губстатбюро.

Описание производилось по бланку 1919 года с сокращениями, еще более значительными, чем в 1921 году, в сторону дальнейшего упрощения бланка.

Кроме того, Наркомзем, совместно с ЦСУ, произвел специальное экспедиционное бюджетное исследование крестьянского хозяйства в районах разной экономической структуры, с целью изучения организационно-производственного плана и характера производственных районов, начатое летом 1922 года и закончившееся в текущем году.

В основу описания этого исследования был положен заново переработанный бюджетный бланк ЦСУ. Кроме всех возможных сокращений по типу бланка 1921 года, в нем был сделан и ряд существенных дополнений. Значительное внимание было уделено отделу истории хозяйства. Программа этого отдела содержит вопросы о генезисе хозяйства, о структуре и эволюции семьи, об истории всех производительных отраслей сельского хозяйства (по полеводству—о «биографии» каждой отдельной полосы, чтобы вскрыть природу чересполосицы), об эволюции средств производства, личных промыслов, промышленных предприятий и т. д.—история хозяйства ближайшим образом должна охватить 8 последних лет.

В анализе сельско-хозяйственного производства программа дифференцирована для учета трудоемкости, материальных затрат и доходности по всем его отдельным отраслям. Этим определялась возможность глубокого счетоводственного анализа полученного материала.

В описательной части бланк сильно был пополнен целым отделом детального описания агрономической техники.

Чрезвычайно затруднительный в условиях неустойчивой валюты вопрос о бюджетных оценках разрешался таким способом:

Опрашиваются следующие сведения: 1. Сколько стоила бы каждая данная вещь, купленная заново, в 1914 г.? 2. Каков обычный предельный срок ее службы? 3. Сколько лет она уже служит в хозяйстве?

По этим данным, вычитая из довоенной стоимости новой вещи долю фактической амортизации, можно было получить довоенную стоимость вещи в ее наличном состоянии. Воспроизводилась наличная картина состояния хозяйственных ценностей, как она существовала бы в довоенных условиях. Внося в нее корректив на происшедшее изменение в дифференциальном соотношении цен по индексам, можно было воспроизвести об'ективную картину современного состояния и соотношения хозяйственных ценностей.

Такой же метод был принят и для очередного бюджетного обследования ЦСУ в 1922 г. Только в экспедиционном обследовании, кроме монографического описания отдельных хозяйств, намечено было более широке анкетное обследование бытовых особенностей и культурного уклада района. Сверх того, в ближайшем будущем ЦСУ предполагает организовать ведение бюджетных записей в крестьянских хозяйствах разных районов.

Подводя итоги «истории бюджетных исследований сельского хозяйства России, А. Чаянов и Г. Студенский, в своей книге по этому вопросу, которую мы неоднократно цитировали, резюмируют ее достижения в таких словах:

«Исторический обзор русской бюджетной статистики обнаруживает нам тот своеобразный путь развития, который она проделала от своего зарождения в конце XVIII века до наших дней. Зародившись по типу ранних западно-европейских исследований над потребительскими бюджетами в виде исчислений «приходов, расходов и остатков во дворе крестьянском», в виде отрывочных попыток изучения разных элементов домашнего хозяйства и крестьянского производства, — бюджетная стати-

стика развивалась вширь и вглубь, систематизировалась и совершенствовалась в своих методах.

Рабочий бюджет и расчеты приходо-расходного потребительского баланса у нас составляют только одну небольшую страницу в истории бюджетных исследований. Основная линия их развития легла на пути *интегрального производственного изучения крестьянских бюджетов*. Крестьянское хозяйство явилось премущественным об'ектом русской бюджетной статистики. И на этом пути выработались все те совершенные приемы собирания бюджетных сведений о крестьянской семье и организации ее хозяйства, все те сложнейшие методы сводки и счетной обработки этих сведений, которые в наше время выражаются в виде подробнейших бюджетных таблиц, в самых разнообразных способах простых и сложных группировок, детальнейшем счетоводном анализе, словом, в самой углубленной и утонченной статистической и счетоводной обработке табличного материала.

На базе этой совершенствующейся системы собирания и счетной разработки бюджетных сведений выростали и методы научной их обработки, запечатлевшейся в длинном перечне теоретических бюджетных исследований.

На бюджетных материалах создавались: общая теория крестьянского хозяйства, изучение его организационного плана, построение систем общественно-агрономической переорганизации его.

В настоящее время для всех несомненно, что бюджет завоевал себе право гражданства в системе научных статистических исследований, и массовая статистика ни в коем случае не может считаться исчерпывающим методом анализа народохозяйственной жизни, обязательно требуя дополнения в бюджетном анализе и представляя для него канву.

Весьма кропотливая и дорогая работа как по сбору бюджетного материала, так и по его счетной разработке, является, однако, совершенно незаменимым способом постижения законов потребления и организационных пружин крестьянского и иного хозяйства. И, конечно, без самого детального анализа всех звеньев сельско-хозяйственного производства и без кропотливого молекулярного удельного взвешивания всех его частей путем *счетоводной обработки* бюджетного материала,

нельзя думать о построении исчерпывающей теории крестьянского хозяйства и совершенной системы его общественно-агрономического переустройства.

Ни один метод статистического исследования не может дать того, что дается бюджетным описанием. В то время, как все остальные приемы статистического описания либо дают нам просто натуральную регистрацию хозяйственных элементов без всякой попытки их соизмерения, либо простой статистический учет хозяйственных ценностей, — один лишь бюджет способен воспроизвести полную картину производственного оборота всех элементов хозяйства и дать их точную количественную соизмеримость.

Поскольку бюджетный анализ в самой истории своего развития обнаружил сдвиг от чисто потребительской области к производственной и в этой последней обнаружил блестящие результаты своего применения, он становится испытанным орудием анализа производства и преимущественно крестьянского сельско - хозяйственного производства. Ибо в производстве крестьянской семьи личный бюджет сплетается с бюджетом хозяйственным, и все осложняется такой массой внутрихозяйственных и внехозяйственных, семейных, природных и экономических факторов, что постижение этого сложного организма крестьянского хозяйства и его общественное регулирование оказываются невозможными без тонкого бюджетного анализа. Поэтому бюджетный анализ становится специфическим методом современной сельско-хозяйственной экономии.

Конечно, при этом не утрачивается значение бюджетной статистики и для теории потребления, дальнейшее углубление созданных здесь методов представляется совершенно неизбежным.

Наконец, в той же производственной плоскости бюджетный анализ, являясь преимущественным методом изучения крестьянского хозяйства, будет широко применяться и для изучения всякого хозяйства. Любое промышленное предприятие существует лишь при твердом бюджете, и структура этого бюджета отражает организационную сущность данного типа промышленного предприятия. Поэтому для исчерпывающего

изучения и обрабатывающей промышленности и народного хозяйства в целом бюджетный анализ является необходимым. Эволюция разных отраслей промышленности, их организационно-производственный план, взаимодействие их с рынком и влияние на народохозяйственную кон'юнктуру,—все эти проблемы, и целый ряд других, не могут получить окончательного решения без изучения бюджетов отдельных предприятий.

Соответственно столь расширившемуся полю применения бюджетного анализа и самое понятие *бюджетного исследования* сделалось чрезвычайно широким, однако, ясно определившимся. *Под бюджетным исследованием теперь понимается либо изучение потребительского приходо-расходного бюджета, либо, по преимуществу, изучение хозяйства, особенно крестьянского хозяйства,—изучение, дающее, во-первых, детальнейшую статистическую картину всех элементов хозяйства и, во-вторых, воспроизводящее кинематографический снимок жизни всех его частей в техническом и экономическом отношении, в особенности же годовой оборот ценности в хозяйственном производстве.*

Что касается крестьянских бюджетов, то здесь мы имеем уже чрезвычайно совершенные методы собирания и счетной разработки бюджетного материала. Дальнейшее развитие здесь мыслится просто в сторону усовершенствования статистической техники, которое и идет непрерывно в коллективной работе руководителей бюджетной статистики.

Развитые же здесь методы должны быть использованы в самом широком масштабе. Все районы России должны пройти через бюджетный анализ. Сельско-хозяйственная экономия должна опереться на огромный бюджетный материал. Он добывается теперь теми ежегодными бюджетными исследованиями ЦСУ, которые законно входят в обычай.

Что касается научной разработки бюджетного материала, этот последний этап всякого бюджетного исследования выходит за пределы простой статистической техники и ведет в область индивидуального научного творчества.

Можно лишь указать, *что научная разработка бюджетов должна все больше обращаться к точным методам математической статистики и, прежде всего, к методу корреляции,* ибо

здесь лежит единственный путь к исчерпывающему количественному уразумению всех коррелятивных внутри и внехозяйственных связей в элементах крестьянского и иного хозяйства.

Научной разработки ожидают все старые крестьянские бюджеты, через нее должна пройти вся текущая бюджетная статистика, сами научные центры должны путем организации экспедиционных исследований и бюджетных записей в надлежащих районах добыть новый совершенный бюджетный материал.

Число проблем, стоящих перед научной разработкой бюджетов, особенно крестьянских, почти безгранично; методов же научного анализа здесь будет столько, сколько будет исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Статистика грузооборота, хлебных цен и рыночных отношений в сельском хозяйстве.

Изучение влияния рыночных отношений на организацию сельского хозяйства, а также на ход классового расслоения деревни — с одной стороны, и с другой — на взаимоотношения рыночных условий с вопросами грузооборота, транспортной системы рыночных связей и движением цен на сельско-хозяйственные продукты, является в русской аграрно-экономической статистике самостоятельной и сравнительно новой проблемой.

Впервые о необходимости постановки статистического изучения этих явлений и соответствующей разработки разрозненных ведомственных и общественных статистических материалов встал перед русской аграрно-экономической статистикой в начале настоящего столетия, когда в широких кругах русских статистиков и экономистов стал усиленно дебатироваться вопрос об организации так называемой «торговой статистики».

Изучение «торгового обмена» внутри страны, по ее производящим и потребляющим районам, как фактора, в котором раньше, чем где-либо, отражаются перемены и сдвиги, происходящие в хозяйственном строе не только всей страны или ее районов, но и в отдельных категориях хозяйств, стало неизбежной функцией аграрно-экономической статистики с того момента, как внутри ее, если не заглохли совсем, то во всяком случае затихли споры между народниками и марксистами по вопросу о прогрессивной роли капитализма в земледелии, происходившие вокруг выдвинутой народниками в 80 — 90-х годах прошлого столетия теории об «искусственности» земледельческого капитализма в России и о «случайности» и нетипичности для эволюции ее сельского хозяйства процесса роста в

последнем товарного производства и связанного с ним общественного разделения труда.

Признание статистиками обоих направлений—марксистами в полной мере, народниками же с различными оговорками—того факта, впервые формулированного у Карла Маркса в третьем томе его «Капитала» и затем проверенного на материалах русской земской аграрно-экономической статистики В. И. Ильиным-Лениным в его, неоднократно нами цитированной, книге «Развитие капитализма в России», что—«основным моментом возникновения в стране внутреннего рынка (вообще и на сельско-хозяйственные продукты в частности — *Е. В.*) является прогрессивный рост общественного разделения труда», ибо только «разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг другу, заставляя их служить друг другу»,—сыграло определяющую роль в установлении основ самой методологии статистического изучения указанных явлений.

Первый набросок этих основ методологии «товарной статистики» мы встречаем в изданном в 1908 г. первом томе труда П. П. Лященко — «Очерки аграрной эволюции России», в главе, специально посвященной вопросам ее методологии и озаглавленной—«Опыт статистического изучения внутреннего сельско-хозяйственного рынка».

В этой работе П. И. Лященко подразделяет статистическое изучение сельско-хозяйственного внутреннего рынка на две проблемы: проблему изучения его статистики и проблему изучения его динамики. Предметом первой проблемы он полагает установление состояния сельско-хозяйственного внутреннего рынка на тот или иной год на основании учета урожая соответствующих культурных растений, с одной стороны, и исчисления, по районам, их «товарного остатка» у населения—с другой, путем определения количественных значений «избытков» или «недостатков» этих растений в зерне, волокне, соломе и проч. у производителей, в их хозяйствах, по районам, каковые значения выявляются по удовлетворении соответствующими продуктами самих производителей в пределах особым методом определяемых потребительных норм на душу или на хозяйство.

Задачами второй проблемы—статистического изучения внутреннего сел.-хоз. рынка — он определяет: а) изучение условий и причин географического движения сельско-хозяйственных продуктов из мест и районов их производства в районы их потребления, б) изучение внутрирайонного перераспределения сельско-хозяйственных продуктов и в) изучение условий внутреннего движения сел.-хоз. продуктов от производителя к потребителю, от реализации урожая вплоть до поступления его результатов на рынок и в продажу посреднику и затем потребителю.

Поскольку методы собирания данных об урожаях и посевных площадях, а также методы контроля и обработки этих данных являются в настоящее время довольно основательно установленными в аграрно-экономической статистике, и применение их к учету результатов последних и к выявлению «товарных остатков» урожаев у населения уже не составляет большого труда, постольку, в той или иной мере, задача статистического изучения *статики* внутреннего сельско - хозяйственного рынка в том или ином районе или во всей стране может быть признана сравнительно легко осуществимой. Гораздо сложнее и неопределеннее стоит дело с изучением моментов, определяющих как содержание, так и направление динамики этого внутреннего рынка, а также оказываемого им воздействия на всю экономику и внутренний строй самого сельского хозяйства и на внутренние процессы, в нем происходящие, так как эти моменты совершенно не поддаются непосредственному статистическому учету, за исключением одного, равно необходимого как при изучении динамики, так и при изучении статики рынка сельско-хозяйственных продуктов, вопроса о ценах на сельско-хозяйственные продукты, учитываемых в текущей сельско-хозяйственной статистике ЦСУ и его местных органов.

Статистически проследить динамику сельско-хозяйственных рыночных отношений поэтому, пока что, оказывается возможным лишь косвенным путем—сопоставлением движения избытков и недостатков сельско-хозяйственных продуктов по районам с движением биржевых, базарных и местных цен на эти продукты в тех районах—с одной стороны, а с другой—

учетом данных транспортной статистики о направлениях, силе, дальности пробегов и составе железнодорожных, водных и гужевых перевозок сел.-хоз. продуктов как внутри больших и малых экономических районов страны, так и между ними, и даже экспортных перевозок,—учетом, другими словами, экономического значения для сельского хозяйства сельско-хозяйственного внутреннего и внешнего грузооборота.

В дореволюционное время данные грузооборота железных дорог издавались министерством финансов в годичных сборниках «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», в «Материалах по пересмотру хлебных тарифов» и в «Ежегодниках Министерства Финансов». Кроме того, с 1877 года статистику товарного движения как по железным дорогам, так и по шоссейным и по водным путям дают «Статистические сборники Министерства Путей Сообщения» и издаваемые тем же министерством «Ежемесячники». Как те, так и другие из указанных изданий давали в отношении железнодорожного грузооборота сводки первоначальных разработок материалов по перевозкам, производившимся в статистических отделах управлений отдельных железных дорог, каковые материалы получались в порядке статистической сводки последними документальных данных по станциям отправления и назначения, а также данных диспетчерского учета. В отношении водных перевозок использовались аналогичные материалы управлений начальников судоходных дистанций, составляемые в них на основе частью записей о провозимых грузах в «судовых журналах», частью размеров взимавшегося с речных грузов попудного сбора. Что касается данных о гужевых перевозках, содержавшихся в указанных выше изданиях, то они настолько разрозненны и апокрифичны, что о них вообще не приходится говорить. В этом отношении несравненно больший интерес, чисто методологический, представляют исследования грузооборота грунтовых работ, проведенные статистическими отделами некоторых губернских земств в 1910—1914 г.г., о результатах которых организатор одного из этих исследований (по грунтовым дорогам Тверской губ.) Н. И. Воробьев докладывал 3-му Всероссийскому Статистическому С'езду 1922 года.

Необходимо отметить, что этот С'езд уделил чрезвычайно большое внимание всем видам транспортной статистики, к сожалению, не сделав в своих постановлениях никаких указаний ее работникам в направлении сочетания программ их работ по статистическому наблюдению за грузооборотом и по разработке материалов этого наблюдения с специальными интересами в транспортной статистике — статистики аграрно-экономической.

Тем не менее, его принципиальные постановки вопросов о транспортной статистике всецело отвечают интересам правильной постановки проблемы статистического изучения сельскохозяйственного грузооборота и не могут не быть отмеченными в настоящем изложении.

Согласно постановлению С'езда отныне ведомственная транспортная статистика НКПС должна работать не только в тесном контакте с органами и работой госстатистики, но и в полном подчинении методологическому руководству ЦСУ, которому— и только ему — отныне «принадлежит программное руководство, общее наблюдение за выполнением установленных планов и программ, изучение работы транспорта с народно-хозяйственной точки зрения и, в частности, сводка экономической транспортной статистики по административным делениям и экономическим районам. «Признав затем, по докладу И. А. Поплавского о «Методах экономической транспортной статистики» (см. *И. А. Поплавский*—«Новая постановка вопроса о текущей, срочной грузовой статистике» в «Вестнике Статистики», кн. XII за 1922 г., и его же—«К вопросу об организации экономической железнодорожной статистики» в том же органе, I — IV за 1920 г.), за основной статистикой перевозок — «особенно в области решения финансово-экономических проблем и в решении многих вопросов общегосударственного значения»—большое значение, С'езд признал также «настоятельную необходимость дальнейшего развития и улучшения срочной экономической статистики перевозок, для целей как рационального управления транспортом и другими отраслями государственного хозяйства, так и для текущего наблюдения за колебаниями экономической кон'юнктуры, одним из показателей которого являются грузовые перевозки по железным

дорогам». Такую же оценку общегосударственного значения получила на С'езде и статистика водных перевозок, по поводу упорядочения которой, как с технической стороны, так и с экономической С'ездом вынесен ряд постановлений. Особое же внимание С'езд уделил вопросам методологии статистики гужевых перевозок, заслушав по этому вопросу целых четыре доклада: И. А. Поплавского—«О методах регистрации гужевых перевозок», С. П. Макарова—«Документальный учет гужевой статистики в России», Н. И. Воробьева—«Приемы статистического исследования движения по грунтовым дорогам» и коллективный доклад П. Н. Шестакова, Б. П. Жерве и В. В. Лавровского—«Об организации статистико-экономических исследований грузового движения на гужевых дорогах».

Содержание этих докладов, к сожалению, в весьма кратких резюме, и резолюции по ним опубликованы в кн. XII «Вестника Статистики», № 9 — 12 за сентябрь — декабрь 1922 г., в «Приложении» к нему, под заглавием — «III-й Всероссийский Статистический С'езд».

МОЙ ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТВЕТ А. И. ХРЯЩЕВОЙ, А ТАКЖЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ТЕОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА».

(Вместо послесловия.)

В недавно вышедшем из печати очередном номере официального органа ЦСУ «Вестник Статистики», кн. XIII, январь — апрель 1923 года, № 1 — 4, первому изданию моей «Аграрно-экономической статистики» посвящена в отделе библиографии длиннейшая статья, на целых десяти печатных страницах убористого шрифта, А. И. Хрящевой, полная ожесточенных нападок не только на мою работу, но и лично на меня. Не отвечая на последние, должен указать, что главное обвинение А. И. Хрящевой, направленное против принципиальной невыдержанности первого издания моей работы, а также против некоторой односторонности и неполноты представленного в нем материала, мною предвосхищено в предисловии к настоящему, второму изданию ее, а причины всего этого были мною оговорены с достаточной полнотой в предисловии к первому изданию книги. Таким образом, возвращаться к этому вопросу в настоящее время надобности нет. Другое обвинение, заключающееся в разбросанных по всей статье А. И. Хрящевой довольно прозрачных и ехидных намеках на чрезмерную компилятивность моей работы и обширную цитацию первоисточников без ковычек, то оно теряет свою силу уже по одному тому, что в предисловии к первому изданию я ясно и откровенно предупредил своих читателей, что моя работа в значительной своей части является именно компиляцией и систематизацией первоисточников, и что единственно, что в ней остается достоянием автора, так это именно тот «цемент идей», при помощи которого им проводилась на протяжении всей книги связь между отдельными элементами изложения,

и разрозненный, далеко не полный и никем еще не сведенний воедино материал сводился в более или менее стройную систему. Этого «цемента идей», того угла зрения, под которым автор рассматривал весь материал, стараясь обосновать право аграрно-экономической статистики на признание за ней значения самостоятельной научной дисциплины и очертить ее об'ект и задачи, А. И. Хрящева в пылу ревнивого отношения к своему ведомству не заметила, и вышло так, что самое назначение моей книги ею было понято, как попытка написать «историю» статистики, да еще попутно учинить кражу со взломом, забравшись в чужой материал со специальною целью подкузьмить честных тружеников из ЦСУ, которые, по словам А. И. Хрящевой, «не пишут, а делают историю».

И, однако, несмотря на такое оригинальное толкование А. И. Хрящевой мотивов, по которым я, «чуждый в статистике человек», отдал четыре года напряженнейшего труда на то, чтобы написать тоненькую книжку в 150 страниц, я не могу на нее особенно сердиться,—ведь книжка-то свое дело сделала, она достигла своей цели, о которой говорилось в конце предисловия к ней, а именно она сдвинула с мертвой точки вопрос, поставленый двадцать три года тому назад на совещании статистиков 1900 года и до сих пор не разрешенный, несмотря на многочисленые труды. Доказательством этого является статья самой А. И. Хрящевой, та страстность, с которой она ударила в набат, прочтя мою работу и рекомендуя скорее «самим статистикам» заняться наводнением рынка хорошими книгами, к сожалению, не на поднятую мною тему, а в целях «информации о статистике». Бьет по пустому месту А. И. Хрящева, когда она в своей статье приписывает моей книге, для придания своему нападению большей силы, то, чего моя книга не преследовала ни в своем первом издании и не преследует во втором, того, будто бы автор претендовал в этой книге на исчерпывающее изложение таких задач, которых до него не могли выполнить специалисты статистики. Отнюдь нет — ничего подобного автор не пытался делать, и это ясно оговорено в предисловии:—«Наша работа,—писал я,—является в значительной мере первой попыткой, хотя бы в самых общих, принципиальных чертах, посильно восполнить этот пробел»—выделить

из материалов общей и оценочной статистики русских земств весь тот фактический и методологический материал, на основе которого возможно было бы перекинуть мост между практикой и теорией аграрно-экономической статистики и установить ее методологические основы в их первом приближении.

Из таких попыток А. И. Хрящева не указывает в своей статье ни одной, которая стояла бы на материалах именно русской статистики до появления моей книги, но она одновременно утверждает, что и моя работа этого задания себе не поставила, что ее целью было лишь одно: «разрешить множество вопросов, поставленных другими». Далее следует торжественное и категорическое заявление, что «*этого* автор разбираемой книги, разумеется, не выполнил», после чего выбить из такого незадачливого автора пух и перья, конечно, уже не стоило никакого труда. Оставалось одно лишь развлечение, на которое и было потрачено вслед за тем около 20.000 типографских знаков.

Конечно, не ЦСУ и не А. И. Хрящева оплачивают Республике роскошь таких невинных развлечений. На то есть, с одной стороны, Наркомфин, утверждающий сметы на издания ЦСУ, а с другой—тот самый «рынок», за потерю которого статистиками из ЦСУ А. И. Хрящева преждевременно испугалась. Но я боюсь, что если и впредь страницы изданий ЦСУ будут служить лишь целям спортивного характера и для развлечений во время отдыха от трудных забот по «деланью эпохи и истории», то это может не только испугать и рынок и Наркомфин, но и самих сотрудников ЦСУ. Недаром в том же номере «Вестника Статистики», той же А. И. Хрящевой, при поддержке тяжелой артиллерии, в лице Я. В. Бляхера, приходится посвящать целых две статьи вопросам «Критики статистических изданий» (читать—изданий ЦСУ) и его «публикаций, строго выговаривая «состоящему членом коллегии ЦСУ» проф. А. Лосицкому за то, что тот «нашел возможным выступить в печати с целым обвинительным актом, спекулируя на неосведомленности лиц, специально вопросами земельной статистики не занимающихся, дабы внушить им мысль о неумелости некоторых ответственных работников ЦСУ вести порученное им дело и тем самым дискредитировать прежде всего ЦСУ в глазах общественного мнения».

Бедный проф. Лосицкий,—ему влетает от сердитых сотрудников ЦСУ не меньше, чем мне, хотя я только «чуждый статистике человек», а он—«состоящий членом коллегии ЦСУ». Первая же попытка настоящего, патентованного статистика давать в печати «информацию о статистике» пользуется таким же неуспехом в глазах «некоторых ответственных сотрудников ЦСУ», как и попытка «чуждого» стенам ЦСУ стороннего автора.

Товарищем по несчастью проф. Лосицкому и мне оказывается Н. М. Вишневский, автор цитированной нами в тексте работы — «Статистика и сельско-хозяйственная действительность». Ни слова не говоря о том, что в результате этой работы, выводы которой были аппробированы Госпланом, ЦСУ пришлось признать факт чрезмерного преуменьшения в своих работах размеров посевных площадей и урожаев, А. И. Хрящева пытается ослабить впечатление блестящей критики Н. М. Вишневского, обвиняя его в своей статье—«Статистика посевов и степень ее точности» в «ловкости рук», в ложных и нарочито-предвзятых приемах анализа, в политическом походе против государственной статистики, в нэпмановском отношении к статистике и т. д.[1]). А между тем то, о чем говорил Н. М. Вишневский в своей работе, осталось А. И. Хрящевой ни на иоту не опровергнутым.

В его работе, на протяжении 74 страниц, говорится о том, как строгие к другим «некоторые ответственные работники ЦСУ» — снисходительным к самим себе. Приводятся факты почти сознательного искажения материалов, грубейших нарушений основных методологических требований при их обработке. Опорочиваются, как несуразица, наиболее солидные труды ЦСУ, для оценки которых у автора «не находится слов, чтобы характеризовать положение, когда два статистика, оперируя одним и тем же материалом, собранным ЦСУ, приходят к выводу наподобие того, что у одного получается *избыток* хлебов в

---

[1]) Надо думать, что Н. М. Вишневскому, как ответственному работнику Госплана и лицу, с выводами которого солидаризировалась редакция опубликовавшего его работу органа НКЗ, будет дана возможность печатно квалифицировать характер „критики“ А. И. Хрящевой и тем положить предел внесению ею в статистическую литературу приемов провинциальной склоки и мелочной себялюбивой обывательщины. *Е. В.*

1.071 тыс. пудов, а у другого—*недостаток* хлебов в 124.664 тыс. пудов». Автором отрицается в работах ЦСУ, в области определения посевов и сборов урожаев последних лет, наличие какой-либо не только методологии, но даже простой логики. Говоря о том, как в ЦСУ был «определен» расход хлебов в пределах хозяйств крестьян-производителей, автор пишет: «Правда, слово «определен» здесь подходит мало. Оно указывает на какие-то закономерные основания, между тем в данном случае ничего подобного не было. Было простое, ни на чем не основанное выдумывание (если не считать образцом логики положение: «в огороде бузина, а в Киеве дядько»). Тот, кто исчислял в ЦСУ собственные потребности крестьян-производителей, неизвестно почему решил взять, как наивысшую губернскую норму годового расхода на продовольствие населения и прокорм скота, 14 пудов зерна в натуре, а как наименьшую — 10 пудов зерна в натуре, мотивируя ее тем, что такая норма фактически была в губерниях, постигнутых действительным (а не по данным статистики) голодом. В результате такого исчисления все производство сверх 14 пудов записывалось в излишки, а что не хватало до 10 пудов, считалось недостатком, губернии же с производством от 10 до 14 пудов признавались самопотребляющими». Отмечая слабость критической оценки самими работниками ЦСУ публикуемых в его изданиях материалов о посевных площадях, автор обнаруживает в местностях, в которых показаниями ЦСУ зарегистрирован был в 1920 году «острый голод», не только излишки хлебов, но и увеличение общего количества лошадей и даже крупного рогатого скота (по тем же данным ЦСУ). Описывая метод, которым в ЦСУ исчисляется производство, потребление, избытки и недостатки, автор называет это «анекдотом о том, как в Гамбурге делают луну». Он говорит о полном неумении работников ЦСУ подойти критически к собираемым на местах цифрам, бросает обвинение самому П. И. Попову в «игнорировании им факта сильнейшего преуменьшения населением данных о посевах вопреки категорическим заявлением непосредственных руководителей переписью в целом ряде губерний». Основным методологическим нонсенсом в работах ЦСУ автор считает его манеру простого сравнивания непосредственных

данных различных переписей, *арифметический, а не статистический подход его к самому статистическому материалу.* В частности, касаясь опубликованной ЦСУ сводки погубернских данных переписи 1917 года, автор обнаруживает, путем их анализа и пересчета, целый ряд грубых арифметических ошибок, допущенных ЦСУ и приводящих к резко диаметрально-противоположному результату тому, который им был получен после проверки этих данных. В заключение автор бросает всему ЦСУ тягчайшее обвинение:

«Производимое вами публикование из года в год цифр, говорящих о том, что отдельные губернии не только не умирают, но живут сносно или даже иногда процветают при нормах потребления, вместе со скотом, в 6—8—10 пудов на душу, уже дает свои результаты. Практические работники, не искушенные в знании достоинств публикуемых вами цифр, доверяя авторитету и вашему и государственной статистики, именем которой вы пользуетесь, уже берут эти страшные цифры в 8—12 пудов как основание расчетов для подхода к крестьянскому хозяйству в своей практической работе. Они верят вам. Но нельзя же быть беспардонными «Иванами непомнящими». Надо же, наконец, вспомнить, что такой голод был тогда, когда ваше представление о жизни не было еще извращено, как оно извращено теперь благодаря статистическим цифрам... Вы, не справившись с определением размеров сельско-хозяйственной продукции, хотите убедить всех в том, что русский крестьянин, совершив революцию и получив удовлетворение своих вековых чаяний, не имеет теперь даже того, что он имел прежде, в самые мрачные годы своего существования. И не только не имеет, но, не имея, не голодает, как голодал прежде... и иногда может даже хозяйственно преуспевать... Пора кончить заблуждаться. Надо найти правду о сельском хозяйстве Республики».

Да не посетует на меня читатель за эти длинные выдержки из работы Н. М. Вишневского. Эти выдержки, как и полемика А. И. Хрящевой, при поддержке Я. В. Бляхера, с членом Коллегии ЦСУ, проф. А. Лосицким, подводят нас как раз к анализу того «спокойствия», которое царит, как говорится, на нашей статистической «Шипке».

В разоблачениях моих «погрешностей» А. И. Хрящева с особой нервозностью отмечает мое «чрезвычайно милостивое отношение, не в пример прочим статистикам», к «бывшему земскому статистику В. Г. Громану», каковое отношение с моей стороны, по словам А. И. Хрящевой, выразилось в том, что я усердно цитирую, за неимением у В. Г. Громана крупных печатных статистических трудов, его доклады.

Повидимому, только этой нервозностью и надо об'яснить дальнейшую ошибку А. И. Хрящевой, когда она центр тяжести моего, ею не оспариваемого, утверждения, что метод В. Г. Громана применения качественной группировки крестьянских хозяйств остался в работах земской аграрной статистики одиноким и неподдержанным, переносит в адрес всего марксистского направления в земской статистике и, повидимому, при быстром просмотре моей книжки, пропустив все то, что мною говорится о марксистских работах несколько ниже, когда я цитирую и излагаю подробно и со всем почтением как раз ее работы по Тульской губернии, приписывает мне совершенно неверную мысль, будто я утверждал, что сущность марксистского направления в земской статистике исчерпывалась целиком одним лишь применением качественных группировок.

Далее идут, среди многих риторических упражнений, несколько «существенных» поправок, которые были бы нами приняты даже с благодарностью при другой форме их предподнесения. Эта поправка о том, кто первый сказал «А»—декабрьский ли с'езд 1917 года или Отдел Переписи и Статистики ВСНХ по вопросу образования советской государственной статистики. Оказывается, это такой важный и дипломатический вопрос, что от неправильности его освещения возникает опасность для самого дальнейшего существования советской государственной статистики, ибо, как говорится в подлинном тексте статьи А. И. Хрящевой, «такое извращение фактов может быть на руку лишь тем, кто повел атаку на советскую государственную статистику с самого начала ее возникновения».

Чрезвычайно «важным», конечно, является также указание, что ныне уже отдела динамики земледельческого хозяйства не существует, а существует под'отдел. Что же касается вопроса о постановке изучения промысловости сельского хозяйства, то,

откидывая привычное ответственным работникам ЦСУ заподазривание ими всех критиков внутреннего строя и работ этого многоуважаемого органа советской государственной статистики в нарочитом стремлении «искажать организационную сущность советской статистики перед несведущим читателем» (то же говорит Я. В. Бляхер по адресу А. Лосицкого), приходится сказать, что в данном месте оказалось значительное непонимание предмета, о котором я говорил, не у меня, а у А. И. Хрящевой.

Мне совершенно безразличен тот факт, на который упирает А. И. Хрящева, а именно, что «всякому статистику известно, что промыслы изучаются, как важная отрасль земледельческого населения, на-ряду с другими отраслями в подворной карточке», а важно то, что промысел, как вид занятия, отрывающий сельское население от земледелия, разрушающий экономическую замкнутость и внутреннюю однородность крестьянского хозяйства — двора, ведет к образованию среди пролетаризирующихся слоев деревни таких навыков промышленного труда, которые в дальнейшем предопределяют и соответствующее направление внедрения в деревню капиталистических отношений, и развитие в ней соответствующих этим навыкам отраслей крупной домашней деревенской промышленности, и затем, мелкой городской, и, далее, крупной индустрии. Именно здесь, в изучении промысла, связь сельско-хозяйственного статистика с статистиком промышленным; именно с этой стороны, рассматривая экономическое значение промысла, *приходится признать далеко не достаточным изучать его лишь как «побочный заработок» земледельца и рассматривать его значение лишь с точки зрения интересов или структуры «крестьянского двора» или даже шире — интересов сельского хозяйства.* Именно в этом смысле мною было указано на необходимость изучения сельско-хозяйственных промыслов как земледельческих, так и внеземледельческих, *как таковых,* т.-е. изучения *не сельского хозяйства, а сельско-хозяйственных производств* как сырьевых баз для перерабатывающих отраслей промышленности и как резервуара квалифицированной рабочей силы, а не только как потребительно-продовольственной базы самого крестьянства.

Повидимому, такова судьба всех даже самых скромных новаторов (пожалуй, чем скромнее новатор, тем для него тяжелее), чтобы мысли, ими высказываемые в несколько обновленной форме, создавали в головах ведомственных авторитетов представление о «невероятной путанице понятий», о «совершенном искажении истины».

Далее еще одно «уличение».

Искажая смысл моей ссылки на работы Г. И. Баскина по вопросу методологии сокращенной комбинационной разработки переписных материалов, А. И. Хрящева развязно приписывает мне полное незнакомство с его основной работой в этой области — «О методе вторичной комбинационной разработки». Это, как утверждает А. И. Хрящева, привело меня к противоречащему действительности заключению, что данная работа Г. И. Баскина построена на материалах переписи 1917, а не 1916 года. Находясь в твердой памяти и здравом уме, я, конечно, такого заключения не давал. Это, выражаясь языком А. И. Хрящевой, всецело ее собственное «художественное сплетение». Утверждал же я лишь одно, а именно, что работа Г. И. Баскина, вышедшая как раз в то самое время, когда вопрос о сокращении программы комбинационной разработки материалов производившейся переписи 1917 года особо занимал всех статистических деятелей, давала в этом направлении большое продвижение вопроса. То, что в самом ЦСУ методологические предложения Г. И. Баскина были встречены прохладно, еще не говорит за то, что они, тем самым, умерли с окончанием им своего опыта на материалах 1916 года по Самарской губернии, как хочет, почему-то, доказать А. И. Хрящева. Наоборот, они встретили живой отклик в статистической среде, ибо суть дела состояла в том, что если даже для менее сложной программы переписи 1916 года требовалось упрощение разработки ее материалов, то, при наступивших событиях 1917 — 1918 г.г., при том скептическом отношении к ценности материалов переписи 1917 года, производившейся в разгар аграрных движений и развала грандиозной прифронтовой полосы, было вполне естественно со стороны ряда статистических деятелей и организаций требовать в соответствующей мере сокращения как рамок использова-

вания, так и об'ема комбинационной разработки материалов переписи 1917 года. Именно в этом направлении шли прения на Первом Всеукраинском Статистическом с'езде, именно об этом говорили и полтавские статистики, у которых, как показывают материалы поуездных итогов этой переписи, ныне изданные ЦСУ, перепись удалась лучше, чем у многих других губерний.

И когда теперь, через семь лет после проведения переписи, мы видим ее поуездные результаты, видим их еще в более скромной разработке, чем даже та, которую наметил украинский С'езд, снова возникает вопрос, стоило ли Советскому государству семь лет финансировать это предприятие ЦСУ, ибо материалы эти только вводят в смущение.

Несколько примеров: а) можно ли пользоваться материалами переписи для порайонного описания состава земельных угодий, в то время как в 40 губерниях Евр. России площадь нераспределенных на угодья земель превышает 19 миллионов десятин, при чем недоучет, в смысле нераспределения, по отдельным губерниям достигает потрясающих размеров?—Так, по Олонецкой губернии этот недоучет угодий равен 72% по отношению к учтенной или 41,8%—ко всей удобной земле, по Московской—50% и 33,4%, по Донской Области, без частновладельческих земель, площадь которых вообще не показана,—45% и 31,4%, по Вятской—36% и 23,3% [1]). Кроме того, совершенно не описаны в Пермской губернии 4 уезда. В Смоленской губернии нет данных по распределению земель по угодьям по 9 уездам из 12-ти. В Астраханской—по одному целиком, а по второму данные есть, но без частновладельческих земель. По Вологодской губернии нельзя подвести итога по угодьям ни по одному уезду, и нет данных об угодьях целиком по одному уезду, в Волынской губернии по 7 уездам даны угодья и описаны только крестьянские хозяйства. По Воронежской губернии нет сведений ни по угодьям, ни по всей площади. В Вятской губернии прочеркнуты чертой все уездные итоги. Ни в Донской

---

[1]) Олонецкая губ.: всей удобной земли — 7.100 тыс. дес., в том числе нераспределенной — 2.953 тыс. дес. Московская губ.: всей — 2.944 тыс. дес., в том числе нераспределенной — 984 тыс. дес. Вятская губ.: всей — 8.850 тыс. дес., в том числе нераспределенной — 2066 тыс. дес. *Е. В.*

области, ни в Екатеринославской губернии нет данных о лесной площади; кроме того, по Донской области в двух уездах нет сведений по частновладельческим землям, и не подведен, за невозможностью, губернский итог, а по Екатеринославской — нет ни по уездам, ни по всей губернии общих итогов «всей земли». По Пермской губернии описаны только крестьянские хозяйства, и сведений об угодьях нет ни по одному уезду. По Харьковской губернии нет крестьянских лесов, а также общих итогов «всей» земли по уездам и губернии. Также нет общего погубернского итога «всей» земли по Черниговской губернии.

б) В отношении использования пахотной земли под посевами: По Черноярскому у. Астраханской губ. общая площадь пашни равна 86,7 тыс. десятин, посева — 106,5 тыс. десятин. Площадь одних только крестьянских посевов превышает всю площадь пашни уезда. Такая же картина в Сальском и Ростовском округах Донской области. В первом площадь одних крестьянских посевов превышает всю площадь пашни округа: крестьянск. посевов—227.340 дес., всего пашни—209.793 дес. Всего посева—309. 102 дес. При чем интересно, что площадь посева в частновладельческих хозяйствах равна 81,8 тыс. дес., при общем количестве пахотной земли в них в размере всего 4, 3 тыс. дес. В Ростовском округе всего посева—288,2 тыс. дес., а пашни—280,3 тыс. дес. По Екатеринославской губ. всего посева—2,419,7 тыс. дес., а пашни только—2.313,4 тыс. дес.

Если же к этому прибавить все те, на девяти полустраницах, предисловия к «Итогам» оговорки, да пару-другую грубейших арифметических ошибок, замеченных нами при беглом ознакомлении с материалом, как, например, по Краснинскому уезду Смоленской губернии, где всей земли показано 182.655,8 десятин, при чем в том числе только пахотной и сенокосной вместе — 227.301,9 десятин, то коэффициент полезности многолетней коллективной работы ЦСУ, по разработке материалов переписи 1917 года, как и самые эти материалы, придется признать очень низкими. Во всяком случае, напоминание о том, что каждый итог исследователю следует проверять и вообще относиться к этим материалам с крайней осторожностью, чрезвычайно уместно.

Далее А. И. Хрящева отрицает важность утраты для ЦСУ, в его практических и методологических работах, В. Г. Громана и, отчасти, П. А. Вихляева. Я очень благодарен А. И. Хрящевой за то, что она не пропустила в своей цитате этого слова «отчасти», относящегося к П. А. Вихляеву, ибо после этого ей остается лишь ответить на одно—почему П. А. Вихляев, давший столько работ по сельско-хозяйственной статистике, как исследователь, прекратил и не продолжает в ЦСУ своей исследовательской работы, а занимается педагогическим делом. Не имея разрешения от П. А. Вихляева излагать в печати его мнения по вопросу постановки в ЦСУ сельско-хозяйственной статистики, направляю А. И. Хрящеву лично к нему. На усердное желание А. И. Хрящевой получить от меня «издание ЦСУ с ошибками», помимо указанных выше «Итогов переписи 1917 года», рекомендовал бы ей обратиться к уничтоженному в свое время корректурному оттиску «Предварительных итогов» той же переписи, выпуск которых был приостановлен ввиду разногласий по вопросу об их издании между П. А. Вихляевым и П. И. Поповым. Один экземпляр этого оттиска, вывезенный из Петрограда в 1919 году, находился в Киевском Губстатбюро у сотрудницы последнего, работавшей по подготовке издания в Петрограде, фамилию которой без ее согласия я затрудняюсь назвать, ибо не хочу ей портить статистической карьеры.

Затем не могу не изумиться той игривости, с которой А. И. Хрящева, на предпоследней странице своей замечательной критики, «разбирается в моем художественном сплетении», по поводу замечания, что в стремлении ЦСУ связать свои работы по статистическому учету с земельными учетами, а разработку статистических материалов с экономическим их осознанием, я вижу возврат нашей государственной статистики к здоровым и выношенным идеям земской статистики *о неразрывности этих моментов в работе статистика*, чем, собственно говоря, и выражался его «общественный дух», которого так испугалась в своей книге А. И. Хрящева. Прежде всего устыжу А. И. Хрящеву незнанием того, «когда же земская статистика составляла обзоры местного народного хозяйства». А что же такое, как не эти обзоры, знаменитые земские статистико-эконо-

мические описания губерний, которыми полна библиотека ЦСУ, статистико-экономические исследования грунтовых дорог с общими экономическими описаниями уездов и волостей, описания отдельных отраслей хозяйства, например, кустарных промыслов Ярославской или Костромской губ. и проч.? Но далее— откуда взялось у А. И. Хрящевой, что я, указывая на это, зову ЦСУ и его органы к возврату на поле вынужденного условиями царского режима и организационной разрозненности кустарничества земской статистики? Да разве это кустарничество было сутью земской статистики, разве когда на каких-либо совещаниях земской статистики это кустарничество возводилось в идеал, разве не боролась с ним вся поголовно земская статистика, используя все случаи, все возможности своего организационного об'единения? Разве борьба за всероссийский, общегосударственный размах ее исследований не является красной нитью всей ее общественной борьбы?

Нельзя же, А. И. Хрящева, жить по пословице: «Ради красного словца изругаю и родного отца». Все это недостойно ни вас, ни органа, в котором вы пишете, а главное — не серьезно. Не хотел я, отвечая вам, переходить в личную полемику, но, знаете ли, хоть я, по вашему, и «чужой в статистике человек», однако, статистика мне, повидимому, близка не менее, чем вам, только понимаю я ее не как инструмент для вязания из цифр синих чулок, а как служение общественному делу и как науку.

В заключение несколько страниц о современном положении так называемой «теории крестьянского хозяйства».

Уже после того, как был закончен набор настоящего издания, вышла из печати очередная книжка журнала НКЗ «Сельское и лесное хозяйство» (кн. XIII за май-июнь-июль текущего 1923 года), в которой этой «теории» посвящается ряд статей авторов различных направлений. Небольшая, но очень содержательная заметка С. С. Базыкина-Расинского под заглавием «Крестьянское хозяйство, как экономический тип» содержит в себе строго марксистскую критику вышедшей весной этого же года в частном издании в Москве работы проф. Л. Н. Литошенко: «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства», в дополнение к неонароднической критике той же работы, которую дал в предыдущем номере «Сельского и Лес-

ного Хозяйства» в заметке: «К вопросу о природе крестьянского хозяйства» Г. А. Студенский. В том же XIII номере вопросам теории трудового хозяйства посвящена еще одна работа—С. С. Базыкина: «Направление и формы развития сельского хозяйства», начаты публикованием «Очерки по теории крестьянского хозяйства» А. В. Чаянова, и опубликованы еще две работы, трактующие на те же темы,—Б. Медведева: «Влияние на организацию крестьянского хозяйства численности и различного трудового состава семьи» и Б. Л. Брука: «Потребительная ценность сел.-хоз. продуктов и натуральный строй сельского хозяйства» [1]).

Общие направления всех этих работ формулированы С. С. Базыкиным в следующих тезисах:

1. В известной степени потребности революции перешли теперь грань, когда теория была всегда величиной заранее данной.

2. В области сельско-хозяйств. экономии особенно теория крестьянского хозяйства нуждается в тщательной разработке.

3. Организационные условия последнего настолько тесно переплетаются с обще-хозяйственной и технической обстановкой, что государственный и даже внутре-хозяйственный подход к ним невозможен без строгого учета политико-экономических законов крестьянской хозяйственной природы. При этом старый термин «теории крестьянского хозяйства» во всех этих работах продолжает существовать, повидимому, лишь в виде привычного выражения, и расшифровывается в постоянной замене его в их тексте более точным политико-экономическим понятием,—понятием теории трудового хозяйства или ненаемнического предприятия. И далее, в работах С. С. Базыкина, развивается та основная мысль строгого марксистского подхода к самой природе этого «ненаемнического предприятия», согласно которому задачей теории трудового хозяйства ставится изучение всей системы сельско-хозяйственного производства и перспектив развития его организационных форм со стороны строения всего народного хозяйства в целом. Ис-

---

[1]) В настоящее время, в «Трудах Научно-Исследовательского Сел.-хоз. Института в Москве, Г. А. Студенским выпускается еще одна работа на ту же тему — «Очерки по теории крестьянского хозяйства», «Труды» вып. 8-й, 1923 г.

ходя из этих и ряда других работ, получаем следующую систему современного положения вопроса.

Проблема будущей деревни расчленяется на две части: а) на технико-экономические перспективы и б) на перспективы социально-экономические. Иначе говоря, на ожидаемое развитие, с одной стороны, производительных сил, а с другой — динамики производственных отношений. В части перспектив первого типа — технико-экономических перспектив развития производительных сил, автор развивает основную мысль марксизма, что «историческое развитие деревни заключается в выделении из ее экономической сферы сперва меновой деятельности человека, затем — обрабатывающей промышленности, далее—добывающей и, в конце концов, по частям, и сельско-хозяйственной. Всякий этап развития деревни обусловливается развитием экономических отношений, происходящих и вне ее, — сельско-хозяйственные производительные силы двигаются не только со стороны организующих их сельских хозяев, но и со стороны влияния города, который пред'являет к ним наиболее значительные, чем все остальные, требования». Это ведет к необходимости установления причино-зависимостей между чрезвычайно сложным комплексом непрерывно действующих на структуру и развитие сельско-хозяйственного производства экономических факторов не только внутри-хозяйственного, но и внешнего значения, без чего внутри-хозяйственные процессы сами по себе останутся по-прежнему запутанными и совершенно необ'яснимыми.

Но это только одна сторона вопроса. Всякое производство, в том числе и сельско-хозяйственное, охватывает собой две области человеческой деятельности: «первой является техника, т.-е общественная система воздействия человека на природу; второй — экономика, включающая в себя реальные очертания общественных сочетаний процессов труда, которые они принимают в результате того или иного этапа человеческого воздействия на природу».

В каком же направлении должно развиваться в сельскохозяйственном производстве, на основе всех, как социально-экономических, так и технико-производственных связанностей, это общественное сочетание процессов труда, и в какие реальные очертания последние имеют тенденцию складываться?

В этой плоскости до сего времени спор между марксистами революционного направления и марксистами-ревизионистами, а тем более народниками, далеко не закончен.

Учитывая различный темп развития производительных сил земледелия и промышленности, теоретики марксизма всегда предвидели, что индустрия уже созреет для социализма тогда, когда сельское хозяйство еще будет всецело находиться во власти развивающегося капитализма, т.-е. социализм застанет сельское хозяйство далеко еще не обобществленным.

«Чем более будет число крестьян, — пишет Энгельс в своей работе «Крестьянский вопрос во Франции» (цитирую, как и последующие цитаты, по труду С. М. Дубровского: «Очерки русской революции», вып. 1, Сельское хозяйство, изд. 2-ое, стр. 211 — 214. *Е. В.*), — которым мы не дадим спуститься до пролетариев, которых мы привлечем на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче совершится преобразование. Нам было бы бесполезно ожидать с этим преобразованием того времени, когда капиталистическое производство разовьется повсюду до своих крайних пределов, когда последний ремесленник и последний мелкий крестьянин падет жертвой крупного производства». Развивая эту мысль, нынешний апологет международного меньшевизма К. Каутский в одной из своих работ («Размножение и развитие в природе и обществе»,СПБ. 1921 г.), писал: «Капитализм в течение XIX столетия совершил переворот прежде всего и почти исключительно в области промышленности и транспорта. Социализм которому, можно надеяться, будет принадлежать бо́льшая половина двадцатого столетия, должен совершить переворот скорее в области сельского хозяйства, чем в промышленности. Победа промышленного пролетариата, в конце концов, более всего пойдет в пользу сельскому хозяйству и принесет с собой для сельско-хозяйственного населения лучшие, более высокие уровни жизни».

Однако в какой же форме, в условиях социалистической государственности, должно пойти изживание экономически слабых разрозненных индивидуальных форм мелкого крестьянского землепользования и раздробленной между миллионами сельских хозяйств мелкой деревенской промышленности и земледельческих промыслов?

Само собой разумеется, что социалистическое обобществление сельского хозяйства, как справедливо указывает С. М. Дубровский, «предполагает прежде всего техническую революцию в деревне». Однако несомненно, что, прежде чем победит в деревне крупная машина, крестьянское хозяйство еще долгое время будет сохранять в своей массе все специфические особенности мелкого товарного производства. Отсюда непосредственная зависимость дальнейшего направления развития организации в сельском хозяйстве конкретных форм сельско-хозяйственных мероприятий от отвечающей общим тенденциям социалистического строительства реальной экономической политики в деревне советской государственности. Эмпирически дело сводится к государственному регулированию производственной и организационной деятельности миллионов индивидуальных сельских хозяйств в направлении не только обобществления их трудовых усилий, но и в направлении отыскания наиболее рациональной экономически формы социально-экономической организации последних. К этому «дело сводится», но этим не ограничивается, ибо само «регулирование» есть не что иное, как проявление определенной экономической связанности и причино-зависимости, и должно базироваться на строгом учете основных тенденций в развитии экономических взаимоотношений между отдельными сторонами народо-хозяйственной жизни и деятельности. Таким образом практика государственного регулирования развивающихся в сельском хозяйстве процессов упирается в вопрос о том, какая именно форма социально-экономической организации сельско-хозяйственных предприятий на данной ступени развития производительных сил является самой рациональной, и, далее, в каком направлении в дальнейшем должно будет проявиться ее экономическое развитие на основе не только роста производительных сил в самом сельском хозяйстве, но и соответствующих технико-экономических и политико-экономических видоизменений во всем народо-хозяйственном целом.

Этой форме, на данной ступени развития производительных сил, соответствует концентрация мелкого сельско-хозяйственного производства путем кооперирования и артелизации разрозненных производителей. На этой ступени развития коопери-

рующееся мелкое сельское хозяйство еще находится под властью рыночных отношений, и его внутренний организационно-производственный тип определяется степенью его товаризации. Состояние сельско-хозяйственной техники ограничивает для каждой ступени развития производительных сил пределы кооперирования сельских хозяйств определенными оптимами земельной нагрузки. Так, по исчислению А. В. Чаянова, для залежного хозяйства наиболее выгодные размеры определяются в 1800 — 2000 десятин, для экстенсивного трехполья без удобрения—в 800—900 десятин, для хозяйства с навозным удобрением—в 500—600 десятин и для плодосменных хозяйств—в 200 — 250 десятин [1]).

Внедрение в технику сельско-хозяйственного производства более усовершенствованных и менее дорогих способов обработки почвы, уборки и переработки сельско-хозяйственных продуктов будет содействовать механизации сельско-хозяйственного производства, с одной стороны, в кооперированных хозяйствах и, с другой—сближать их с индустрией. Это позволит хозяйствам, в целях сокращения накладных расходов по администрированию и получения более мощных производственных эффектов своей трудовой деятельности на обобществленной земле, перейти от простого кооперирования к централизации своих производственных процессов и всех остальных хозяйственных операций, вплоть до сбыта сельско-хозяйственных продуктов уже в их совершенном технически переработанном в пищевые продукты виде, что, в свою очередь, приведет к соответствующему расширению оптимальных размеров их площади и удешевлению их продукции. В конечной стадии этого процесса капиталистическая «рентабельность», товарность, как форма оптимального производства, отпадет. В сферу сельского хозяйства, вместе с индустрией, всецело вступит «трудовая» оптимализация, отличная от «трудового» бюджета крестьянского хозяйства своей кооперацией средств производства.

«Раздвигая рамки крестьянского двора, сельско-хозяйственное производство идет по пути с сел.-хоз. кооперацией. В этом отношении прогресс сельского хозяйства несколько отличен

[1]) Нормы выведены для совхозов с наемным трудом.

от прогресса промышленности. Если промышленность возникла и развилась, очень редко используя ремесленно-кустарные предприятия, то в деревне неизбежно фундаментом оптимума в большинстве случаев должен стать кооператив именно сельско-хозяйственных ремесленных хозяйств, т.-е. хозяйств крестьянских. Уже в пределах капитализма сельское хозяйство и технически и экономически получает физиономию, подобную промышленной мануфактуре. Промышленная мануфактура, однако, выросла помимо предшествовавших ей ремесл. «Мануфактура» в сельском хозяйстве получает зачатие как раз в ремесленном труде крестьянина. Из этого, разумеется, не следует, что кооперация в деревне носит исключительно производственный характер. Больше, наоборот, капитализму известны сельско-хозяйственные организации преимущественно непроизводственного типа. Социалистическое кооперирование также пройдет через кооперативно-государственную организацию рынка и кредита. Поэтому различие прогресса сельского хозяйства промышленности останавливается лишь на отличии слагаемых, не меняя по существу весь ход образования из этих слагаемых нового однородного хозяйства. И далее, при социалистической централизации сельского хозяйства, которое, по мысли проф. Н. Н. Кажанова, имеет тенденцию разрешать проблему своей оптимализации в географически обособленных отраслях, в порядке порайонной географической локализации, когда централизация станет так же непосредственно производственной, как и непроизводственной, отличие образования новых форм труда для города и деревни останется подобным. Несомненно, город вообще не будет уже иметь дело с малочисленными предприятиями, но в сельском хозяйстве крестьянство подвергнется коренной трансформации. Первым трансформационным этапом будет слияние в оптимуме самостоятельных крестьянских хозяйств. Оптимальное производственное воспроизводство откроет двери для оптимального же воспроизводства социальных отношений. И поскольку продукция будет иметь расширенное воспроизводство, его также обретут и общественно-трудовые отношения человеческого аппарата. Крестьянское хозяйство заменится кооперативным оптимумом. Кооперативный оптимум окрепнет в оптимальный

коллектив на большой и сомкнутой основе. Наконец, и оптимальный коллектив сроднится без остатка с коллективной индустрией. Таковы идеалы будущности деревни».

Этой выдержанной системе положений о направлении и формах дальнейшего развития организационной формы сел.-хоз. производства, выдвинутой на смену «теории крестьянского хозяйства», покоящейся всецело на идее трудо-потребительного баланса *крестьянского хозяйства*, с обычными противопоставлениями выступают противники идеи индустриализации земледелия. Возражения их обычны. С одной стороны, это—уверенность в «особой форме» развития капитализма в деревне и принципиальное неприятие социализма (Бруцкус), с другой — неприятие марксизма и перенесение центра тяжести вопроса о судьбах сельского хозяйства с организационно-производственной или технико-экономической стороны их в плоскость рассуждений об аграрном перенаселении и последствий, вытекающих из него (Литошенко), и, наконец, в неонародничестве, представляемом школой А. В. Чаянова, мы видим, при прежней приверженности идее «трудового крестьянского хозяйства», попытку отыскать некий компромисс между ней и индустриальной точкой зрения марксизма, выражающуюся в развитии идеи оптимального кооператива крестьянских хозяйств без приятия дальнейшей стадии его естественного исторического развития в сторону централизации оптимальных кооперативов в оптимальные коллективы и дальнейшего преобразования земледелия в индустрию.

Такова современная постановка в экономической литературе вопросов теории «крестьянского хозяйства», в дискуссии по которым меньше всего принимают участие «делающие историю» сотрудники ЦСУ и, пока что, не могущие справиться даже с сырым материалом, находящимся у них в руках в перманентной и довольно бесплодной, отстающей от жизни, разработке. Ясно, что в данном случае выступление одного из ответственных работников ЦСУ—проф. Л. Н. Литошенко, развивающего идеологию хуторского хозяйства фермерского типа, носит частный характер и в счет ЦСУ поставлено быть не может.

Указатель важнейшей русской литературы по вопросам аграрно-экономической статистики и соприкасающихся с нею дисциплин агрономического обществоведения, а также по теории, методологии и технике статистики [1]).

Анциферов, А. Н.—„Курс элементарной статистики". Харьков 1910 г.

„ — „Сельско-хозяйственная статистика и сельско-хозяйственные переписи". Статья в сборн.—„Харьковские курсы по подготовке инструкторов Всероссийской сел.-хоз. переписи 1917 г." Харьков 1917 г

„ — „Курс статистики". Полтава 1919 г

Арнольд, В. Ф.—„Общие черты агр. техники и с.-х. экономии крестьян Херсонск. у.". Херсон 1902 г.

„ — Опыт применения элементарных начал аналитической геометрии к исследованию статистических зависимостей". Доклад подсекции статистики XI-го С'езда русск. естествоисп. и врач. См. „Труды" С'езда. СПБ. 1902 г.

„ — Законы соотношения главнейших элементов хозяйственных бюджетов".—„Народное Хозяйство". СПБ. 1903 г.

Бажаев, В. Г.—„Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе России". М. 1900 г.

„ — „Краткий конспект курса сел.-хоз. статистики". Киев 1914 г.

„ — „О статистическом изучении систем земледелия". Доклад статистической подсекции XII Съезда русск. естествоисп. и врачей. „Труды". Чернигов 1914 г.

„ — „К вопросу о хозяйственных районах". Киев. 1915 г.

Баскин, Г. И.—„Подворная перепись крестьянского хозяйства Самарской губ." Вып. I-й—„Ставропольский у.". Предисловие. Самара 1914 г.

„ — „Метод вторичной количественной группировки в приложении к разработке материалов Всероссийской сел.-хоз. переписи".—„Статистический Вестник". М. Кн. 1—2, за 1916—1917 г.

„ — „Критическая оценка материалов Всероссийской сел.-хоз. переписи и система ее разработки". Самара 1916 г.

„ — „Основные вопросы статистической методологии в земельной оценке.—„Статистический Вестник". М. Кн. 1—2, за 1914—1915 г.

„ — „Метод определения потребительно-трудовых норм". Самара 1917 г.

---

[1]) Дополнение к указателю см. стр. 441.

Баскин, Г. Н.—„Принципы земельного наделения в связи с отношением населения к разным формам землевладения и землепользования“. Самара 1917 г.

„ —„Районирование территории как необходимая предпосылка и твердая основа экономического строительства“.—„Вестник Самарского Губстатбюро“, кн. 1-я, за ноябрь—декабрь 1920 г. Самара 1921 г.

Борткевич, В. —„О статистической закономерности“.—„Вестник Права“ за 1905 г., кн. X и XII.

„ —„Задачи и концепции научной статистики“.—„Журнал М-ства Нар. Просвещения“. 1910 г. № 2.

Бруцкус, Б. Д.—„К критике учений о системах хозяйства“. СПБ. 1909 г.

„ —„Предварительные соображения к вопросу о сел.-хоз. характеристике почвенных районов России“ (печатается).

Брук, Б. Л.—„Производственные районы Воронежской губ.“ Воронеж 1921 г.

Бюллетени ЦСУ за 1919—1922 г.г.

Васильев, А. В.—„Законы случайного и математическая статистика“.—„Вестн. Европы“. Октябрь 1892 г.

„ —„Теория вероятностей“. Литографированное издание. Казань 1891 г.

Винер, В. В.—„Крестьянский вопрос с точки зрения сел.-хоз. прогресса“. СПБ 1906 г.

„ —„Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства“. СПБ. 1908 г.

„ —„Роль опытных учреждений в установлении сел.-хоз. районов“ См. „Труды совещения представителей опытного дела и агрономических организаций губземотделов“. Вып. 1-й. М. 1919 г.

Велецкий, С. „Земская статистика“. Два тома. СПБ. 1898 г.

Виноградова, М. М.—„Потребление водки в России и урожай 1916 года“. СПБ. 1916 г. С предисловием А. А. Чупрова.

Вихляев, П. А.—„Очерки русской сел.-хоз. действительности“. М. 1901 г.

„ —„Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства“ в „Травосеянии и Скотоводстве“. Вып. 2-ой. М. 1913 г.

„ —„Краткий курс текущей сел.-хоз. статистики“. М. 1920 г.

Вишневский, Н. М.—„Статистика и сельско-хозяйственная действительность“.—Журнал Наркомзема „Сельское и Лесное Хозяйство“ за 1922 г. №№ 9—10.

Воблый, К. Г.—„Статистика“. Пособие к лекциям. Киев 1919 г.

Вольф, А.—„Из вопросов методики полевого опыта“. В „Южнорусской сел.-хоз. газете“, № 12—13 за 1914 г.

„Вопросы организации сельского хозяйства“. Отдельный оттиск из „Трудов В. Э. О.“ СПБ. 1912 г.

Воробьев, К. Я.—„Статистико-экономическое исследование грунтовых дорог Тверской губ.“. Тверь. 1910 г.

Гаттлих, А.—„Записки по исчислению вероятностей с приложением к статистике". М 1910 г.

Громан В. Г.—„К вопросу о приемах изучения эволюции крестьянского хозяйства". Доклад статистической подсекции XI С'езда русск. естествоисп. и врачей.—„Труды". СПБ. 1902 г.

„ — „О сочетании краткого сплошного и подробного выборочного исследования сельского хозяйства". Доклад статистической подсекции XII Съезда русск. естествоисп. и врачей—„Труды". Чернигов 1912 г.

Дояренко, А. Г. - „Опыт изучения крестьянских полос при помощи дробного учета и математической обработки материалов".—„Вестн. Сел. Хозяйства" № 4 за 1914 г.

„ — „Объяснительная записка к карте районов Евр. России по материалам Совещания 27-го января 1919 года". М. 1920 г.

„ (Редакция)—„Сельско-хозяйственные области Евр. России с приложением сети опытных учреждений". М. 1920 г.

Гуревич, И. Г.—„Экономическое положение русской деревни". 1896 г.

Гурвич, И.—„Переселение крестьян в Сибирь". СПБ. 1889 г.

Ермолов, А. А.—„Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты". Изд. 5-ое. СПБ. 1914 г.

Ефименко, А. Я.—„Крестьянское хозяйство на севере". СПБ. 1884 г.

Ильин (Ленин), В. И. — „Развитие капитализма в России", 2-ое изд М. 1922 г.

Иванцев, Д. Н.—„Об устойчивости русских урожаев". М. 1913 г.

„ — „К критике русской урожайной статистики".—„Записки Русск. Геогр. Об-ства". т. XIV по Отд. статистики. СПБ. 1915 г.

Каблуков, Н. А.—„Практические результаты земской статистики", ст. в „Русской Мысли", № 11 за 1886 г.

„ — „Значение хлебных цен для частного землевладения". М. 1887 г.

„ — „Об условиях развития крестьянского хозяйства". М. 1889 г.

„ — „Пособие к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при земско-статистических исследованиях". М. 1910 г.

„ — „Из земской статистики крестьянского хозяйства", ст. в „Русских Ведомостях". № 74 за 1909 г.

„ — „Статистика", 5-е изд. М. 1922 г.

Кажданов, Н. Н. (редакция)—„Сборник сведений по вопросу об организации счетоводной статистики". СПБ. 1914 г.

„ — „Экономическое районирование, как познание географически-индивидуального", в сборн. статей по районированию Туркестана, вып. 1-й—Материалы по районированию Туркестана. Ташкент. 1922 г.

Кауфман, А. А.—„Теория статистики" СПБ. 1909 г.

„ — „Земская статистика и статистическая методология". Ст. в „Русской Мысли" за март 1910 г. Перепечат. в сборнике

статей того же автора—„Община, переселение, статистика“. М. 1919 г.

Кауфман, А. А.—„К вопросу о выборочном исследовании“. — „Известия Русск. Географ. Об-ства“ за 1911 г.

„ — „Земская статистика“, в сборнике—„Юбилейный земский сборник“. СПБ. 1914 г.

„ — „Корреляционные формулы как орудие статистического анализа“. Кн. 3 „Статистического Вестника“ за 1914—1915 г.г. Москва.

„ — „К вопросу о существовании статистического метода и о приемах статистического анализа“. Там же, 1914—1915 г.г., кн. 4-я.

„ — „Несколько замечаний к вопросу о пределах выборочного метода“. Там же, кн. 3—4 за 1915—1916 г.г.

„ — „К вопросу о значении измерений дисперсии в теоретической статистике“. Там же, кн. 1-я за 1916—1917 г.г.

„ — „Еще к вопросу о значении корреляционных формул как орудия статистического анализа“. Там же, кн. 3—4 за 1915—1916 г.г.

„ — „К вопросу экономики и статистики крестьянского хозяйства“, вып. 1-й. М. 1917 г.

„ — „К вопросу экономики и статистики крестьянского хозяйства“, вып. 2-й. М. 1918 г.

„ — „Теория и методы статистики“. 4-е издание. Москва 1922 г.

„ — „Статистическая наука в России“. Москва 1922 г.

„ — „Статистика как метод измерения общественных явлений“ (печатается).

„ — „Теоретическая статистика“ (печатается).

Книпович, Б. Н.—„Методология районирования“. Вып. 1-й. Москва 1921 г. (Вып. 2-й печатается).

Колосов, Г.—„Математическая теория эволюции видов по трудам проф. К. Персона“. Том XV, вып. 2-й „Протоколов общества естествознания при Дерптском университете“. Юрьев 1906 г.

Кон, С. С.—„К вопросу о применении выборочного метода при разработке сел.-хоз. переписей“. СПБ. 1917 г.

„ — „К вопросу о районировании России в связи с разработкой данных всероссийских сел.-хоз. переписей“. В „Известиях Особого прод. совещания“, № 1—2. СПБ. за 1917 г.

Короленко, С. А.—„Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европ. России в сел.-хоз. пром. отношении“. СПБ. 1883 г.

Коротков, И. П.—„Опыт разделения Харьковской губ. на сел.-хоз. районы“. Харьков 1919 г.

Косинский В. А.—„О приемах разработки статистических материалов“. М. 1890 г.

„ — „К аграрному вопросу“. Одесса 1906 г.

„ — „Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы“. Одесса 1917 г.

Костров, Н. И.—„Характеристика крестьянского хозяйства Шиповатовской вол.“. Чернигов. 1911 г.

„ —„Очерки крестьянских хозяйств Черниговской губ.“. Чернигов. 1918 г.

Кущенко, Г. А.—„К динамике крестьянского хозяйства“. Книга 1-ая „Статистического Вестника“ за 1915—1916 г.г.

Леонтович, А. В.—„Элементарное пособие к применению методов Гаусса и Пирсона при оценке ошибок в статистике и биологии“. Киев. 1911 г.

„ —„Несколько слов в защиту теории корреляции“. Кн. 4-ая „Стат. Вестника“ за 1914—1915 г.г.

Литошенко, Л.—„Одна из задач бюджетных исследований“. Кн. 4—7 „Вестника Статистики“ за 1919 г.

Лященко, П. И.—„Очерки аграрной эволюции России“. Том I. СПБ. 1910 г. (Книга переиздана без изменений в Петрограде в 1922 г.)

„ —„Хлебная торговля на внутренних рынках Евр. России“. СПБ. 1912 г.

Макаров, Н. П.—„Крестьянское хозяйство и молочное производство в Московском уезде“. Москва. 1914 г. „Эконом. - Статистический Сборник“.

„ —„Нормы расширения крестьянского землепользования; материалы по вопросам земельной реформы“. Труды Отдела сел.-хоз. эконом. и стат. бывш. М-ства Земледелия. СПБ. 1917 г.

„ —„Крестьянское хозяйство и его эволюция“. Том II. М. 1920 г.

Маррес, Л. Н.—„Монографический способ исследования в применении к продовольственному делу“. СПБ. 1902 г. „Труды стат. подсекции IX Съезда русск. естествоиспытателей и врачей“.

Марков, А. А.—„Об одном случае испытаний, связанных в сложную цепь“. „Известия Академии Наук“. СПБ. 1911 г.

„ —„Об основных положениях исчисления вероятностей и о законе больших чисел“.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“, № 2 за 1911 г.

„ —„Распространение закона больших чисел на величины, зависящие друг от друга“. Казань. 1912 г.

„ —„Исчисление вероятностей“. 3-е издание. СПБ. 1913 г.

„ —„О коэффициенте дисперсии для малых чисел“—статья в „Страх. Обозрен.“ за 1916 г.

„ —„О пользовании математическими формулами“. Журн. „Хозяйство“. СПБ. № 5—6. 1917 г.

Мерхелев, Д.—„К вопросу о группировке хозяйств при исследовании колонизуемых районов“. Кн. 9—12 „Вестника Статистики“ за 1920 г.

Мухин, А. П.—„Земская статистика и поземельный кадастр“. Кн. 3-я „Стат. Вестника“ за 1914—1915 г.г.

Маслов, П.—„Теория развития народного хозяйства“. СПБ. 1910 г.

Масальский, В. И.—„Государственная статистика послереволюционного периода". Прилож. к 3-му изданию „Статистики" А. Ф. Фортунатова. Москва. 1921 г.

Никитин, Н. П.—„Исторический обзор опытов разделения Евр. России на хозяйственные районы". М. 1920 г.—„Нар. Хозяйство", № 13—14.

„ —„Разделение Моск. губ. на сел.-хоз. районы", вып. 1-й. М. 1921 г.

Никольский, В. В.—„Опыт анализа данных текущей земской статистики" Владимир. 1905 г.

Обер-Таллер, М. О.—„Счетоводство для мелких (крестьянских) хозяйств" Харьков. 1914 г.

„ —„Предварительные итоги бюджетных исследований". Полтава. 1915 г.

Обухов, В.—„К вопросу об определении ожидаемого урожая". Кн. 1—4 „Вестника Статистики" за 1921 г.

„ —„К вопросу о нахождении уравнения регрессии, удовлетворяющей эмпирическому статистическому ряду". Там же, кн. 5—8 за 1921 г. и кн. 1—4 (кн. X) за 1922 г.

„ —„К вопросу о распределении статистического материала при районировании". Там же, кн. XI (5—8) за 1922 г.

„ —„Связь урожаев ржи с оценкой ее состояния в начале цветения". Там же, кн. XI (5—8) за 1922 г.

„ —„Интенсификация сельского хозяйства в Петроградской губ.". Там же, кн. XII (9—12) за 1922 г.

Овчинников, А. А.—„Курс элементарной статистики". Казань. 1907 г.

Огановский, Н. П.—„Закономерность аграрной эволюции". Том I, М. 1909 г., том II, М. 1911 г. и том III, М. 1914 г.

„ —„Очерки по экономической географии РСФСР". Часть 1-я.— „Сел. Хоз.". М. 1923 г.

Орженцкий, Р. М. „Сводные признаки". Ярославль. 1910 г.

„ —„Урожаи ржи на крестьянских землях Ярославской губ.". Ярославль. 1912 г.

„ —„Оценка пашни и сенокосов Рыбинского уезда". Ярославль. 1914 г.

„ —„Учебник математической статистики". СПБ. 1914 г.

„ —„К вопросу о корреляции". Книга 1-я и 2-я „Стат. Вестника" за 1916—1917 г.г.

Орлов, В. И.—„Формы крестьянского землевладения в Московской губ." М. 1879 г.

Первушин, С. А.—„Некоторые общие задачи бюджетных исследований в России". Труды московского Агроном. Съезда. Москва. 1911 г. Том III.

„ —„К вопросу о постановке бюджетных исследований". Москва. 1912 г.

Пегеев, П. В.—„Основные принципы собирания и разработки оценочно-статистических материалов". Труды стат. подсекции 9-го Съезда русск. естествоиспытателей и врачей. СПБ. 1895 г.

Пешехонов, А. В.—„Статистическое описание Калужской губ.“. Том I. Калуга. 1898 г.

Поплавский, И. А.—„О товарной железнодорожной статистике“. Кн. III „Стат. Вестника“ за 1914—1915 г.г.

„ —„К вопросу об организации экономической железнодорожной статистики“. Кн. 1—4 „Вестн. Стат.“ за 1920 г.

„ —„Новая постановка вопроса о текущей (срочной) грузовой статистике“. Кн. XII „Вестн. Статистики“ за 1922 г.

Постников, В. Е.—„Южно-русское крестьянское хозяйство“. Херсон. 1891 г.

Прокопович, С. Н.—„Об основаниях выбора признаков при построении комбинационных таблиц“. Кн. 1—2 „Стат. Вестн.“ за 1914—1915 г.г.

„ —„Опыт исчислений народного дохода в Евр. России“. Москва. 1918 г.

Прасолов, Л. И.—„Опыт группировки почвенных районов Евр. России“. (Печатается.)

Протоколы, отчеты и бюллетени всероссийских статистических съездов и конференций за 1916—1922 г.г.

Рихтер, Д. И.—„Опыт разделения Евр. России на районы по естественным и экономическим признакам“. СПБ. 1898 г.

„ —„Попытки разделения России на районы по естественно-историческим и экономическим признакам“. Ст. в сборн. „Современные вопросы русского сельского хозяйства“. СПБ. 1904 г.

Рклицкий, В. М.—„Предисловие к материалам“ третьей подворной хозяйственной переписи Полтавской губ. 1910 г. Полтава. 1912 г.

„ —„Посевная площадь по данным подворных переписей и в действительности“. Кн. 1-ая за 1916—1917 г.г. „Вестн. Статистики“.

Романовский, В. И.—„О линейной корреляции двух величин, о корреляционном отношении, о вероятностях связанных признаков и об их применении в статистике“. Кн. XII (9—12) „Вестника Статистики“ за 1922 г.

Румянцев, П. П.—„Эволюция русского крестьянства“. „Очерки реалистического мировоззрения“. СПБ. 1904 г.

Русов, А. А.—„Оценочная статистика“. Вып. 1-й „Известий Киевского Коммерческ. Института“. Киев. 1909 г.

Рыбников, А. А. — „Крестьянское промышленное льноводство“. М. 1915 г.

Сабанеев, Л. А.—„Земледельческое хозяйство и промышленные заработки в Кинешемском уезде“. Кострома. 1903 г.

„ —„О коэффициентах корреляции“. Кн. 1-я „Статистическ. Вестника“ за 1915—1916 г.г.

Святловский.—„К истории политической экономии и статистики в России“ СПБ. 1906 г.

Семенов, М.—„К вопросу о закономерности колебаний урожаев". Кн. XI (5—8) „Вестника Стат." за 1922 г.

Семенов, П. П.—„Крестьянский инвентарь и бюджеты". Сборн. материалов для изучения поземельной общины. Том I. СПБ. 1880 г.

Семенов-Тяньшанский, В. П.—„Торговля и промышленность Евр. России по районам". Общая часть. СПБ. Издан. Мин-ства Торг. и Пром.

Семяновский, А. С. и Шимкевич, А. П.—„Материалы для исследования земельных угодий". Том IV „Конотопский уезд, Черниг. губ.". Чернигов. 1882 г.

Серебровский, А.—„О применении коэффициента корреляции в качестве показателя сходства и родства". Кн. X (№ 1—4) „Вестника Стат." за 1922 г.

Сиринов, М. А.—„Очерки по аграрной статистике". Вып. 1-ый. СПБ. 1914 г.

Скворцов, А. И.—„Хозяйственные районы Евр. России". СПБ. 1914 г.

Слуцкий, Е. Е.—„Теория корреляции и элементы учения о природе распределения". Киев. 1912 г.

„ —„Статистика и математика". Кн. 3—4 „Стат. Вестника" за 1915—1916 г.г.

„ —„К вопросу о логических основах исчисления вероятностей". Кн. XII. (№ 9—12) „Вестника Стат." за 1922 г.

Смит, М. М.—„Назревшие проблемы статистической методологии". № 273 „Экономич. Жизни". Москва. 1920 г.

„ —„Основы статистической методологии". Вып. 1-й. Москва. 1923 г.

Стебут, А. И.—„Математика в опытном деле". № 46 „Вестника Сел.-Хозяйства". СПБ. 1913 г.

Суханов, Н. Н.—„К вопросу об эволюции сельского хозяйства". М. 1909 г. 2-е дополненное и исправленное издание, выходит в текущем году в Москве.

„Труды подсекций статистики при Всероссийских съездах русских естествоиспытателей и врачей": а) при IX съезде 1894 г. СПБ. 1895 г., б) при X съезде 1898 г. СПБ., 1900., в) при XI съезде 1901 г. СПБ. 1902 г., г) при XII съезде 1910 г., Чернигов, 1914 г. и д) при XIII съезде 1913 г. Чернигов, 1916 г.

„Труды комиссии по вопросам земской статистики при В. Э. О.". СПБ. 1901 г.

То же. СПБ. 1913 г.

То же. СПБ. 1914 г.

Тулайков, М. И.—„Результаты математической обработки данных об урожайности". Вып. 2-й, том XIV. „Журн. Опытной Агрономии". СПБ. 1913 г.

Федорович, Л. В.—„История и теория статистики". СПБ. 1894 г.

Филипповский.—„Пользование математическими формулами при разработке теоретических вопросов опытного дела". №№ 45—46 журн. „Хозяйство" за 1916 г.

Фортунатов, А. Ф.—„Сельско-хозяйственная статистика России“. СПБ. 1893 г.

„ —„Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства“ в томе I „Итогов экономического исследования России“. СПБ. 1894 г.

„ —„К вопросу о сел.-хоз. районах России“. № 5-й „Трудов В.Э.О.“ за 1896 г.

„ —„Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства“. Москва. 1918—1919 г.г.

—„О статистике“. 3-е изд. Москва. 1921 г.

Хлюдзинский.—„Организация сельско-хозяйственного промысла“. СПБ. 1880 г.

Ходский, Л. В.—„Основания теории и техники статистики“. СПБ. 1896 г.

„ —„Очерки теории и техники статистики“. СПБ. 1907 г.

Хозяйственные районы Евр. России. Вып. 1-й. СПБ. 1914 г. Изд. Деп. Земледелия Г.У.З.

Хрящева, А. И.—„Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства Новосильского уезда, Тульской губ.“. Тула. 1914 г.

„ —„Несколько слов о динамике крестьянского хозяйства“. Кн. 2-я „Стат. Вестника“ за 1915—1916 г.г.

„ —„Влияние разделов и других процессов на экономический тип хозяйства“. Текстовая часть материалов по оценке земель Тульской губ. Тула. 1916 г.

„ —„Экономическая эволюция типов крестьянского хозяйства“. Там же. Тула. 1916 г.

„ —„Статистика посевов и степень ее точности“. Отдельный оттиск к книге XII „Вестника Статистики“. М. 1922 г.

„ —„К вопросу о приемах исследования динамики крестьянского хозяйства“. Кн. 4-я „Стат. Вестника“ за 1914—1915 г.г.

Чаянов, А. В.—„Очерки по теории трудового хозяйства“. Москва. 1912 г.

„ —„Опыт анкетного исследования денежных элементов крестьянского хозяйства Моск. губ.“. Москва. 1912 г.

„ —„Лен и другие культуры в организационном плане крестьянских хозяйств нечерноземной полосы России“. Том I. Вып. 1-й. М. 1912 г.

„ —То же. Том I, вып. 2-й. Москва. 1912 г.

„ —„Проект организации экономического обследования Валуйского уезда“. Харьков. 1913 г.

„ —„Методы разработки бюджетных данных“. Кн. 1—2 „Стат. Вестника“ за 1914—1915 г.г.

„ —„Опыт разработки 101 бюджета крестьянских хозяйств Старобельского уезда, Харьковской губ.“ Москва. 1915 г.

„ —„Бюджетные исследования и их значение“. СПБ. 1915 г.

„ —„Опыт изучения изолированного государства“. Вып. 1-й. Москва. 1921 г.

Чаянов, А. В. и Студенский Г.—„История бюджетных исследований“. Изд. 2-ое. М. 1922 г.

Челинцев, А. Н.—„Очерки по сельско-хозяйственной экономии“. Журн. „Сельское Хозяйство и Лесоводство“. СПБ. 1910 г.

„ —„Счетоводный анализ крестьянского хозяйства“. Москва. 1910 г.

„ —„Области избытков и недостатков сел.-хоз. продуктов в Евр. России“. СПБ. 1914 г.

„ —„Участковая агрономия и счетоводный анализ крестьянского хозяйства“. СПБ. 1914 г.

„ —„Направление крупного рогатого скотоводства в России“. СПБ. 1916 г.

„ —„Всероссийская перепись сельского хозяйства 1916 г.“. В сборн. „Курсы по подготовке инструкторов всеросс. сел.-хоз. переписи 1916 г.“. Харьков. 1916 г.

„ —„Состояние и развитие русского сельского хозяйства по данным переписи 1916 г. и железно-дорожных перевозок“. Харьков. 1918 г.

„ —„Таблицы к бюджетному исследованию крестьянских хозяйств Тамбовской губ. летом 1915 г.“. Харьков. 1919 г.

„ —„Опыт изучения организации сельского хозяйства на примере Тамбовской губ.“. Харьков. 1919 г.

„ —„Теоретические основания организации крестьянского хозяйства“. Харьков. 1919 г.

„ —„Сельское хозяйство России и его эволюция“. Харьков. 1919 г.

„ —„Основные вопросы экономии и организации крестьянского сельского хозяйства“. Харьков. 1920 г.

Челинцев, А. Н. (редакция)—„Сборник статистических материалов по вопросам организации крестьянского хозяйства Украины и смежных губ.“. Изд. НКЗ УССР. Харьков. 1921 г.

Череванин, Н.—„Эволюция русского земледелия по данным об урожае“. Кн. 8—12 „Вестника Стат.“ за 1919 г.

Черненков, Н. Н.—„К характеристике крестьянского хозяйства“. Вып. 1. 2-е изд. Москва. 1917 г.

Четвериков, Н. С.—„О выборочном исследовании“. Кн. 8—12 „Вестника Стат.„ за 1919 г.

„ —„Опыт выборочной разработки массовых данных“. Там же, кн. № 5—8 за 1920 г.

„ —„Замечания к докладу А. С. Серебровского о применении коэффициента корреляции в качестве показателя сходства и родства“. Там же, кн. X за 1922 г.

„ —„Несколько слов о работах В. И. Романовского по вопросам о корреляционных отношениях и их применении в статистике“. Там же, кн. XII за 1922 г.

Чупров, А. И.—„Статистика“. Лекции. М. 1895 г.

„ —„О монографическом описании отдельных селений как способе дополнения и подновления основных статистических исследова-

ний“ в „Трудах подсекции статист. XI Съезда рус. естествоиспыт. и врачей“. СПБ. 1895 г.

Чупров, А. И. и *Постников, А. С.* — „Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русск. народного хозяйства“. СПБ. 1897 г.

Чупров, А. А. —„Статистика и статистический метод, их жизненное значение и научные задачи“. В сб. статей под редакцией Н. И. Кареева. „Введение в изучение социальных наук“. СПБ. 1903 г.

„ —„Очерки по теории статистики“. СПБ. 2-е изд. 1910 г.

Чупров, А. А.—„О выборочном методе статистического изучения крестьянского хозяйства“. См. в докладе на подсекции статистики XII съезда русск. естествоиспыт. и врачей. Чернигов. 1912 г. „Труды“.

„ —„Закон больших чисел современной науки“. Кн. 1—2 „Стат. Вестника“ за 1914—1915 г. г.

Шаховской, Н.—„Сел.-хоз. отхожие промыслы“. СПБ. 1896 г.

Швиттау, Г. Г.—„Профессии и занятия населения.—Опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики“. Одесса. 1909 г.

„ —„Введение в экономическую статистику“. СПБ. 1910 г.

Шликевич, А. П.—„Что дают и что могут дать подворные переписи“. Земский сборник по Черниговской губ., кн. № 3—4 за 1890 г. Чернигов.

Шмидт, О. Е.—„Особенности приемов нижегородских земельно-оценочных работ“. Кн. 1 и 2 „Стат. Вестника“ за 1916—1917 г. г.

Щербина Ф. А.—„Сводный сборник по 12-ти уездам Воронежской губ.“ Воронеж. 1897 г.

„ —„Крестьянские бюджеты“. Воронеж. 1900 г.

Южаков, С. Н.—„Формы земледельческого производства в России“. Статья в „Отечественн. Записках“ СПБ. 1882 г.

Юровский, Е. И.—„К методике полевого опыта“. Труды сети опытных станций всерос. о-ва сахарозаводчиков. Киев. 1913 г.

Янсон, Ю. Э.—„История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе“. СПБ. 1879 г.

„ —„Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах“. Изд. 2-ое. СПБ. 1881 г.

„ —„Теория статистики“. 2-ое издание. СПБ. 1897 г.

Ястремский, Б. С.—„О корреляции сводных признаков“. Кн. 2—3 „Вестника Статистики“ за 1920 г.

„ —„Косвенный метод определения устойчивости или неизменяемости статистических рядов“. Там же. № 4—7 за 1919 г.

„ —„Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917—1919 г.г.“. Там же. Кн. 9—12 за 1920 г.

„ —„Теория изменяемости статистических рядов“. Там же. № 1—4 за 1920 г.

„ —„Закон малых чисел в свете теории изменяемости статистических рядов“. Там же. Кн. XI за 1922 г.

Ястремский, Б. С.—„Количественное выражение субъективной характеристики урожая". Там же, кн. XI за 1922 г.

„ —„Средний уровень русских урожаев и солнечные пятна". Там же. Кн. XII за 1922 г.

„ —„*Экономическое расслоение крестьянства в 1917—1919 г.г.*". Издание ЦСУ. Москва. 1922 г.

Дополнение к указателю литературы.

Базыкин-Расинский, С. С. — „Экономика по октябрьской деревне“. НКЗ. М. 1923 г. „Сельское и Лесное Хозяйство“. Кн. VIII.

„ —„Мотивы современной экономики и политики“. Вып. 1. М. 1923 г.

„ —„Направление и формы развития сел. хозяйства“. НКЗ. М. 1923 г „Сельское и Лесное Хозяйство“. Кн. VIII.

„ —„Крестьянское хозяйство, как экономический тип“. НКЗ. М. 1923. „Сельское и Лесное Хозяйство“. Кн. IX.

Бляхер, Я. В.—„О принципах и приемах районирования“. „Труды комиссии по вопросам земской статистики“. М. 1914 г.

Бруцкус, Б. Д. — „Социально - экономические особенности крестьянского хозяйства“. СПБ. 1913 г. „Агрономич. журнал“ № 1.

Вайнштейн, А. Л.—„Методы исчисления доходности крестьянского хозяйства в связи с налоговой проблемой“. НКЗ. М. 1923 г. „Сельское и Лесное Хозяйство“. Кн. VIII.

Варгин, В.—„Организация хозяйства“. М. 1922 г.

Вишневский, Н. М.—„О посевных площадях Республики“. НКЗ. М. 1922 г. „Сельское и Лесное Хозяйство“. № 1—2.

Волков, Е. З.—„На путях к плановому хозяйству Республики“.—Статьи по вопросу интегрального экономического районирования. Орган ВСНХ.—„Народное Хозяйство“ за ноябрь—декабрь 1921 г., январь 1922 г. и февраль 1922 г.

„ —„Центрально - Промышленная область (в границах Госплана) и ее административно-экономические округа“. Опыт дробного экономического районирования. Изд. ВЦИК. М. 1922 г. (распродано).

„ —„Аграрно-экономическая статистика России“. Госиздат. М. 1922 г. Первое издание (распродано).

„ —„Методика энергетического районирования в работах Госплана и мест“. Ростов на-Дону. Орган Краевого Экосо „Юго-Восток“ № 2, ноябрь 1922 г.

„ —„Проекты местного районирования“. Приложение к „Трудам Междугубернского Съезда Центрально-Промышленной Области 16—17 февр. 1923 г.“ Изд. Госплана. М. 1923 г.

Волков, Е. З. — „Административно-экономические районы губерний Центрально-Промышленной Области и методика их выделения в местных работах 1918—1921 г.г.“ (печатается).

„ —„Политико-экономический очерк хозяйства Центрально-Промышленной Области в границах 1923 г.“ (печатается).

Воробьев, Н. И.—„Об органах статистического наблюдения“. М. 1923 г. „Вестник Статистики“. Кн. XIII, № 1—3.

„ —„Труды по установлению губернских, уездных и волостных границ по экономическим признакам“. Вып. 1-й. „Об общих основаниях установления границ“. Кострома. 1922 г.

Воробьев, К. Я.—„Дробность и чересполосица земель при общинном землевладении“. М. 1901 г.

Ден, В. Э.—„Районы полевых культур по переписи 1916 г.“. СПБ. 1921 г.

Дубровский, С. М.—„Фетишизм частной собственности“. НКЗ. М. 1922 г. „Сельское и Лесное Хозяйство“, № 7—8.

„ —„Очерки русской революции“. Вып. 1-й. „Сельское Хозяйство“. 2-е изд. М. 1923 г.

Игнатьев, М.—„Задачи статистики цен“. Опыт метедологии статистики цен. М. 1923 г. „Вестник Статистики“. Кн. XIII, № 1—3.

Кажанов, Н. Н.—„Основные положения сел.-хоз. экономии“. Изд. „Новой Деревни“. М. 1922 г.

Книпович, Б. Н.—„Главные черты сел.-хоз. эволюции Европейской России в 1916—1921 г.г.“. М. 1923 г.

Книпович, Л.—„Дифференциация крестьян“. М. 1912 г.

Косинский, В. А.—„Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы“. Киев. 1917 г.

Красильников, М. — „Продналоговые списки как источник статистического познания“. М. 1923 г. „Вестник Статистики“. Кн. XIII, № 1—3.

Кулябко-Корецкий, Н. Е.—„Районы хлебной производительности Европейской России и Зап. Сибири“. СПБ. 1903 г. „Труды Вольно-Экон. Общества“, отдельное издание.

Лаповок, И. Е.—„Сел.-хоз. районы Орловской губернии. Опытные деления Орловской губернии на естественно-исторические и экономические районы“. Орел. 1922 г.

Ленин, Н.—„Аграрный вопрос в России к концу XIX века“. М. 1908 г.

„ —„Новые данные о законах развития капитализма в землевладении“. Вып. 1-й. Петроград. 1918 г.

Литошенко, Л. Н.—„Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства“. Изд. „Русский Книжник“. М. 1923 г.

Лосицкий, А. Е.—„Распадение общины“. СПБ. 1912 г.—„Труды Вольно-Экон. Общества“. № 1.

„ —„Публикация Центр. Стат. Управления о землепользовании и угодьях по переписи 1917 года“. НКЗ. „Сельское и Лесное Хозяйство“. М. 1923 г. №№ 11—12 и 13—14.

Лященко, П. И. — „Русская мукомольная промышленность и торговля мукой“. Изд. Отдела Торговли М-ства Торговли и Промышленности. СПБ. 1911 г.

„ —„Экономическое районирование и хозяйственное строительство Юго-Востока“—„Труды Юго-Вост. Плановой Комиссии“. Вып. 1. Ростов на-Дону. 1923 г.

Макаров, Н. П.—„Природа крестьянского хозяйства и земельный режим“. М. 1918 г.

Милютин, В. П.—„Сельско-хоз. рабочие и война“. СПБ. 1917 г.

Мозжухин, П.—„Россия в цифрах“. М. 1917 г.

Морачевский, В. В.—„Земледельческий центр и юг Европейск. России“ Изд. Деп. Земледелия. СПБ. 1911 г. Общая характеристика областного района в естественно-историческом и статистико-экономическом отношениях.

Никитин, Л. Л.—„Мелиоративные районы Евр. России“. „Известия Техн. Комитета“. М. 1916 г.

Никитин, Н. П.—„Хозяйственные районы Европ. России“. М. 1921 г. Вып. 1-й. „Трудов Высшего Семинария Петровской Сел.-Хоз. Академии“.

Орженцкий, Р. М.—„Элементарная теория статистических величин и вычислений“. Киев. 1921 г.

Першин, П. И.—„Организация территории трудового хозяйства при предстоящей земельной реформе“. Вып. 5-й. „Трудов комиссии по подготовке земельной реформы“. СПБ. 1917 г.

„ —„Участковое землепользование в России“. М. 1922 г.

Полферов, Я. Я.—„Сельско-хозяйственные рабочие“. СПБ. 1913 г.

Поплавский, И. А.—„Опыт применения метода бальных оценок к текущей регистрации населенности пассажирских поездов“. Вып. 1-й М. 1923.

—„Динамика грузооборота по экономическим районам за период времени с 1901—1913 по 1920—1922 г.г.“ (печатается).

—„Экономическое районирование по признаку транспорта“ Часть 1-я (готовится к печати).

Романовский, В.—„А. А. Чупров. К теории устойчивости статистических рядов“. Библиографическая статья по поводу опубликованной в Стокгольме в „Skandinavisk Aktuarietidskrift“ работы А. А. Чупрова—„Zur Theorie der Stabilität statistischer Reihen“. М. 1923 года. „Вестник Статистики“. Кн. XIII, № 1—3.

Слуцкий, Е. Е.—„О некоторых схемах корреляционной связи и о систематической ошибке эмпирического значения коэффициента корреляции“. М. 1923 г. „Вестник Статистики“. Кн. XIII. № 1—3.

Спиридонов, И.—„Учет землевладения и угодий Евр. России по переписи 1917 г.“.

Студенский, Г. А.—„О динамическом изучении крестьянских бюджетов". М. 1923 г. „Вестник Статистики". Кн. XIII, № 1—3.

—„Организация крестьянского счетоводства". М. „Новая деревня" 1923 г.

—„Очерки по теории крестьянского хозяйства", 8-й вып. „Трудов Н.-Исл. Инст. с.-х. экономии". М. 1923 г.

Хрящева, А. И.—„О критике статистических изданий". М. 1923 года. „Вестник Статистики". Кн. XIII, № 1—3.

„ —„Статистика посевов и степень его точности". Критический очерк. Приложение к № 9 „Вестника Статистики" в виде отдельной брошюры. М. 1923 г.

Чаянов, А. В.—„Оптимальные размеры". М. 1922 г.

—„Очерки по теории крестьянского хозяйства". Кн. XIII. „Сельского и Лесного Хозяйства". М. 1923 г.

Чупров, А. А.—„О математическом ожидании частного двух взаимозависимых случайных переменных" в „Трудах русских ученых за границей". Т. I. 1922 г.

Щербинин, Г. Я.—„Вопросы экономики мелкого хозяйства". СПБ. 1914 г. Изд. Деп. Земледелия.

Ястремский, Б. С.—„Выявление периодически изменяющегося уровня статистического ряда". М. 1923 г. „Вестник Статистики". Кн. XIII. № 1—3.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Цифры обозначают страницы.)

Составление предметного указателя к настоящей книге представляло большие затруднения уже в силу одного того, что самая терминология предмета, которому посвящена книга, еще далеко не установлена, ибо до сего времени еще ни в одном труде не делалось попытки свести всю отрасль статистического изучения сельского хозяйства и его перспектив и всю методологию этого изучения в целостную, до конца продуманную систему определенной научной дисциплины. Терминология тесно связана с методологией и теорией предмета, но как раз в этом отношении мы имеем пока лишь отдельные разрозненные труды, авторы которых не преследовали целей осознания предмета своего изложения, как особой отрасли научного знания, и даже находили, во многих случаях, такое осознание излишним. Такое состояние вопроса наложило определенный отпечаток на нашу книгу, в которой делается первая попытка синтезировать все достижения научного опыта в вопросах выявления аграрно-экономической статистики, как самостоятельной дисциплины в цикле наук агрономического обществоведения, стоящей на рубеже не только социальных и естественных наук, но и на рубеже всех известных и доступных человеку методов мышления — на рубеже логики и математики, индукции и дедукции, абстрактного анализа и опытного эмпирического наблюдения. Мы слышали уже упреки со стороны наших критиков в известной компилятивности ее; в том, что автору не удалось еще свои оригинальные построения и подходы очистить от лесов и строительного лома того материала, на котором ему пришлось возводить основной остов новой науки. Несомненно, что такой же упрек будет вполне справедлив и по отношению к приводимому ниже предметному указателю.

Значительная расплывчатость терминологии предмета в трудах тех многочисленных авторов, цитировать которых и излагать взгляды пришлось автору настоящей книги на ее страницах, несогласованность и разнородность в конструировании ими отдельных понятий, частое злоупотребление анонимами и синонимами и проч. отразились в полной мере в содержании предметного указателя к настоящей

книге, и с этой стороны он вряд ли способен удовлетворить сторонников строгой и последовательной систематизации.

По необходимости, указатель наш принял характер указателя не только самих понятий, но и целого ряда оттенков и их параллельных выражений. В нем отразилась вся неразработанность методологии и теории вопроса, все отсутствие ясно выраженной и законченной отчеканенной терминологии. В силу этого пришлось предметный указатель строить по несколько необычному типу — не указателя в точном смысле этого слова, а алфавитно-развернутого детального оглавления-конспекта с развернутыми в целые фразы обозначениями отдельных понятий.

Такое развертывание отдельных рубрик предметного указателя сильно усложнило работу по его составлению, однако, отказаться от этого усложнения не представлялось возможным, так как без детального указателя овладеть громадным материалом, вошедшим в содержание книги, было бы чрезвычайно затруднительно.

Об'единение в данном случае автором формы предметного указателя с формой развернутого алфавитного конспекта - оглавления вызывалось, главным образом, тем соображением, что материал книги в значительной мере имеет характер материала, необходимого для занятий в высших учебных заведениях, как пособия для учащих и учащихся, и что поэтому с технической стороны пользование книгой должно быть облегчено до последней степени.

В заключение позволяю себе дополнить несколькими фразами предисловие к настоящему изданию, чтобы выразить свою глубокую благодарность ответственным руководителям и сотрудникам социально-экономического отдела Госиздата за тот живой интерес и напряженный труд, с которым они отнеслись к осуществлению издания.

Особую признательность позволяю себе выразить Владимиру Павловичу Друнину, на которого выпала наибольшая часть ответственной работы по техническому редактированию и корректированию книги.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

X.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Статистика.

Волков, Е. З. Аграрно-экономическая статистика России (1865—1922). Ц. 40 к.

Миротворцев, К. Н. Статистика. Краткий курс лекций. Ц. 35 к.

Савинский, Л. Краткий курс элементарной статистики. Изд. 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 40 к.

Статистический справочник по народному хозяйству. Под ред. С. А. Клепикова. Вып. II. Промышленность. Ц. 30 к. Вып. III. Труд. Ц. 90 к.

Аграрный вопрос.

Андреевский, Л. Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере. Ц. 40 к.

Архангельский, Н. П. Очерк по истории земельного строя России. Ц. 80 к.

Вольтерс, Ф. Очерки по истории аграрных отношений и аграрного вопроса во Франции 1700—1790 г.г. Ц. 1 р. 80 к.

Ленин, Н. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I. Ц. 30 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. IX. Аграрный вопрос. Ц. 3 р. 50 к.

Маслов, П. Крестьянское хозяйство. Очерки экономики мелкого земледелия. Ц. 1 р.

«О земле». Сборник статей. О прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. Вып. I. Ц. 60 к.

Павлович, М. П. (Вельтман, М.) Экономическое развитие и аграрный вопрос в Персии XX в. Ц. 6 к.

Энгельс, Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. Перев. под ред. и с предисл. Г. Плеханова. Ц. 10 к.

Все цены указаны в червонцах.

